

Программа книгоиздания

«КАНТЕМИР»

Программа книгоиздания

КАНТЕМИР

«Благодарная Молдавия — братскому народу России»

Благотворители:

Бизнес-Элита, SRL (директор С. В. Марар)

Март, IMSA (директор Ю. О. Дерид)

Инициаторы программы:

Газета руководителя «Бизнес-Элита» (директор С. В. Марар)

Издательство «Нестор-История», Санкт-Петербург (директор кандидат исторических наук С. Е. Эрлих)

Участники программы:

Бюро межэтнических отношений при правительстве Республики Молдова (директор О. И. Гончарова)

Высшая антропологическая школа (и. о. ректора кандидат исторических наук Р. А. Рабинович)

Институт культурного наследия Академии наук Молдовы (директор доктор исторических наук В. А. Дергачев)

Международная федерация национального стиля единоборств «Воевод» (президент Н. И. Паскару)

Международная федерация русскоязычных писателей (председатель О. Е. Воловик, Будапешт)

Общественная благотворительная ассоциация «Единодушие» (президент Л. А. Мерян)

Семейный центр «Compasiune» (президент А. И. Липецкий)

Союз коммерсантов «Est-Vest Moldova» (председатель С. М. Цуркан)

Союз производителей и экспортеров молдавских вин (председатель доктор технических наук, член-корреспондент Академии наук Молдовы Г. И. Козуб)

В. В. Лапин

ПОЛТАВА — РОССИЙСКАЯ СЛАВА

Россия в Северной войне 1700–1721 гг.

Нестор-История
Санкт-Петербург
2009

УДК 94(47).053
ББК 63.3(2)511-68

Рецензент
д. и. н. Е. В. Анасимов

Лапин В. В.

Полтава — российская слава: Россия в Северной войне 1700–1721 гг. — СПб.: Нестор-История, 2009. — 332 с.

ISBN 978-5-98187-326-3

Гром пушек 27 июня 1709 г. под Полтавой возвестил о рождении великой державы. Разгром армии Карла XII войсками под командованием Петра I стал важнейшим событием истории России XVIII столетия. Северная война 1700–1721 гг. представлена в десяти очерках, в которых — портреты обоих монархов и их сподвижников, реалии военного дела того времени, малоизвестные факты, место Полтавы в исторической памяти государства и общества.

УДК 94(47).053
ББК 63.3(2)511-68

9 785981 873263

© В. В. Лапин, 2009
© Издательство «Нестор-История», 2009

Введение

Северная война 1700–1721 гг. всегда пользовалась особым вниманием историков. Тому было сразу несколько причин. Во-первых, она была связана с именем Петра Великого, можно сказать, наполняла собой его царствование, и при незыблемости культа этого государственного деятеля, не оставалось места даже сомнениям в величии этого события. Во-вторых, в истории России это был второй по длительности, после Ливонской войны, вооруженный конфликт с иным государством. В-третьих, Северная война была не просто границей между двумя эпохами в истории государства и общества (такими были Отечественная война 1812 г., Крымская война 1853–1856 гг.), а рубежом, разделявшим две России — допетровскую и послепетровскую.

Предлагаемая на суд читателей работа представляет собой попытку в ограниченном объеме одной сравнительно небольшой книги показать сложную историю войны, в ходе которой радикально изменилось положение России на международной арене, а сама страна вступила на путь модернизации, избирательно и под жестким государственным контролем принимая элементы западной цивилизации.

Поскольку война — это прежде всего действия войск, автор уделит немало страниц сведениям о походах и боях, не выдвигая каких-то особых версий произошедшего на полях Ингерманландии, Прибалтики, Белоруссии и Украины. Всякого рода новизна в истории военного искусства является спорной субстанцией по определению. Описание стычек и генеральных сражений основывается прежде всего на официальных документах — рапортах, сводных донесениях и т. п., искажавших реальную картину как по воле самих составителей, так и в силу объективных свойств передачи информации с помощью нарратива. Никакое письменное сообщение не может абсолютно точно отразить суть и характерные особенности реальных событий, тем

более таких сложных, как война. Здесь уместно привести слова видного военного теоретика и историка, профессора Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенанта А. Свечина: «Во все времена встречалось лишь небольшое число людей, способных точно наблюдать боевые явления; между показаниями очевидцев постоянно наблюдаются крупные противоречия; а тот ворох документов, который оставляет война, отражает по преимуществу намерения начальников...». Возможность выстроить контрверсию предоставляют мемуары участников событий или комплекс исторических источников со стороны противника. Воспоминания по своей достоверности часто не только не уступают архивным документам, но и по многим параметрам их превосходят. К сожалению, для начала XVIII столетия это еще довольно редкий литературный жанр.

Донесения и другие официальные документы имеют свои приемы, приемы отражения и искажения действительности, свой язык и внутреннюю структуру. В обороты речи, принятые для обозначения того или иного явления, пытались вместиť разные реалии, и лишь незначительные нюансы, видимые только тренированному глазу, нередко понятные только современнику или человеку, знакомому с контекстом, несли основную информацию о произошедшем событии. Через полтора столетия после Полтавской битвы один из русских мемуаристов — адмирал И. А. Шестаков, писал по этому поводу: «Никто не ожидает точности в официальных реляциях. Степень искажений истины, по самолюбию или чувству самосохранения, зависят от правил пишущего. Есть, однако, пределы, налагаемые тем же чувством заботливости о себе, напоминающим о возможности на согласие соучастников с взглядами оправдывающегося деятеля». Военные архивы хранят свидетельства о том, что иногда боев, «изрядно» и подробно описанных в донесениях, вообще не было, а ловкие авторы даже ухитрялись получать ордена за «мнимые» подвиги. Релятивная картина событий заметно искажалась обычаем указывать потери противника в 20–40 раз выше собственных. Рапорты-фантазии во время войны были проблемой военачальников, а по окончании боевых действий — историков. В 1813 г. будущий военный министр А. И. Чернышев писал о том, что многие командиры «летучих» отрядов «редко вступают в бой с неприятелем, довольствуются отправлением к начальникам лживых донесений, часто, к сожалению, смешиваемых с теми, которые заслуживают уважения». За столетие до этого нравы военных были примерно такими же. Один из участников Польского похода 1831 г. писал: «Каждый из офицеров подходил,

рассказывал о частностях сражения, оправдывался за себя, но все со знавались, что дело было неудачно...» Это стремление «оправдаться за себя» просматривается во многих официальных рапортах и мемуарах. После боя при Головчине русские генералы так ловко составили реляцию, что Петр I сначала даже поздравил своих подчиненных с победой. Читатель, никогда ничего не знавший о Полтаве, из письма Карла XII, которое король послал из Турции своей сестре Элеоноре, может заключить, что в нем речь идет о какой-то военной неудаче, а не о катастрофе, уничтожившей главные силы шведской армии.

Топографическая локализация событий военной истории, сама специфика документов, фокусировавших внимание на передвижениях войск, подвигала авторов к сухому описанию походов и битв (как говорили в середине XIX в. — «наука кто куда пошел»). Такой ракурс исследований, явно доминировавший в военной историографии, своими корнями уходит в неопределенность границ между наукой и искусством в военном деле как таковом. В XIX столетии теоретики в погонах избавились от «математических» чар, особенно сильно действовавших на них в два предшествующих века, когда в Европе, потрясенной успехами точных и естественных наук, пытались в геометрии солдатских шеренг найти некую «формулу победы». Однако столь длительное внимание к перестроениям не прошло бесследно. Такие важные составляющие успеха на поле битвы, как моральное и физическое состояние войск, уровень их подготовки, профессионализм офицерского корпуса, по целому ряду обстоятельств с трудом находят отражение в исторических документах.

При оценке информативной ценности и возможности официального документа необходимо учитывать само функциональное значение рассматриваемой бумаги. Поскольку одной из важнейших задач приказов являлось поддержание (повышение) боевого духа войск, вся информация, тому противоречившая, в них минимизировалась. Данные официальных документов всех типов — от рапортов командиров отдельных частей до отчетов военачальников высших уровней — должны восприниматься с должной долей критичности по целому ряду причин. Первой жертвой на каждой войне является правда. Даже беглое сопоставление официальных докладов о боях с воспоминаниями и дневниками участников этих сражений показывает, что генеральское перо очень даже не безгрешно. Многие рапорты содержат противоречия, видимые невооруженному глазу. При оценке рапортов следует помнить о том, что кроме сознательных искажений в них закрадываются ошибки, порожденные самим

восприятием действительности участниками событий. Завышение численности противника — имманентное свойство рапортов, и как следствие — исторических сочинений. Преувеличение силы врага следует связывать не только с поисками логических объяснений причин собственных неудач, но и с действительной сложностью определения состава неприятельской армии, о чем писал известный военный историк Г. Дельбрюк.

Особенностью военной историографии является прочная зависимость авторов сочинений от самих военных социокультурных реалий. В армии всегда существовал культ «настоящего» генерала, располагавшего неограниченным доверием своих подчиненных. Тема бездарных генералов, «ослов, руководивших львами», которые погубили тысячи храбрых солдат и офицеров, — одна из любимых в военной устной традиции, в ее письменном варианте — мемуаристике, а также в исторической литературе всех уровней — от ангажированной публицистики до серьезных академических сочинений. Военная историография занимает особое место не только в области наук исторических (или направлений исторической науки), но и в среде наук общественных. От военных историков требовали и требуют до сих пор неких рецептов для формирования правильных стратегических и оперативно-тактических решений. Вряд ли мы найдем такой градус апелляции к «урокам прошлого» в других «исторических департаментах».

Дидактичность военной истории проявлялась в том, что в истории каждой войны «по определению» должен был существовать некий вывод, полезный для полководцев следующих поколений. В военной биографии также обязательно наличие некой стратегической или тактической «заповеди», составлявшей важную часть исторического наследия полководца, признанного великим. Дидактическая составляющая военно-исторических сочинений по определению предполагает оценку тех или иных действий, поскольку требует достаточно четкого определения по схеме «правильно-неправильно». Этот пункт очень важен для анализа методики сбора сведений и для их анализа. Историк в своем «назидательном» построении уже довольно рано делит все на черное и белое, в силу чего вынужден руководствоваться при анализе последующих событий критериями и приемами доказательства, использованными в предшествующих сюжетах. «Более привлекательна история, являющаяся одновременно и военной и политической, но зато написать ее еще труднее, и, кроме того, ее трудно согласовать с требованиями, предъявляемыми к дидактическому

сочинению, ибо в ней, во избежание потери занимательности, приходится выпускать как раз все те детали, которые составляют достоинство военных реляций», — так Жомини охарактеризовал влияние «дидактической» составляющей военно-исторических сочинений.

Историки по-разному объясняли причины неудачи Карла XII в русском походе 1708–1709 гг. Шведские историки главный упор делали на неблагоприятные природные условия, на случайные ошибки, на фатальное стечение обстоятельств (отсутствие массовой поддержки со стороны украинцев и т. д.). Советские историки большее внимание уделяли роли народных масс, полководческим талантам Петра I и его соратников, нередко превышая разумные пределы и вольно обращаясь с источниками.

Известный военный историк А. З. Мышлаевский подверг критике тех, кто критически «разбирал» действия русского командования. Он писал: «Этим, утвержденным наукой и сверенным в лаборатории военной истории, масштабом оценивать события 1708 г. я воздерживаюсь, ибо подобный метод критики, на мой взгляд, применим только в одном случае, — в школе, когда нужно при содействии истории закрепить в уме учащегося те или иные положения военной науки. При всех остальных разысканиях, т. е. не преследующих учебных целей, прием расценки исторических событий по общему, трафаретному, так сказать, масштабу, в такой же мере научен, как оценка судебного процесса тиунов применительно к юридическим нормам, приложимым к современному нам суду присяжных, или же критика Сикстинской Мадонны специалистом в живописи „суздальских богомазов“».

Судить о событии возможно лишь с точки зрения взглядов, господствовавших в ту минуту, когда случилось самое событие; иначе получится более или менее произвольное упражнение мысли, слегка прикрытое хитомом фарисея».

Для того чтобы дать более рельефную картину событий, показать Северную войну как внутренне сложное и многогранное историческое явление, мы попробовали совместить хронологический принцип изложения событий с очерками, посвященными наиболее значимым явлениям и наиболее влиятельным личностям этой батальной эпопеи.

Глава I

ОТ НАРВЫ ДО ПОЛТАВЫ

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданный и кровавый
Задал ей шведский паладин.
Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

А. С. Пушкин

В 1695 г., узнав о подготовке Петра I к походу на Азов, один из шведских министров — Б. Оксеншерна — писал тогдашнему королю Карлу XI о том, что новый правитель России попытается вернуть утраченные земли: «Кто может знать, что таит этот молодой честолюбивый царь против вашего величества, так как Ингерманландия и Кексгольм колют ему глаза». Действительно, возвращение земель в восточной Прибалтике являлось частью того наследия во внешней политике, доставшегося сыну «тишайшего» царя Алексея Михайловича, который сам безуспешно попробовал это сделать в 1656–1658 гг.

19 августа 1700 г. москвичам был прочитан царский указ, объявлявший войну Швеции. «Великий государь указал: свейского короля, за многие к нему великого государя неправды, и что во время его государева шествия через Ригу от рижских жителей чинились ему государю многие противности и неприятства, идтить на его свейского короля города своим великого государя ратным людям войною; а на той своей великого государя службе быть в полку фельдмаршелка и адмирала Федора Алексеевича Головина стольникам, стряпчим и дворянам московским, жильцам да стольникам же великих государынь по спискам, да тех же чинов детям их и свойственникам, кото-

рые в службу поспели, опричь тех московских чинов людей, которые написаны в ученье ратного строю, и стать им всем на той службе в Новгороде на указанные сроки; которые сами живут на Москве и от Великого Новгорода в трех стах верстах и меньше: тем 1 сентября, а которые от Новгорода далее трех сот верст, тем сентября ж 15 числа нынешнего 1700 году. Да с ними же фельдмаршалком и адмиралом на той службе быть генералам: Автоному Михайловичу Головину, Адаму Адамовичу Вейде, князи Никите Ивановичу Репнину с пехотными полками. А которые московских чинов люди на той службе, за своими нуждами, быть не похотят: и с тех взять в свою великого государя казну деньги, за которыми по переписным книгам крестьянских и бобыльских и задворных и деловых людей по пятьдесят дворов и больше, с тех по два рубля с полтиною со двора, а за которыми меньше пятидесяти дворов и за которыми крестьян нет, с тех по сту по двадцати по пяти рублей с человека; а которые явятся больны, и буде выздоровеют: и тем стать на той службе в Новгороде, после сроку в месяц; а буде те больны в месяц не выздоровеют: и с тех взять, с крестьянских и бобыльских их дворов по рублю со двора, а которые на тое службу огурством своим не поедут: и тем будет казнь. И для той нынешней службы им московских чинов людям, во всяких истцовых делах, опричь татных и разбойных и убивственных дел, отсрочить до своего великого государя указа. И сей свой великого государя указ в розряде записать в книгу, а московских чинов о том на постельном крыльце сказать; а в города о высылке послать свои великого государя грамоты, а в приказы об отсрочке в делах памяти».

Этот документ требует пояснений для современного читателя. Стольники, стряпчие, московские дворяне и жильцы — разные группы т. н. служилых людей, которые обязывались служить при достижении определенного возраста («поспели»), которые податей не платили. Как мы видим, уклонение от службы без уважительных причин каралось весьма сурово, денежная компенсация за личную неявку на службу была очень велика. Чтобы люди не уклонялись от призыва из-за участия в судебных разбирательствах, все процессы, кроме дел по грабежам, кражам и убийствам, приостанавливались.

Таким образом, сначала царь назвал причиной войны обиду, нанесенную жителями Риги (подданными шведской короны) ему в 1697 г. во время знаменитого Великого посольства. В Риге русская делегация была принята со всеми подобающими почестями, поскольку комендант Дальбер знал, что в ее составе сам царь. Однако шведские часовые на крепостных сооружениях выполняли уставные нормы

и пригрозили застрелить иностранцев, которые не только подозрительно внимательно осматривали бастионы, но даже попытались измерить глубину рва. Петра I рассердила грубость рижских властей, хотя инцидент был спровоцирован им самим. В 1710 г. он специально приехал на несколько часов к осажденной Риге, чтобы пальнуть из мортиры по тому месту, где его оскорбили 13 лет назад.

В те времена это был вполне приличный повод для начала боевых действий. Однако вскоре сам Петр и его окружение сочли такое объяснение недостаточно солидным, тем более что уже после рижских событий, в декабре 1698 г., царь писал Карлу XII: «...С вашим королевским величеством имеем мы великий государь наше царское величество сердечное желание поддерживать искреннюю дружбу и верное соседство и желаем, чтобы наша дружба ежедневно возрастала обоюдным доброхотством и чтобы она постоянно увеличивалась о чем мы везде и во всякое время стараться будем...» В последующих документах о причинах войны, наряду с упоминанием о рижском инциденте, говорилось, что русская армия выступила в поход «...также и для отискания и привращения от многих столетних времен предком нашим, великим государем российским, принадлежащих провинций Ижерской и Корелской, которые корона шведская, поистине реши, изменнически, а не честным военным способом, во время трудных смятений внутренних и от неприятелей иностранных, в Российском государстве тогда свирепствующих, по обычаю своему древнему, как со многие государства оная корона тож учинила, вкравшись притворно своею приязнью, и будто помочию за мирным постановлением вероломно и несправедно отторгнула и вначале будто в залог в претендованных некаких денгах, хотя и за не показанную помочи на несколько лет оными завладела. А потом, усмотря паки труднейшее Российскому государству военное время с королевством Полским взятием коварным Новаграда и добыванием Пскова до невольного уступления оных вышепомянутых провинций принудила». Современному читателю, непривычному к лексикону XVII столетия, трудно разобраться в претензиях, предъявленных Стокгольму. Но и в переводе на современный язык история утраты Россией выхода к Финскому заливу (Ижорская земля) и района Кексгольма (Корела) выглядит просто только в школьных учебниках.

В X–XI вв. земли вокруг восточной оконечности Финского залива были завоеваны отрядами новгородцев. Позднее на них стали претендовать шведы и ливонцы, осуществлявшие экспансию на восток. В 1609 г. царь Василий Шуйский заключил со Швецией дого-

вор, согласно которому за военную помощь в войне с поляками и Лжедмитрием II он обещал крупную сумму денег, а также отдавал Карлу IX город Корелу с уездом навеки. Но денег за войско шведы не получили, равно как и Корелу, которую им пришлось брать силой (2 марта 1611 г.). После разгрома русско-шведских войск под Клушиным в июле 1610 г. Шуйского свергли, а царем избрали польского королевича Владислава. Это означало, что на границах протестантской Швеции рождалась колоссальная польско-литовско-русская держава, которая в своей внешней политике неминуемо стала бы проводить католическую линию. Карл IX предложил русским военную помощь в борьбе с «папистами», но требовал за это избрания на престол русского князя, и заявлял, что если шапка Мономаха окажется на голове поляка, то Швеция будет считать это поводом к войне. Известие о присяге жителей Новгорода Владиславу давало шведам все основания для наступления на этот русский город. В политической культуре того времени национальный фактор имел третьестепенное значение, пропуская вперед династические и конфессиональные начала. Кроме того, Новгород должен был стать залогом того, что Москва заплатит за военную помощь по договору 1610 г. В 1613 г. на русский престол был избран Михаил Романов. Тем самым исчезла угроза появления Польско-Российского государства от Силезии до Охотска, угрожавшего самому существованию Швеции. Это в целом устраивало Стокгольм, хотя для него лучшим вариантом было бы избрание царем герцога Карла Филиппа, чья кандидатура имела значительные шансы на успех на Земском соборе, решавшем вопрос о «помазаннике божьем». Летом 1611 г., когда войска Лжедмитрия III осаждали Псков, шведы вошли в Новгород. Однако и шведские попытки с боем взять Псков в 1615–1616 гг. успехом не увенчались.

В 1617 г. в селе Столбове возле Тихвина был подписан мир, по которому Швеция оставляла за собой Ингерманландию, отрезая восточного соседа от выхода в Балтийское море. В тот момент Москва была чрезвычайно довольна результатами переговоров: шведы уходили из оккупированного Новгорода, появлялась возможность сосредоточить силы на польском фронте. Русские дипломаты и британские посредники, участвовавшие в переговорах, получили щедрые награды. Середина XVII в. в истории внешней политики России — эпоха ожесточенного соперничества с Речью Посполитой за Украину и за территории т. н. Западной Руси, которую обе стороны считали своей. В 1656 г., во время очередной войны с «ляхами», русское правительство решило воспользоваться тем, что шведские войска оказались за-

нятыми войной с Польшей. Россия заключила с последней перемирие и попыталась отвоевать у шведов Ингерманландию, а также Лифляндию и Эстляндию. Четыре отряда двинулись на Ригу, на Дерпт, на Нотебург и на Кексгольм. Сначала военное счастье было на стороне русских, им удалось овладеть несколькими крепостями в Эстляндии, но затем наступила полоса поражений. Польша, получив передышку, собралась с силами и возобновила военные действия против России. Борьба на два фронта оказалась не по силам армии царя Алексея Михайловича. В 1658 г. заключили трехлетнее перемирие со Швецией (Валиесарский договор), при котором войска оставались на своих местах. В 1660 г. шведско-польская война закончилась, и перед Москвой во весь рост встала угроза войны сразу с двумя мощными соседями. Катастрофический исход был предсказуем: более чем вероятный отказ от Украины в пользу Польши и значительные территориальные потери на северо-западе. В 1661 г. Россия была вынуждена подписать Кардисский «вечный мир» со Швецией (согласно которому возвращала все захваченные в ходе войны ливонские города) и подтвердить положения прежних договоров.

В 1700 г. Петр I осмелился бросить вызов державе, ратное реноме которой находилось на самом высоком уровне. Русских викторий в военной истории Европы не значилось. В неофициальном рейтинге государств конца XVII в. Московия занимала последнее место, пропуская вперед себя не только германские княжества размером с русский уезд, но и находившуюся на задворках европейской политики Молдавию. Даже взятие Азова в 1696 г. не изменило ситуацию. Шведская же армия считалась тогда одной из сильнейших на свете. Густав-Адольф Ваза, вступив на престол в 1611 г., сумел сформировать 70-тысячную армию в государстве, численность населения которого не превышала 1 миллиона человек. Успех шведов на поле боя во многом объяснялся их тактическими приемами. Пика перешла в разряд вспомогательного оружия, на поле боя стал господствовать мушкет. Шведский король совершил настоящую революцию в военном деле: до него артиллерия отличалась малой подвижностью. Он приказал установить орудия на легкие лафеты, что позволяло передвигать пушки в любую точку на поле сражения. Король радикально изменил и поведение кавалерии на поле боя: если в других армиях всадники неторопливо подъезжали к пехотной колонне и с расстояния в несколько шагов палили из пистолетов (т. н. «караколе»), то шведы атаковали галопом, используя в основном холодное оружие. Шведский батальон начала XVIII в. имел списочный состав 600 человек, из которых 400 были вооружены

мушкетами, а 200 — пиками. Обычным было построение в четыре шеренги «локоть к локтю». Эскадрон состоял из 250 всадников, которые перед атакой выстраивались в форму плуга или полумесяца, выгнутого в сторону противника.

По правилам того времени пехота наступала шагом фронтальными линиями, которые при сближении с неприятелем периодически останавливались для стрельбы. Штыковая атака начиналась с расстояния всего в несколько шагов. Шведы действовали иначе. Они шли без остановок, быстро, но не ломая при этом строя. Залп производился всего один, но в упор, когда практически все пули попадали в цель. Карл XII сохранил в своих пехотных батальонах одну треть солдат, действовавших пиками. Опыт боевых действий в разные исторические эпохи свидетельствует, что одновременные большие потери оказывают гораздо большее деморализующее воздействие, чем такие же по размерам (и даже превосходящие), но растянутые во времени. Сокрушительный залп лишал противника возможности (из-за недостатка времени) перестроить поредевшие батальоны, поскольку через секунду после выстрела начиналась штыковая атака. Карл XII был хорошим военным психологом. Он знал, что ожидание удара для многих является гораздо более тяжелым испытанием, чем сам удар. Потому-то идущая без выстрела шведская пехота наводила такой ужас на противника.

Шведскую армию отличала невиданная ранее жесткая дисциплина, она была пропитана специфическим протестантским настроением, очень сильно влиявшим на ее боеспособность. В некоторых сражениях полки шли в атаку с пением церковного гимна. По словам одного датского офицера, бывшего тому свидетелем, «...от пения шведов мороз пробивал по коже». Во время Тридцатилетней войны 17 сентября 1631 г. в сражении под Брейтенфельде союзники шведов саксонцы бежали в первые же минуты. Несмотря на значительный перевес католического войска под командованием маршала Тилли, шведы одержали столь решительную победу, что несколько полков из побежденной армии охотно перешли на службу Густаву-Адольфу. 16 ноября шведы вновь одолели имперцев при Люцене. Даже катастрофическое поражение 27 августа 1634 г. при Виттштоке не изменило представлений о могуществе шведов, тем более что через два года в том же месте они наголову разгромили имперцев. Шведского генерала Торстенсона не без оснований считали предшественником Фридриха Великого. Шведы были грозны не только своей военной мощью, но и своей славой, действие которой простиралось далее

действия их штыков. После Тридцатилетней войны они не раз еще доказывали свои высочайшие боевые качества. Командовавший в начале XVIII в. саксонской армией (одной из лучших в Европе) генерал Шуленбург писал, что его солдаты совершенно теряли самообладание при одном виде шведов. Наиболее сильными считались полки, укомплектованные этническими шведами, но под знаменами Карла XII воевали части, набранные в Финляндии (около 10 %), в Эстляндии и Лифляндии (около 10 %) и вербованные в Германии (около 10 %). О духе шведской армии говорит история Христиана Георга Нотманна — священника Вестманландского полка. Не желая испытывать судьбу, а быть может, не веря в благополучный исход сражения, он в ночь перед Полтавской битвой зарыл священные сосуды под большим дубом. До 1722 г. он был в плену на севере России, а после заключения мира, сказавшись больным, покинул группу соплеменников, возвращавшихся на родину. Пастор пешком прошел от Тобольска до Полтавы, нашел свой тайник и снова пешком, испытав множество препятствий, пробрался в Швецию, где вручил священные реликвии полковому командиру.

Карл XII в сражениях неоднократно использовал способность своих войск к маневрированию и навыки командиров среднего звена поддерживать порядок во время сложных перестроений. В бою с поляками и саксонцами при Клишове 19 июля 1702 г. шведская армия насчитывала всего 12000 человек, но это были лучшие полки — выученные, опытные и дисциплинированные. Первая атака оказалась безрезультатной — половина саксонской армии укрылась за болотом. Когда король приказал зайти во фланг противнику, подошла польская кавалерия под командованием И. Любомирского. 28-тысячное союзное войско фактически окружило 12-тысячную шведскую армию. Но шведы сумели вовремя перестроиться, тогда как поляки и саксонцы не смогли скоординировать свои действия. Сначала королевские драгуны решительным ударом смяли саксонских кавалеристов, пытавшихся показать действенность «караколе» — пируэтам с одновременной пальбой из пистолетов. На другом участке польская конница лихо атаковала вражескую пехоту, но так же резво отступила и больше в бою не участвовала. Правый фланг Августа II оказался совершенно открытым, шведы повели на него атаку, которая и стала для саксонцев роковой. Они стали отступать сначала в порядке, а затем — кто как мог.

Намереваясь отвоевать выход к Балтийскому морю, Петр I заключил союз с Данией и Польшей, которые были заинтересованы в ослаблении Швеции и в захвате земель. Альянс Варшавы, Копенгагена и

Москвы не был случаен. Как точно заметил петербургский историк В. Е. Возгрин, «шведское великодержавие выросло на ослаблении соседних стран, в первую очередь России, Дании и Речи Посполитой, что в результате объединения последних неизбежно привело к новой широкомасштабной войне». Союзники обладали неоспоримым перевесом в численности войск, могли действовать чуть ли не по всему периметру шведской границы — от Карелии до Норвегии.

Август II, в соответствии со своими планами присоединения Эстляндии и Лифляндии, начал осенью 1699 г. стягивать саксонские войска к Риге — главному стратегическому пункту Прибалтики. Вел он себя, как и непосредственно командовавший корпусом генерал-лейтенант Флеминг, предельно легкомысленно — проводил время в увеселениях. Шведы тем временем укрепили город и добились того, что большинство ливляндских баронов вместо формирования отрядов для помощи саксонцам, стали ревностно служить Карлу XII. В начале 1700 г. датские войска увязли в осаде крепости Тенинген в Голштинии. Тем временем шведы скрытно провели сбор войск. Вот здесь-то и проявилось еще одно качество шведской системы комплектования войск — т. н. индельты: периодические сборы резервистов, церковные парады и учения маскировали передвижения от мобилизованных частей. Недовольные усилением Дании, Англия и Голландия направили в Балтийское море объединенную эскадру, под прикрытием которой Карл XII провел молниеносную операцию по высадке десантного корпуса возле незащищенного тогда Копенгагена (армия датчан была в Голштинии). Устрашенный Фредерик VI подписал в Травентале 7 августа 1700 г. договор, по которому выходил из антишведского союза, признавал независимость Голштинии и выплачивал победителям их военные издержки. Узнав об этом, Август II тут же снял осаду Риги и отступил вглубь Польши.

В Москве готовились к войне, но ждали известий из Стамбула о заключении мирного договора с Турцией. На следующий день после получения таковых и был прочитан уже упоминавшийся манифест о походе «на швейского короля». Медленное движение информации в те времена не позволяло достаточно оперативно и адекватно реагировать на изменения ситуации. Когда первые русские отряды перешли границу, Петр I и его окружение полагали, что они воюют в составе мощной коалиции, но на самом деле они уже в одиночку дразнили грозного шведского льва.

22 сентября передовой отряд русских войск подошел к Нарве. Выбор этой крепости в качестве первой цели объяснялся ее важностью в

военно-стратегическом отношении. Овладение крепостью позволяло создать прочный плацдарм для дальнейших операций в восточном направлении — в Ингерманландии, и в западном — в Эстляндии и Лифляндии. Не менее важным являлось «военно-символическое» значение Нарвы. Война в XVIII столетии не была кровавым хаосом, она представляла собой процесс, протекавший по определенным правилам, понятным его участникам. Сложился комплекс представлений военных теоретиков и практиков об организации театра военных действий, о ритме войны, о требованиях к оборонительным позициям, о схемах управления войсками. До того времени, когда «пространство войны» стало формироваться в основном с помощью географических карт разного масштаба, именно узнаваемые всеми географические пункты (города, горные проходы) были местом встречи противоборствующих армий. В XVI–XVIII вв. экономические и политические реалии исключали существование столь важных стратегических объектов, потеря которых делала бы невозможным продолжение борьбы из-за крушения оборонного потенциала страны. От исхода осад в большинстве случаев зависела судьба как отдельных кампаний, так и всей войны в целом. Крепости были не просто опорными пунктами для полевой армии, не только защитой важных объектов. Они создавали рисунок войны, их оборона была символом успеха или поражения. Технология войны включает в себя не только физические, но и ритуальные действия, причем эффективность первых соперничала с результативностью вторых. Главной целью в XVIII–XIX вв. стало доказательство противнику своего превосходства, принуждение его принимать выгодное победителю политическое решение. Приложение к военному искусству научных методов привело к рождению различных доктрин, объединенных наличием общих представлений о знаках поражения или победы. Та сторона, которая брала верх в генеральном сражении или захватывала некие «важнейшие» пункты, в большинстве случаев и диктовала свои условия мира. Нарва была главным центром в Ингерманландии, поэтому тот, в чьих руках она находилась, считался победителем в споре за эту землю. Точно так же Лифляндия и Эстляндия в 1705 г. для всех оставались шведскими, хотя королевский флаг развевался только над Ригой и Ревелем, а всю остальную территорию контролировали русские войска.

Нарва имела небольшой гарнизон — 1500 солдат и офицеров, которым помогало ополчение горожан — 400 человек. Русская армия насчитывала более 30000. Осада велась в трудных условиях — осенние дожди, нехватка продовольствия и осадной артиллерии, низкий

уровень боевой подготовки большинства полков отдаляли желанный успех. 19 ноября на выручку осажденной крепости пришел сам Карл XII с 8-тысячным корпусом. Подавляющее численное превосходство русских в значительной степени обесценивалось преимуществом шведов в боевом опыте, в эффективности командования и, что самое главное, — в боевом духе. Речь в данном случае не идет о презрении к смерти, о личной храбрости солдат и офицеров. Армия Карла XII была буквально пропитана уверенностью в своей непобедимости. Рядовые верили своим офицерам, офицеры — генералам, генералы — в осеменение короля милостью божьей. Протестантский дух с представлением о том, что «у бога нет других рук, кроме наших», придавал этому сплоченному воинству стойкость и боевую предприимчивость. Русский солдат не верил немцу-офицеру, офицерский корпус как корпорация еще только складывался, генералы-русские пуще всего боялись царского гнева, а генералов-иностранцев вообще мало что интересовало, кроме жалования и положенных им по чину почестей.

Русские войска готовились к возможному нападению извне и построили семикилометровую линию траншей, валов и рогаток. Но эти укрепления не могли служить надежной защитой при решительной атаке противника, поскольку обороняющие их батальоны оказались растянутыми жиденькой цепочкой при отсутствии возможности собрать ударный кулак в опасном месте. Шведская же армия, наоборот, именно такой кулак собой и представляла. Поэтому в местах атаки русские солдаты тщетно отбивались от превосходящего в силе противника, тогда как другие только по звукам боя догадывались, что происходило у фронтовых соседей. Многочисленная конница вообще оказывалась не у дел. Всякому управлению войсками препятствовала сильная метель, ограничивавшая видимость несколькими шагами. Снег, бивший русским в лицо при Нарве, не просто доставлял дискомфорт. При стрельбе из тогдашней фузеи с ударно-кремневым замком при положении спиной к ветру было гораздо больше шансов успешно справиться с заряджанием, поскольку можно было укрыть телом так называемую полку, на которую насыпался порох для запала. В сильный встречный ветер пальба оказывалась опасной — порыв ветра забрасывал огонь с полки прямо в глаза стреляющему.

Правый фланг обороны шведам удалось прорвать почти сразу, но в центре прочно держались Преображенский и Семеновский полки, а также спешенные драгуны. Другой очаг сопротивления был создан из обозных телег; подавить его шведы смогли только картечными залпами в упор. Один из шведских батальонов нес захваченные рус-

ские знамена, и потому в суматохе боя был обстрелян своими, понеся существенные потери. Темнота остановила сражение. На следующий день русская армия капитулировала. В плену осталось около 40 генералов и полковников, 151 знамя, 145 орудий, все припасы и армейская казна, из которой были щедро награждены все участники сражения. Полковник М. Стенбок получил, например, тысячу рисксдалеров.

Взятые в плен солдаты и офицеры в чинах от подполковника и ниже были отпущены восвояси. Это была обычная практика XVII–XVIII вв. При малой скорострельности оружия того времени, отсутствии технических средств связи, искусственного освещения конвоирование и охрана военнопленных были крайне сложны. Для эффективного их «сбережения» требовалось практически равное им по численности войско. Три-пять человек, «осерчав», вполне могли справиться с конвоиром, вооруженным однозарядным ружьем, а для круглосуточного наблюдения караул необходимо было разбить на три-четыре смены. Это в XX в. пулеметчик на вышке контролировал поведение нескольких сотен людей, сидящих за оградой из колючей проволоки, освещенной по ночам прожекторами.

К освобождению пленных толкал обычный для тех времен дефицит продовольствия. Прокормление собственных солдат являлось постоянной заботой командования, а уж появление нескольких тысяч чужих ртов было настоящей интендантской катастрофой. В случае же скудного питания среди пленников, как правило, вспыхивали эпидемии, и «прилипчивые» болезни начинали косить победителей, находившихся с побежденными в непосредственном контакте. Таким образом, от пленных надо было избавляться. Идеальным способом было зачисление их в собственное войско, чему имеется множество примеров в военной истории. Но оказывалось это возможным только в случае общности военной субкультуры противников. Немецкие солдаты из армии Августа II без проблем вербовались в армию Карла XII, а когда та стала терпеть поражения, опять бестрепетно пошли служить под свои «старые» знамена. Так же поступали польские «жолнеры», которым было все равно за кого воевать. Шведы считали русских варварами, неспособными к службе в европейских войсках, и потому им даже в голову не пришла мысль о перевербовке.

В Европе попытки установить международные правила войны имеют давнюю историю. «Статуты, ордонансы и обычаи для исполнения в армии», изданные в 1385 г. Ричардом II, грозили повешением виновному в посягательстве на жизнь и честь духовенства и женщин. Регламент 1415 г. Генриха V добавил к этому списку земледельцев, а

также запретил брать в плен детей до 14 лет. Согласно средневековой доктрине, не подлежали плену (не считались комбатантами) старики, дети до 12 лет, монахи, купцы, духовенство, студенты, земледельцы и купцы. В плен можно было брать только лиц, носивших оружие или по сословным привилегиям имевших на то право. К сожалению, практика и в гораздо более поздние времена значительно отличалась от провозглашенных норм.

Пленных можно было просто перебить, хотя военная этика того времени осуждала подобные действия. Но в европейских войнах такое поведение противоречило практике уже упоминавшейся перевербовки и грозило «симметричным» ответом. Моральные барьеры шведов не сдерживали — спустя пять лет при Фрауштадте они хладнокровно лишат жизни несколько сотен русских солдат. Под Нарвой заколоть или расстрелять более 20000 человек они не смогли не только по доброте душевной. Карл XII и его генералы понимали: пленные солдаты и офицеры вряд ли поведут себя как скот на бойне. Они вполне могли в отчаянии и гневе превратить победителей в побежденных. Несколько полков к тому же сохранили боеспособность. По свидетельству графа Вреде, активные действия со стороны противника грозили привести к уничтожению шведского войска: «Если бы русский генерал, имевший до 6000 под ружьем, решил на нас ударить, мы были бы разбиты непременно: мы были крайне утомлены, не имея ни пищи, ни покоя несколько дней; при том же наши солдаты так упились вином, которое нашли в московском лагере, что невозможно было немногим оставшимся у нас офицерам привести их в порядок».

Поэтому в данной ситуации «благородное» поведение шведов было прагматикой чистой воды. Еще пленные могли бы пригодиться на случай обмена, также обычного в те времена. Но это было самое начало войны, когда Карл XII даже в кошмарном сне не мог представить, что когда-нибудь ему потребуется выменивать у русских всю свою армию! Пленение же генералов и офицеров, среди которых значительную часть составляли иностранцы, должно было препятствовать восстановлению боеспособности русских войск из-за отсутствия опытных командиров-инструкторов. Под Нарвой в плен попал грузинский царевич Александр, сын Арчила, изгнанного из Имерети еще в 1688 г. Его отец много раз пытался выкупить его или обменять на шведских офицеров, но молодой человек так и умер через несколько лет в Стокгольме.

В «Журнале, или поденной записке Петра Великого» содержится оценка битвы под Нарвой и ее значение для дальнейших событий.

«И так шведы над нашим войском викторию получили, что есть, бесспорно: но надлежит разуметь, над каким войском оную учинили? Ибо только один старый полк Лефортовский был (который пред тем назывался Шепелева); два полка гвардии только были на двух атаках у Азова, полевых боев, а наипаче с регулярными войсками, никогда не видали. Прочие ж полки кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые, сами были рекруты, как выше помянуто, к тому ж за поздним временем великий голод был; понеже за великими грязьми провианта привозить было невозможно, и единым словом сказать, все то дело, яко младенческое играение было: а искусства ниже вида; то какое удивление такому старому обученному и практикованному войску над такими неискусными сыскать викторию? Правда, сия победа в то время зело была печально чувственная и яко отчаянная всякие впредь надежды и за великий гнев божий почитаема. Но ныне, когда о том подумать, во истину не гнев, но милость божию исповедать долженствуем: ибо, если бы нам тогда над шведами виктория досталась, будучи в не искусстве во всех делах как воинских, так и политических, то в какую беду после нас оное счастье вринуть могло, которое оных же шведов уже давно во всем обученных и славных в Европе (которых называли французы бичом немецким) под Полтавою так жестоко низринуло, что всю их максиму низ кверху обратило: но тогда сие несчастье (или лучше сказать великое счастье) получили, тогда неволя леность отогнала, и к трудолюбию и искусству день и ночь принудила».

Царь учел жестокий урок Нарвы. Вглубь России — на Псков и Новгород — после Нарвы шведы идти не решились, ограничившись нападениями на приграничные территории. Небольшой отряд разорил городок Гдов на берегу Чудского озера, понеся главные потери от стужи. Каждый второй солдат был болен или обморожен. Один из караулов, выставленных во время этого похода, замерз насмерть. После Нарвы Карл XII отвел измученные войска на зимние квартиры в район Дерпта (Тарту). Считая русскую угрозу окончательно ликвидированной, король двинулся в Польшу. Летом 1701 г. Карл XII решил обезопасить Ригу, у стен которой уже несколько месяцев топтался саксонский корпус под командованием фельдмаршала Штейнау. Для нанесения удара по противнику надо было переправиться через полноводную Западную Двину. Форсирование водной преграды на виду противника всегда было трудной и рискованной операцией. Король приказал прикрыть место переправы артиллерийским огнем и дымовой завесой. Саперы зажгли кучи сырой соломы, но понтон-

ный мост сломался, и шведская пехота замешкалась, перебираясь через реку. Кавалерия вообще осталась на своем берегу. Саксонская конница смяла переправившиеся батальоны и начала загонять их в воду. Положение спасли два батальона, которые сумел удержать граф К. Стенбок. Своей стойкостью они дали время остальным придти в себя и вернуть утраченные позиции. Штейнау упустил момент для повторной атаки и начал выстраивать свои войска для «генеральной» битвы. Это позволило королю без помех переправить конницу и пушки. После нескольких часов боя саксонцы бежали, оставив в руках противника весь обоз и 36 орудий. Память о прошлых поражениях так давила на психику саксонцев, что в бою под Пултуском 21 апреля 1703 г. саксонская армия фактически без сопротивления побежала при первых выстрелах. О характере столкновения говорят потери: 800 убитых и 1000 пленных саксонцев на 12 убитых шведов. Остатки войск укрылись в крепости Торн, но через несколько недель капитулировали. Десятки пушек и 5000 солдат стали добычей Карла XII, который не предполагал, что разгром армии Августа II и свержение его с польского трона не означает установления контроля над Польшей. Ее тогдашнее политическое устройство, с одной стороны, не позволяло мобилизовать людские и финансовые ресурсы на борьбу с агрессорами, с другой стороны, не позволяло этому агрессору добиться решительной и окончательной победы.

Чтобы сохранить Речь Посполитую как союзника, Петр I в 1703 г. специальным манифестом объявил об ее правах на владение Лифляндией, двинул на запад сильный корпус под командованием Д. М. Голицына и предоставил финансовую помощь сторонникам Августа II на огромную сумму в 300000 рублей. Эти меры произвели в Польше должное впечатление. Магнаты и шляхта, поддерживавшие Августа II, образовали Сандомирскую конфедерацию, которая не признавала своим королем Станислава Лещинского, избранного под шведским давлением на сейме в Варшаве 21 июля 1704 г. Конфедераты в ноябре 1704 г. в Нарве заключили договор с Россией, по которому она направляла в Польшу 12-тысячный корпус, оплачивая полностью его содержание. Кроме того, Россия обязалась ежегодно выплачивать 200000 рублей на содержание 48-тысячной польской армии. Денег этих платить не пришлось, поскольку удалось собрать только 10000 конницы. Карл XII тем временем взял приступом Львов, напугал до смерти его жителей показательной расправой над гарнизоном, отказавшимся капитулировать, и получил от города огромную контрибуцию. Тут его застало известие о том, что Август II,

воспользовавшись слабостью шведского гарнизона, сумел захватить Варшаву. Шведы форсированными маршами двинулись на север, а затем погнали саксонцев к австрийской границе. 27 октября у городка Путинца завязался бой, который в очередной раз показал страх, который внушали шведы своим противникам. На поле боя осталось 250 убитых и столько же раненых немцев. При этом 5000 сдались, а 3000 разбежались. По дурной саксонской традиции шведам достались все пушки.

Хотя, как было написано в одном из писем Петра I об Августе II, «...его королевское величество всякого случая от бою с королем шведским удаляется и войска свои по возможности соблюдает», он оставался ценным союзником хотя бы потому, что приковывал к себе основные силы Карла XII. Но в 1706 г., несмотря на все старания не обижать Августа II, царь не смог скрыть своего раздражения по поводу гибели русских солдат при Фрауштадте, произошедшей во многом по вине саксонцев, позорно бежавших или сдававшихся в плен. Петр писал: «Жалеем тако ж и о наших бедных помощных [посланных на помощь. — В. Л.] войсках (которые нам в превеликие ж убытки стали), что оные толь жалостно и едва слышанным образом едва не все на заклание выданы, хотя оные свою должность изрядно при этом отправили..., ни одного почитай в полон не взято, а от ваших саксонских войск не больше семисот побито и толь великое число в полон взято». Так была уничтожена вторая половина того 12-тысячного корпуса, который был отправлен на помощь Августу в конце 1705 г. Еще до трагедии при Фрауштадте более 5000 солдат погибли не столько в стычках со шведами, сколько от голода и болезней, так как польские власти не обеспечили вспомогательный корпус провиантом и квартирами в сезон холодов.

Разгром русских под Нарвой в 1700 г. не мог принести достаточно великой славы молодому и честолюбивому королю: с победой над варварами (а русские в начале XVIII в. таковыми считались) нельзя было встать в один ряд с такими полководцами, как герцог Мальборо, маршал Тюренн или предок Густав-Адольф Васа. Кроме честолюбия в центральную Европу шведского короля толкали и сугубо практические моменты: «...в густонаселенных странах сеть дорог и водных путей гуще и находится в лучшем состоянии, а перевозочные средства обильнее и торговые сношения легче и надежнее... Прокормить армию во Фландрии бесконечно легче, чем в Польше. Вот почему война своими многочисленными ртами всегда охотнее присасывается к большим трактам, населенным городам, плодородным долинам рек и к часто

посещаемым кораблями берегам морей». Это — слова известного военного теоретика Карла Клаузевица. Польша здесь названа страной, неблагоприятной для интендантской деятельности. Стокгольму был необходим приток денег с контролируемых территорий, причем территорий достаточно богатых. Карл XII решил покончить с «саксонской» проблемой, создать в Польше прочный в политическом и экономическом отношении тыл и только после этого идти добивать царя Петра.

Оборонять восточные рубежи король поручил генералам, командовавшим группировками, базировавшимися в Карелии, Ингерманландии и Эстляндии. В 1701 г. шведская эскадра попыталась прорваться к Архангельску — единственному пункту российской международной торговли. Русские рыбаки — Иван Рябов и Дмитрий Борисов, которых враги заставили выполнять лоцманские обязанности, посадили два корабля на мель под выстрелами крепости Новодвинской. В результате фрегат и яхта были уничтожены, а остальные суда ушли восвояси. Раздосадованные шведы разорили несколько прибрежных деревень. Летом того же года Б. П. Шереметев — командир корпуса, выполнявшего царский указ о разорении вражеской территории, — послал своего сына Михаила к Ряпиной мызе неподалеку от Печерского монастыря. Здесь 4 сентября была одержана первая победа над шведами после «нарвского конфуза», хотя 11000 драгун, казаков и пехотинцев долго не могли справиться с отрядом численностью в 600 штыков. В тот же день в другом бою — при мызе Ревга — шестикратное превосходство в силах (3700 русских против 1200 шведов) не помогло полковнику Я. Римскому-Корсакову. Атака трехсот королевских драгун стала для русских роковой: царские войска не выдержали их удара и побежали.

Хотя шведы разгромили и польскую, и саксонскую армию, заняли важнейшие города — Варшаву, Львов, Торн, Вильно, Ковно, покорение Польши оказалось не таким простым. Карл XII, посадив на польский престол Станислава Лещинского, с одной стороны, получил в нем послушного вассала. Но с другой стороны, такой выбор имел и целый ряд негативных последствий, поскольку были затронуты интересы целого ряда влиятельных лиц, имевших свои представления о лице, достойном короны.

Война на два фронта была опасна не только в чисто военном, но и в финансовом отношении. Государственный совет уже в начале 1701 г. обращал внимание короля на то, что «...если продолжать войну как против царя, так и против короля Августа, то ваше величество до такой степени погрузитесь в долги, что в конце концов уже невозмож-

но будет добывать деньги для продолжения войны и для управления государством. Мы говорим также от имени бедных чиновников, которые за свою большую работу получают лишь очень малую плату или вовсе ничего не получают и изнуряются со своими женами и детьми, за многих бедняков, которых поддерживает государство. Из чувства подданнической верности и из сострадания к положению обедневшего народа мы просим ваше величество освободить себя хоть от одного из двух врагов, лучше всего от польского короля, после чего Швеция могла бы снова пользоваться доходами от пошлин в Риге». И эта просьба прозвучала в первый год войны, которая захватила жизнь целого поколения. В шведских верхах существовала группировка, советовавшая заключить союз в Августом II против России, поскольку видела опасность «увязнуть» в Польше и понимала, какие силы может собрать Петр I. Однако Карла XII манила роль великого полководца, тем более что в Европе в это время гремели пушки войны за испанское наследство.

Карл не изменил своих взглядов даже после крупных успехов русского оружия в Прибалтике. В 1703 г. в устье Невы началось строительство Санкт-Петербурга, а на острове Котлин в Финском заливе — морской фортеции Кронштадт. Величайшей дерзостью было то, что москвиты стали создавать военный флот: под новым для Балтики белым флагом с косым синим крестом в море выходили уже несколько фрегатов и внушительная флотилия гребных судов. 29 декабря 1701 г. возле мызы Эресфер войска под командованием Шереметева разбили отряд генерала Шлиппенбаха, а 18 июля 1702 г. нанесли ему еще более серьезное поражение. 27 августа 1702 г. флотилия шведского адмирала Нумерса потерпела полное поражение в бою с русской флотилией полковника И. Тыртова на рейде Кексгольма. Три корабля были уничтожены, один захвачен, и одному удалось уйти. В том же году шведы были оттеснены к устью Невы, их флотилии изгнаны из Ладожского и Чудского озера, была занята крепость Нотебург, переименованная в Шлиссельбург. В первой половине 1703 г. были взяты крепости Ниен, Копорье, Юрьев и Ямбург. В 1704 г. после осады и штурма русский флаг был поднят над бастионами Нарвы. Русские войска контролировали почти всю территорию Эстляндии и Лифляндии. Шведские войска заперлись в крепостях.

Кроншлотский комендант получил от царя 3 мая 1704 г. инструкцию, первым пунктом которой значилось: «Содержать сию цитадель с божьей помощью, если случится, хотя до последнего человека. И когда неприятель захочет пробиться мимо оной, тогда стрелять, когда подой-

дет ближе, и не спешить стрельбой, но так стрелять, чтоб по выстрелянии последней, первая паки была готова и чтоб ядер даром не терять».

В первые два года войны русские безжалостно разоряли Ингерманландию, поскольку это соответствовало тогдашним методам. Когда выяснилось, что эти земли имеют все шансы стать частью России, поведение войск изменилось. В августе 1703 г. «Ведомости» сообщали: «Его царское величество накрепко приказал всем высоким и нижним воинским людям, чтоб в Лифляндах и Ингерманландех ни кто ничего не жег, и для содержания указа, иным на образец, неких калмыцких татар, которые противно указу чинили, казнить велел».

В мае 1705 г. крестьяне села Низино Новгородского уезда жаловались архимандриту Валдайского Иверского монастыря Аарону: «Ехали с Олонецка, с Лодейного поля, донские, яицкие и гребенские казаки в Санкт-Питербурх, и у нас, сирот, хлеб в житницах, и овес семенной лошадем брали, и животы и статки грабили, и животину, коров и овец, и свиней многих на полях в стаде побили, и по полям рожь прикормили без остатку, и подвод под них ставили, и тем подводам и доньне отпуску от них нет». Последнее злоупотребление имело широчайшее распространение в те времена и даже до второй половины XIX столетия. Согласно положению о подводной повинности, т. н. тяглое население, платящее основные прямые налоги, обязывалось предоставлять для казенной надобности лошадей и повозки. Повинность являлась не личной, а общественной — потребное количество экипажей с возчиками или без таковых объявлялось общине («обществу»), которое и выбирало в своей среде тех, чья очередь была транспортировать казенный груз. Даже в тех случаях, когда полагалась некая компенсация, она составляла малую долю реальной рыночной стоимости такой услуги. По мнению некоторых исследователей, в начале XIX в. подводная повинность в денежном эквиваленте составляла около 2 млн. рублей серебром — огромная по тем временам сумма. Особенно тяжело приходилось жителям тех деревень и городов, через которые часто проходили воинские части. В военное время подводная повинность становилась настоящим кошмаром. Военные не церемонились с крестьянами, и человек, отправившийся с казенным грузом на своей телеге, мог оказаться проданным вместе с ней и лошадью по сходной цене как крепостной. Если помещик мог еще похлопотать за своего холопа (далеко не всегда результативно), то государственный крестьянин мог сгинути безвестно.

Финское население Ингерманландии помогало неприятелю. Летом 1705 г., когда уже шли бои в Эстляндии, и была взята Нарва,

шведские отряды прорвались вплоть до р. Тосны и остановили заготовки леса в этом районе. Даже движение судов по Неве оставалось небезопасным. На барках, шедших от взятого в 1703 г. Шлиссельбурга к взятому в том же году Ниену, держали вооруженную охрану. В 1708 г. в районе Осиновой рощи были размещены драгунские полки «для кормов и для выгоды петербургских жителей, чтоб безопасно было за Невой косить сено».

Взятие в сентябре 1705 г. русскими войсками крепостей Митава и Бауск в Курляндии внесло существенные изменения в стратегическую обстановку. Корпус Левенгаупта, незадолго до того разбивший Шереметева при Гемадертгофе (Мур-мызе), оказался отрезанным в районе Риги от основных сил шведской армии. Теперь русские войска получали обеспеченный проход в Польшу, тогда как ранее над их операционными линиями грозно нависали эти две сильные вражеские крепости. Падение Митавы и Бауска имело еще одно важное значение: было взято 326 пушек, в том числе 43 гаубицы. В системе воинских символов того времени успех во многом оценивался количеством захваченной артиллерии, и в данном случае торжество русского оружия являлось бесспорным.

Шведские военные историки акцентировали внимание на том, что во всех сражениях 1700–1721 гг. численный перевес был на стороне русских, что в целом соответствует действительности. Но это, как известно, не помешало шведам в нескольких сражениях взять верх над войсками царя Петра, как, впрочем, и над польскими, и над саксонскими армиями. Таким образом, численное превосходство вряд ли можно считать чем-то определяющим. Шведские крепости в Ингерманландии (Ниеншанц, Ямбург, Копорье), действительно, не являлись грозными твердынями, а их гарнизоны были немногочисленны и в значительной мере состояли из т. н. инвалидов рот. В XVIII – первой половине XIX в. в армиях многих стран существовала практика формирования особых частей из солдат и офицеров, имевших проблемы со здоровьем из-за возраста, ран и болезней. Им было трудно переносить тяготы походной жизни, но нести караульную службу и в случае надобности защищать крепость они могли наравне со своими легкими на ногу и более молодыми товарищами. В известной мере потеря шведами крепостей в Ингрии и Лифляндии была наказанием Стокгольму за его высокомерие по отношению к своему восточному соседу. Именно это имел в виду Петр I, когда писал о «горе гордости», которая закрывала глаза шведам на рост российского военного могущества. Здесь уместно вспомнить российские

«фортеции» на степной границе, вроде Белгородской, которая знаменита по роману А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Они могли устоять при налете азиатских шаек (и шведы таковыми русских считали), но не выдерживали приступа хоть как-то организованных отрядов. Пушкинский герой Гринев, приехав в Белогорскую, обнаружил, что ее гарнизон состоит из тех самых инвалидов, которые исправно стояли в караулах, но «оробели», когда надо было идти на вылазку против многочисленных пугачевцев. В Стокгольме, по-видимому, считали, что для устрашения москвитов достаточно шведского флага над бастионами и гарнизонами, символических по их численности и сомнительных по их боеспособности. Когда Карл XII узнал об основании Санкт-Петербурга, он написал: «Пусть царь трудится над закладкой новых городов, мы хотим лишь оставить за собой честь впоследствии забрать их!». Своего первого министра Пипера, огорченного взятием Нотебурга, король успокаивал: «Утешьтесь, дорогой Пипер! Ведь неприятель не может же утащить к себе этот город!» Последняя фраза очень показательна: в глазах шведов русские оставались варварами, способными только на грабительские набеги. Карл XII не допускал даже мысли о том, что крепость у истоков Невы навсегда останется российской. И осторожный граф Пипер, с опаской поглядывавший на ситуацию в Ингерманландии, не мог предполагать, что этот город, переименованный в Шлиссельбург, станет местом, где он проведет последние годы своей жизни, и где он будет похоронен, так и не дождавшись возвращения на родину.

Известную роль в быстром падении шведских крепостей имело то обстоятельство, что русские войска применили во время их осад и штурмов сочетание «азиатских» и «европейских» методов. До середины XVI в. «философия» фортификации была такова: надо максимально использовать силу земного притяжения и потому строить максимально высокие крепостные стены. Разница в несколько метров по отношению к центру земли позволяла защитникам стен и башен, даже не владея в совершенстве мечами и копьями, наносить штурмующим урон метанием в них тяжелых предметов. Взять их приступом можно только бросив в атаку одновременно большое число людей, не смущаясь при этом большими потерями. Приступ должен быть таким по интенсивности и продолжительности, чтобы защитники не имели физической возможности надежно прикрыть каждый участок стены.

Осадные артиллерийские орудия радикально изменили ситуацию: высокие укрепления оказывались идеальной мишенью, раз-

рушение которой было только вопросом времени. Главной задачей инженеров стала защита верхов от ядер и бомб, от минных зарядов, закладываемых в специальных подземных галереях, от атак пехоты. При этом главным средством защиты становились уже не сами стены, валы и рвы, а стоявшая на них артиллерия и пехота. Крепости XVII–XIX вв. оказались менее податливыми пушечному огню, но численность гарнизона теперь должна была быть сопоставима с численностью атакующих, тогда как в Средние века для успешной обороны можно было иметь в разы меньшее число людей.

Русские вели осадные работы по всем правилам западного военно-инженерного искусства: бомбардировали крепость из пушек и мортир, копали траншеи, позволявшие войскам, не боясь выстрелов противника, приблизиться к укреплениям на расстояние последнего броска. Но сам этот бросок, массовый и яростный, не очень напоминал заключительный «аккорд» размеренной батальной пьесы, написанной европейскими теоретиками военного дела.

Жестокие поражения заставили Августа II осенью 1706 г. подписать условия Альштрандского мира, по которому он выходил из антишведского союза, отказывался от польской короны, оставляя только правителем Саксонии.

В таком невыгодном положении Петр I предложил Карлу XII заключить мир, по которому Россия получала только небольшой участок побережья Финского залива. Но король и слышать не хотел ни о каких территориальных уступках. Более того, он требовал компенсации всех своих военных расходов с августа 1700 г.

До этого времени внимание и главные силы Карла XII были отвлечены от России: большая политика делалась без участия Восточной Европы и не на ее территории. Оставшись без союзников, Петр I попытался заключить мир, пригласив в качестве посредника Англию. Герцога Мальборо, имевшего безграничное влияние на королеву Анну, в случае успеха переговоров обещали сделать владетельным князем, отдав на выбор Киевское, Владимирское или Сибирское княжество, наградить орденом Андрея Первозванного, выплачивать ежегодно и пожизненно 50000 ефимков и подарить уникальный рубин. Шла речь и об единовременной взятке в 200000 ефимков. В тот момент царь наметил три рубежа дипломатического «отступления» — Юрьев, контрибуцию за Нарву и, наконец, Нарву без всяких условий. Больше никаких уступок Петр I делать не собирался. Однако Англия была заинтересована в том, чтобы исключить вступление Карла XII в войну на стороне Франции, и потому всякое протезирование

России не входило в планы Лондона. Поэтому Мальборо поехал на встречу со шведским королем, чтобы убедить его в необходимости восточного похода. Не более удачным было и «склонение» датского короля Фридриха IV вернуться к союзу с Россией, а также просьбы к Голландии о посредничестве в мирных переговорах.

Тем временем шведы, используя огромные ресурсы богатой Саксонии, восстановили боеспособность своей потрепанной и потрепанной армии. Царь предвидел такие последствия и сразу после вступления противника в Дрезден написал: «Лучше сей огонь скорей угасить, пока швед не подопрется саксонскими деньгами». О значении финансовых ресурсов этой германской земли говорит тот факт, что в 1709 г. после Полтавской битвы значительную часть захваченной шведской казны составляли золотые и серебряные монеты саксонской чеканки.

Петр I попытался восстановить союз с Августом II и послал в Польшу 18-тысячный корпус под командованием А. Д. Меншикова, которому удалось 18 октября 1706 г. внезапным ударом разгромить под Калишем отряд генерала Мардефельда. Под Калишем саксонские войска вовсе не горели желанием сражаться, но то же самое можно было сказать и о солдатах, присягнувших на верность Карлу XII. Все полки генерала Мардефельда, кроме одного, были укомплектованы жителями германских провинций, принадлежавших шведской короне. Против Меншикова играл только фактор ощущения непобедимости шведов. К тому времени они шесть раз в полевых сражениях били саксонцев, и пять раз — поляков. Русские же войска уже стали забывать нарвский погром 1700 г. благодаря победам 1702–1705 гг. Во время боя под Калишем первыми ушли с поля боя польские эскадроны, стоявшие на флангах шведской позиции. В результате она стала в три раза короче русско-польской, что позволяло Меншикову охватывать противника и даже угрожать ему полным окружением. Вскоре после начала сражение разделилось на множество столкновений отдельных эскадронов. Несмотря на то, что саксонцы практически не участвовали в бою, все кончилось для Мардефельда печально. Часть его войска разбежалась, часть укрылась в вагенбурге, часть (2600 человек) сдалась.

Шведы потеряли около 5000 человек убитыми и ранеными, были разбиты и польские войска сторонников Лещинского, но это не изменило ситуацию. Саксонский король не воспользовался благоприятной возможностью продолжать войну. Россия по-прежнему была одинока в своем противостоянии Швеции. Поддержку ей могли

оказать отряды так называемой Сандомирской конфедерации, созданной еще в 1702 г. для борьбы со шведами. Однако переговоры о совместных действиях проходили трудно. При заключении русско-польского союза в 1704 г. Август II обещал организовать снабжение царских войск за счет местного населения. Но польское дворянство потребовало плату за хлеб и фураж. Вынужденные реквизиции обострили отношения. В 1707 г. паны не только не хотели кормить союзников, но и потребовали денег на содержание собственных наемных частей. Польские магнаты настаивали также на предоставлении им земельных владений в России, если им придется эмигрировать из Речи Посполитой. Кроме того, они хотели вернуть в состав Польши некоторые территории в Малороссии. Поместья им царь обещал, но на требование вернуть Польше район Белой Церкви на Правобережной Украине ответил решительным отказом. После долгих переговоров в марте 1707 г. Нарвский договор был торжественно подтвержден: важные персоны подписались под документом, где говорилось, что Польша не заключит сепаратного мира со шведами и останется при всех обстоятельствах верным союзником Петра I.

Но в целом международную обстановку нельзя было назвать благоприятной для России. Европейские державы не желали видеть мощную шведскую армию еще одним аргументом в споре за испанское наследство (так и называлась война 1701–1714 гг.). Этот конфликт, в который оказались втянутыми почти все европейские государства, разгорелся из-за испанского престола. Отсутствие наследников у испанского короля Карла II привело к тому, что свои права на его корону заявили король Франции Людовик XIV, император Священной Римской Империи Леопольд I и принц Баварский Иосиф Фердинанд. В стороне от спора не оказались и Англия с Голландией, поскольку сосредоточение в одних руках огромной власти нарушало баланс сил в Европе. Постепенно сложились две группировки. В одну вошли Англия, Австрия, Голландия, Дания, Бранденбург и Португалия (Большой альянс), в другую — Франция и Испания. Из германских княжеств Бавария выступила на французской стороне, остальные придерживались нейтралитета или воевали на стороне Большого альянса. До 1709 г. антифранцузская коалиция одерживала победы, но затем англо-голландские противоречия, угроза появления на карте Европы гигантского государства, соединявшего воедино владения австрийских и испанских Габсбургов, привели фактически к распаду коалиции. Франция утратила роль политического гегемона в Европе, где произошел передел некоторых территорий.

Австрийскую сторону пугало усиление противников, английской — необходимость считаться с интересами нового союзника. Лондон был заинтересован в продолжении русско-шведской войны, поскольку ослабление обеих сторон соответствовало его интересам. Берлин заключил со Стокгольмом четырехлетний союз, хотя ранее обещал выступить вместе с Петром I. Складывалась парадоксальная ситуация — крайне трудно было найти претендента на польский престол. Знаменитый тогда австрийский полководец Евгений Савойский, наголову разгромивший турецкую армию в 1696 г. при Зенте и одержавший ряд побед в ходе войны за испанское наследство, отказался от предложенной ему польской короны, опасаясь тем самым навлечь на себя гнев Карла XII.

Концентрация главных сил русской армии летом 1705 г. в районе Гродно объяснялась стратегическими резонами: отсюда можно было оказать поддержку противникам Станислава Лещинского и занять удобные позиции для предотвращения возможного наступления Карла XII внутрь России.

В ноябре 1705 г. Август II представил Петру I «мемориал», где содержались советы по поводу дальнейших планов боевых действий. Советы эти могли бы показаться безумными (провести десантную экспедицию в район Стокгольма и заставить шведов выплатить контрибуцию, окончательно выбить противника из Курляндии и т. д.), если бы за ними не стояло желание польского короля избавить его страну от присутствия как шведских, так и русских войск. Царь прекрасно понимал намерения своего ненадежного союзника, но, тем не менее, поручил ему командование объединенной русско-польско-саксонской армии, располагавшейся в районе Гродно. Хотя Петр I не раз обращал внимание на необходимость организации глубокой разведки, русские генералы сумели «не заметить» подход к Гродно основных сил шведской армии во главе с Карлом XII. Курьезно, но английский посол в Москве, находясь за полторы тысячи верст восточнее русских войск, знал о таком изменении обстановки, а Меншиков оставался в неведении. Более того, светлейший продолжал уверять всех, включая царя, что они имеют дело только с отдельным корпусом противника. В присутствии самого короля князь убедился, когда в плен попало несколько шведов.

Возле Гродно в стычках в большинстве случаев верх брали шведы, тем более что все чаще офицеры-иностранцы или сами переходили на сторону противника, или «подводили под монастырь» вверенные им части. 6 февраля 1706 г. фельдмаршал Огильви просил

царя прислать деньги, «...дабы неплатные новопринятые офицеры и лекари к неприятелю не ушли, в чем уже начало учинилось». Несколькими днями позднее главнокомандующий объяснял трудности не только активностью шведов, но и низкой дисциплиной в армии. Драгуны грабили мирное население, восстанавливая его против русских, не организовывали должным образом боевого охранения и поэтому часто становились пленниками.

На военном совете 11 января рассматривались три варианта действий: организовать контрнаступление, ждать противника в укрепленном лагере, отступать к российской границе. Движение вперед было отвергнуто из-за нехватки лошадей для перевозки пушек и плохого состояния кавалерии. Штурм Гродно русские генералы не опасались, но прокормить многотысячную армию без подвоза припасов в случае длительной осады было практически невозможно. Кроме того, в случае блокады города возникала реальная опасность того, что Литва переметнется на шведскую сторону. Тогда отступающей армии пришлось бы двигаться через территорию, где ее на каждом шагу атаковали бы отряды местных магнатов. Опасаться было чего. М. Вишневецкий со всеми своими литовскими войсками стал служить Лещинскому. Генерал Синицкий 24 марта еще изъяснялся в выражениях преданности царю, а всего через неделю перебил конвой, перевозивший крупную сумму казенных денег. Для того чтобы схватить этого изменника, пришлось целый месяц вести «правильную осаду» крепости Быхов. Синицкий кончил свой жизненный путь в московских застенках. В одном из литовских уездов местный шляхтич зазвал в гости двух офицеров (лично знакомых царю) и десять нижних чинов Семеновского полка, напоил, накормил, уложил спать, а потом приказал своим слугам их всех перебить. Петр I объявил, что во всех таких случаях головой будут отвечать виновники, а в случае укрывательства таковых — население места, где произошло убийство. Угроза подействовала — коварного шляхтича выдали, и он был повешен. Видя эту ненадежность союзников, царь в самом начале 1707 г. на генеральном военном совете в Жолкиеве решил не принимать генерального сражения в Польше, поскольку отступающая армия могла оказаться под ударом «отложившихся» от нее поляков.

Ситуация еще более осложнилась, когда Август II бежал из Гродно вместе со своим отрядом. Сама по себе это была не бог весть какая потеря, но в тот момент русские имели очень мало хорошей кавалерии, и уход саксонских драгун и польских гусар лишил их возможности вести эффективную разведку и надежно прикрывать коммуникации.

В этих условиях Петр I не мог рисковать армией и приказал отступить от Гродно. Были оставлены и все ранее взятые позиции в Курляндии и Лифляндии.

Весеннее половодье практически везде на Восточно-Европейской равнине на несколько недель прекращало движение войск. Белорусское же Полесье с его болотами и многочисленными речками вообще превращалось в сплошную непроходимую топь. Шведский король упрямо гнался за русской армией, не обращая внимания на стенания измученных солдат, на утонувшие пушки, на падеж тысяч лошадей. Отдал Карл XII приказ о прекращении наступления только после того, как с колокольни Пинска увидел необозримую водную гладь. Отход русской армии из Литвы и Курляндии, жестокое разорение имений противников Станислава Лещинского стало причиной того, что в этих краях Август II потерял большую часть своих сторонников. Карл XII бросился в Саксонию, оккупировал ее и пригрозил своему противнику лишить его короны курфюрста. Чтобы избежать этого, Август согласился на все шведские условия, в том числе позорные и унижительные. Он выдал Иоганна Паткуля и русских солдат, находившихся в его подчинении, поздравил С. Лещинского с восшествием на престол. При этом он сам боялся ареста, поскольку находился в окружении войск под командованием Меншикова. По уговору со шведами мирный договор сохранялся в тайне для того, чтобы дать Августу II убраться подальше от бывших союзников. Однако тайное чуть было не стало явным — свою роль сыграл технологический фактор. О мире, подписанном 13 октября, командующий шведским корпусом под Калишем генерал Мардефельд не знал (курьер не успел доехать) и потому 18 октября принял бой, закончившийся полным поражением шведов. В Москве, наоборот, сначала с восторгом узнали о победе, а затем с негодованием о сепаратном мире Августа II.

О том, что Карл XII демонстративно отказывался считать Петра I равным себе, а Россию таким же цивилизованным государством, каким была Швеция, говорит то, как он расправился с И. Паткулем — послом при Саксонском дворе. Формально этот лифляндский дворянин изменил присяге и перешел на сторону противника. То и другое не было редкостью в политической практике того времени. Паткуля, казалось бы, защищал его высокий служебный статус, положение дипломата и личное покровительство царя. Но, вероятно, именно последнее обстоятельство и стало причиной его страшной кончины. Чтобы сильнее поразить самолюбие Петра I, Карл XII приказал шестнадцатью ударами дубины переломать бывшему дипломату ко-

сти рук и ног, а затем четвертовать, причем голову отделили от тела только четвертым ударом топора. Офицер, приказавший ускорить казнь, чтобы прекратить мучения Паткуля, был разжалован за неуместное милосердие.

27 сентября 1706 г. калмыцкая конница разнесла в пух и прах несколько полков легкой польской кавалерии. Для еще большего устрашения противника Меншиков приказал казнить несколько десятков пленных.

Разгром, который учинили в Лифляндии войска Б. П. Шереметева в 1703–1705 гг., имел тройное значение. Во-первых, шведы лишились возможности использовать этот край как район снабжения своих войск при операциях в Псковско-Новгородском и в Смоленском направлениях. Во-вторых, тамошнее население убеждалось в том, что лапы шведского льва не так уж страшны, что есть сила, способная бросить ему вызов. В результате число сторонников России, очень небольшое в 1700 г., стало увеличиваться. В-третьих, успехи русского оружия в Лифляндии позволяли сначала задумываться, а затем и заботиться о том, чтобы данная провинция стала частью империи Романовых. Дело в том, что в начале войны этот край рассматривался как законная добыча польского короля, а Россия довольствовалась берегами Финского залива. Но уже в 1704 г. в специальном манифесте «О принятии под защиту жителей Лифляндии» царь объявил, что передача ее польской короне будет возможна только тогда, когда эта корона сможет надежно защищать эту территорию.

При оценке поведения русского командования в дополтавский период следует учитывать, что, несмотря на ряд значительных успехов войск царя Петра, «общий счет» оставался в пользу противника. В боевых действиях в Литве, Белоруссии, Курляндии и Польше сходились русско-польские и шведско-польские войска. В подавляющем большинстве случаев вторые брали верх над первыми. 25 июля 1704 г. войска генерала Левенгаупта в районе города Крыжборк загнали в «мешок» между двумя болотами отряд Вишневецкого — сторонника Августа II. Драгунские и стрелецкие полки генерала Корсака попытались выручить союзников, но были разбиты с большими потерями. Неприятелю достались пушки и почти весь обоз. 1 ноября 1704 г. русско-польские войска разгромили возле местечка Шкуды сторонников С. Лещинского, захватили богатую добычу и в том числе 10000 лошадей. Но в том бою не участвовали шведы. 14 сентября на Варшавском мосту опять победил русско-саксонско-польский отряд, и опять ему противостояли только польские сторонники С. Ле-

щинского. В ноябре 1705 г. русские драгуны «искрошили» 300 польских солдат. В январе 1705 г. у местечка Шадова была уничтожена рота драгун, но, во-первых, это опять же были не этнические шведы, а во-вторых, русские войска имели многократный численный перевес. То же самое произошло 2 февраля 1705 г. у местечка Плуняны. Эти успехи русского оружия не смогли переломить настроений польских дворян, которые потребовали ухода русских полков из Литвы, объясняя это нежеланием превращать свой край в театр опустошительных военных действий. Крепость Митаву удалось взять в основном из-за беспечности караулов, позволивших в ночь на 12 июля 1705 г. большому отряду спешенных драгун скрытно подобраться к самым городским стенам. Поскольку наступавшим пришлось иметь дело с заспанным и дезорганизованным противником, крепостью с численностью гарнизона около 1000 человек удалось овладеть, потеряв 10 убитыми и 31 раненым. Резня, которую солдаты устроили в городе, настолько устрасила противника, что в сентябре гарнизон крепости Бауск сдался после первых же выстрелов.

15 июля 1705 г. в сражении у Мур-мызы все предыдущие успехи были дезавуированы — большие потери в живой силе, утрата 10 знамен и 14 орудий являлись неоспоримым доказательством шведского превосходства. В числе погибших было четыре драгунских полковника.

Подпоручик Преображенского полка В. Д. Кормчин 10 марта 1706 г. получил следующее царское задание:

1

«От Смоленска до Брянска (до тех мест, где великие поля и степи придут) делать засеку в лесах на 150 шритоф [шагов — от нем. *Schritt*. — В. Л.] широтою, а где не будет леса, делать во время оттепели оборонительную линию; только того смотреть, чтобы линии не долги были и для того таких искать подходящих мест.

2

Все дороги малые засечь на 300 сажень [600 метров. — В. Л.] шириною, а оставить большие дороги, без которых жить невозможно, и тут сделать рavelины, по образцу, с полисадами и с шлагбаумами...

3

Всем воеводам, бурмистрам и приказчикам быть ему в сей работе послушным.

4

Позади оборонительной линии делать дорогу в 90 шритоф шириной, а где болота и реки, тут мосты, чтоб в четыре человека можно было идти, чтоб нашему войску удобнее оною линию оборонять.

5

Чтоб у мужиков, у которых есть ружье, приказные их знали; та-кож косы насады прямо, и рогатины имели, и готовы были для караулов и обороны. И для того приказать тем, кои владеют, под смертною казнью о сем. И прочее все исполнять со всяким прилежанием, как доброму человеку надлежит и ответ достойно дать».

Нерусское население края не только не проявляло склонности к сотрудничеству, но и начало вести «малую войну» с пришельцами. В одном из рапортов Ф. М. Апраксина царю 1708 г. мы читаем: «Пребезмерное нам чинят разоренье латыши Капорского уезду и неприятелю, как возмогут, чинят вспоможение провиантом и лошадьми и, ходя по лесам близ дорог, побивают до смерти драгун и казаков, которые... с письмами посылаются, и зело опасаясь, чтобы у нас оная чухна не пресекла вовсе коммуникации нашей от всюду». И в других местах и в других годах по лесам и болотам русские ловили и вешали финских партизан, а те, в свою очередь, пользуясь превосходным знанием местности, вредили царским войскам как могли.

Если в Литве и Белоруссии русские войска отходили на восток, избегая столкновения с Карлом XII, то в Ингерманландии они успешно отражали нападения противника. Войска под командованием генерала Кронгиорта стояли в районе реки Сестры и в любой момент через несколько переходов могли выйти к устью Невы. Чтобы обезопасить недавно заложенную крепость Санкт-Петербург, Петр I в июле 1703 г. нанес удар противнику и оттеснил его за линию Выборг-Кексгольм. В июле 1704 г. корпус генерала Майделя вышел к северным окраинам Петербурга, но после столкновения с войсками под командованием Р. В. Брюса отошел на исходные позиции. Одновременно шведский десант предпринял неудачную попытку сбросить русские войска с острова Котлин. В августе того же года Майдель повторил нападение, и вновь Брюсу удалось отбросить противника. Третья попытка шведов покончить с новым российским городом в устье Невы была предпринята летом 1705 г. Теперь Майделю помогала сильная эскадра (22 вымпела) адмирала Анкерштерна, но и это наступление закончилось ничем.

Не сумев нагнать русскую армию в Белоруссии, Карл XII решил окончательно добить Августа II и направился в Польшу и Саксонию.

Осенью 1706 г. начались работы по устройству Кронверка — укрепления на другой стороне протоки, отделявшей Заячий остров от материка с северной стороны. Усилена была и оборона Адмирал-

тейской верфи. К 1707 г. Петропавловская крепость была вооружена 445 пушками, велась работы по облицовке бастионов камнем.

По существовавшим в XVIII в. военным обычаям гарнизоны капитулировавших крепостей отпускались восвояси, иногда с оружием, знаменами и музыкой. Так Нарва стала местом сбора солдат, офицеров и мирных жителей Нотебурга, Ниена, Копорья и Ямбурга. Те из них, которые сумели найти себе другое место службы или проживания, оказались гораздо счастливее понадеявшихся на неприступность нарвских бастионов. 9 августа 1704 г. русские штурмовые колонны ворвались в крепость. Как сказано в «Гистории Свейской войны»: «...Ежели б солдаты наши не были от кровопролития уняты, то бы мало кто остался». Во всех документах о взятии Нарвы в 1704 г. говорится о том, что имела место жестокая резня, в которой солдаты не разбирали ни пола, ни возраста.

Все, кто уцелел, на положении пленных отправились в Казань. Комендант Ивангорода полковник М. Шенстероле не захотел повторить ошибку полковника Горна, коменданта Нарвы, сдал свою крепость «на аккорд» и отправился в тогда еще шведский Выборг. Были отпущены на свободу и гарнизоны Ревеля и Кексгольма. Защитники Выборга имели право уйти вместе с семьями и нажитым добром, но воспользоваться им смогли только раненые и больные чины шведской армии, а также семьи умерших и убитых во время осады. Остальных (3880 человек) признали пленными, потому что шведы до того несколько раз нарушили нормы международного права или договоренности с русской стороной. Большая часть из них попала на тяжелые работы по строительству Санкт-Петербурга и Кронштадта. Кроме работников, которые не по своей воле сменили оружие на плотницкий инструмент или лопаты, в числе шведов-строителей были так называемые «парольные». Этим людям, как правило имевшим высокую квалификацию, предоставлялась свобода передвижения и хорошие условия проживания при подписания ими «парольного письма» — обязательства не бежать и не вести тайной переписки. Обязательство гарантировали несколько иностранцев.

Итог первого этапа Северной войны был таков: в руках шведов в восточной Прибалтике оставались только главные крепости — Рига и Ревель. Попытки вернуть позиции в Ингерманландии не увенчались успехом — корпуса Шлиппенбаха и Майделя были разбиты. Русская армия приобрела бесценный военный опыт. Карл XII вынудил выйти из антишведской коалиции Польшу, Саксонию и Данию, но прочность этих результатов вызывала сомнения. Швеция потеряла

возможность получать провиант и деньги из восточной Прибалтики. Теперь время работало на Россию, непосильные расходы на войну должны были рано или поздно вынудить западного соседа заключить мирный договор. Однако все успехи первых пяти лет войны не вставали «горой гордости» перед глазами Петра I, заставляя его забыть о мощи шведского войска. Царь понимал всю опасность лобового столкновения с королем и старался сделать все возможное, чтобы таковое отдалить.

Глава II

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ЕГО АРМИЯ

И злобясь видит Карл могучий
Уж не расстроенные тучи
Несчастных нарвских беглецов,
А нить полков бесстрашных, стройных,
Послушных, быстрых и спокойных,
И ряд незабываемых штыков.

А. С. Пушкин

И. Корб — секретарь Австрийского посольства, оставил в своем дневнике такое впечатление от вооруженных сил донетровской России: «...Московские цари легко могут вывести против неприятеля тысячи людей; но это только беспорядочные толпы, слабые уже вследствие своей громадности, и, даже выиграв сражение, толпы эти едва могут удержать за собой победу над неприятелем... Хотя москвитяне иногда отличались мужественной защитой своих городов от сильных войск неприятельских, но выведенные в поле в бой с поляками и шведами, они, большей частью, были разбиваемы и несли великие поражения.

Москвитяне нуждаются... в регулярном войске, составленном из старых, выученных солдат. Войско это должно состоять из однородных людей, одинаково вооруженных и с одинаковыми знаменами. Солдаты должны находиться в строгой подчиненности у своих начальников, знать свое место в строю, принимать приказания и уметь не хуже офицеров двигаться вперед, делать обходы, бросаться на неприятеля, построившись в угол, и перемещать построения.

...Большая часть немецких полковников живет в Москве на половинном окладе жалования, пока они не находятся в действительной службе; с отдачей же приказа выступить в поход, когда войска начнут двигаться на неприятеля, полковники, в звании тысячников, назначаются начальниками самых дрянных солдат, набранных из самой подлейшей деревенской черни. После прекращения военных действий этот сброд распускается, власть тысячника над солдатами прекращается, воины опять принимаются за соху... Этот сброд тем

менее приносит пользы государству, что те, которых приказ призывает в ряды солдат, сами должны заботиться о своем продовольствии... Эта ежегодная перемена людей, призываемых на военную службу из среды беднейших простолюдинов, имеет весьма вредное влияние на дисциплину и успех в военном деле...

Артиллерия москвитян состоит из таких же орудий, как и у прочих европейских государей... Но так как москвитяне не имеют удовлетворительных сведений в артиллерийской науке, то за большие деньги вынуждены содержать иностранцев, присылаемых им по дружбе из разных земель».

В 1612 г. во время столкновения в Москве между русскими и иностранными войсками преимущества профессиональных воинов были продемонстрированы со всей очевидностью. 400 немецких мушкетеров устроили на улицах многочасовую резню, потеряв всего 8 человек. Известно, что иностранцы отмечали неспособность русской армии допетровской эпохи изменять направление движения после начала атаки. Они действовали по принципу: «бегите, а то мы сами побежим». Восприятие европейского военного дела тормозилось негативным отношением ко всему иностранному. П. Петрей писал по этому поводу: «...они [русские. — В. Л.] и не хотят научиться ничему приличному и честному, никуда не выезжают из своей земли, а все сидят дома, полагая, что город Москва — единственный на свете, и великий их князь — самый могущественный и богатейший государь изо всех королей... Оттого-то они так и горды, и кичливы умом и сердцем, презирают все другие народы...»

Те русские, которым «кичливость» не закрывала глаза на недостатки царской армии, тоже имели о ней невысокое мнение. Известный публицист И. Т. Посошков писал: «...А если на конницу посмотреть, то не то что иностранным, но и самим нам на них смотреть зазорно, в начале у них клячи худые, сабли тупые, сами бедны и безодежны, и ружьем владеть никаким неумелые... Иной дворянин и зарядить пищаля не умеет, а не то, что ему стрелять по цели хорошенько... Попечения о том не имеют, чтобы неприятеля убить, о том лишь печется, как бы дому быть. А о том еще молятся и богу, чтоб рана нажить легкая, чтоб не гораздо от нее поболеть, а от великого государя пожалованным б за нее быть. И на службе того и смотрит, чтоб где во время бою за кустик притулиться. А иные... и целыми ротами притуляются в лес или в долу, да того и смотрят, как пойдут ратные люди с бою, и они также будто с бою в табор приедут...»

Применительно к армии допетровской России трудно говорить о разнице между регулярными и нерегулярными войсками. Солдат

ские, рейтарские и стрелецкие полки, несмотря на свое «постоянное» существование, не имели выучки и дисциплины, которые бы позволяли достичь европейского уровня боеспособности. Будучи по своему типу т. н. поселенными войсками, в которых нижний чин сочетал службу за жалование с производительным трудом, они не приобрели достаточного ратного профессионализма.

Петр еще в юности в ходе воинских «потех» сумел подготовить на европейский манер два пехотных полка — Преображенский и Семеновский, которые уже во время Кожуховских маневров 1694 г. показали свои высокие боевые качества. Была улучшена подготовка еще нескольких частей, но в целом армия оставалась прежней. В Азовских походах 1695–1696 гг. вся существовавшая тогда военная организация показала свою несостоятельность. В 1697 г. за границу было отправлено около 150 дворянских недорослей для обучения военному искусству. А. А. Вейде, один из доверенных лиц царя, отправился в Европу, где изучал боевые уставы и принципы организации армии. На основе его записок были составлены наставления для обучения и воспитания солдат новой армии. В 1700 г. вышли из печати «Статьи воинские как надлежит солдату в житии себя держать и в строю и во учении как обходиться». Начиная с 1699 г. четыре полка — Преображенский, Семеновский, Гордона и Шепелева, стали служить местом обучения офицерского состава. Мощный толчок к формированию армии нового типа дало стрелецкое восстание 1698 г., когда четыре полка, расквартированные в Великих Луках, отправились в Москву восстанавливать на престоле царевну Софью. После разгрома восставших, казней и ссылки в Сибирь Петр I повелел упразднить большинство полков, желающих продолжать службу на новых условиях — записать в солдаты, а остальных перевести в разряд посадских — податного населения городов. Сначала армию комплектовали методом вербовки. Новобранцу платили 11 рублей в год, обеспечивали провиантом и обмундированием. Летом 1700 г. уже было набрано 9 пехотных полков по 1152 человека в каждом с четким штатным расписанием: подполковник, майор, капитан-поручик, 9 капитанов, 11 поручиков, 12 прапорщиков, 12 подпрапорщиков, 36 сержантов, 48 капралов. Полки делились на батальоны, роты и капральства. Из числа лучших фамилий было отобрано около 1000 молодых дворян с повелением служить командирами в пехоте. В допетровской армии «благородные» служили только в коннице, и закреплять новшество пришлось обещаниями суровых кар «ослушникам».

Было начато формирование регулярной кавалерии, но здесь дело тормозилось отсутствием необходимых знаний, подходящего кон-

ского состава и дороговизны содержания драгун. Поэтому ко времени похода на Нарву в 1700 г. успели набрать только 2 полка.

Формирование новой армии проходило очень трудно. Во время Великого посольства и после него велась активная вербовка офицеров-иностранцев, но наряду со знающими людьми среди набранных в Европе оказалось немало проходимцев, невежественных в ратном ремесле. П. Гордон так отзывался о них: «За последние два года очень многие офицеры приехали в Россию... Большая, если не большая часть их, были низкие и худые люди. Многие из них никогда и не служили офицерами...» У самого Шереметева в 1703 г. было такое мнение о командном составе солдатских полков: «...а у тех солдат полковники выбраны с Москвы ни к чему не годные и пьяны, только лучшее ружье и людей задолжили, а не росписав их по старым полкам — ничего в них не будет, только на стыд да на печаль». Тем не менее, в 1709 г. русские офицеры получали жалование деньгами и натурой меньше, чем равные им в чине офицеры-иноземцы: майоры — 40 и 66 рублей, капитаны — 30 и 52 рубля, поручики — 20 и 38 рублей, прапорщики — 15 и 19 рублей. Правда, при этом русским офицерам полагался хлеб и мука, тогда как о выдаче провианта иноземцам ничего не сказано.

Многие иностранные офицеры, завербовавшиеся в русскую армию в 1704–1705 гг., пострадали от неразберихи в кадровых службах. Иоганн-Фердинанд-Адольф фон Милен-Фельзен служил 6 лет в австрийских войсках, воевал с турками, потом 3 года в бранденбургском мундире дрался с французами, перешел в польскую армию, два года бился со шведами, после чего отправился в Италию, где и был завербован на царскую службу. В течение всей зимы его гоняли вместе с другими иноземцами из одного корпуса в другой в поисках вакантной должности. Барон Феликс фон Везник имел двадцатилетний стаж службы в австрийской и вестфальской армии, опыт боев с турками и французами и чин полковника. Надевая русский мундир, он выговорил себе должность начальника над гвардейскими драгунами или, на крайний случай, командира «лучшего драгунского полка». Однако, когда в сентябре 1704 г. он прибыл в Москву, выяснилось, что у царя Петра вообще нет «драгунской гвардии», равно как и подходящих вакансий в кавалерии. Полтора года австриец был не у дел, и только весной 1706 г. ему дали т. н. «рекрутский» полк, целиком состоявший из новобранцев.

Особую проблему составлял поиск начальников верхнего звена. Несмотря на явную неудачу с приглашением на службу герцо-

га де Кроа, Петр I в 1704 г. выхлопотал у австрийского императора фельдмаршала Г. Б. Огильви, который тоже воинскими талантами не блеснул, хотя и был способным организатором. В 1705 г. Огильви в специальной записке на царское имя предлагал продолжать работу по совершенствованию подготовки войск. Прежде всего, он выступал за улучшение командного состава: следовало пригласить из-за границы «искуснейших офицеров; большинство же неспособных, какой бы нации не были, исключить со службы». Австрийский генерал настаивал на «правильном» составлении воинских соединений — высшей тактической структурой должна была стать дивизия из двух бригад, в каждой из которых состояло четыре полка. К тому времени в русской армии преобладали «импровизации» — царь своей волей соединял полки и батальоны под команду того или иного военачальника. Третьим компонентом плана Огильви стало упорядочение призыва рекрутов и своевременное распределение их по частям, что позволяло поддерживать их штатную численность. Выполнен был только первый пункт.

Англичанин Витворт писал в 1708 г.: «Величайшее горе царя — недостаток в хороших генералах. Фельдмаршал Шереметев — человек, несомненно обладающий личной храбростью, счастливо окончивший порученную им экспедицию против татар, чрезвычайно любимый в своих поместьях и простыми солдатами, но до сих пор не имевший дела с регулярной неприятельской армией и недостаточно опытный».

Для XVIII столетия характерным способом перенесения и хранения любого знания и навыков был живой человек. Врач показывал своему ученику приемы лечения и способы изготовления лекарств, гидротехник передавал хитрости своего дела непосредственным руководством в возведении плотин и шлюзов, офицер прямо на плацу вбивал в солдат премудрости перестроений и ружейных приемов. Информация на иных носителях (чертежи, инструкции, макеты) имела гораздо меньшее значение. Поэтому очень органичным выглядят попытки Петра I выпросить у датчан при заключении союзного договора три пехотных и два кавалерийских полка. Эти части должны были стать школами для новой русской армии. Когда же эта попытка не удалась, царь отправил «на выучку» за границу целый вспомогательный корпус под командованием князя Д. М. Голицына. Русские войска должны были не только поддержать короля Августа II, но и преобразоваться «по саксонскому уставу».

Карл XII требовал в 1706 г. от Австрии выдачи всех русских солдат, оказавшихся на ее территории, на том основании, что они «...уча-

ствуя в войнах империи, научатся немецкой дисциплине и искусству боя; уцелевшие вернутся домой и обучат все московское ополчение, как в офицерской школе, немецкому искусству воевать, поэтому не сегодня, так завтра оно [русское войско. — В. Л.] станет, таким образом, гораздо опаснее для своих соседей».

Подготовка войск в целом соответствовала квалификации командного состава, качеству пополнений и сжатым срокам, отпущенным на обучение солдат. Были изъяты строевые упражнения и перестроения, которые требовали длительной тренировки. Вместо четырех практиковавшихся тогда видов стрельбы (шеренгами, взводами, всей частью и «нидерфален», когда стрелявшие шеренги ложились ничком, давая возможность выпалить рядам, стоящим позади), обучались только первым двум. В то же время существенным недостатком была слабая стрелковая подготовка: на одного старослужащего солдата выдавалось 5 патронов, а на рекрута — 10. В некоторые полки учебные боеприпасы вообще не поступили.

То что русские оказались способными учениками, говорит тот факт, что уже в 1701 г. в Москве была основана инженерная школа, много офицеров обучалось премудростям саперного дела на практике. О прогрессе в этой области свидетельствует длительность осад крепостей Нарва и Юрьев в 1704 г.: первая пала на 9-й, а вторая — на 10-й день осады. Во время «русского» похода Карла XII инженеры Петра I строили такие укрепленные позиции, что шведский король предпочитал обходить их, а не атаковать.

Несмотря на ратные успехи, повышение боеспособности русской армии по-прежнему отставало от требований времени. В 1706 г. генерал Алларт в своем письме царю перечислил самые главные ее недостатки: «1. Конница часто без пехоты, пехота без конницы в некоторых корпусах; от того великий вред, одно без другого быть не может; 2. Мало инженеров и искусных офицеров; 3. Разнокалиберное оружие: в иных полках до 6 калибров; 4. Великий недостаток в провиантском устройстве: солдаты несут на себе хлеб и бросают его от изнеможения; для отвращения сего надобно учредить корпус хлебников до 600 человек; 5. Нигде на свете не теряется так много пороха на учение солдат, как здесь: трата бесполезная, порча ружья. Надобно учить стрелять в цель». В неудаче корпуса Репнина при Головчине большую роль сыграла именно упомянутая нехватка инженеров: имея время для укрепления своих позиций, русские войска ничего не сделали в течение трех суток, поскольку не нашлось офицера, способного руководить устройством земляных редутов.

О том, что русские войска еще нетвердо выучили уроки, преподаваемые им шведами, свидетельствует бой на речке Ржавец 19 апреля 1706 г., описанный в «журнале» командира русского отряда С. П. Неплюева. Этот колоритный документ мы приводим с сохранением особенностей орфографии подлинника: «...за 3 мили под местечком Клецковым, Миргородской полковник Данил Апостол с кумпаниею [полком. — *В. Л.*], переправясь по мосту... болото топкое, и в том местечке... учинил со шведы бой, и пальба была от шведов великая. И кумпания не устояв скочила с той речки, и Миргородской полковник послал к нему, думному дьяку и воеводе [Неплюеву. — *В. Л.*], чтоб ему прислать на помощь пяхоту и пушки, и он, думный дворянин и воевода, с сей стороны той речки послал к нему полковнику сердюцкую [казачью. — *В. Л.*] пяхоту, да 2 полка пехотных, да 4 пушки. И шведы приблизились к пушкам и пехотным полкам, и пяхота из мелкого ружья, также из пушек палили. И московские стрельцы, которые были в поддаче [резерве. — *В. Л.*] у полковника у Якова Рогозина, дву полков — Григорья Анненкова да Василья Кошелева — кинулись и шведских рот с пяток прогнали по улице местечка до рынку, и шведов из пушек из мелкого ружья побили немало. А с другим пяхотным полком был полковник иноземец Иван Сак, а у него были в поддаче из дву полков солдаты — Афанасия Рагозина да Михайла Франка.

И в те поры Миргородский полковник с кумпанией насккал, и они, шведы чинили пальбу великую, и кумпания не устояла, и пехоту смяли, и за переправу перескакали и не удержався немало за переправую — побежали. И под Миргородским полковником убили лошадь, и он, сев на другую лошадь, за кумпанией скакал и их одержать, чтоб возвратить, не мог. И он, думный дворянин и воевода, видя, что пяхота мнетца, хотел одержать, приехав к пушкам сам. И они, шведы, приехав к пушкам, по пяхоте запалили и сердюцкая пяхота, также и салдацкие полки, видя, что кумпания побежала — и сердюки не устояли немало: все кинулись назад в болота. И он, думный дворянин и воевода, немало не удержал бегущих. И Михайло Зыбин с драгунским полком в строи был не переправясь речки Ржавца. И драгуны видя, что кумпания побежала, так и пяхоты немало за переправой не одержалось и драгуны задние роты дрогнули и назад побежали, только было одержались драгун 3 роты. И они, шведы, пушки взяли и на том бою ево, думного дворянина и воеводу ранили в левую руку пулей и полковника Ивана Сака убили да офицеров убито 11 человек. Да на том же бою и на поли побито пехоты, а сколько — то писано по полкам ниже сего. И шведы видя, что кумпания, и пяхота, и драгуны

побежали, переправились на эту сторону Ржавца и драгуны первой роты, выполняя по ним, тоже назад отворотили. А на бою было шведов не малое число, а сколько было — того подлинно ведать не к чему».

Как мы видим, и малороссийские казаки, и московские стрельцы, и русские регулярные войска в этом бою действовали без видимой организации, придерживаясь уже упоминавшейся схемы: «бегите, а не то мы сами побегим!». Атака кавалерии с последующим отходом к поддерживающей пехоте была обычным приемом того времени, но главным в организации такого маневра было то, чтобы отступающие всадники не расстраивали ряды своих пехотинцев. Здесь же мы видим, как полковник Данила Апостол, один из самых авторитетных казачьих старшин, дважды бросался в атаку и дважды отступал в таком беспорядке, что увлекал за собой и остальные части. Обращает на себя внимание и тот факт, что российские войска не смогли удерживать явно выгодные позиции — мост через речку с топкими берегами. О степени разгрома говорит большое число погибших офицеров.

До того как набранные войска овладевали боевыми навыками и накапливали фронтовой опыт, их надо было сформировать, одеть, обуть и накормить. Все это в российских условиях оказалось совсем не простым делом. Особую сложность представляла заготовка нужного количества обмундирования. Ткань в начале XVIII в. сама по себе была недешевым товаром, но даже не напряжение казны стало самой большой заботой правительства. Требовались большие объемы сукна одного цвета и одного качества для «постройки», как тогда говорили, нескольких десятков тысяч мундиров. Такое количество не могли поставить ни российские фабриканты, ни иностранные купцы. Президент Ижорской канцелярии А. Щукин писал А. Д. Меншикову в апреле 1708 г.: «...в покупке русских белых и серых сукон по-видимому надежда малая, потому что в нынешнее летнее время, а паче в такую деловую пору, не токмо в других которых, но и в самых украинских и заочких [расположенных за Окой. — В. Л.] городах купить их довольно числа в розницу вдруг не чаять. И от того в этой покупке будет не без продолжения». Главной причиной нехватки качественного сукна было отсутствие тонкой шерсти, пригодной для выделки мундирной ткани. Правительство принимало экстренные меры для разведения тонкорунных овец, но процесс шел медленно. Даже высокие цены интендантства не могли решить проблемы дефицита. Особенно трудно было закупить товары в тех случаях, когда они пользовались повышенным спросом за рубежом. Тот же Щукин сообщал Меншикову: «...Скудость в лосинах, и в оленинах, и в козлиных чинится здесь оттого, что торговые русские

люди, а паче господин Строганов, везде тот товар по вся годы закупами и ныне выкупили неделаной для отпуску за море для себя». С последним затруднением правительство справилось простым и проверенным российским способом: запретили кому-либо продавать нужный товар и заставили отдавать его казенным закупщикам. Пришлось потрудиться для организации производства и закупок позументов, пуговиц, пряжек и особенно шляп, которых до начала XVIII в. в России никто не делал. Не сразу удалось найти достаточное число мастеров, умеющих делать кавалерийские седла, уздечки и вообще кавалерийский «прибор» установленного образца.

Меньше проблем было с обеспечением армии обувью: в стране имелось достаточно мастеров сапожного дела. К тому же существовало несколько крупных перекупщиков — владельцев своеобразных «рассеянных мануфактур», где работали ремесленники в своих домах, получая от хозяина выделанную кожу и отдавая ему свою продукцию по фиксированным ценам. Крестьянин из города Кимры Г. Пустынин, например, заключил контракт на поставку 10000 пар сапог. Казенные комиссионеры в августе 1708 г. приобрели только в Москве 330 пар офицерских и 5000 пар солдатских сапог, а также 5400 пар башмаков и 9000 пар шерстяных чулок. Кроме сукна для обмундирования солдат и офицеров требовались тысячи аршин льняных тканей — холста, полотна и т. н. крашенины. Закупка этого товара, также как и сапог, не представляла особых затруднений, поскольку крестьянская промышленность изготавливала его в огромных количествах.

Армия нуждалась в большом количестве провианта и фуража, поставки которого возлагались на местные власти и интендантские структуры, которые для каждого шага в большинстве случаев требовали понукания со стороны самого царя. О слабой организации тыла вспомнил П. И. Ягужинский, которого занимал вопрос о снижении тяжести рекрутской повинности за счет вербовки иностранцев: «... немцы для походов далеких и временем случающихся недостатков в провианте не так терпеливы и способны». Птенец «гнезда Петрова» был совершенно прав: европейские наемники не вынесли бы переходов из Эстляндии в Молдавию, питаясь гнилыми интендантскими сухарями, а иногда даже не имея и таковых.

Центром всех заготовлений была Москва. С одной стороны, здесь традиционно сосредоточивалась экономическая жизнь страны; в городе и его окрестностях, дальних и ближних, проживали тысячи ремесленников; сюда тянулись проторенные торговые пути. С другой стороны, такая схема удорожала поставки за счет дальних перевозок.

Хотя уже в конце XVII в. в России производилось столько железа, что часть его шла на экспорт, качественного металла для изготовления оружия и инструментов явно не хватало. За три года, предшествовавших Северной войне, его из Швеции было вывезено около 100000 пудов. После прихода к власти Петра I начался быстрый рост отечественной металлургии и металлообработки. Только на одном Каменском заводе на Урале в 1702 г. отлили 182 пушки, мортиры и гаубицы, а в следующем году — 522 единицы артиллерийского вооружения общим весом более 300 тонн. Это же предприятие в 1703, 1705–1708 гг. изготовило 47000 бомб, гранат и чугунных ядер. Стремительно нарастало производство пороха, которое поначалу тормозилось нехваткой важнейшего компонента — селитры, но затем административные и финансовые возможности государства позволили исправить положение. Свой большой вклад в победу при Полтаве внесли службы тыла: в полевую артиллерию в первую половину 1709 г. поступило около тысячи пудов пороха, более 3000 ядер, почти 10000 бомб и гранат.

В течение всей Северной войны наращивалось производство стрелкового вооружения и холодного оружия. В 1721 г. на отечественных заводах было изготовлено более 20000 солдатских фузеек и драгунских ружей. Уже к 1710 г. русские пороховые заводы полностью обеспечивали потребности армии и флота, производя более 30000 пудов пороха в год.

В начале 1700-х гг. правительство имело преувеличенные представления о численности людей, «бродящих меж двор», и полагало возможным серьезно пополнять армию путем вербовки «вольницы». Однако в Москве за 1701–1702 гг. нашлось всего 850 человек, желающих завербоваться. В последующие 10 лет в армию в белокаменной записывалось буквально по 10–15 человек в год. Удачнее шел набор в провинции, но и там число желающих служить стремительно уменьшалось. Отпугивала жесткая дисциплина и муштра, о которой не могли и помыслить люди «старых служб» — стрельцы, рейтары, пушкари. В 1702 г. принудительно в солдаты записали городскую бедноту: все посадские, не имевшие промысла на сумму более 30 рублей в год, надевали военную форму. Не дало особого эффекта и правило, по которому всех холопов, отпущенных на свободу по завещаниям, сначала направляли в военное ведомство, и пригодных по состоянию здоровья распределяли по полкам. Оказалось, что российские землевладельцы не без лукавства искупали часть своих грехов отпуском на волю некоторого числа своих рабов. Подавляющее большинство (85 %) освобожденных оказывалось негодными к службе (больные, старики или ма-

лолетки). Не помог и институт так называемых «наймитов» — людей, которые нанимались служить вместо кого-либо. Таких были сотни, а требовалось десятки тысяч. Можно сказать, что к 1705 г. все вышеперечисленные людские ресурсы были исчерпаны. С того года регулярно в России стали проводиться рекрутские наборы — поставка натурой в армию определенного количества молодых людей с установленного числа дворов, а после введения подушной подати — с установленного числа ревизских душ. До 1709 г. единой системы не существовало: брали в разных регионах в разных «пропорциях» из разных сословий.

В допетровской Руси фактически не существовало установленной численности священно- и церковнослужителей. Количество людей «при храме» определялось традицией, потребностями и финансовыми возможностями самой церкви. При Петре I все храмы получили четко установленный штат, а «лишние» дьяконы, попы, псаломщики и т. д. надели солдатские мундиры, если годились для службы по состоянию здоровья.

Русская деревня, из которой в основном и брали рекрутов, была демилитаризованной средой. На Руси не было прочных воинских традиций, навыков владения оружием и «привычки» к военной организации. «Европейский рекрут берет ружье как вещь знакомую; русский рекрут в первое время боится своего ружья, но не боится направленной в него пули», — писал в конце XIX в. генерал Р. А. Фадеев.

Введение рекрутской повинности, которая стала основой формирования регулярной армии, устойчиво связывается и в историографии, и в общественном историческом сознании с реформаторской деятельностью Петра Великого. Действительно, в начале XVIII в. было произведено упорядочивание отбывания воинской повинности представителями различных сословий в соответствии со взглядами правительства на роль и место этих сословий в обществе.

Начало рекрутчины было положено набором податного населения в боевые и вспомогательные части русской армии еще в XVI–XVII вв. Так, во времена Смоленского похода Василия III в нем участвовали пищальники, набранные от разных городов, и т. н. «посоха», набранные по уездам люди по установленной раскладке. Пищальники наравне с дворянами участвовали в боях, а «посоха» выполняли тыловые и осадные работы. Даточные люди впервые упоминаются в 1545 г. во время подготовки похода на Казань. Их «давали» по раскладке с определенного числа дворов или исходя из размеров пашенных угодий. Предписывалось исключать из списков бродяг и пьяниц, брать поручные записки родственников. Некоторые указы напоми-

нали о возрастном цензе (от 25 до 40 лет) и желательности военных навыков. Даточных обычно собирали на непродолжительный срок — год на службе считался чем-то чрезвычайным.

Во время Смоленской войны 1632–1634 гг. из даточных, принудительно набранных из частновладельческих крестьян, было сформировано два пехотных и один рейтарский полк общей численностью около 3000 человек. Обеспечение даточных продовольствием и снаряжением возлагалось на жителей соответствующего «призывного» округа. В 1656 г. была законодательно утверждена норма — один ратник с 30 дворов, причем допускалась выплата деньгами — 40 рублей. Это был прообраз будущих рекрутских квитанций. В середине XVII столетия комплектование полков путем поставки людей «натурой» приняло широкие размеры. В 1658–1660 гг. было собрано около 80000 человек. Провозглашение принципа пожизненной службы не означало, однако, создания регулярного постоянного войска. В мирное время солдаты распускались по домам, за ними сохранялись наделы. На замену выбывших по каким-то причинам помещики и вотчинники обязывались высылать детей или родственников даточного, что свидетельствует о шагах в направлении обособления их как отдельного служилого сословия. В XVI — первой половине XVII в. в каждый поход отправлялись новые люди. В то же время, судя по тому, какие усилия правительство прикладывало к сыску беглых даточных, имело место закрепление за ними этой повинности. Поначалу даточные составляли временное ополчение, необходимое для поддержки конных полков, укомплектованных дворянами. Кроме того, даточных выставляли поместья и вотчины, хозяева которых по каким-то причинам не могли лично нести службу. Такое явление легко объяснить, если учесть, что на Руси существовала фактически всеобщая воинская повинность, но не личная, а «от общества», и к тому же выражавшаяся в различных формах (непосредственно военная служба, работа на служилых людей, тыловые работы, поставка провианта и фуража, сбор солдатских и стрелецких денег). Выставление даточных было одной из форм отбывания такой повинности.

В XVII столетии профессиональная подготовка военных в Европе требовала длительных упражнений, постоянной «дрессировки», без которой невозможно формирование спаянного боевого коллектива. Помещики-ополченцы из-за небольших сроков пребывания на службе не могли воспринимать навыки западной армии, а национальная воинская культура не способствовала поддержанию ратных навыков в мирное время (соревнования в выезде, стрельбе, военизированные игры

и т. д.). Военные технологии вступили в противоречие с организацией и системой комплектования вооруженных сил. Длительность мобилизации, массовые уклонения помещиков от службы также побуждали правительство набирать даточных, что приняло вид чрезвычайного натурального налога в военное время. Такая система комплектования была возможна только при существовании общины, распоряжавшейся судьбой своих членов. По окончании боевых действий одна часть даточных возвращалась в «первобытное состояние», а другая часть принудительно записывалась в служилое сословие — в солдаты или драгуны, наделялась землей и обязывалась явиться в полк по первому зову.

Сбор даточных создавал потенциальную опасность для господствующих групп населения. Возвращение в закрепощенную деревню людей, обученных военному делу и тем более «нюхавших порох», было весьма проблематичным. Выходом из этого положения стало превращение солдат в обособленную социальную группу, оторванную от породившей их среды, что было сделано приданием службе даточных пожизненного характера. Это в значительной мере было облегчено тем, что происходило в более чем 20-летний период войн, сопровождавших правление Петра Великого. Постепенно в первом десятилетии XVIII в. рекрутская повинность становится общегосударственной. Одной из отличительных черт рекрутчины было то, что каждый набор выглядел как чрезвычайный, сопровождался манифестом, в котором объяснялась его необходимость.

В XVIII в. рекрутчина сделала социальные низы основным ресурсом для пополнения рядов армии. Административная отечественная практика по отношению к этим слоям населения характеризовалась сугубо утилитарным подходом, а разного рода особенности этих слоев принимались во внимание только в контексте государственных потребностей в сфере управления и фиска. Отсутствие институтов, способных выразить интересы социальных низов (если не считать таким институтом разбойничью шайку), позволяло властям творить произвол в системе повинностей. Ограничителем служило только опасение социального взрыва или «оскудения», грозившего ростом недоимок.

Создание регулярной армии на основе рекрутской повинности в начале XVIII в. сопровождалось радикальным изменением в системе соотношения рядового и командного составов — в допетровской армии не было точного совпадения социального деления общества и деления армии. В поместном ополчении и рядовой и командный состав состоял из дворян. Начальниками над служилыми людьми «по прибору» были выходцы из их же среды, либо назначенные вое-

воды — дворяне. Офицерства в европейском понимании этого слова не существовало вовсе. Формирование новой армии привело к тому, что рядовой и офицерский состав стали резко отличаться по своему социальному происхождению: командиры — из дворян, нижние чины — из податных сословий.

Это приводило к тому, что многие офицеры-дворяне смотрели на солдат как на собственность. В апреле 1711 г. пришлось издавать специальный царский указ, чтобы командиры «...солдат ни в какие свои работы в домах и нигде не употребляли, также и в походах за возами своими не посылали, но были б всякий при своей службе под потеряннем чести и живота». Чтобы сразу был виден такой «непорядок», денщиков и обозных приказано было переодеть в серые мундиры с синими лацканами и оловянными пуговицами.

Военная технология Нового времени требовала полного отделения производства от службы, следовательно, помещик должен был перейти на статус чиновника, равно как и солдаты. Это многократно повышало требования к казне, чего она выдержать не могла. Из-за этого несоответствия требований военной организации и финансовых возможностей государства в системе обеспечения русской армии сохранились некоторые рудименты поселенной системы.

Рекрутская повинность была наиболее социально травматичной. Разного рода уклонения от службы, членовредительство, симуляция болезней — все это крестьяне пытались использовать для того, чтобы избежать призыва. Дезертирство новобранцев принимало такие размеры, что офицеры, сумевшие привести их в полки без значительных потерь, получали награды. На сопредельных территориях образовывались целые поселения беглых, договоры с иностранными государствами содержали пункты о выдаче дезертиров. Чтобы осложнить солдатам бегство за границу, 100-верстная порубежная полоса исключалась из набора. Это сразу выводило за пределы призывного контингента нерусское население имперских окраин. Первый известный документ о призыве нерусских народов относится к 1722 г. Распоряжением военной коллегии предписывалось набирать малолетних татар в возрасте 10–12 лет, причем треть из них должна была служить денщиками у офицеров и генералов. Мордву и марийцев (черемисов) брали в рекруты наравне с русскими.

Рекрутчина была столь явным признаком принадлежности к податному сословию, что правительство не всегда решалось распространением ее «понижать» социальный статус той или иной категории населения в случае затруднений с определением сословных прав.

Бродяжничество и отсутствие паспорта являлось в России наказуемым деянием, поскольку означало уклонение от несения повинностей и уплаты налогов. Кроме того, человек, не принадлежавший ни к какой общине (цеху, гильдии и т. д.), бросал вызов социальной системе и государству. С петровских времен преступников и бродяг отдавали в солдаты, если они оказывались годными по возрасту и состоянию здоровья. Военное начальство сопротивлялось такой практике, но только в середине XIX в. правительство осознало плохую совместимость наказания с защитой престола, отечества и веры. Об этом свидетельствует предложение отдавать преступников в арестантские роты, а не в полевые части, поскольку «...поступление подобных людей в ряды войск представляется особенно вредным потому, что бродяги по большей части совершенно испорченной нравственности...»

Крестьянин, насильно вырванный из родной ему социокультурной среды и помещенный в совершенно чуждую ему обстановку, испытывал сильнейший стресс. Его организм, ослабленный непривычным питанием, непривычным режимом, становился легкой добычей разных хворей. Заболеваемость и смертность среди новобранцев была значительно выше, чем в стране и в армии. Потери войск на переходах «больными и отсталыми» в большой степени зависели от воинского стажа солдат. Через сто лет после Полтавской битвы в 1807 г. две пехотные дивизии, укомплектованные рекрутами, при выдвижении в район боевых действий оставили половину своего состава больными в госпиталях Минской и Виленской губернии.

В XVIII – первой половине XIX в. практика военного дела предполагала применение конницы для разведки, конвоирования и курьерской службы. Иррегулярные войска (казахьи и национальные) успешно справлялись с такими задачами. Замена их регулярной кавалерией заметно отягощала казну. В этой связи распространение рекрутской повинности на инородцев, формировавших национальные конные полки, было нецелесообразным. Но потребность в людях для регулярной армии, невысокие боевые качества полков из служилых татар, чувашей и мордвы привели к тому, что в 1719–1724 гг. «ясашные» Поволжья были переведены на подушное обложение. Еще ранее, с 1705 г. с них стали брать рекрутов. Рекрутчина была напрямую связана с тем, что инородец, переходя в категорию государственных или помещичьих крестьян, переставал в социальном плане быть инородцем.

В допетровский период Россия не имела регулярной армии как таковой, и все формирования Московского войска можно называть иррегулярными, причем одни части состояли из русских, а другие —

из инородцев. Регулярная армия, образованная на основе рекрутской повинности, была одновременно и продуктом, и инструментом вестернизации страны. У государства хватило сил европеизировать только сравнительно небольшую часть русского населения — дворянство. Рекрутчина, фактически пожизненная служба в нижних чинах, была нужна для образования особого европеизированного сословия. Не случайно следующим шагом правительства на этом пути стали военные поселения, представлявшие собой попытку создать более подготовленное в культурном отношении население.

Нерусское население было исключено из призывного контингента по двум причинам: 1) для того, чтобы стать солдатом, русский крестьянин должен был пройти повторную социализацию по квази-европейским стандартам, но на основе русского языка (командный язык, русские офицеры). В случае призыва инородца проблемы военных почти удваивались, так как сложную процедуру воспитания и обучения надо было проделать с человеком, не знающим основного языка общения; 2) набор в армию требовал существования определенных механизмов, которые были в русской деревне, но не всегда присутствовали в инородческой среде (община или полновластный помещик для определения кандидата в рекруты, узаконенная единица налогообложения как эрзац призывного участка и т. д.).

Рекрутчина — одна из тяжелейших повинностей русского населения, была невыносимо тяжела для инородцев, для которых регулярная армия прочно связывалась с насильственным крещением, с вынужденным переходом в иную культурную среду. Выходом из положения стало сохранение привычных форм несения воинской повинности нерусским населением. Поскольку рекрутчина являлась мощным рычагом социального регулирования, власти автоматически лишались такого средства вмешательства в жизнь нерусских народов. Особый социальный уклад инородцев, их «нерегулярность» избавляла от поставки солдат в регулярную армию.

Недостаток в хорошей регулярной кавалерии отчасти восполнялся наличием в армии царя многочисленных казачьих отрядов, конных дворянских ополчений и национальных конных формирований. Включение отрядов калмыков в состав вооруженных сил России началось еще в XVII в. Союз был выгоден обеим сторонам, имевшим общих противников, — башкир, казахов, ногайцев, горцев Северного Кавказа. Москва получала отряды конницы, приспособленной для войны в степях, калмыцкие тайши — сильного покровителя, право кочевать в районе Астрахани и посредника в перманентных конфликтах

с донскими, терскими и волжскими казаками. Первое документально зафиксированное обещание калмыков оказывать помощь русским ратным людям относится к 1618 г. В 1655 г. главы нескольких улусов поклялись в верности царю Алексею Михайловичу, обещая выслать отряды «...с государевыми ратными людьми вместе...» В 1673 и 1683 гг. калмыцкие владетели подтвердили свои союзнические обязательства особыми договорами. По соглашению 1697 г. Россия обеспечивала хана Аюку артиллерией с прислугой и боеприпасами в случае его войны с хивинцами и казаками и оказывала помощь войсками, если бы хан оказался жертвой нападения крымцев, башкир или казаков. В свою очередь Аюка обязывался помогать России всеми своими силами. В 1708 и 1710 гг. эти договоры возобновлялись, в тексте появились слова о жаловании, которое получали калмыки за службу русскому царю. Калмыцкая конница участвовала в походах на крымских татар в 1661, 1666, 1670, 1672, 1677 гг. В 1675 г. калмыки вместе с казаками прорвались через замерзший Сиваш в Крым. За помощь во время Азовских походов 1695–1696 гг. союзные тайши были награждены дорогими тканями. Отличились степные конники и в Северной войне. В одном из донесений генерала Рена сообщалось: «...калмыки многие селения шведские истребили огнем и мечом и 117 пленных привели в Петербург». Русский посол в Дании В. Л. Долгоруков писал в 1708 г.: «...все приезжие офицеры из обозу шведского в Стокгольм единогласно сказывают, что превеликую терпят обиду от партий, которые посылаются от войска вашего величества, а особенно от калмык и казаков, которые им выпастся не дают». В 1705–1709 гг. калмыцкие отряды оказали власти большие услуги по усмирению бунтующей казачьей вольницы в низовьях Дона и Волги. В этот период калмыки представляли собой грозную силу: даже славившиеся своей воинской доблестью кабардинцы сравнивали этих кочевников с опустошительной чумой.

Иррегулярные войска (казаки и национальные формирования) как нельзя лучше подходили для того типа боевых действий, когда тотальным разорением местности стремились устрашить противника и лишить его возможности запастись провиантом, фуражом и найти кров. В письме царю от 26 февраля 1708 г. Апраксин сетовал, что отсутствие казаков и калмыков в отряде генерал-майора Шомбурга не позволило тому расширить более 2–3 миль полосу, в которой все подлежало уничтожению.

Казаки, калмыки, башкиры и мари́йцы (черемисы) не могли выдержать удара дисциплинированных и сплоченных шведских эскадронов на поле боя, но могли измотать своего не столь выносливого против-

ника в т. н. «малой войне». В эпоху гладкоствольных ружей большая потребность именно в легкой коннице объяснялась тем, что она была своеобразными глазами и ушами армейского организма. Отсутствие технических средств разведки и связи вынуждало командование создавать вокруг основных сил завесу из конных дозоров, определявших месторасположение противника и одновременно препятствовавших врагу получать сведения о своей армии. Отсутствие сплошной линии фронта, довольно высокая мобильность войск требовали наблюдения со всех направлений. Для такой службы нужна физическая выносливость лошадей и всадников, способность переносить трудности бивачной жизни, иметь охотничьи навыки (уметь читать следы, устраивать засады, своевременно выявлять затаившегося врага и т. д.). Кроме того, разведчик должен был хорошо владеть навыками индивидуального боя, поскольку ему крайне редко приходилось действовать в составе целой сотни или, тем более, целого полка. Обычным для него была стычка с небольшой группой противника, когда бой распадался на несколько единоборств. Казаки и «инородцы» избегали столкновений с организованным, изготовившимся к бою и многочисленным противником. Они вообще шли на войну не для того, чтобы «сполнять присягу» и умирать на месте по приказу командования, а для того, чтобы вернуться домой с рассказами о своих подвигах и с выюками, туго набитыми добычей. Их стихией была «малая война» — налеты на обозы, на небольшие отряды, занимавшиеся хозяйственными делами. Солдаты заготавливали дрова, пасли армейских лошадей, косили траву, занимались устройством биваков и в эти часы оказывались практически беззащитны от внезапных нападений. Даже естественные потребности шведам приходилось отправлять на глазах сослуживцев, поскольку поиск укромного уголка мог закончиться смертью или пленом. Эта постоянная угроза тяжело действовала не только на нервы солдат и офицеров Карла XII, но и на их желудки. В Саксонии гренадеры в синих мундирах могли реквизировать что и где им вздумается и отправлять собранный провиант и фураж в расположение части под символическим конвоем. В России каждая вылазка за мукой и сеном рассматривалась как рискованная боевая операция. В результате шведская армия стала затягивать пояса и подпруги. В одном из писем английского посла Витворта упоминается странное презрение короля к обозам вообще, которое объясняется подражанием знаменитому Густаву Адольфу, отказавшемуся от повозок как от бремени, лишаящего войско подвижности. Но есть еще одно объяснение поведению короля: он видел, что обоз является главной це-

лью казачьих атак, в которых изнуряются, получают раны и гибнут его солдаты, причем гибнут бесцельно, так как в российских лесах уберечь все фуры практически невозможно. Именно отсутствие достаточного числа легкой кавалерии сыграло роковую роль в том, что корпус Левенгаупта не смог привести обоз к месту назначения. Генерал не знал точно, где находится король и где основные силы противника. Король, в свою очередь, недостаточно ясно представлял позиции и бедственное положение своего подчиненного.

Довольно действенным ответом могла стать польская легкая кавалерия, тоже мало приспособленная к большим баталиям, но вполне пригодная для «малой войны». Англичанин, современник тех событий, писал о том, что Карл XII имел реальные шансы переманить на свою сторону большинство польских магнатов и получить в свое распоряжение многочисленные вербованные эскадроны и шляхетские отряды. Эти войска могли прикрыть тыл и фланги шведской армии, избавить драгун от изнурительной аванпостной службы. Однако король «...не употребил никакой настоящей силы, чтобы привести недозвольную партию к покорности».

С 1700 по 1709 г. по рекрутским наборам было призвано более 130000 человек. При этом сохранялась и практика комплектования гарнизонных частей «людьми старых служб» — стрельцами, рейтарами, пушкарями, городовыми казаками и пр. В этот же период шел поиск оптимальной организации сухопутной армии, численного состава подразделений и соотношения родов войск (кавалерии, артиллерии и пехоты).

Поскольку на службу забирали в буквальном смысле силой, одной из главных проблем организации похода, бивака и особенно сражения являлась минимизация дезертирства. О полном пресечении такого явления никто даже не помышлял. Во время маршей пехотные колонны часто конвоировались казаками или драгунами, которые следили, чтобы солдаты не разбегались. Такие же меры принимались и на стоянках. В бою было удобно под шумок скрыться из вида командиров и, скрывая свое настоящее имя, искать лучшей доли, чем солдатская. Этим-то во многом и объясняется исключение ночи и леса из места и времени сражения: ввести солдат в темную чащу можно было легко, а вот вывести без потерь (даже не вступая в схватку с врагом) — почти невозможно. Отсюда и кажущаяся нерешительность командующих в XVIII в.: они подавались назад, не доводя дело до крайности. При организованном отходе полк можно было сохранить, при его бегстве (по деликатному выражению рапортов — «в беспорядке») беглых оказы-

валось гораздо больше, чем убитых и раненых. Когда дивизия Репнина 3 июля 1708 г. в районе Головчина после удара Карла XII откатилась к г. Шклову «в конфузии», в землю положили 113 человек, в лазареты — 218 человек, а объявили в розыск — 409 мушкетеров и драгун. У шведов-победителей вырисовалась очень похожая картина: в ходе наступления погибло 370 человек, ранено — 673 человека, пропало без вести около 600 человек. Во всех войнах информация о потерях всеми сторонами выражается в очень лукавых цифрах.

После каждого сражения окрестности поля боя наполнялись «отлучившимися от полков». Среди них были дезертиры в полном смысле этого слова: люди, решившие избавиться от служебной «лямки» и надеявшиеся каким-то образом найти себе новую жизнь. Много было действительно отбившихся от своих частей. Здесь мы видим оборотную сторону муштры и превращения солдата в механическую куклу. Во многих служивых так прочно вколотили представление о необходимости выполнять приказания, что при отсутствии таковых они действительно не представляли, что делать, и брели куда глаза глядят, с готовностью возвращаясь в строй, когда находился командир. Немало было и таких, кто видел в дезорганизации войска некий отпуск, не особенно надеясь надолго избавиться от унтер-офицерских окриков и жизни по барабанному сигналу. Наконец, среди этих «отлучившихся» были люди, получившие в бою тяжелую психическую травму, пытавшиеся «бежать от войны».

Конечно, чье-то тело не нашли, кто-то будучи раненым, отлеживался в доме добросердечных мирных жителей, кого-то поймали казаки и без огласки продали как холопа армейскому офицеру. Но как бы ни расходились данные рапортов с реальностью, огромное число людей, решивших спасти свою жизнь, невзирая на присягу, является неоспоримым фактом. 8 января 1709 г. для борьбы с дезертирством рекрутов царь повелел ввести во всех рекрутских партиях (отрядах) круговую поруку, «...дабы всякой мог ответ дать за своего товарища». Также он предписывал не давать им оружие до поступления в воинскую часть. О готовности Петра I жесткими мерами покончить с дезертирством свидетельствует собственноручная помета царя на «докладных пунктах», присланных в апреле 1709 г. И. А. Толстым. На вопрос «...за один и за два и за три побега солдатам что чинить?», последовал ответ: «Ныне сказать, а потом, кто побежит, за первое повесить».

Разбойники с давних времен были большой опасностью для путников на Руси. С введением рекрутской повинности их шайки полу-

чили новый источник пополнения. Петр I писал, что, если беглые рекруты «...превращаются в разбойников, то уж всяк может рассудить, от чего такие великие в государстве умножились воровские вооруженные компании, чтоб не от этих беглецов».

28 июля 1709 г., получив сведения, что при движении пехотных частей из района Полтавы к Риге остается много больных, симулянтов и дезертиров, Петр I приказал Б. П. Шереметеву сформировать специальные команды (100 драгун, несколько надежных офицеров и 1 полковник), которые должны были замыкать каждую дивизионную колонну и «...беглых имать, а больным брать подводы и всякое вспоможение чинить, понеже через такой долгий марш, если не будет доброго присмотру сзади, то могут многие тысячи убыть из армии». Однако все эти меры особых успехов не приносили: в 1710 г. из 1770 человек, назначенных для службы на кораблях Балтийского флота, бежало 1116. В 1712 г. рекрутов клеймили: на левой руке накалывали крест и натирали его порохом, чтобы по этому знаку можно было легко определить беглого.

На службе в мирного пахаря вколачивали не только премудрости военного ремесла, но и сам воинский дух. Общинный уклад основывался на принципе своеобразного «антилидерства», стремления быть «как все», который был диаметрально противоположен горскому культу удалства. Эта психологическая особенность русских крестьян проявлялась в фантастической спаянности и стойкости частей. Когда требовалось не только умение «стоять», но и навык принимать самостоятельное решение, брать на себя бремя лидера, такой лидер находился не сразу. Это противоречие было преодолено только после длительной боевой практики, когда полки становились для вчерашних крестьян вторым домом. Рост воинской корпоративной культуры привел к тому, что каждый нижний чин стремился к лидерству своей части. Полки стали соревноваться в доблести.

Несмотря на бодрые заявления Петра I о его удовлетворении тем, что в бою при Головчине «...наши прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хорошенько, и что от всей его армии одна наша треть так выдержала и отошла», Карла XII царь явно побаивался. Когда обнаружилось намерение короля идти на Могилев, было принято решение оставить этот город без боя. В первой половине XVIII в. ни военные обычаи, ни международное право не ограждали мирное население от бесчинств военных. При этом во многих случаях не было заметно особой разницы в поведении своих войск и войск вражеских. Шведы, выбивая из жителей Могилева наложенную на

город контрибуцию, «...в погреба сажали их, мучили голодом и в холодную воду нагих сажали, и на балках под потолками завешивали, и разными иными мучениями мучили как разбойники».

Армии западных государств, послужившие образцом для России, представляли собой структуры, являвшиеся продуктом европейской цивилизации. Их системы комплектования были теснейшим образом связаны с социально-экономическими реалиями своего времени. Характер вооружения определялся уровнем технического развития, а оно, в свою очередь, формировало представления о тактических приемах. Лица, принимавшие стратегические решения, опирались на мощный пласт особой военной науки, в которой видное место занимала история военного искусства. Писанные и неписанные нормы поведения на войне составляли часть общего европейского правового поля. Сам рисунок вооруженных конфликтов на территории Старого Света соответствовал политической и военно-технической организации пространства. Кроме того, европейское военное дело было теснейшим образом привязано к тем природным условиям, в которых оно сформировалось: густонаселенная равнина, на которой доминируют освобожденные от леса площади, и умеренный климат.

До широкого внедрения огнестрельного оружия развитие военного дела определялось лимитом энергетической мощности человека, которая, как известно, очень невелика. Еще в эпоху Античности пытались решить эту проблему путем суммирования физических возможностей отдельных воинов с помощью сомкнутого построения, что обернулось уничтожением их как самостоятельных боевых единиц. Стремя, придавшее всаднику небывалую ранее устойчивость, позволившее соединить энергию верховой лошади с боевыми возможностями управляющего ею человека, на несколько столетий сделало конного воина самой мощной военной машиной, что предопределило доминирование рыцарской конницы в Средние века. Изобретение и широкое применение гладкоствольного, заряжающегося с дула огнестрельного оружия поменяло местами кавалерию и пехоту, ставшую благодаря своей многократно возросшей энергетической мощи главным видом войск. Однако военно-технологические проблемы (малая скорость и точность стрельбы, недостаточная надежность и т. п.) не позволили пренебречь сомкнутым строем как средством аккумуляции энергии отдельных воинов.

Тактика XVIII – первой половины XIX в. была нацелена на максимальную реализацию возможностей гладкоствольного оружия и масс пехоты при ничтожном значении отдельного солдата. Поэтому вся

организация европейского военного пространства определялась в эту эпоху действиями армий, где главную силу составляли не пехотинцы, а именно пехотные части. Не случайно во всех европейских языках место сражения называется полем битвы (*champ de bataille*, *battlefield* etc.). Это — отражение практики организации боя на открытом пространстве, необходимом для развертывания войск и управления ими. Горные и лесные массивы считались военными теоретиками серьезными препятствиями, операции в них являлись редкими исключениями.

Сама система воспитания и обучения рядового и даже офицера в регулярной армии, особенно в период господства линейной тактики и сомкнутого строя, была направлена на подавление его индивидуальности. Тактические приемы и вооружение также были ориентированы на коллективные действия. Как только эти действия встречали серьезные препятствия, регулярная армия теряла значительную часть своей боевой мощи.

На европейских культурных реалиях были основаны и тактические воззрения. Боевые уставы конца XVII — первой половины XIX в. поражают сложностью и многообразием пехотных и кавалерийских эволюций, но большая часть из них являлась продуктом кабинетного творчества и не применялась в полевых условиях. Данные построения позволяли с максимальной эффективностью использовать возможности огнестрельного оружия и регулярной армии. В европейской войне место расположения противника в большинстве случаев было известно обеим сторонам, и атаки с тыла являлись большой редкостью. Марши войска совершали так называемым походным порядком, колоннами, позволяющими наиболее эффективно использовать дороги, проложенные для колесного транспорта. Кавалерийские части шли в голове колонны и замыкали ее, прикрывая на случай внезапных атак. Артиллерия двигалась в середине колонны, а обоз — ближе к ее концу. При появлении противника части совершали перестроение в боевой порядок. Время, на это затрачиваемое, зависело от численности, дисциплины и выучки солдат. Промежутки между пехотными частями использовались для кавалерийских атак и действия артиллерии, если не было возможности поставить пушки на возвышенностях позади пехоты. Фланги также прикрывались конницей, которая должна была в случае неожиданного появления противника задержать его и дать пехоте время развернуться в нужном направлении. Обоз размещался позади фронта, где было самое безопасное место. Обе стороны проделывали при встрече одинаковые манипуляции, а схемы многих сражений просто копировали друг друга.

Вооруженные силы империи, будучи наиболее вестернизированной системой дореволюционной России, неизбежно копировали обмундирование европейских армий. Конструкция военной одежды определялась потребностями крепления лат и рядом специфических условий западного средневекового военного быта. В эпоху холодного оружия все элементы снаряжения имели жизненно важное значение, и это отношение к «ремешкам» перекочевало в обмундирование регулярных войск Нового времени. Военная форма сигнализировала об элитарности ее владельца, о его принадлежности к государственной службе, выделяла его из числа простолюдинов. Несмотря на то, что в наемных армиях Нового времени нижние чины вербовались из социальных аутсайдеров, покроем их одежды напоминал «господский». Уже одно это обстоятельство было препятствием для того, чтобы мундир стал удобной одеждой для ратного труда. В войнах Старого Света боевые действия разделялись периодами бездействия, технология и обычаи войны не предполагали ночных сражений, внезапных нападений и т. п. Высокая плотность населения позволяла войскам находить кров. В холодное время года ночевали на бивуаках только в условиях близости неприятеля, когда надо было частям быть в сборе. Вообще предпочитали воевать летом и в хорошую погоду (дождь затруднял снаряжение). «Регулярная» война, умеренный климат и некоторое культурное наследие Средневековья породили тип европейской военной одежды, мало приспособленной для «настоящей» войны. Эволюция мундира в XVII – первой половине XIX в., проходившая в эпоху господства сомкнутого строя, в большей степени отвечала требованиям военной моды, использованию одежды как сигнальной системы для управления войсками и развивавшейся плац-парадной субкультуре, считавшейся тогда едва ли не важнейшим элементом военного дела. Русская армия старательно копировала малопригодные иностранные образцы, а трезвые суждения о необходимости повышения практичности солдатской одежды записывались в актив военачальникам как признак их высоких профессиональных качеств.

Безоговорочное признание прогрессивности петровских преобразований в военном деле не исключает сомнения в пригодности новой униформы для климатических условий России и вообще для боевой практики. Здесь сравнение одежды стрельцов и одежды драгун явно не в пользу вторых. Разумеется, часовой в козловых сапогах, в колпаке и в кафтане покроя «а ля Иван Грозный», поставленный в Петергофском Монплезире, пугал бы всех как призрак времен мятежного князя Хованского. Гораздо органичнее на натертом паркете

возле картины с видом итальянского водопада или под портретом греческого бога смотрелся бравый детина в панталонах до колен, в натянутых чулках, в башмаках с пряжками, в кафтане «немецкого покроя» и в треугольной шляпе. Но в дозоре, на пронизывающем ветру, в осенней прохладе (про трескучий мороз даже не говорим!), наглядный символ перемен — европейский мундир — становился сущим проклятьем.

Практически со всеми вышеперечисленными проблемами пришлось столкнуться и создателям отечественного военно-морского флота. В 1708 г. Россия располагала на Балтике уже внушительными по численности эскадрами — 12 линейных кораблей, 8 больших галер и около 300 гребных и парусных судов других классов. Но решиться на генеральную морскую битву петровским флотоводцам было так же непросто, как самому царю принять сражение на суше. Качество кораблей было невысокое, выучка экипажей — слабая. Состояние шведского флота также было не блестящим, но все же лучшим. К тому же в любой момент могли появиться английские эскадры и лишить корабли под андреевским флагом всяких шансов на успех. Тем не менее, в сражениях при Гангуте, Гренгаме и Ревеле, в ходе десантных операций на территории Финляндии и Швеции русские моряки доказали свое превосходство и к 1721 г. установили господство на Балтике.

Российские вооруженные силы создавались в экстремальной обстановке войны, при максимальном напряжении финансовых и административных сил государства, при сильном сопротивлении «радетелей старины», при остром дефиците подготовленных командных кадров. Многие социокультурные реалии страны мешали «имплантации» западной военной организации, и надо было вырабатывать механизмы адаптации. Но несмотря на это, Петру I удалось за два десятилетия создать мощные вооруженные силы, позволившие России занять место в строю великих держав и решить ряд внешнеполитических задач. Лучшие умы России понимали огромное значение военной составляющей в истории нашей страны. По мнению А. С. Пушкина, «...Россия вошла в Европу как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы». В. Г. Белинский считал, что без создания мощной армии и флота «...Россия, может быть, сблизилась бы с Европою и приняла бы ее цивилизацию, но точно так же, как Индия с Англиею».

Глава III

ПОХОД КАРЛА XII В РОССИЮ

Венчанный славой бесполезной,
Отважный Карл скользил над бездной.
Он шел на древнюю Москву,
Взметая русские дружины,
Как вихорь гонит прах долины
И клонит пыльную траву.

А. С. Пушкин

В 1708 г. философ Лейбниц получил от датчанина Урбиха, находившегося на русской дипломатической службе, письмо, где среди прочего говорилось: «Вы правы, что война между царем и шведом не кончится, пока не погибнет тот или другой. Правдоподобнее, что это случится скорее с Карлом XII, чем с царем; у нас есть и всегда будет возможность оправиться, если же шведы будут побиты, то они не оправятся и в сто лет. Поэтому шведскому королю следовало бы заблаговременно подумать о мире, возвратив царю то, что прежде ему принадлежало... Если король шведский не сделает этого, то я опасаюсь, что ни его армия, ни он никогда не возвратятся живыми в Швецию».

Российский корреспондент знаменитого мыслителя оказался пророком. Войско Карла XII сгинуло на просторах между Гродно и Полтавой, а он сам увидел родные края после пяти лет вынужденного проживания в Турции.

Россия за первые семь лет войны сумела захватить большие территории в Прибалтике и нанести шведам ряд поражений. Однако все это происходило в отсутствие самого Карла XII и его лучших полков. Поскольку время в таких условиях работало на Россию, лучшим способом ведения войны было всяческое уклонение от генерального сражения. Связывание Карла XII боевыми операциями в Польше, подальше от российских границ, выглядело наиболее предпочтительной стратегией. Но сосредоточение там русской армии также таило в себе опасность, поскольку король, знаменитый своими быстрыми маневрами, мог отсечь ее от родных рубежей, заставляя тем самым действовать на территории, где вчерашний союзник легко превращался в

завтрашнего врага. Кроме того, пребывание русских войск в Польше нервировало западные державы и Турцию, осложнение отношений с которыми никак не входило в планы Петра I.

Петр прекрасно понимал, что Карл XII накапливает силы и не откажется от своих владений в восточной Прибалтике, находившихся к тому времени в русских руках. Царь пытался заключить мир при условии, что России будет уступлено только устье Невы, а остальные завоеванные земли вернутся под власть Швеции. Россия приглашала в посредники страны Высокого союза (Англия, Голландия, Австрия) и была готова немедленно предоставить в их распоряжение 15000 солдат, а после заключения мира со Швецией удвоить их число. Но в глазах европейцев, еще находившихся под впечатлением «первой Нарвы», русская военная помощь не имела особой цены. Русские дипломаты едва сумели добиться того, чтобы французы прозондировали возможность заключения мира. И это при том, что Людовик XIV сам был заинтересован в скорейшем окончании войны в Восточной Европе, поскольку только в этом случае можно было рассчитывать на вторжение шведов на земли австрийского императора. Но Карл XII отверг переговоры с Петром I. Бескомпромиссность короля объяснялась тем, что он не просто хотел вернуться к границам 1700 г., а намеревался надолго лишить Московию всяких возможностей вредить его державе. С этой целью он планировал не только разгромить армию противника, но и заменить Петра I на польского ставленника, разделить Россию на несколько вассальных государств и вернуть боярской аристократии прежнее влияние. После заключения мира с Августом II Карл XII настолько уверовал в скорую победу над Россией, что назначил генерал-майора Шпарра московским генерал-губернатором. Предполагалось присоединить к Швеции псковские и новгородские земли, а также европейский север. Польше отдавалась Украина и Смоленск. Регулярная армия подлежала роспуску.

Международная обстановка в целом была неблагоприятной. Датский король боялся своего северного соседа. Он мечтал о том, чтобы грозные шведские батальоны двинулись куда-нибудь подальше от его границ, но опасался, что после окончательного разгрома России (несомненный тогда для всех результат!), Карл XII вернется к «датскому» вопросу, и тогда Фредерику IV придется несладко. Все надежды в Копенгагене возлагали на Англию и Голландию, которые в своих стремлениях поддерживать равновесие на Балтике задумывались о мерах по укрощению «шведского льва». Фредерик IV мог решиться на активные действия только при условии, что его грозный про-

тивник прочно увязнет в России. Мало было надежд и на Августа II. Саксонию разграбили шведские войска. Сам король решил «сварить свою похлебку» на огне войны, полыхавшей в Европе. Он выделил 17000 солдат Высокому союзу, выговаривая за это себе Неаполитанскую корону и Испанские Нидерланды. Поэтому он, сохраняя надежду и на возвращение польского престола, крайне осторожно интриговал против С. Лещинского и реальной помощи Петру I оказать никак не мог. «На Россию» работала только французская дипломатия: в Париже хотели столкнуть протестантскую Швецию и католическую Австрию, а для этого надо было вернуть полки Карла XII в Центральную Европу. А полки эти представляли грозную силу. Саксонский генерал М. И. Шуленбург так оценивал состояние шведской армии после ее стоянки в Саксонии: «Все части шведского войска, как пехотные, так и конные, были прекрасны. Каждый солдат хорошо одет и прекрасно вооружен. Пехота поражала порядком, дисциплиной и набожностью. Хотя состояла она из разных наций, но дезертиры были в ней неизвестны». Обнищание населения облегчало работу королевских вербовщиков. Шведские пленные рассказывали в апреле 1708 г., что «...в рекрутах нужды нет, довольно идут из мужиков от великого голоду, записываются сами в службу». В то же время, по тем же источникам, уменьшение конского поголовья создавало большие проблемы с поставками строевых лошадей для драгунских полков.

Несмотря на занятость вопросами организации обороны страны, Петр I много внимания уделял и восстановлению Северного союза, но пока Карл XII был силен, реальной помощи от датчан, саксонцев и поляков ожидать не приходилось. В тех условиях более важной оказалась позиция Турции и ее вассала — Крымского ханства. В данном случае, разумеется, речи не шло о союзе. Главной задачей было удержание этих мусульманских государств от вступления в войну.

Хан Девлет-Гирей II мечтал о независимости от Турции, но понимал, что это возможно только при условии слабости России. Крымский хан слышал от своих мурз: «Теперь московский царь тебе починки [подарки. — *В. Л.*] шлет, чтобы короля извоевать; а когда короля извоеует, то нашему юрту от него не пробыть; он и казанцам шубу давал, а после того и Казань взял». Поэтому он искал союзников на Украине, в Польше, в Швеции и нашел их. По данным шведских историков, в мае-июне 1709 г. крымские татары всерьез намеревались вступить в войну. В ставку Карла XII прибыла делегация во главе с начальником ханской гвардии, который объявил о готовности напасть на русских при условии подтверждения того, что

шведы не заключат сепаратного мира и не оставят Бахчисарай с глазу на глаз с Москвой. Кроме того, послы прозрачно намекнули на необходимость финансовой помощи, рассказав, что русские пообещали татарам солидные суммы за соблюдение нейтралитета. О том, что угрозу шведско-татарского союза всерьез воспринимал Петр I, говорит тот факт, что корпус под командованием Шереметева в конце мая передвинулся с коммуникационных путей, соединявших короля с Польшей, на дороги, ведущие от Полтавы в Крым. Более того, в мае 1709 г. царь находился не в районе осажденной крепости, а в Азове, где руководил спешной подготовкой флота. Русские корабли должны были провести демонстрацию у берегов Крыма, для того чтобы татары и турки отказались от помощи шведам. Даже после Полтавы Девлет-Гирей был готов вести свою 40-тысячную армию на Россию и помогать Карлу XII пробиться в Померанию. Крымский хан отказался от переговоров с делегацией, направленной Петром I. Но явное нежелание Стамбула начинать войну летом 1709 г. остановило его воинственный порыв. Турция считала несвоевременным свое участие в конфликте: ситуация в Европе, где шла война за испанское наследство, позволяла султану решать свои политические проблемы, не тратя сил и средств, истощение северного соседа в затянувшейся войне со шведами представлялось лучшим вариантом. В феврале 1709 г. Петр I приказал И. А. Толстому прозондировать почву на предмет возможного союза с кабардинцами, воевавшими тогда с Крымским ханством.

Поскольку намерения Карла XII были неясны, русское командование расположило войска таким образом, чтобы в случае надобности перевести их на Петербургское или на Московское направление. Шведы располагали значительными силами в Прибалтике и сильным флотом, способным перевезти тысячи солдат, припасы и артиллерию. Они могли нанести удар практически в любой точке от Ревеля до Санкт-Петербурга. В районе Выборга располагался корпус генерала Любекера (12000), в Курляндии — Левенгаупта (16000). Русская армия была разделена на три части, что позволяло не только прикрывать оба важнейших направления (Петербургское и Московское), но и своевременно усиливать находящиеся там войска. Главные силы под командованием Шереметева (83000) располагались в районе Борисова и Шклова (Белоруссия). Ингерманландию защищал корпус Апраксина (24000). Между ними в районе Юрьева стоял корпус генерала Боэра (16000), который в зависимости от ситуации двигался на северо-восток или на юго-восток. Русский план кампании строился на уклонении по возможности от генерального сражения. Военный

совет принял план отступления, в ходе которого противнику оставалась выжженная земля. Царь приказал на пространстве от Пскова до Киева в полосе шириной в 200 верст всему населению спрятать съестные припасы и укрыться в лесах и болотах.

Узнав о выступлении главной шведской армии из Саксонии, Петр I отдал несколько распоряжений касательно организации обороны. О его готовности сражаться до конца красноречиво свидетельствует устройство укреплений в Москве, Можайске, Серпухове и Троице-Сергиевом монастыре. Эти действия породили такие панические слухи о приближении противника, что царь счел необходимым обратиться к народу со специальным посланием: «Известно нам здесь учинилось, что у вас на Москве немалой страх произошел оттого, что стали крепить московские города, и то нам зело дивно и смеху достойно... Ныне при помощи божией в таком наше войско состоянии, что еще никогда такова не бывало, и неприятель не точию нас страшит, но и сам в весьма в великом страхе суть, а паче от Калишской преждебывшей счастливой баталии в непрестанном сомнении пребывает... Мочно вас рассудить и в безопасности быть, что не к нам неприятель приблизился, но мы к нему, и не мы его боимся, но он нас... Но осторожного коня и зверь не вредит...» В условиях крайнего недостатка денег был отдан приказ о переплавке в монеты старинных вещей (за исключением особо ценных) Патриаршего, Монастырского и Казенного приказа. Смоленские дворяне были освобождены от податей за 1709 г. и от недоимок за прошедшие годы в связи с разорением их имений ввиду подхода шведов.

Армию в 35000–40000 человек Карл XII считал достаточной для победоносного похода на Москву. Единственным его опасением было то, что придется гоняться за Петром I так же, как он гонялся за Августом II. Этим объяснялся его гнев в адрес австрийского императора Иосифа I, затягивавшего переговоры и дававшего тем самым русским ускользнуть от его разительного удара. Российский поход начался 28 января 1708 г., когда шведы вошли в Гродно, откуда они двинулись на Сморгонь, где стояли более месяца. Следующую еще более длительную остановку королевское войско делает в Радошковичах, откуда уходит только через три месяца. Это совсем не похоже на стремительную гонку, которую любил и умел устраивать Карл XII. Его скрытность и нежелание обсуждать военные планы даже с ближайшими придворными и генералами заставляют только догадываться о причинах тех или иных его решений. Историк Нордберг, сопровождавший его в походе, писал о настоятельной необходимости пополнить припасы и дать

время многочисленным раненым поправить здоровье. Пройдя в начале июня через Минск, 18 июля шведы вошли в Могилев и пробыли там целый месяц, после чего двинулись навстречу корпусу Левенагаупта, продолжавшего свой тяжкий путь из Курляндии. Двигаясь в направлении Смоленска, в августе-сентябре шведы имели два авангардных «дела» с русскими войсками, в которых несли тяжелые потери, не окупаемые результатами этих боев. В конце августа 1708 г. группировка генерала Рооса неосмотрительно оторвалась от основных шведских сил. Внезапная атака в ночь на 30 августа, осуществленная войсками под командованием М. М. Голицына, принесла успех. От полного разгрома Рооса спас только подоспевший на помощь король. Потери шведов вдвое превышали урон русских (1600 человек против 3000 человек). Маневры Карла XII во многом объяснялись его стремлением занять наиболее выгодную позицию для соединения с корпусом генерала Левенгаупта. Действия русской стороны диктовались прежде всего расчетом на недопущение этого соединения и надеждой разбить эти две части шведской армии по отдельности.

Карл XII продолжал продвигаться на восток, но в районе городка Стариши опять натолкнулся на русскую армию. В этом городке, который оказался самым северным и самым восточным пунктом продвижения шведов, 11–13 сентября 1708 г. проходил военный совет. Общим мнением была невозможность продвижения прямо на Москву, поскольку для этого пришлось бы двигаться по разоренной местности и сражаться на укрепленных позициях, которые заблаговременно подготовили русские. У короля было достаточно сил, чтобы до наступления сильных холодов достичь Смоленска и даже овладеть этим важным стратегическим пунктом. Но в таком случае его армия потеряла бы слишком много солдат в неизбежных боях с петровскими полками на промежуточных рубежах и при штурме сильно укрепленного города. Даже при полном успехе (что было сомнительно из-за отсутствия осадной артиллерии) шведы оказывались на зимних квартирах не в богатой и смирной Саксонии, а в дотла разоренной Смоленщине, имея в тылу такую же разоренную (и до разорения небогатую) Белоруссию. В этих условиях существовали два варианта — отступление в Польшу или поиск места с достаточными припасами для сытной зимовки и для организации нового похода на столицу России. Было принято решение идти на Украину. Там были запасы продовольствия, был Мазепа, обещавший привести огромное казачье войско. Появление шведских знамен на южных рубежах России должно было, по мнению Карла XII, подтолкнуть Турцию и

Крымское ханство к войне с Москвой. Против этого выступил граф Г. Пипер. Он заявил: «Никто не может гарантировать, что шведский солдат, который до сих пор сражался с радостью, не разочаруется во всем, наконец, что ему даже и жизнь надоест, когда он увидит, что его привели в страну, откуда выйти когда бы то ни было у него нет никакой надежды... Концом всего этого будет полная гибель столь цветущей армии, с которой король совершил такие блестящие деяния, и эта потеря будет невозстановимой как для самого короля, так и для шведского королевства». Пипер осторожно оценивал помощь со стороны Мазепы и предсказывал гибель корпуса Левенгаупта.

Король приказал повернуть на юг. Однако в большинство пунктов, где было сосредоточено продовольствие, шведам попасть не удалось. Запасы провианта в Батурине были уничтожены русскими войсками вместе с самим городом. У Карла XII был шанс прорваться на восток, в богатую Слободскую Украину через Стародуб, но он его не использовал, не желая «тратить» солдат в стычках с русскими заградительными отрядами. Уход Карла от Стародуба был настолько неожиданным для русского командования, что оно даже заподозрило противника в какой-то хитроумной операции. Фельдмаршал Шереметев писал В. Долгорукому: «Хотя неприятель от Стародуба и уступает якобы к Черниговскому тракту, и языки о том подтверждают, однако ж я имею опасность такую, дабы он лукавого маршу не учинил и, сведши войско за Десну, не обратился назад». Один из ближайших сподвижников Карла XII историк Нордберг писал по поводу такого изменения маршрута: «Намерение короля воспрепятствовать москвитам проникнуть в Украину провалилось, таким образом, потому, что Стародуб был главным городом этой провинции и единственным местом, откуда русские могли в Украину проникнуть. Кроме того, мы лишились зимних квартир, где армия могла бы найти в изобилии средства существования: все деревни были полны фуража, а города снабжены всем, что только можно было себе пожелать».

Движение основных шведских сил на юг предопределило гибель корпуса генерала Левенгаупта, который продолжал двигаться из Курляндии. Шведам удалось выиграть время, подослав к Петру I своего шпиона, который указал ложное направление движения обоза. Это позволило Левенгаупту за три дня переправить все повозки и всех людей через Днепр в районе Шклова. Лазутчик поплатился своей жизнью.

Всего за два дня до сражения при Лесной царь узнал, что обоз в 8000 повозок сопровождает не просто конвой численностью в

8000 человек, а вдвое больший по численности корпус, составленный из боевых батальонов и эскадронов. 27 сентября у деревни Долгий Мох русская армия вошла в соприкосновение со шведской. Левенгаупту необходимо было прорваться к переправе у городка Пропойск, где особый отряд наводил мост через р. Сож. Основные свои силы шведский генерал сосредоточил у деревни Лесная, собираясь дать бой наступающим войскам царя Петра. На левом фланге двигался Меншиков с шестью драгунскими и двумя пехотными полками. На правом, где был сам царь, — два гвардейских полка (Семеновский и Преображенский) и три полка драгун. В резерве оставили тысячу драгун под командованием полковника Кемпеля. Начало сражения не предвещало русским ничего хорошего. Шведы не дали отряду Меншикова развернуться из походного порядка в боевой и начали его теснить. Драгуны, двигавшиеся по лесной дороге, не могли оказать помощи своим передовым частям. Но появление «царской» колонны позволило исправить положение. Через час после первого выстрела уже пришел черед шведов обороняться. Они медленно и в полном порядке отошли к своему вагенбургу. Наступило затишье: Петр ждал подхода отряда Боура, а Левенгаупт — батальоны, защищавшие переправу у Пропойска. В ночь на 29 сентября шведский командующий убедился, что его войска не в состоянии обороняться. Он приказал бросить вагенбург вместе с орудиями, припасами и ранеными и под прикрытием темноты налегке двигаться к переправе, где была сосредоточена значительная часть его обоза. Этот маневр ему удался, но не позволил спасти остатки обоза. Мосты навести не удалось, все повозки пришлось бросить. Шведы двинулись вниз по течению р. Сож в поисках удобного брода. Им опять удалось на время оторваться от преследователей ценой оставления орудий и значительной части боеприпасов. Кроме того, жестокому избиению подвергся заградительный отряд, который прикрывал отход корпуса Левенгаупта: «Когда сей жестокий бой уже в самую темную ночь окончился, и тогда остаток от шведского войска, которого он с три или четыре тысячи быть чает, под защищением темноты наскоро через речку, которая у них в тылу была, в совершенном смущении спастись трудились... Ни генералов, ни офицеров уж не слушались и как кавалерия так и инфантерия смешався бежали...» Русская конница еще несколько дней тревожила разбитый корпус своими налетами на другом берегу реки. Русским досталось несколько тысяч повозок с различными припасами, 17 орудий, 44 знамени и более 1000 пленных (в том числе 45 офицеров). Царь высоко оценил значение этого боя: «Сия у нас

победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому ж еще гораздо меньшим числом будучи перед неприятелем, и поистине оная виною всех благополучных последствий России, понеже тут первая проба солдатская была, и людей конечно ободрила, и мать Полтавской баталии, как ободрением людей, так и временем; ибо девятимесячном времени оное младенца участие принесла».

История битвы при Лесной имеет одну загадку. Краеведы в августе 2008 г. провели на месте событий трехсотлетней давности поисковую экспедицию с использованием современных металлоискателей. Работа дала очень скромные результаты: 19 мушкетных и пистолетных пуль того времени, 1 картечь, 4 фрагмента военной амуниции начала XVIII в. Местные жители отрицают находки подобных предметов во время обработки почвы. Это позволило некоторым историкам даже поставить вопрос о мифологизации если не самого события, то его масштабов и характера, поскольку материальные следы боя никак не соответствуют его описанию в рапортах и в работах историков, основанных на этих рапортах.

Находки последних лет в шведских исторических архивах позволяют утверждать, что после боя при Лесной около 1500 солдат и офицеров корпуса Левенгаупта сумели вернуться в Курляндию. Кроме того, из этих документов, информативность и достоверность которых не вызывает сомнений, следует, что мост через Леснянку не был захвачен русскими, что командир шведского корпуса при отступлении не приказывал утопить пушки в реке. Орудия были потеряны позднее, когда выяснилось, что тащить их по раскисшим дорогам нет никакой возможности. Многие солдаты и офицеры сумели пробраться по лесам и болотам, скрываясь от казаков и калмыков, разъезды которых перекрывали все дороги. Некоторые истории спасения выглядят фантастическими, но реалии войны вовсе не отрицают таких. Рядового Пуно казаки раздели догола, нанесли 10 ран пикой и бросили умирать. Каролин очнулся и сумел доковылять до Шклова, где его стали лечить армейские врачи. Драгуны, пленившие раненого лейтенанта Лундмана, только раздели его донага и отпустили.

Как известно, действия «дубины народной войны» не отрицают возможности гуманного отношения к противнику. Жестокие расправы над пленными и добивание раненых являлись одной из мрачных реальностей Северной войны, но имели место и проявления милосердия. Рядовой Аоска, тяжело раненный при Лесной, был спасен местным крестьянином (сам спасенный называл его «боярином», ве-

роятно потому, что считал боярами всех владельцев пышных бород). «Супостата» кормили, лечили, прятали, а потом доставили в безопасное место. Раненого в ногу рядового Сиги в еврейском местечке лечили три месяца, не взяв с него ни копейки. Солдат Нурри избежал плена или гибели благодаря православным монахам, которые тайно переправили «еретика» через р. Сож.

Разгром Левенгаупта и потеря обоза были сильным ударом для шведов, которые уже вскоре после начала похода стали испытывать нехватку продовольствия, о чем сообщил немец Нейман, добровольно сдавшийся в плен 17 сентября 1708 г. Этот саксонец попал в плен при Фрауштадте и был насильно завербован в драгуны. Его рота по выходу из Саксонии насчитывала 125 человек, из которых к зиме осталось 80. Но были и роты, в которых в строю стояло всего 30–40 человек. Он сообщил также, что шведы «от страха принуждены были лошадей не расседлывать и не вынуждывать, отчего многие лошади от бескормицы и непойл попадали...» Недостаток продовольствия и нерегулярная выплата жалования привели к тому, что румыны-наемники уже в июле 1708 г. «...с пятьдесят человек, отдав поклон королю шведскому, отъехали прочь». Те же румыны (волохи), которые остались под знаменами Карла XII, не считали за преступление поболтать с соплеменниками, воевавшими на другой стороне, и даже рассказать о действиях шведских войск. Находились и такие, кто видел, к кому благоволит fortuna, и, соответственно, переходили на сторону будущих победителей. 4 августа 1708 г. Волконский писал Меншикову: «...послал в подъезд [разведку. — В. Л.] волохов, казаков и калмыков с майором Вяземским и велел им смотреть на неприятеля, куда будет обращаться, и впредь буде какие получу ведомости о том, и твоей светлости писать буду; да приезжал к нашей вахте волох на той стороне Днепра и через реку говорил нашим караульным драгунам, что король шведский сего числа будет перебираться на эту сторону. P.S. Выехал к нам волох от шведского войска и сказал, что неприятельские люди, конница, перебираются сего числа с самого утра на три моста вся, и я того волоха послал к твоей милости». Петр I, понимая значение дезертирства из армии Карла XII, требовал от своих подчиненных по-разному относиться к перебежчикам и тем, кто был взят в бою. Он писал генералу Боэру 19 сентября 1708 г.: «...объяви всем как офицерам, так драгунам, а особливо казакам, которые в том злодействе обвыкли, дабы отнюдь не дерзали ничего брать и озлобления чинить дезертиром. А ежели кто после объявления сего указа дерзнет так учинить, то, не описываясь к нам, такого преступника вели повесить».

Уже вскоре после начала «русского похода» шведская армия стала испытывать большие проблемы с продовольствием и фуражом. В сентябре 1708 г. один из королевских офицеров в своем письме так охарактеризовал положение дел: «Голод увеличивается в армии со дня на день, там уже совсем не знают, что такое хлеб, полки живут только кашей, вина нет ни в погребе, ни за столом короля; король, офицер и солдат одинаково пьют воду, о пиве поминают только в пожеланиях, простой, даже самой зловонной водки у нас нет вовсе, и, как будто разгневанное небо согласилось с нашими врагами лишить нас всего, что могло бы служить нам пищей, нельзя найти ни одной штуки дичи, и это в стране и в лесах, где раньше все кишело дичью для охоты. Царь приказал, чтобы при нашем приближении была выжжена вся местность от границы до мест в двух милях от Смоленска и в обширной стране, столицей которой является Смоленск... Как мы будем жить в этой ужасной пустыне? О, как тяжела эта кампания, как мы страдаем больше, чем это можно выразить, и как это мало сравнительно с тем, что придется вынести дальше! Заморозки, очень частые в этих странах, перемежающиеся с сильными холодными дождями, очень увеличивают наши бедствия».

Не следовало Карлу XII ожидать значительной помощи от С. Лещинского, который писал в «инструкции», данной Понятовскому — представителю польского престола при шведском короле, в сентябре 1708 г. о чуме, опустошавшей Речь Посполитую: «Это жестокое зло каждый день все более и более распространяется и обезлюживает как города, так и селения. Оно является следствием повсеместного голода в стране и, обрушиваясь главным образом на неимущих, ведет к повальному вымиранию. Те из дворян и народа, которые в прежние времена жили безбедно, теперь не имеют хлеба, так как разорены частым прохождением войск, а если у них что-либо и осталось, то в таком малом количестве, что едва хватает им самим... Беспорядки не позволяют бороться с указанной болезнью, устроить как следовало бы госпитали для больных и комитеты для оказания помощи бедным... Мои сбережения истощены, мои наследственные владения сожжены, а народные бедствия не позволяют найти нигде ни помощи, ни кредита...»

Один из современников оставил такую картину районов, к которым приближались шведские войска: «...вся местность кругом стояла в огне; горизонт окаймлялся горящими селами, воздух был так наполнен дымом, что едва можно было видеть солнце; опустошение распространилось уже до Смоленска».

Проблемы снабжения усугублялись постоянными нападениями русских отрядов на фуражиров, на их обозы, как об этом писал Волконский Меншикову 16 августа 1708 г.: «...Посылал я под неприятельское войско майора Чирикова и с ним казацких полковников Саву Кочетова да Оксена Фролова и казаков и калмыков, и как наши люди приехали в деревню, в которой от их войска готовили провиант, и в той деревне взяли двух человек шведов и многих покололи и из той деревни подъехали под самое их войско под обоз и из обоза выступили их шквадроны, и был у них бой, и застрелили под казацким полковником Кочетом лошадь, и та лошадь под ним упала, и в те поры приехал к нему Кочету его писарь, и он лежит подле той лошади, и он его поднял и увидал, что он ранен в голову, и в те поры наступили на него шквадроны шведские, и он от него поехал и отвести его за раной не мог, и он остался на месте и не мог сесть на лошадь; а другие казаки и калмыки выехали все в целости.

Сего же числа посылал я поручика и с ним казаков до Могилева и потом поручик ко мне возвратился в добром здравии и сказывал, что под Могилевым на Днепре мост мало не до половины реки разрубили и опустили на низ [пустили детали моста по течению. — В. Л.] и которые провиант везли в шведское войско, пиво и мед, и то, отобрав, все разрубили...» 27 августа 1708 г., по показаниям пленных, «...у неприятеля в войске голод великий, а фураж берут все у рогаток, а вдаль ни зачем не распускают...»

Грабежи вели к падению дисциплины в шведской армии. Осенью 1708 г. из местечка Липова в походную канцелярию Меншикова пришло письмо с такими известиями: «И где есть неприятели стоят и чинят всякое разорение, скот и платье берут без купли и сапоги також, у которых казаков находят ружья, ломают незнамо для чего и насилие чинят над женским полом, а где застанут жителей, положено с двора по быку и по четверти ржи». Тем не менее есть все основания говорить о высокой степени организованности шведской армии. Одним из лучших показателей «устроенности» войск, профессионализма солдат и офицеров являются потери в походах и мелких стычках (без учета убитых и раненых в так называемых генеральных сражениях). В своих маршах по Литве, Белоруссии и Украине шведские войска в 1708–1709 гг. уменьшились на одну четверть. На первый взгляд такой урон может показаться чудовищным, но если вспомнить о том, что Наполеон Бонапарт в 1812 г. из 300000, перешедших через Неман, привел в Москву всего треть — и это — за время летнего похода!

Русская армия также терпела большую нужду в продовольствии. В ноябре 1708 г. было принято решение разделить на караулы при дивизиях Устюжский драгунский полк, в котором налицо было всего 340 человек. В канун нового 1709 г. полковник Чернцов писал Меншикову: «На квартире у меня во многих ротах стала пуста. Людям хлебом и конским кормом великая стала скудость, что взять негде. Из многих деревень мужики разбежались и покинули дома свои, что стало им дать нечего». Русское командование всеми мерами боролось с мародерством, поскольку это явление таило в себе сразу две угрозы. Притесняемое население могло ответить вооруженным сопротивлением, которое наносило регулярной армии не меньший урон, чем крупные сражения. Вторая угроза объяснялась падением дисциплины, неизбежным при грабежах и насилиях. Судя по количеству приказов и других документов, незаконные реквизиции и всякого рода бесчинства приняли угрожающие масштабы. Царь лично подписывал бумаги, грозившие суровыми наказаниями тем, кто забирал провиант и фураж без приказа начальства, рубил лес и «обижал» обывателей.

Генерал Алларт еще 19 июля 1708 г. специальным документом приказал строго следить за тем, чтобы не травили лошадьми хлеб, под угрозой конфискации всех пойманных лошадей. Во избежание выдачи ворованных коней за «присталых к полкам» все командиры должны были о том заявить, в противном случае лошади считались крадеными. Далее в приказе говорилось: «Грабежу по дорогам и нигде ни от кого не было б второе подтверждаем под смертию». Однако служивые продолжали бестрепетно относиться к чужой собственности. Царь писал Меншикову 19 января 1709 г.: «Обозы драгунские многие есть врозни и от полков в отлучке, чего для извольте приказать, дабы оные каждый был при своем полку, понеже офицерские люди и денщики великое чинят здешним жителям разорение, а унять их некому, и всякий в свою волю, что хочет, то и делает». Самый вопиющий случай мародерства произошел в ноябре 1708 г. Отряд под командованием бригадира Фасмана и подполковника Виераннера вошел в городок Ромны. Воспользовавшись недосмотром начальства, драгуны стали грабить население. Их примеру последовали казаки, а когда местные жители оказали сопротивление, солдаты без долгих раздумий подожгли Ромны. В рапорте Ушакова царю от 19 декабря события развивались следующим образом: «Которые тутошные народы обрадовались приходу нашему, и радость их превратилась в печаль: дома их пришли в разорение, якобы по повелению вышних командиров. При них командированные драгуны храмы отбивали и

домы их грабили, а на них смотря и казаки иные тож чинили. И потом оные командиры приказали то местечко и слободы жечь... Також доношу, что неприятель у жителей роменских всякой харчи и иное покупал дорогою ценою, а по отъезде из Ромен назад деньги отбирал». Царь был разъярен известием об этом инциденте. Он приказал Шереметеву «...офицеров в Ромнах по розыску казнить смертью в страх другим, а рядовых буде меньше десяти человек, то казнить третьего, буде же больше десяти, то седьмого или десятого. Также накрепко розыскать о главных офицерах, не было ль от них повольнения [дозволения. — В. Л.] на тот грабеж и потом с оными полковниками и аудитором и розыском приезжай сюда, не мешкав, по учиненной казни над вышереченными». Вспомнив, что в погроме участвовали и казаки, царь приказал среди них казнить каждого двадцатого.

11 апреля 1709 г. Меншиков писал Я. В. Брюсу: «Принесены мне жалобы от всего Харьковского regimentу старшины на наших людей, которые того regimentу в городах и в местностях стоят на квартирах, во многих обидах и разорениях, а именно в том, что оные, будучи на тех квартирах, у самих старшин и у подручных их людей берут компанейских лошадей в подводы и всякую живность, провиант и фураж непорядочно, не рассуждая того, что все люди Царского Величества. И хотя о том не один раз во всех полках объявлено, однако ж те указы не токмо во исполнение не приведены, но и вящее уничтожены, через что Его Царского Величества высокому интересу немалое бесславие приключается. Також, будучи на тех квартирах, к настоящему празднику велят собирать живность и из хлеба курят вино. Ведая Его Царского величества указы, что весьма надлежит остеречь и о том им накрепко заказать, дабы здешним обывателям никто никаких насильств и разорения не чинил и безденежно ничего, кроме определенного фуража брать отнюдь не дерзал, и из квартиры на квартиру без указа не переезжал, також и фураж брал с добрым порядком. А ржи, ни иного чего не требовали, а буде у кого сена или овса нет, то вместо овса рожью, а вместо сена сечкой брали. Також и по выступлении с квартиры у тутошних жителей по тому ж ни у кого ничего не имали и для остальных людей оставляли по несколько человек для охранения и разорения. А ежели кто сверх одного того конского корму хотя курицу или что денежное взять коснется, и те без всякого милосердия по указу Его Императорского Величества лишены будут чести и живота. Да и того им господам офицерам накрепко приказать смотреть, чтоб они над своими подчиненными и над собственными своими смотрели того накрепкож, ибо хотя они тому и не будут причинны, а их

команды или собственные их люди, в таком грабеже или насилии кто приличится, и те по тому ж за недосмотрение имеют ожидать купно с людьми своими жестокого штрафа, и чтоб впредь неведением никто не мог защищаться. Того ради надлежит с сего во все полки послать указы, которые б господа вышние и нижние офицеры закрепя своими руками, что сей приказ слышали, подали к генеральству...» Уже после Полтавской битвы перед походом в Лифляндию фельдмаршал Шереметев приказал «...провианту взять в путь на месяц, дабы сначала... обывателей тамошних не тяготить». Когда же таковой кончится, следовало брать у жителей, но при этом избегать «обид» и тотального разорения. При реквизициях вести документацию, которая позволит в дальнейшем избежать обвинений в грабеже.

Для зимних квартир король выбрал участок размером 50 на 75 верст между Прилуками, Ромнами, Гадячем и Лохвицей, где стараниями Мазепы были заготовлены значительные запасы провианта. Русская армия с трех сторон охватила месторасположение шведов и периодически беспокоила их налетами. Были сожжены склады в Гадяче. О дерзости партизан говорит то, что в ноябре 1708 г. был убит генерал-лейтенант Линтрот, ехавший из одной колонны в другую, маршировавшую по параллельной дороге всего в 2-3 верстах. Казаки бесстрашно пролезали в такую опасную щель между вполне еще боеспособными полками противника. Как писал полковник Адлерфельд: «...предотвратить эти повторяющиеся от времени до времени несчастья было совершенно невозможно: мы были вынуждены собирать продовольствие и фураж далеко в сторону от наших квартир, и наши полки неизбежно теряли то тут, то там выделенные от них для производства фуражировок небольшие отряды». Русские отряды беспрестанно тревожили противника. В бою у местечка Рашевка 15 февраля 1709 г. был взят в плен полковник Альбедиль, который до того 7 лет служил при Августе II. В плен было взято 111 человек. Только за один тот же день на фуражировках и других столкновениях было захвачено 107 человек.

Весной 1709 г. шведская армия продолжала таять в беспрестанных стычках с русскими отрядами и разъездами: «... а и ныне легкие наши партии при помощи божией непрестанно всякими мерами поиск чинят и, что день, языков берут, так же вчерашнего дня за Пслом 2 капитанов от пехотных полков Левангоптова и Маффельтова живьем взяли, а прапорщика убили».

Европейские армии уже по причине специфики своего «господского» типа обмундирования были мало приспособлены для дей-

ствий в зимних условиях. Тем большие трудности испытывали шведы небывало суровой зимой 1708/1709 г. Даже привычные к стуже русские, имевшие валенки и овчинные полушубки, с трудом несли разведывательную и караульную службу. Генерал Рене 22 декабря 1708 г. сообщал Меншикову, что непросто выявить точное расположение противника и его численность: «...от великой тягости морозу и проведать трудно; кого ни пошлешь, то придет либо лицо, либо руки или ноги ознобе». В этих погодных условиях Карл XII предпринял поистине безумное дело — повел армию из г. Ромны в г. Гадяч, несмотря на уговоры многих приближенных. Сразу поместиться в теплых домах удалось далеко не всем, несколько сотен замерзло во время ночевки в открытом поле, многие отморозили себе конечности. Немецкий историк А. Фриксель, писавший свою монументальную биографию Карла XII в основном на шведских источниках, дал такую картину первых дней пребывания шведов в Гадяче: «Одна треть города сгорела, а остальные две трети были далеко не в состоянии приютить целую армию. Почти каждый из этих домов превратился в лазарет, где хирурги были заняты отпиливанием замерзших частей тела или по крайней мере оперированием их. Проходившие по улице ежесекундно слышали вой несчастных и видели лежащие перед домами там и сям отрезанные части тела. А по улице встречались больные, которым не удалось нигде найти пристанища и которые ползали по земле в немом отчаянии или в припадке сумасшествия».

Чтобы хоть как-то ответить на постоянные нападения, король приказал проводить карательные операции. Хроникер Г. Адлерфельд писал по этому поводу: «10 декабря полковник Функ с 500 кавалеристами был командирован, чтобы наказать и образумить крестьян, которые соединялись в отряды в различных местах. Функ перебил больше тысячи людей в маленьком городке Терее и сжег этот городок, сжег также Дрыгалов. Он испепелил также несколько враждебных казачьих деревень и велел перебить всех, кто повстречался, чтобы внушить ужас другим». В ответ на действия крестьян-партизан, которые нападали на шведских фуражиров, король приказал казнить всех, кто решался оказывать сопротивление. Захватив нескольких селян, они заставили их перевешать друг друга, после чего вынудили последнего оставшегося в живых самому влезть в петлю. Уже в январе 1708 г. Карл XII применил в борьбе с партизанами прием, хорошо известный в мировой истории. Он приказал уничтожать все деревни вокруг того места, где происходили нападения на его солдат.

Но ни уговорами, не репрессиями переломить враждебное отношение белорусов и украинцев шведам не удалось. Из Нежина в ставку Петра I пришло письмо, в котором его жители просили прислать им русский отряд, послуживший бы основой для формирования ополчения. «Если бы царского величества конные полки, и при них нежинцы, и из иных сотен казаки безмерно на неприятелей идтить желают, а ис тамошнего местечка жители ко мне присылают, чтоб московского войска хотя бы малое число прибыло к ним для початку к поиску над неприятелем, а они де, черкасы, в помощь на неприятеля идти с ними всеусердно желают». В декабре 1708 г. Меншиков получил письмо, в котором также говорилось о необходимости принять меры для формирования вспомогательных частей из местного населения: «...сего малороссийского народа, как вижу, собралось бы немалое число, только не к кому прихилиться, не изволишь ли, ваша светлость, миргородского полковника отпустить [Д. Апостола, находившегося в ставке князя. — В. Л.], чтоб они к нему собирались. А зело б их много собралось, хотя же и не вскоре бы они были нам потребны, однако они бы знали, что их против неприятеля требуют».

Православное население воспринимало шведов как войско сатаны, с их появлением крестьяне связывали последующие неурожаи и потому кропили поля святой водой и совершали «очистительные» молебны.

В боях против шведов участвовали Яицкие казаки, которые во главе со своим атаманом упорно дрались со шведами 17 июля 1708 г. в двух верстах от Быхова. После этого они наотрез отказались войти в состав гарнизона этой крепости, заявив, «...мы де в городе сидеть в осаде не способны».

О проблемах, которые возникли у шведов в связи с необходимостью пополнять поредевшую армию, писал в конце 1708 г. из Копенгагена В. Л. Долгорукий: «...Хотя как возможно по всей шведской земле берут рекрут, и за великую скудость людей пишут стариков, конечно таких, у коих от старости зубов нет, и ребят, которые не без труда поднять мушкет могут, однако ж собрав и таких, не чают мочь знатного с такими людьми учинить, когда лучшие свои войска теряет, не учиняя с оными ничего».

Царь, видимо, хорошо запомнил, как неожиданно в 1705 г. Карл XII появился под стенами Гродно. Поэтому он постоянно напоминал Меншикову о необходимости вести разведку всеми доступными способами. Царь считал возможным вербовать разведчиков из тех, на кого подозрения падут менее всего. Он писал Меншикову 22 января 1709 г.:

«Также зело нужно через добрых шпигов (к чему лучше нет попов) проведать, намеряют ли неприятели маршировать к Двисне...» Русское командование уделяло большое внимание сбору разведывательных данных. Многочисленные разъезды наблюдали за передвижениями неприятеля, постоянно захватывались языки, внимательно расспрашивались перебежчики. Ценные сведения о передвижении шведской армии предоставляли белорусские евреи, которых даже специально посылали для этого в Могилев и другие города, через которые шел противник. Зимой 1708/1709 г., зная, как быстро шведы могут сняться с квартир и появиться в полной боевой готовности, Петр I окружил шведские позиции цепочкой наблюдательных отрядов, которые действительно только «сторожили», не предпринимая никаких активных действий. Вели активную разведку русские под Полтавой, постоянно засылая «шпигов» в расположение противника. Виленские евреи обещали высылать «шпигов», которые должны были сообщать о ситуации в Литве, но не выполнили своего обещания. Уже после Полтавской битвы в августе 1709 г. Петр I приказал оштрафовать их на огромную сумму в 20000 ефимков, а в залог этой суммы — арестовать 40–50 человек «...и держать за крепким караулом, пока они заплатят».

Постоянное близкое присутствие русских нервировало шведов. В начале декабря 1708 г. в районе деревни Липовая Долина шведы застали врасплох один из русских отрядов, перебив или пленив почти всех, кто не успел унести ноги. Так что шведы не были исключительно страдающей стороной. 18 января конный отряд под командованием полковника Дукера атаковал драгунский полк, стоявший в деревне Грунь. Русские «неосторожно стояли» и «добрыми патрулями не были осматриваны дороги». В результате драгунам пришлось уносить ноги так поспешно, что противнику достались «офицерские багажи». Меншиков получил распоряжение нанести ответный удар. План продумывался детально. Была дополнительно укреплена Ахтырка, которая должна была стать опорным пунктом для отряда, собиравшегося в Опошне. Однако Карлу XII стало известно о приготовлениях, и он решил нанести упреждающий удар, с помощью которого он намеревался отогнать досаждавшие ему русские отряды и создать между ними и своим расположением разоренный участок, затруднявший действия противника. 26 января во главе шести конных полков король двинулся к Опошне. В боях около деревень Млыни и Певна по шведским данным было убито и ранено 450 русских солдат, тогда как потери шведов составили менее 20 человек. Памятуя об особой «лукавости» этой части рапортов, следует признать, что шведам уда-

лось оттеснить русские войска. Петр I был встревожен известиями о движении шведской армии, но вскоре стало ясно, что король не намеревается идти на Москву. Шведы двинулись в район Краснокутска, поскольку этот район мог обеспечить их войска фуражом и провиантом. Здесь излишняя самоуверенность сыграла со шведами злую шутку. Их эскадроны и полки растянулись и двигались без должной разведки. В результате 11 февраля в районе местечка Городное шведы попали в засаду. Двигавшийся в авангарде рейтарский полк «в конфузию от наших приведен и с великим потеряннем людей отогнан, где и драбантов его королевских несколько человек на том месте побитых осталось». Тела королевских конвойцев свидетельствовали, что Карл XII в очередной раз оказался в самом пекле. Более того, он в течение нескольких часов был осажден с небольшой охраной на мельнице. Ночная темнота и подоспевший на выручку драгунский полк спас его в тот день от гибели или плена.

В январе 1709 г. противнику ценой значительных потерь удалось взять приступом небольшую крепость Веприк и пленить более тысячи человек. Ледяные панцири крепости были серьезно повреждены ядрами, а восстановить их не было возможности из-за нехватки воды, боеприпасы кончились. Поэтому комендант крепости не стал дожидаться второго штурма, после которого всем защитникам Веприка грозила гибель: при сдаче «на аккорд» гарантировалась жизнь побежденным. После того как атакующие врывались на стены, вероятность гибели всех обороняющихся была очень велика. Пленных защитников Веприка отправили в Зеньков. Судьба большинства была ужасна: они замерзли по дороге.

Героизм защитников Веприка был не напрасным: Карл XII понял, что продвижение к Белгороду (на который он нацеливался) окажется более трудным и даже, скорее всего, невозможным.

12 января 1709 г. Петр I приказал комендантам всех укрепленных городов (Полтавы, Ахтырки, Сорочинцы, Ромны) запастись провианта на 4 месяца и необходимое количество амуниции. Далее он повелел: «...ежели неприятель будет ваш город атаковать, то с помощью божьей оборониться до последнего человека и ни на какой акорт с неприятелем никогда не вступать под смертною казнью. Також ежели коменданта убьют, то надлежит первому под ним офицеру комендантом быть, и так последовать и протчим (сколько побитых не будет) одному за другим, чтоб дела тем не остановить».

После взятия Веприка в русской главной квартире воцарилось довольно нервное настроение, которое снял А. Д. Меншиков. Он с

несколькими полками выдвинулся в район местечка Ахтырки и убедился, что непосредственной опасности для Полтавы нет, но что город следует дополнительно укрепить. В Полтаву были переведены 5 пехотных батальонов под командованием полковника Келина.

В декабре 1708 г. основные силы шведов сосредоточились в городке Гадяч и в окрестных селах. Положение шведов осложнялось тем, что зима 1708/1709 г. была экстремально суровой по всей Европе. Замерзли Датские проливы, в лед превращалось причастие в церковных чашах в Германии и Франции. В России и на Украине вообще творилось нечто невообразимое для пришельцев. Несмотря на страшные морозы, обе стороны не уклонялись от активных боевых действий. Шведы получали простор для маневра, так как все реки и болота замерзли. Русские из-за стужи потеряли возможность строить земляные укрепления, которые придавали им уверенность в столкновениях с грозным противником. Окаменевшую на двухметровую глубину землю невозможно было взорвать даже порохом.

Поэтому, когда Карл XII вышел во фланг русской позиции у Лебедина, Петр I предпочел отойти без боя. Только у Лебедина имели место небольшие стычки, после которых всем попавшим в плен казакам по приказу царя отрубили головы. После Рождества на некоторое время из-за неимоверной стужи прекратилось всякое передвижение.

В конце января 1709 г. Меншиков чуть было не попал в плен. В районе Опошны его отряд столкнулся с отрядом, которым командовал сам король. Бой начался неожиданно для русских, которые в беспорядке отступили, потеряв 400 убитых и 150 пленных. Но уже на следующий день на место битвы пришел другой русский отряд и застал там усиленный шведский пост (50 человек). Все шведы были или убиты или уведены в плен. Карл XII повел свою армию на Ахтырку, разгромил по дороге несколько русских кавалерийских полков у Краснокутска и Городни, взял решительным приступом укрепленный городок Олешня. После этих боев шансы на успешное наступление на Белгород казались чрезвычайно велики. Но все решила природа. 13 февраля после страшных морозов и буранов началась оттепель с дождем и даже зимней грозой. Все низменности заполнились талой водой, сделав местность практически непроходимой для войск. Карл передвинул свои войска в район между реками Пселл и Ворскла, где он мог дожидаться подхода подкреплений из Польши, успешно обороняться в случае наступления Петра I и, при благоприятных условиях, начать новое движение на Москву.

В конце зимы Карл XII предпринял попытку похода на Слободскую Украину, но сначала путь на Харьков ему преградил корпус Шереметева, а затем передвижения остановились из-за распутицы. Петр I писал М. П. Гагарину 25 января 1709 г., чтобы дезертирам-солдатам из шведской армии, которые хотят поступить на русскую службу, давали солдатский оклад в 12 рублей в год, не считая выдачи натурой хлеба, масла и соли. Офицерам давали тот же оклад, какой имели иностранцы, родившиеся в Москве. Тех, кто не желал служить, предписывалось отправлять домой через Архангельск или Смоленск. 13 марта 1709 г. Карл XII через французского посла зондировал почву на предмет заключения перемирия на три месяца, но Петр I понимал, что время это нужно шведам для спокойной зимовки или для беспрепятственного отступления в Польшу, где они, собравшись с силами, могли бы начать новый поход. Царь соглашался только на мирные переговоры.

Как правило, после начала русского похода Карла XII все внимание переключается на события в районе Полтавы. Но боевые действия имели место и на других «фронтах» этой великой войны. В январе 1708 г. шведские солдаты вторглись в русскую Карелию, где «...многие дворы выжгли, а людей замучили и посекали, а иных с пожитками их поймали и разорили». Самому Соловецкому монастырю особой угрозы не было, но поморские деревни, ему принадлежащие, в любой момент могли подвергнуться набегу. Готовились к отражению возможного нападения и в Архангельске. Поскольку войск там было мало, в ополчение призвали всех, кто мог обращаться с оружием или строить укрепления: «Холмогорцы посадские люди в службе по Холмогорскому городу вместо солдат в воротах стоят по караулам, а архангелогородцы посадские люди и уездные крестьяне в работе на судах возят землю и засыпают и крепят устья, а из уезду стрельцы, которые стреляют зверя и птицу охотники взяты к Архангельскому городу...»

Летом 1708 г. Карл XII приказал нанести русским удар в Ингерманландии. 12-тысячный корпус генерала Любекера должен был смести с лица земли зарождавшийся Санкт-Петербург, а затем вести наступление через Новгород на Москву. Флоту под командованием адмирала Анкерштерна предстояло ликвидировать Кроншлот и уничтожить русские корабли, посмевшие посягать на шведское владычество на Балтике. Для отвлечения русских сил в район Копорья выдвигался из Эстландии отряд генерала Штромберга. Из последней затеи ничего не вышло: Апраксин встречным ударом нанес наступав-

шим сокрушительное поражение и сосредоточил свое внимание на Любекере. И этот шведский генерал не сумел выполнить поставленной перед ним задачи. 8 сентября он форсировал р. Сестру, являвшуюся тогда условной линией фронта в Карелии. Не встречая сопротивления, он вышел к Неве в районе устья р. Тосны и переправился на правый берег. Его войска страдали от недостатка продовольствия и вместо нападения на Санкт-Петербург занялись поисками провианта. Из корпуса Любекера в 1708 г. только после переправы его через Неву бежало 120 человек саксонцев, страшась голодной смерти. По их словам, они не видели хлеба уже целую неделю. Эти показания подтверждались их «жалостным видом» и тем, что первым делом после боя у Тосны королевские солдаты съели всех убитых лошадей. Из рапорта Апраксина о форсировании шведами Невы вырисовывается картина неспособности русских командиров среднего звена принимать самостоятельные решения. Возможно, сам генерал-адмирал жестоко давил инициативу своих подчиненных, что негативно сказывалось на складывании оперативной обстановки. Русские не только имели достаточно сухопутных войск для пресечения попыток переправиться через Неву, но и располагали солидной гребной флотилией (8 скампов и 5 бригантин), которые по необъяснимой причине стояли в Мойке и около Ижоры и в случае тревоги должны были выгребать против сильного течения. Почему боевые корабли не были поставлены выше по течению, откуда они в считанные часы могли спуститься к нужному участку, русский главнокомандующий умалчивает. Почему из пяти имевшихся в наличии бригантин к месту шведской переправы пришли только две, Апраксин также не говорит. Он сам поехал «посмотреть» противника, вышедшего на правый берег Невы, и только после того, как убедился в его намерениях, засуетился и стал посылать курьеров за войсками.

Примерное равенство сил и проблемы снабжения повлекли за собой нерешительность действий обеих сторон. Любекер прошел через Дудергоф к Копорью, где остановился. Для того чтобы покончить с затянувшимся равновесием, судьба решила бросить на российскую чашу весов письмо, происхождение которого неясно. В нем говорилось о скором подходе главных сил корпуса Апраксина. Была ли это сознательная дезинформация или недоразумение — остается только гадать. Как бы то ни было, перехватив такое послание к командиру отдельного русского конного отряда Фразеру, Любекер решил не рисковать и убраться в Финляндию подобру-поздорову. Однако при посадке шведов на корабли, когда на берегу оставались последние пять

батальонов, Апраксин напал на них. Потери противника составили более тысячи человек убитыми и пленными.

10 мая 1708 г. русский галерный флот с десантом подошел к городу Борго, сломил сопротивление небольшого гарнизона. После того «...пожитков столько взято, что возможно было вместить в суды, а достальное, чего невозможно было вместить в суды, строениям, которые в том местечке были и притом 15 судов торговых огню преданы». После этого отряд полковника Толбухина разорил около 100 деревень на побережье и на островах, сжег попавшиеся суда, лодки и заготовленные пиломатериалы.

Осуществляя общее руководство армией в феврале–апреле 1709 г., Петр I лихорадочно готовился к возможному выступлению Турции и подвластных ей крымских и буджакских татар. Все дни он проводил или в дороге или в наблюдениях за подготовкой войск, кораблей и припасов. По мнению И. Голикова, царь покинул армию не только для личного контроля за подготовкой Азовского флота, который должен был предостеречь турок и татар от вступления в войну, но и «...показать им, что он не так уважает Шведского ироя, как о нем мнила тогда вся Европа».

В «Поденном журнале» Петра I мы читаем: «21-го февраля. Царское величество изволил осматривать во всех магазинах наличной запас мяса, масла, рыбы и прочие съестные припасы. 24 февраля. Его царское величество изволил быть на четырех кораблях спущенных в прошлом 1708 году. В Азов и в Таганрог изволил послать указы, чтоб тамо обретающиеся корабли и протчие суда были бы во всякой готовности к походу. 5-го марта. Его Царское Величество на Ивановских железных заводах изволил осматривать все наличные материалы, которые разбираны были по сортам, и в оном труде обращался до захождения солнца. 12 марта. При присутствии Его царского величества на ивановских железных заводах вылито 24 пушки, 4 мортиры и 2 гоубицы. 20 марта. При присутствии Его Царского Величества в Таврове грузились на сделанные корабли и суда артиллерия, и провиант и прочие вещи. 28 марта. Его царское величество изволил обучать варения и доброго установления смол и показывать препорции мачт, парусов и канатов. 27 апреля флот размещен у пристани Троицкой». Значение всех этих сборов становится ясно из записи в «Дневнике» Петра I от 29 апреля: «...Того же числа прибыл из Царьграда к адмиралу графу Федору Матвеевичу Апраксину от визиря турецкого курьер с письмами, в которых пишет, известно ему, что он адмирал флот приготавливает к походу в Царьградское море, а Порты мир со-

держит нерушимо; и желает ведать причину нарушения постановленного мира. Оному присланному пригуживаемый флот объявлен и присланной, видев великость онаго, говаривал, что Порты не может быть без сомнения о вооружении сего флота, ибо иного походу иметь некуда и войны начинать не с кем кроме султанского величества, на что ему учинен ответ, что и верховный визирь и в Крыме хан по указу султанскому собирают войска и приготавливаются к походу, а иной причины тому не видно кроме начатия войны и для помощи неприятелям Его Царского Величества и нарушения мира. Присланной клялся кораном и пророком Магометом, что государь их султанское величество мир свято и ненарушимо содержит и ни войны начинать, ни помощи противным Его Царскому Величеству давать и в мысли не имеет. Наконец требовал, чтобы пущен он был с ведомостью в Царь Град вскоре, и утверждал, что как скоро он прибудет в Царь Град с оною ведомостью, то присланы будут подтвердительные мирные статьи». На следующий день турецкий курьер был отправлен. Он вез письмо Петра I, в котором говорилось, что Россия не предпримет никаких действий, если Турция не станет оказывать помощи шведам. Видимо, турки и без названного курьера знали о русских военных приготовлениях, поскольку 2 мая прибыл гонец от посла Толстого, который передавал о готовности Стамбула соблюдать нейтралитет и о приказах татарам не совершать никаких действий, которые могут стать причиной войны. 24 мая флот разоружили, получив твердые уверения, что Турция и Крым не вмешаются в конфликт. Как это часто делалось в дипломатии того времени, царь действовал не оборонительно, не наступательно, а «подкупательно»: дал турецкому высокопоставленному чиновнику крупную сумму. Еще одним демонстративным дружественным актом стало освобождение нескольких мусульман. В Стамбуле такой же золотой ключ к великому визирю подобрал русский посол П. А. Толстой. Султан Ахмед III подтвердил нейтралитет своей державы и запретил своему вассалу Девлет-Гирею идти войной на Россию.

Начиная поход на Россию в 1707 г., Карл XII имел более 50000 опытных солдат и офицеров. Кроме того, он рассчитывал на подкрепление войсками С. Лещинского и корпусом Левенгаупта (еще 36000 человек). Однако последний привел с собой чуть более 9000, а первый вообще завяз в Польше. В распоряжении короля весной 1709 г. оказалось всего 30000 шведов и около 8000 украинских и запорожских казаков. Король с его авантюрной жилкой решил продолжать поход вглубь необъятной страны с этой горсткой солдат. Он

не оставил записей, которые бы позволили определить ход его мыслей в этот момент. Может быть, из-за отсутствия масштабной карты Восточно-Европейской равнины он просто не мог представить расстояние, которое пришлось бы преодолеть его солдатам. Может быть, наоборот, его вдохновлял путь, проделанный его батальонами от Нарвы до Риги и далее к Кракову, потом к Гродно и от этого города к Полтаве. За 1700–1708 гг. его солдаты прошагали более 10000 верст. Может быть, поход на Москву был для него тем самым походом на восток, который принес славу Александру Македонскому. Если русская армия год от года укреплялась в осознании своих возрастающих боевых возможностей, то шведская — наоборот, теряла уверенность в своей непобедимости, теряла кураж, составлявший ее важнейший ресурс.

Местом гибели шведского военного могущества после весны 1709 г. могла стать и не Полтава, а какой-нибудь другой пункт на пространстве между Слободской Украиной, Белгородчиной и Днепром, в зависимости от того, куда король направил бы свою армию. После тяжелой зимовки в Гадяче, после того, как не удалось повести за собой Украину, при неуклонном росте сил русской армии и увеличении сопротивления населения шансов на спасение у Карла XII просто не было. Даже при отступлении в северо-западном или западном направлении ему пришлось бы идти по разоренной местности, форсировать крупные реки, отбиваться от партизан и, что самое главное, биться с армией Петра I, уже почувствовавшей вкус победы. Лучшим исходом мог быть тот, который и случился: сам монарх спасался от плена с небольшой группой своих приближенных. Разница была бы только в том, что он оказался бы не на турецкой, а на польской территории. Помощи ждать ему было неоткуда и не от кого. Корпус Крассова не мог радикально изменить соотношения сил, кроме того, ему предстояло до соединения с королем совершить трудный и рискованный марш через Белоруссию. Лещинский так и не смог сформировать серьезную армию. Надежда на турок и крымских татар тоже была очень призрачной. Шведская армия увязла в России еще прочнее, чем до того она увязала в Польше. Но в 1701–1706 гг. она не испытывала проблем со снабжением, была абсолютно вольна в выборе направления движения, в любой момент могла получить подкрепления из Прибалтики. В 1708 г. Карл XII выбирал маршрут в зависимости от того, какую позицию занимал его противник, передвигался осторожно, его войска непрерывно таяли от болезней и налетов русских отрядов. Ход кампании диктовал Петр Великий.

Глава IV

БИТВА, В КОТОРОЙ РОДИЛАСЬ ИМПЕРИЯ

Сыны любимые победы,
Сквозь огонь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ее стремление крепит.

Швед, русский — колет, рубит режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

А. С. Пушкин

Полтава стала местом генерального сражения благодаря стечению целого ряда обстоятельств. На умы военных XVII–XVIII вв. очень сильное воздействие оказывала магия геометрических фигур. В математических формулах пытались найти секрет победы. Принципы точных наук прочно утвердились в разработках военных планов. Одним из столпов европейской стратегии петровского времени было представление о так называемой операционной линии, под которой понималась некая вымышленная ось, вдоль которой происходило передвижение войск. Поскольку главной целью Карла XII оставалась Москва, «линия» из Украины на столицу проходила через Курск, Харьков и Полтаву. Захват последнего города можно было выдать за крупный оперативный успех, необходимый для поддержания привычки побеждать у собственных солдат, для нагнетания воинственных настроений в Стамбуле и Бахчисарае, для подъема «бунташного» духа среди казаков. Полтава являлась административным центром одноименного казачьего полка (военно-административной единицы «гетманщины»), население которого с наибольшим сочувствием отнеслось к призыву Мазепы подняться на борьбу с москалями. В этой связи взятие города выглядело как выполнение обещаний брать под защиту новых союзников. Нельзя иск-

лючать того, что шведский король, разуверившийся в возможности навязать русским генеральное сражение в ходе маневренной войны, сделал попытку принудить царя Петра к баталии, отказ от которой привел бы к потере важного стратегического пункта. Таким образом некоторые историки объясняли «нерешительные» действия шведов при осаде: Полтава должна была стать своеобразной приманкой для главных русских сил. Эта конструкция при всей видимой стройности имеет один существенный изъян: Петр I мог пожертвовать не одной такой крепостью для сохранения армии. Но как бы то ни было, царь решил дать бой своему сопернику именно под Полтавой.

На протяжении столетий применялись два стратегических принципа: сокрушение и истощение. Первый предусматривал концентрацию сил и нанесение противнику решительного удара в генеральном сражении. Однако рост численности оборачивался уменьшением управляемости, трудностями снабжения, падением дисциплины. Длительное пребывание большой группировки в состоянии повышенной боеготовности являлось очень сложной задачей для командования и грозило ее саморазрушением даже при незначительном давлении извне. Поэтому концентрация войск в одной точке становилась целесообразной только в том случае, если противник отвечал тем же, принимая вызов. В основе второго стратегического принципа (истощение) был расчет на организационную и моральную неустойчивость армии как системы. При этом одна сторона уклонялась от прямого столкновения и своими маневрами вынуждала другую сторону занять невыгодную позицию, распылить свои силы, довести их до состояния разложения. Для применения такой стратегии требовалась уверенность в большей подвижности и психологической прочности собственных войск.

Стремление воюющих сторон решить исход кампании в решительном сражении имеет под собой и военно-технологическую основу: система управления войсками была настолько несовершенна (особенно по сравнению со скоростью изменения боевой обстановки), что огромное значение приобретало изначальное расположение частей. Кроме того, марши являлись губительными для войск. Лейб-гвардии Семеновский полк в 1812 г. потерял убитыми и ранеными 300 человек, а отставшими, больными и умершими — 1600 человек. Установка на генеральное сражение связана также с тем, что европейская армия, как уже говорилось, представляет собой сложную систему, имеющую немало уязвимых мест. Выражение «расстроенные полки», характерное для реляций XVIII–XIX вв., фактически тождественно понятию «небоеспособные». Концентрация войск на полях крупных битв по-

зволяла подвергнуть такой насильственной дезорганизации большую часть сил противника. При этом психологический шок от осознания поражения имел не меньшую роль, чем боевые потери и физическая усталость.

С точки зрения фортификации Полтава ничего выдающегося из себя не представляла: земляной вал, ров и деревянный палисад. С трех сторон подступы к городу были крайне затруднены из-за болотистой поймы р. Ворсклы. В январе город был занят отрядом полковника Келина, который сразу начал усовершенствовать изрядно одряхлевшие бастионы. Гарнизон насчитывал около 4200 человек солдат и 2600 вооруженных обывателей. Важным обстоятельством было то, что Полтава, стоявшая на возвышенном месте, была в достатке обеспечена водой, поскольку в самой крепости имелось несколько колодцев.

2 апреля 1709 г. шведский отряд попытался «с налета» ворваться в крепость «...при битье такта и отворении ворот...». 3 апреля на рассвете, когда рекогносцировку провел сам король, на крепостные валы бросилась штурмовая группа численностью около 1500 человек. Это свидетельствует еще раз о пренебрежительном отношении Карла XII к своим противникам — отправить на штурм войска, уступающие по численности обороняющимся, можно было только в приступе самоуверенности. Шведские солдаты тоже были уверены в успехе, как об этом говорили пленные: «Они надеялись оную крепость взять, потому что она без обороны [стены. — *В. Л.*] и валы во многих местах низки». 4 апреля до боя на валах дело не дошло, потому что гарнизон сделал сильную вылазку и отбил противника, оставившего на месте 100 убитых. 5 апреля шведы предприняли ночной штурм, надеясь, что темнота помешает защитникам Полтавы своевременно перебрасывать войска на опасные участки. Бой, длившийся всю ночь, закончился победой русских.

6 апреля шведы начали рыть траншеи (апроши), где осаждающие войска накапливались перед штурмом, не испытывая губительного огня защитников крепости. Солдаты по приказу коменданта Келина практически каждый день совершали вылазки, разрушая уже сделанное, убивая саперов и унося с собой или ломая найденный инструмент. Когда шведские инженерные части получали подмогу, русские отступали внутрь крепости, но при первом удобном случае снова нападали на врага, всячески задерживая его «вгрызание» в оборонительные сооружения крепости. 14 апреля Карл XII еще раз осмотрел Полтаву, и один из валов показался ему достаточно низким, чтобы

атаковать его даже без предварительной инженерной подготовки. 3000 шведов пошли на штурм, но, оставив на месте боя около 500 трупов, откатились на исходные позиции. Этот жестокий урок заставил короля тщательнее готовить следующие приступы. В специально устроенную минную галерею был заложен пороховой заряд, взрыв которого должен был разметать вал и частокол, расчистить путь атакующей колонне. Но 23 апреля барабаны шведов трещали понапрасну. Долгожданного губительного столба дыма, земли и бревен так и не увидели. Дело в том, что полтавчане разгадали замысел противника, сделали встречный тайный подземный ход (контрмину) и вытащили мешки с порохом. Сигнала к атаке даже не последовало — так король был обескуражен неудачей своих саперов. Однако уже на следующий день, 24 апреля, он отправил своих солдат в очередную бесплодную атаку, которые повторились 29 и 30 апреля.

25 апреля, как записано в «Дневнике Полтавской битвы», «...проходящих сапами земляной вал машиною с крюком вынуто из сапов 11 человек без потери от войск Царского Величества ни одного человека, да в сапах вала найдено тем же инструментом побитых до 24-х, а прочие убежали. Таким образом, неприятель крепость сапами доставать отменил и только единым метанием бомб приводил в несостояние, а артиллерию при оной атаке имел малую». Уже упоминавшийся острый дефицит пороха не дал противнику пушечным огнем остановить убийственную работу «машины с крюком». Для ободрения осажденных 8 мая войска под общим командованием Меншикова устроили крупную диверсию в районе Опошни. Внезапной атакой они выбили шведов из земляного укрепления, но после подхода подмоги во главе с самим королем, отступили на прежние позиции, освободив несколько сот украинцев, насильно пригнанных из окрестных сел для производства осадных работ.

После этого на несколько дней наступило относительное затишье, воспользовавшись которым, бригадиру Головину 16 мая удалось перебросить в Полтаву через топкую пойму р. Ворсклы значительные подкрепления. Солдаты, которые «...не токмо платье все, но и штаны ради болотных зело глубоких переправ поскидали», перенесли на себе значительные запасы пороха и свинца. Дерзкий прорыв удался, так как Головин заметил, что противник проводит смены саперов в осадных сооружениях в одно и то же время. Переодев часть своих солдат в шведские мундиры, бригадир, хорошо говоривший по-немецки, объяснил чужим часовым, что ведет дополнительную группу рабочих. Вместо того чтобы спуститься в траншеи, русский отряд уско-

ренным маршем рванулся к крепости. Шведы безуспешно пытались их остановить. Карл XII был в ярости и приказал казнить чинов того караула, который допустил такую оплошность.

Храбрый офицер через несколько дней попал в плен во время вылазки, когда под ним была убита лошадь. Меншиков так сообщал царю о той стычке: «О здешнем состоянии доношу, что третьего дня был у нас в шанцах при линии нашей с неприятельской немалый ранконтр, и как неприятель работе нашей помешку чинить хотел — выслана от нас партия гренадеров, и в то же самое время учинили вылазку из города наши под командой бригадира Головина с 400 человек, и напавши на неприятеля с другой стороны, две роты на месте порубили, а прочих в конфузию великую привели. Он же, господин бригадир, поступив через меру горячо, далее поступил; лошадь под ним убили и его в неволю взяли; другие ретировались в город; наши потеряли 100 человек, а неприятеля многое число пропало и шанцы неприятельские вырублены; мы же от посту нашего ни малой пяди не отступили, но непрестанно пушечной стрельбой через многие часы неприятеля утесняли, что ныне гораздо усмирися, и уже второй день мало какой промысел над городом чинить».

На эту удачную дерзость шведы ответили 15 мая неудачным штурмом. 17 мая вылазка проводилась под аккомпанемент яростной артиллерийской пальбы — теперь полтавчанам не надо было беречь каждый заряд. В тот же день шведам пришлось испытать еще одну «досаду»: казачий отряд перебил караульных и угнал с охраняемого пастбища более тысячи лошадей, лишив сразу несколько кавалерийских частей лучшей части конского состава. Это событие многие шведы вспомнили через несколько недель, когда надо было готовиться к генеральному сражению, а затем — к отступлению. 23 мая шведы вновь попытались взорвать укрепления, но вновь заряд не воспламенился. По одним сведениям виноват был плохой подмоченный порох, по другим — защитники крепости, которые в очередной раз сумели обезвредить заряд. Попытка взобраться на неповрежденный вал была отбита с большими потерями. 24 мая и 1 июня состоялись новые и безрезультатные штурмы. 2 июня в крепость явился парламентар, предложивший сдачу на самых почетных условиях. В случае отказа, после взятия крепости никто из обороняющихся не должен был ждать пощады. Как уже говорилось, это в целом соответствовало военным нравам того времени. Келин ответил: «Мы уповаем на Бога, а что объявляешь, о том мы чрез присланные письма, коих 7 имеем, известны; так же знаем, что приступов было восемь и из присланных на при-

ступе более 3 тысяч человек при валах полтавских головы положили. И так тщетная ваша похвальба; побить всех не в вашей воле состоит, но в воле божьей, потому что всяк оборонять и защищать себя умеет, и с оным ответом барабанщик отпущен». Как только парламентар удалился, для подтверждения твердости своих намерений не сдавать крепость Келин провел решительную вылазку, в ходе которой шведы потеряли 200 человек убитыми, 28 пленными и лишились 4 пушек. В книге И. Голикова сказано, что когда один из горожан подал голос за сдачу крепости, чтобы избежать ужасов штурма и неизбежной расправы, то присутствовавшие забили его до смерти.

Если зимой шведы страшно страдали от небывалой стужи, то в конце мая их донимала небывалая для этих мест жара. Ослабление здоровья от скудного и однообразного рациона вкупе со зноем приводили к тому, что их раненые в стычках выздоравливали крайне редко: большинство из них сводила в могилу стремительно развивавшаяся гангрена.

Боевой дух запорожцев, присоединившихся к осадному корпусу, также заметно угасал. Они были недовольны тем, что их гоняли на саперные работы под пули полтавчан. Главное же было в том, что сечевики в принципе не любили такой вид ратного ремесла. Их стихией была битва, лихой набег, где можно было проявить удаль, «ободрать» поверженного врага, пожить в богатой добычей в лагере побежденных. Будучи опытными воинами, они все более и более убеждались, что всего этого может и не быть.

Русская армия постепенно сосредотачивалась у стен Полтавы: к корпусу Меншикова в конце мая 1709 г. присоединились войска под командованием Шереметева. Они располагались в двух укрепленных лагерях в четырех верстах от города. Осажденные видели это увеличение сил, что их очень воодушевляло. 25 мая они сделали еще одну вылазку, в ходе которой гнали работавших в апрошах казаков до самого шведского лагеря. После этого, как писал шведский хроникер, «...запорожцы, которыми ранее пользовались с успехом при рытье траншей, стали отныне возвращаться в траншею с большой неохотой». Эффективность вылазок, направленных на срыв саперных работ, была очень велика, поскольку за несколько минут можно было уничтожить плоды многодневных трудов. Осажденные обычно разбивали крепеж траншей, засыпали их землей. Осаждающим приходилось все восстанавливать под огнем противника, что сильно замедляло работу.

Очередной неприятностью для шведов стало известие о том, что отряд под командованием Х. Гольца и Д. М. Голицына разгро-

мил под местечком Подкамень войска короля Станислава, а затем — группировку другого их союзника — бобруйского воеводы Сапеги. И в окрестностях Полтавы русские продолжали беспокоить противника и «огорчать» его знаками своих военных успехов на других участках. Брюс писал боярину Т. Н. Стрешневу в мае 1709 г.: «Здесь чуть не по все дни лошадей и скотину у неприятеля отгоняют, так что в нынешних трех днях с полторы тысячи лошадей отогнали. Сегодня стреляли здесь у нас в полках из пушек, из семидесяти, викторию о взятии запорожской столицы, Сечи и даже взято что наиглавнейших бунтовщиков с полтретя ста живьем, а прочих многих посекали, а иных в лодках и в том Днепре ушли. С нашей стороны убит один подполковник, иноземец Ингерманландских полков, Урен...»

4 июня на военном совете Я. Брюс предложил поставить противника в своеобразный треугольник: ретраншемент с сильным гарнизоном, устроенный на правом берегу Ворсклы, основные силы, на левом берегу — гарнизон Полтавы. Своими передвижениями в мае — начале июня 1709 г. русские фактически окружили шведов. Главное же заключалось в том, что войска Карла XII потеряли кураж, все чаще оставляя инициативу в руках своих некогда презираемых противников. Запорожец, перебежавший из лагеря мазепинцев, показал на допросе 16 июня 1709 г.: «Сего дня шведское войско выходило на поле и хотели бить на войско царского величества, чтоб с горы конечно сбить, и увидели, что сделан редут и пушки, и из оных пушек почали по них бить и убили шведского капитана оного Реткина и назад вернулись и бояться сами, чтоб на них не ударили». 14 июня солдаты генерала Генскина совершили налет на местечко Старые Сенжары, «...штурмом город счастливо взяли и шведов в городе порубили и обоз и королевскую многую казну и знамена и офицеров и солдат взяли и невольников, взятых в Веприк, освободили». Петр I собирался уже 8–9 июня начать движение по переходу через Ворсклу и по устройству укрепления, которое могло бы стать опорой в генеральной битве с Карлом XII. Но затяжные дожди, превратившие окрестности Полтавы в «великие болоты», потребовали отложить намеченное на 10 дней.

15 июня русские войска попытались форсировать Ворсклу и напали на полки под командованием генерала Круза, который стал отступать. Ободренные успехом, солдаты и офицеры утратили бдительность, и в результате неожиданной контратаки потеряли несколько сот убитыми и около тысячи пленными. Осажденные сообщались с остальной армией с помощью писем, которые закладывались в пустые бомбы. 17 июня Петр I получил известие о том, что пороха оста-

лось всего на несколько дней, что шведские саперы уже «вкопались» в земляной вал. В ответном послании монарх уверял своих стойких подданных в скором освобождении.

15 июня Реншильд получил известие о переходе значительных сил противника через Ворсклу и на следующий день вывел десять конных и восемь пехотных полков к месту переправы, где обнаружил русские части примерно равной численности. Шведы выстроились в боевой порядок, но в атаку не двинулись, а вернулись к своим палаткам. После этого под прикрытием шанцев реку перешли основные силы, которые начали спешно возводить укрепленный лагерь. Существует несколько версий того, почему Реншильд не сбросил русский авангард в Ворсклу и вообще не предпринял попыток удержать русскую армию на другом берегу этой реки. По первой версии шведы последовательно выполняли свой план «выманивания» противника для генерального сражения. По второй — проявилось губительное «двоевластие», когда номинальный главнокомандующий (Реншильд) ведет себя предельно пассивно в присутствии реального начальника (Карл XII), который из-за ранения оказался временно недееспособным. 17 июня два русских отряда (Рене и Алларта) совершили «диверсии», которые не оказали особого воздействия на оперативную обстановку. Они построили небольшие предмостные укрепления (тет-де-понты) на «шведском» берегу и обеспечили тем самым безопасный переход на него основных сил. Чтобы не утомлять земляными работами строевых солдат, Меншиков приказал 19 июня собрать 4/5 всех нестроевых (денщиков и прочих «людей», которые составляли офицерскую прислугу), обеспечить их лопатами, немедленно прислать их на строительство «транжаменту с поля». Я. Брюс доносил 18 июня 1709 г. П. С. Салтыкову: «...мы здесь с армией у Полтавы обретаемся, и наши шанцы к неприятельским так приведены, что можно друг ко другу бросать камнями».

Несмотря на численное преимущество над противником, русские генералы действовали крайне осторожно, предвеляя каждое свое передвижение устройством укреплений. Только после того, как у деревни Семеновской были закончены работы в лагере (земляные редуты по всему периметру, в наиболее важных местах — бастионы), в него перешли полки главных сил и артиллерия. Туда же явился со своим войском и гетман Скоропадский. Видя такую активность противника, Карл XII решил штурмовать Полтаву 21 июня. Он построил армию в боевой порядок, отправив в атаку на бастионы города отряд численностью всего в 3000 человек. Штурмующие были близки к успеху, поскольку несколько раз сумели подняться на вал. Эту попытку по-

вторили на следующий день и снова неудачно. За время этих двух приступов обе стороны потеряли по 1500 убитыми и ранеными. Всего же у стен города шведы потеряли около 6000 человек.

19 июня Алексею Степановичу Келину было доставлено письмо Петра I следующего содержания:

«Господин комендант. Понеже, как вы сами видите, что мы со всею силою добивались коммуникацию сделать с голодом, но за великими болотами и что неприятель место захватил, того ради за такую трудностью того учинить невозможно. И для того мы, покинув все шанцы, пойдем со всем войском к Петровскому мосту (где наш пост уже четвертого дня занят и укреплен) и там, перейдя [Ворсклу. — В. Л.] и осмотрясь, пойдем, с помощью божьей на неприятеля искать с ним баталии и чтобы пробиться всем войском к городу. Буде же неприятель (паче чаяния) станет меж города и нашего войска окоп делать такой, что трудно одного брать будет и ежели не можем пробиться в две недели от сего дня к вам, тогда в первых числах июля, а ежели возможно, далее, усмотря время (в день или ночью), выйдите вон за реку, куда удобнее, и тамошних жителей вывести мужеска полу таким образом: сказать им будто указ вы получили идти всем на шанцы неприятельские, и когда реку перейдете, тогда удобнее с ними можете дойти до нас. И сие надлежит тайно держать, дабы неприятель не проведал, а мы к тому дню пришлем несколько конницы к сему мосту, где был наш обоз. Также надлежит вам наши пушки, которые вы привезли с собой, или тайно разорвать, или в колодезь бросить, чтоб отнюдь не нашли, а знамена сжечь, також пороха в нескольких хоромах помалу поставить и при выходе, фитиль положа, замкнуть, чтоб после вас загорелся город, как сюда перейдете. И сие все объявить вам надлежит немногим из главных офицеров, а первым делом на том присягой обязаться, а от жителей весьма таить, также вам пожитков с собой отнюдь не брать, дабы не догадались. Сие вам пишем в запас для всякого случая, понеже корреспонденции, когда отступим, через бомбы быть невозможно, однако потщитесь в исходе сего месяца, как ночи будут темны, прислать к нам с ведением от себя. Когда сие письмо получите, то дайте в наши шанцы сегодня знак, не мешкав, одним великим огнем и пятью пушечными выстрелами рядом, чтоб подлиннее нам знать, что вы те письма получили. Также, ежели мы когда с неприятелем в бой вступим близ города, тогда и вы, с своей стороны, учините вылазку, как сильно сможете».

Видя, что приближение русской армии создает угрожающую ситуацию, шведский король усилил давление на Полтаву, чтобы взя-

тием крепости разорвать железное кольцо, охватившее ее войска. К рассвету 21 июня были готовы несколько мин, которые опять не взорвались. Тем не менее, в тот день прошло два штурма, а 22 июня — еще один штурм. Русские потеряли в эти дни более 1300 человек — каждого третьего защитника, шведы — более 2200 солдат и офицеров. 22 июня оба войска выстроились в боевые порядки, но генерального сражения не произошло.

26 июня Петр послал Келину письмо, в котором отменял свою прежнюю установку на подготовку прорыва из города: «...повелеваем, чтоб вы еще держались, хотя и с великой нуждою до половины июля и далее, понеже мы лучшую надежду отселяя, с помощью божьей, имеем вас выручить, о чем паки подтверждаем: держитесь как возможно, и нам давайте знать о себе».

В исторической литературе упоминается о том, что обе стороны (номинальные командующие — Шереметев и Реншильд) договорились о месте и времени сражения: 29 июня «на полях Полтавских», «причем утвердили за паролем военным, чтобы до оною сроку никаких поисков через партии и подъезды внезапными набегами от обеих армий не чинить». Но 25 июня перебежчик — унтер-офицер Семеновского полка — напугал шведского короля известием о приближении несметного по численности калмыцкого войска. Он передал, будто бы царь сказал, что «...когда придут калмыки, то до генеральной баталии не допустят и всю армию Его Королевскую могут по рукам разобрать». Король приказал готовиться к бою 27 июня, запретив Реншильду даже напоминать ему о существующей договоренности. Приготовления шведов не остались незамеченными, русская армия также стала готовиться к предстоящему сражению. Сам факт этого договора означал, что Петр I уже одержал одну большую победу: Карл XII тем самым признавал русского царя равным себе, а не варваром. Русский главнокомандующий признавался человеком, способным держать слово, а не коварным предводителем «скифов». И слово дворянина нарушил шведский король, отдавая приказ о передвижении войск без уведомления о том своих противников, которые это слово держали. О происхождении этой истории будет сказано далее.

Шведский план боя во многом основывался на превосходстве в маневрировании, которое до того времени часто позволяло скандинавам выигрывать сражения даже в невыгодных для них условиях. Карл XII собирался быстро прорваться через полевые укрепления и сбить с позиций русскую конницу. После этого наносился удар всеми силами по лагерю царя Петра. При этом не принималась во внимание

возможность противника самому проявить инициативу. Король и его генералы, по словам шведского историка Энглунда, самонадеянно рассчитывали, что «русский медведь» будет «...спокойно сидеть и глазеть, пока шведы своими элегантными маневрами будут захлестывать удавкой его шею». Карл XII допускал возможность неудачи. Об этом свидетельствует отправка четырех драгунских полков для занятия дороги вдоль Ворсклы. В то же время он не озаботился устройством надежной переправы у Переволочны: моста не было, а лодки и паромы, пригнанные запорожцами, еще в мае сжег отряд полковника Яковлева. Генералы пытались отговорить своего короля от сражения, поскольку численный перевес русских, их все более возраставшее воинское мастерство, с одной стороны, и усталость шведских солдат — с другой, делали лобовое столкновение крайне рискованным. Однако Карл не внял их советам, отчасти надеясь на фортуна, до сих пор к нему благосклонную, отчасти — опасаясь прихода новых подкреплений к русским. В это время ходили слухи, что к Полтаве движется 30-тысячная калмыцкая конница.

Позицию у деревни Семеновки Петр I признал невыгодной. Местность была слишком открытая, дававшая шведам свободу для маневра. Опытные и инициативные генералы Карла XII по-прежнему считались большими мастерами боя. Даже явное преимущество русской стороны в коннице, по мнению царя, не могло в таком случае стать противовесом ратным навыкам его «учителей». Более пригодной для генерального сражения была признана позиция у деревни Яковцы. Небольшая равнина с фронта окаймлялась густым лесом, в тылу была Ворскла, правый фланг открыт, а левый, наоборот, прикрыт лесом. Между лесными массивами имелось свободное пространство шириной более километра. Традиционный пиетет к полководческим талантам Петра I, тем не менее, заставляет высказать ряд соображений. Это место, действительно, затрудняло противнику организацию боя. До последней трети XIX столетия командующему, для того чтобы держать в руках все нити управления войсками, надо было видеть поле сражения в буквальном виде перед собой, как шахматную доску. Идеальным считалось пребывание на какой-то возвышенности, с которой открывался вид на несколько километров. По движению масс пехоты и конницы, по клубам пыли и дыма генералы оценивали ситуацию более адекватно, чем по донесениям курьеров. Если батальный спектакль происходил на расстоянии, позволявшем разглядеть цвета, управление войсками упрощалось: различие в мундирах позволяло определить своих мушкетеров, егерей, драгун, grenадеров друг от друга и от противника. Подбор

лошадей по мастям позволял даже на значительном удалении от поля боя определить, какой эскадрон идет в атаку. Фланг считался достаточно надежно прикрытым, если его ограждало препятствие, трудно-преодолимое для пехоты противника — болото, глубокий водоем или густой лес. Такие же препятствия позади позиции, с одной стороны, обеспечивали войско от нападения с тыла, с другой стороны, неудача в таком случае могла обернуться полной катастрофой, поскольку дрогнувшие полки лишались путей отхода.

Утром 26 июня был построен новый укрепленный лагерь в форме огромной буквы П, куда поместились все 58 полков, артиллерия и обоз. Для того чтобы атаковать новый лагерь, шведам надо было преодолеть проход между двумя лесными массивами. Царь приказал построить там десять земляных редутов, из которых шесть вытягивались в одну линию на расстоянии ружейного выстрела, а остальные примыкали к ним под прямым углом. Такая схема позволяла обстреливать противника перекрестным огнем. Выдвижение укреплений в сторону противника, создание передовых рубежей обороны как своеобразной «прелюдии» наступления было действительно новым словом в военном искусстве. До сего времени армии возводили полевые укрепления либо для обеспечения безопасности лагеря, либо в качестве первого шага при основании новой крепости: земляные бастионы являлись предшественниками бастионов каменных. В окопы солдаты забирались также при проведении осадных работ, чтобы спастись от выстрелов осажденного гарнизона, и для того, чтобы не стать жертвой внезапной атаки извне, если кто-то придет на помощь блокированной крепости. На Полтавском поле шанцы продемонстрировали возможность использования инженерных сооружений с прицелом на наступление: сначала противник изматывался и нес потери, а затем попадал под мощную контратаку. Во все времена лучшим временем для начала наступления считался тот момент, когда становилось очевидным ослабление усилий атакующего противника. Человек — довольно маломощная военная машина, быстро расходующая запас физических и моральных сил. Воинская часть, даже самая опытная и дисциплинированная, является неустойчивой системой, требующей периодической регулировки. Встречный удар неэффективен, если враг в своем порыве еще не выплеснул всю свою ярость, дыхание его еще не сбилось, а боевой порядок не сломался. Главный воинский талант командира и заключается не столько в личной храбрости, а в том, чтобы в дикой суматохе боя разглядеть этот момент «перелома» и отдать нужный приказ. Не случайно в наградных офи-

церских документах той поры указывается на «распорядительность» начальников как на важнейшее качество. Послать свои войска вперед слишком рано — без особой пользы сжечь их в костре войны. Послать слишком поздно — дать противнику перестроиться, передохнуть и приготовиться к новому столкновению.

Можно говорить о том, что укрепления служили организации военного пространства на различных уровнях. Даже почти ничего не значащий бруствер означал для солдата регулярной армии очень много: этот осыпавшийся валик был системой координат для функционирования военной системы как таковой. Солдат, лишенный инициативы нещадной муштрой, с подавленным инстинктом самосохранения дрался за свой разрушенный бастион, подспудно чувствуя, что отступление — поражение с последующей гибелью. Солдат психологически нуждался в этой линии — как в магическом круге и кресте, начертанном мелом. Фортификация определяла место солдата в строю при его несамостоятельности как боевой единицы. Устройство укреплений имело еще два резона. Опыт войн неопровержимо доказывал, что разница в боевой подготовке войск, в искусстве руководства ими, в тактике и в дисциплине проявляются прежде всего в открытых столкновениях. При обороне бастионов, даже самых примитивных, все эти различия не столь очевидны. Поскольку шведская армия считалась грозным противником, полевые редуты сооружать имело смысл. Стойкость войск в укреплениях объяснялась еще и особенностями военных нравов того времени: в полевом бою к пленным относились довольно гуманно, солдат, бросивший вовремя оружие, мог рассчитывать на пощаду. Однако положение человека, засевшего в укреплении, оказывалось более сложным. Если крепость капитулировала, то ее гарнизон мог добиться почетных условий — даже возвращения на родину с оружием и знаменами. Но если фортеция бралась с боя, ее защитники рисковали быть перебитыми разъяренными атакующими, и даже белый флаг на главной башне не сразу останавливал безжалостную резню. Солдаты и офицеры об этом знали, и после первого выстрела держались до последнего. Разумеется, полевой редут — не настоящая крепость, но на практике этой разницы могли и не заметить.

Петр I хорошо понимал значение высокого воинского духа. Как пишет в своей истории И. Голиков, царь «...по прибытии к дивизии Галлартовой, повелел призвать полковников от полков и изволил говорить: „Король Карл и самозванец Лещинский привлекли по воле своей вора изменника второго Иуду, гетмана Мазепу, которые клятвами обязались между собою отвергнуть от России народы мало-

российские и учинить княжество особою под властью его вора — изменника Мазепы, в котом ему быть великим князем и иметь у себя во владении казаков донских и запорожских и Волынь и все роды казацкие, которые по сей стороне Волги; таковою тщетною надеждою льстясь, сей вор и изменник уповал в помощь оным обещателям своим собрать малороссийского и казацкого войска до 200 тысяч и сверх того просил у султана турецкого на помощь 200 тысяч, обещая платить ему всягодно по миллиону монеты. Тагожде просил о помощи хана крымского и буджакскую орду, обещая знатную сумму денег и равномерным числом помочи служить для исполнения сего зломышленного дела, призвал шведского короля с 50 тысячами и Лещинского с 25 тысячами в Малороссию. Но помощью Божью, казацкие народы и малороссийские противные нам смиренны и в верности при нас состоят. Войско шведского короля через баталии и партии и чрез лютость мороза прошедшей зимы умалилось до 16 тысяч. Лещинского войско разбито и разогнано. Султан от помощи отказался и крепкими указами Крымскому Хану и ордам, буджакской орде подтвердил о недаче изменнику Мазепе и Лещинскому и о содержании мира с нами ненарушимо и так ныне шведского войска при короле Карле токмо тридцать четыре полка, но и те весьма от войск наших утружденные. Прошу вашего доброго подвига дабы неприятель не исполнил воли своей и не отторгнул бы толь великознатного малороссийского народа от державы нашей, что может быть началом всех наших благополучий“. Потом просил о добром отпоре неприятеля штаб-офицеров, чтобы они увещевали обер-офицеров и урядников и рядовых к доброму отпору против неприятеля».

Князь Голицын на Полтавском поле, в ответ на обращение царя стоять крепко, ответил, что он должен убедиться в их стойкости по баталии при Лесной: «...через целый день в огне стояли с неприятелями токмо шеренг не перемешали и места неприятелю не уступили. Четыре раза от пальбы с неприятелем ружье разорвалось, что действовать и в руках держать было бы невозможно; четыре раза суммы и пазухи и карманы патронами наполняли, позади фрунтов от падавших пуль едва видима была земля, ныне войско тож и мы рабы твои тож уповаем також иметь подвиг».

В исторических работах о Полтавской битве, начиная с XVIII в., приводится текст речи, сказанной царем перед сражением: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество, за православную нашу Веру и

церковь. Не должна вас также смущать слава неприятеля будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении пред очами вашими правду и Бога, поборающего по вас! А о Петре не ведайте, что Ему жизнь Его не дорога, только бы жила Россия во блаженстве и в славе, для благосостояния вашего!» Существует две версии по поводу этого текста: по одной — речь царя звучала именно так, хотя нет возможности прочитать оригинал, который утрачен. Сторонники этой версии ссылаются на сведения о публикации речи по документу, «извлеченному из материалов Военной коллегии» в начале XIX в. Другие считают автором текста Феофана Прокоповича, известного деятеля петровской эпохи, и обращают внимание на то, что оригинала речи нет среди царских бумаг, а впервые она появляется на свет в книге И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России». В пользу этого говорит и явное стилистическое расхождение приказа с другими «своеручными» письмами царя.

Численное превосходство было на русской стороне: в бой могли вступить 42500 человек при 102 орудиях. Шведов на поле боя вышло 24000 при 4-х орудиях. Два батальона пехоты и запорожцы составили заслон против Полтавы на случай вылазки ее гарнизона. Незадолго до сражения Карл XII был ранен в ногу пулей и вынужден был передвигаться на носилках. Он призвал солдат сражаться храбро, припомнив для поддержания их духа все одержанные ранее победы, и завершил свою речь приглашением отпраздновать победу в русском лагере.

Наступление шведов началось ночью 27 июня. В пятом часу утра в предрассветной мгле шведы прямо с марша атаковали редуты, но были отброшены драгунами. Шведская конница пришла на помощь своей пехоте, одержала было верх, но отступила под сильным ружейным и пушечным огнем. Новая атака шведов принесла им частичный успех — они овладели двумя недостроенными редутами, но не смогли захватить остальные. Упорный бой продолжался уже более часа. Меншиков, командовавший русским передовым отрядом, видя, что «не так уж и страшен черт, как его малюют», предлагал царю продолжать бой на этой позиции. Однако Петр I был более осторожен. Увидев бесплодность атак на полевые укрепления, король приказал обойти их. Но Меншиков заметил маневр Реншильда и поставил свои полки между редутами и Будищенским лесом. Там завязался жаркий бой, причем русские не уступали своих позиций ни под давлением шведов, ни по приказам царя, считавшего необходимым избегать жесткого столкновения с грозным противником. В густом пороховом дыму

и в пыли колонна полковника Росса продолжала штурмовать редуты, тогда как основные силы Реншильда двинулись в обход. Увидев свой промах и не имея возможности догнать своих, Росс отошел к Яковецкому лесу. На помощь ему отправились кавалеристы Шлиппенбаха. Царь оценил выгодную ситуацию и обрушил на отбившуюся от своих группировку несколько драгунских полков и пехотных батальонов. Пехоте шведской повезло — она сумела бежать в сторону Полтавы, конница же приняла бой, была окружена и изрублена. Потеря шести батальонов пехоты и двенадцати эскадронов конницы в самом начале сражения не отрезвила короля, и он вновь бросил свои войска на редуты. Штурм не удался, и шведам пришлось пройти между шанцами под пулями и картечью. Выйдя из-под обстрела, они оказались всего в 70 метрах от укрепленного лагеря, откуда в них тоже полетели ядра. Карлу XII пришлось потратить немало сил и времени, чтобы привести в порядок свои войска. Вскоре он обнаружил сразу несколько неприятных сюрпризов. Во-первых, многочисленная русская армия стояла перед ним таким широким фронтом, что атака в любом направлении могла обернуться ответным ударом с фланга и даже полным окружением. Растянуть же свои силы он не мог из-за их малочисленности. Во-вторых, обнаружилось отсутствие колонн Росса и Шлиппенбаха. Их печальная участь еще не была известна. В-третьих, в тылу показались казаки Скоропадского. Большой угрозы они не представляли, но требовали выделения отдельного отряда для прикрытия связи с лагерем, тогда как уже каждый солдат был на счету.

Поскольку благоприятный ход сражения все более и более убеждал царя в возможности победы, он приказал вывести войска из укрепленного лагеря, чтобы Карл не смог без риска выйти из боя. По Голицову, в центре находился генерал-фельдмаршал Шереметев, генерал Репнин, генерал-майор фон Верден, бригадиры фон Венленштейн и Полонский. Гвардией командовал полковник генерал-поручик Голицын и подполковники Долгорукий и Куракин. На правом крыле «при пехоте» генерал-майор Беем и бригадир Вейсбах, а при коннице генерал-поручик Боур и генерал-майор Шомбург; на левом крыле при пехоте генерал Алларт, генерал-поручик Белинг и бригадир Бук, а при коннице князь Меншиков и генерал-майор князь Волконский. Главная артиллерия находилась под начальством генерал-поручика артиллерии Брюса и состояла из 72 пушек. В лагере оставили сильный резерв из пехоты и артиллерии. Кроме того, шесть драгунских полков отправили для установления связи с казачьими войсками Скоропадского. В 9 часов утра началась главная фаза сражения. Наступавшая

шведская пехота попала под сильный артиллерийский огонь. Одно ядро угодило даже в королевские носилки, что на некоторое время внесло смятение в шведские ряды. Когда же Карл снова появился перед своими солдатами, они ободрились и продолжили атаку.

Сражение разворачивалось по всем правилам военной драматургии начала XVIII в.: обе стороны сошлись на дистанцию около 50 метров и обрушили друг на друга сокрушительный батальный огонь. Часто одна из сторон не выдерживала огромных потерь и подавалась назад. Если этого не происходило, в ход шли штыки. Здесь также далеко не всегда дело доходило до встречной сшибки.

Очень непростой манипуляцией было зарядание кремневого ружья: открыв полку (место, куда попадала искра, выбитая замком), стрелок, не сдвигая гильзы, скусывал бумажный патрон у самого пороха, стараясь не замочить его слюной, и подсыпал часть пороха на полку. Патроны готовились самими солдатами из пороха и свинца, отпускаемого по особым нормам в каждую часть. Затем, зажав патрон двумя пальцами, закрывал полку, ставил курок на предохранитель и ставил ружье вертикально. Порох из патрона засыпался в дуло, причем следовало следить, чтобы он высыпался без остатка. Опорожненный патрон вкладывался в дуло пулей к пороху и прибивался несильными ударами шомпола, чтобы не раздавить пороховых зерен, иначе выстрел ослабевал.

Ударно-кремневый замок был очень капризным механизмом: в случае неточной регулировки отказ становился неизбежным. Даже при идеальном состоянии замка на 100 выстрелов приходилось 15 осечек. В дождливую и ветреную погоду огнестрельное оружие превращалось в холодное, так как порох на полке или отсыревал, или сдувался. Замок требовал частого ремонта, что не всегда было возможно в боевых и походных условиях. Порох, вспыхивавший на полке, был опасен для глаз стреляющего, особенно при ветре в лицо. Проблематичным были и применение заряженного ружья в рукопашной схватке — выстрел мог произойти от любого сотрясения. Воспламенение пороха на полке давало человеку с хорошей реакцией возможность уклониться от пули, так как сам выстрел происходил мгновением позднее.

Круглая пуля, часто не вполне соответствовавшая диаметру ствола, летела не столько туда, куда ее направлял солдат, сколько в соответствии с законами баллистики. Поскольку эти законы были малоизвестны, пулю называли дурой. Штык, втыкавшийся туда, куда его нацелили, заслужил у солдат звание молодца. Стрельба в единичную цель из мушкета на расстояние более 50–70 метров

становилась лотереей, но пальба в сомкнутый строй противника была эффективным средством поражения: в батальон, занимавший площадь по фронту в 100–120 метров и по глубине в 10–15 метров, сложно было промахнуться.

В исторической литературе о Полтавском бое часто упоминается о том, что первый штыковой удар шведы направили на левый фланг, где в серых рекрутских мундирах стоял 1-й батальон Новгородского пехотного полка. Атака на слабейший участок в военной практике обосновывалась боевым «магнетизмом»: наступающая или бегущая часть оказывала могучее психологическое воздействие на своих соседей. Даже случайная и небольшая неудача могла обернуться большой бедой. Петр I, видя угрозу прорыва фронта, лично повел в бой 2-й батальон новгородцев и сумел исправить положение. Успешная контратака ободрила русскую армию, и она перешла в наступление. Однако в документах об этом эпизоде ничего не говорится.

Конница сбила с позиций шведских драгун и начала охватывать с флангов все войско Карла XII. Наконец отступление превратилось в беспорядочное бегство. В 11 часов шведы бежали по направлению к Переволочне, оставив на произвол судьбы отряд, находившийся у Полтавы. Батальоны, оставшиеся в лагере, попали в клещи между преследовавшим их отрядом Ренцеля и совершившим вылазку гарнизона Полтавы. Запорожцы разбежались, шведы сдались. Полтавское поле стало в буквальном смысле братской могилой для многих шведских частей. Упландский пехотный полк лег почти целиком — от командира до барабанщика. Из 700 человек, отозвавшихся на переключке вечером 26 июня, в живых осталось только 14. Из 500 чинов Скараборгского полка в строй вернулось всего 40. Шведские потери обеими сторонами оцениваются по-разному, вероятно в связи с тем, что русские считали всех убитых противников (9300 человек), а шведы только «своих» (6900 человек), не учитывая потерь казаков-«мазепинцев». Число пленных (около 2700 человек) признают обе стороны. На поле боя стало более 9000 трупов в синих мундирах. В плену оказалось почти 3000 человек, в числе которых был и первый министр короля К. Пипер, фельдмаршал Реншильд и несколько генералов. Потери русских составили 1345 убитыми и 3290 ранеными. От Полтавы к Переволочне шведские войска фактически бежали, поскольку для армии той поры переходы по 50 верст в сутки — совершенно необычное явление. В ходе боев были освобождены 2900 русских, взятых в плен в предшествовавших сражениях. Арсенал русской армии пополнился 32 орудиями разного калибра,

а казна — двумя миллионами ефимков. Победа под Полтавой воспрепятствовала вступлению Турции в войну не только потому, что султан был «удивлен» силой русского оружия. Часть огромных сумм, захваченных в шведских обозах, была использована для подкупа турецких государственных деятелей.

Петр Болесте, очевидец Полтавского боя, оставил такое описание событий в своих мемуарах: «Только алчный враг тем нас опередил, что всей своей пехотой начал напирать на наших всадников, наша же пехота стояло отдельно; с ожесточением Швед начал было гостить между нами, но не с малой для себя потерей: он уже мечтал даже о решительной победе, уже торжествовал, даже ослеп, смело нападая; тут быстро к нам подоспела пехота, и вмиг и неприятель отброшен, а ударив ему в бок (фланг) не позволили ему и шага отступить дальше... Сорвавшийся с высоты камень, ударяясь о твердую скалу, далеко от нее отскакивает, или же принужден оставаться в своем круге; попавшая в сильную броню пуля обратно отлетает, часто вредя стрелявшему. Отбитый русскими, Швед отдает в плен Генерала своего Шлиппенбаха, который был причиной поражения левого крыла... Сам царь выводит (в поле) две линии, а третью укрывает в окопе (ретраншаменте). Он образует корпус из пехоты, укрепляя его батареями, а бока (фланги) прикрывает конницей, и бдительно следит он своим взором и в ту и в другую сторону, приготавливаясь так, чтобы в случае надобности, каждый из его генералов мог подать друг другу руку помощи. Так опытный мореходец, заметя с высоты кормы водоворот, дает своему тяжелому судну направление, спасая его от неизбежной гибели; или же, попав нечаянно на подводный камень, искусно минует и эту опасность». Для описания отступления шведов с поля боя у Болесте тоже нашлись высокохудожественные образы: «Так олени, застигнутые в непроходимом бору, разъярясь, надеются только на быстроту ног своих, и готовы скорее стать верной добычей, нежели, защищаясь храбро, пасть мертвыми».

Само по себе отступление при непосредственном соприкосновении с противником являлось очень опасным маневром, особенно во времена линейного строя. Перестроение из походного порядка в боевой требовало значительного времени, а колонна, застигнутая на марше, не имела шансов на отражение атаки даже гораздо меньшего по численности противника. Отступление же в боевых порядках происходило крайне медленно, не могло продолжаться долго и оказывалось совершенно невозможным в ночных условиях, в лесу и на пересеченной местности. Даже арьергард не являлся в такой обстановке надежным

средством защиты для основных сил из-за военной «технологии». Самым действенным приемом был штыковой удар пехоты или движение конницы сомкнутым строем. Но при отступлении всей армии вектор атаки арьергарда оказывался противоположным направлению движения основных сил. Батальоны и эскадроны, оставленные в качестве заслона, были крайне скованы в своих действиях, поскольку рисковали попасть в окружение. Более того, их стремление дать решительный отпор наседающему противнику могло привести к образованию разрыва между арьергардом и остальной армией, куда легко вклинивались вражеские войска. Эту проблему отчасти можно было решить только с помощью плотного ружейного огня, державшего врага на почтительном расстоянии, но в начале XVIII в. пуля еще была действительно дурой и потому в таком деле плохой помощницей. Именно этим во многом объясняется феномен «навязывания» сражения: как только одна армия оказывалась в непосредственной близости от другой, ей очень непросто было отказаться от лобового столкновения.

Одной из загадок Полтавской битвы является то, почему шведской армии удалось почти без помех отойти и не подвергнуться окончательному разгрому в непосредственной близости от города. Русская армия располагала многочисленной конницей и несколькими пехотными полками, не принимавшими участия в бою. Существует несколько версий. По мнению одних историков, результат боя оказался столь неожиданным, что победители просто не знали, что делать дальше. Кавалерия своевременно не получила нужных распоряжений, а плана, предусматривавшего преследование разгромленного противника, просто не было. Главной мыслью Петра I и его окружения было — «устоять!». По мнению других — царь настолько увлекся торжеством, что «забыл» о бегущих шведах. По мнению третьих, русские не торопились, полагая, что Карлу XII все равно деваться некуда из западни в районе Переволочны. Не лишено оснований и мнение, согласно которому Петр I опасался превратиться из победителя в побежденного. На протяжении предшествующих лет он хорошо изучил то, как умеет огрызаться шведский лев. Военная история знала к тому времени немало примеров, когда чрезмерно азартное наступление оборачивалось катастрофой. Царь лично отметил это важное тактическое положение в «правилах сражения», составленных после поражения при Головчине. Есть еще одна версия, совсем уж прозаическая. Хотя основную часть обоза благодаря хорошей организации тыловых служб шведам удалось спасти, добыча оказалась немалой. Характер-

но, что статс-секретарь Шафиров прежде всего спросил пленного графа Пипера о местонахождении полевой кассы шведской армии. Есть еще одно объяснение того, почему не было активного преследования разбитого шведского войска: применение правила о «золотом мосте», согласно которому не следовало ставить врага в безвыходное положение и заставлять его драться насмерть. Античный военный теоретик Вегеций писал по этому поводу: «Многие неопытные в военном деле думают, что победа над врагом полнее, если они запрут врага или в узком месте, или множеством своих вооруженных людей так, что ему не будет никакой возможности уйти. Но у запертого врага вследствие отчаяния растет смелость, и когда нет уже надежды, то страх берется за оружие. Охотнее умирает вместе с другими тот, кто наверное знает, что ему предстоит умереть... Когда путь к отступлению открыт, все единодушно обращают тыл, и тогда врага можно безбоязненно избивать как стадо скота...» В пользу этого предположения говорит и конфигурация русских укреплений, оставлявших противнику свободный путь для отступления вдоль Ворсклы. Вместе с тем, Петр I вовсе не собирался «проводить» Карла XII за Днепр и далее в Польшу. Такой сценарий грозил тем, что, собравшись с силами, шведский король мог повторить свое вторжение в Россию или, по крайней мере, еще долго противиться заключению мира на невыгодных для него условиях. Создание препятствий для ухода шведов за Днепр, уничтожение паромов и лодок, организация на следующий день активного преследования — все это говорит о том, что царь мог допустить свободного отступления врага только с поля боя, но был нацелен на полный разгром шведов в ходе всей кампании 1709 г.

По нашему мнению, ни одна из этих версий в отдельности не может объяснить причины того, что преследование началось с таким опозданием. Скорее всего, следует говорить о совокупности этих факторов.

Царь пообещал генеральский чин и 100000 рублей (колоссальная по тем временам сумма!) тому, кто возьмет в плен короля. Несмотря на столь мощный стимул, погоня не увенчалась полным успехом. Сначала отход шведской армии был похож на обычный марш, войска соблюдали дисциплину и порядок. На речке Кобылячке шведский арьергард даже дал отпор русскому авангарду, позволив основным силам уйти подальше. Когда армия подошла к Переволочне, и там не оказалось средств для переправы через широкий Днепр, выяснилось, что армии больше нет. На месте были офицеры и солдаты, пушки и зарядные ящики, барабаны и знамена. Но рядовые перестали слушаться командиров, а те апатично смотрели, как рушится дисципли-

на — становой хребет регулярного войска. Никто не хотел выкатывать орудия на позицию, барабанщики напрасно созывали солдат специальным сигналом построиться под знаменами своих батальонов. Все думали только о том, как перебраться на другой берег реки. Ситуация усугубилась острой нехваткой боеприпасов. Генералу Гилленкроку удалось найти несколько небольших лодок, которых хватило, чтобы переправить короля, гетмана и около 3000 солдат и офицеров. Пример запорожцев, переплывавших через Днепр, держась за хвосты лошадей, вдохновил некоторых шведов. Они попытались переплыть реку на импровизированных плотках, сделанных из телег, но большинство нашло себе могилу в водах этой реки.

Уныние шведского войска, оставшегося на «русском» берегу Днепра, еще более усилилось при появлении корпуса А. С. Меншикова, который использовал следующую хитрость: позади своих эскадронов он поставил несколько сотен солдат. Таким образом, создавалось впечатление, что на подходе — значительные силы. Генерал Левенгаупт видел, что солдаты перебегают к русским, справедливо полагая, что в горячке боя сдаваться будет не так безопасно. Поступали рапорты о том, что нижние чины грабят собственный обоз. Опрос, проведенный командирами частей, свидетельствовал о невозможности нового сражения: немногие воины заявили о готовности драться до конца. В ночь на 30 июня армии фактически не стало — так уже нельзя было назвать многотысячное сборище деморализованных людей. «Общее настроение этой ночью, очевидно, представляло собой странную смесь усталого безразличия, безвыходности и безумного страха. Некоторые просто махнули на все рукой и, выдохшиеся, повалились вместо работы спать. Другие, охваченные непередаваемым ужасом, лихорадочно сооружали плоты и предпринимали безрассудные попытки преодолеть реку... Старшие офицеры либо сами участвовали в запрещенных мероприятиях на переправе, либо давали на них молчаливое согласие», — писал о последних часах шведской армии историк Энглунд. Взвесив все обстоятельства, Левенгаупт ответил согласием на требование Меншикова о безоговорочной капитуляции. Несколько десятков шведов, веривших в то, что в русском плену их ждут страшные муки от рук варваров, бросились в Днепр. Два офицера предпочли заколоть друг друга шпагами. Всех взятых в плен при Полтаве и Переволочне оказалось около 17000 человек, из них 3 генерала, 45 полковников, подполковников и майоров, 250 капитанов и 620 офицеров в других чинах. С пленными казаками поступили на удивление милостиво: их «обратили в крестьянство», запретив впредь называться казаками и носить оружие.

Запорожцев ждала более суровая кара: самых «виновных» казнили, а остальных навечно отправили в сибирские рудники. Левенгаупт прожил 9 лет в Москве «за караулом», был вынужден присутствовать на торжественном въезде Петра I в Москву в декабре 1709 г. Он умер, не увидев родины, в 1718 г., пережив на шесть лет своего короля, который до конца своих дней обвинял его в необоснованной капитуляции. Похоронили ветерана на немецком кладбище в Лефортово со всеми воинскими почестями, полагавшимися ему по чину. После окончания войны прах генерала родственники перевезли в Швецию. Ему не раз предлагали принять русское подданство и высокий чин на русской службе, но он отвечал вежливым отказом.

Калмыцкая конница подошла к Полтаве, когда шведской армии уже не существовало. Хотя калмыки были щедро награждены, они были крайне огорчены тем, что им не довелось участвовать в битве. Как пишет в своей книге И. Голиков: «...начальнейшие калмыцкие мурзы драли на себе волосы, грызли пальцы, скрежетали зубами, били в грудь и говорили, когда б они были во время баталии, то б не ушел нежели король, но не единый человек, но все были бы порублены или связанные на арканах приведены... Шведы пленные видению онаго народа весьма удивлялись и спрашивали какой сей народ и войско, и говорили, что они дотоле таковых не видели». Для того чтобы усилить впечатление, царь попросил калмыков показать свое воинское искусство.

«Мурзы, сами севши на лошадей пред его царским величеством чинили действия следующие.

1-е. Бросили платки на землю, и, несколько отъехав, на всем конском бегу не сходя с лошадей, те платки с земли схватывали.

2-е. Рассказавшись на лошадях, метали трости вперед и, подбегая, ухватывали с руки.

3-е. Во время же бега конского укрывались на сторону за лошадей столь искусно, что и видеть их было невозможно.

4-е. Шляпы пометав на землю, на бегу конском на копия поднимали.

5-е. На самом бегу конском расстоянием трех аршин с лошади на лошадь перескакивали.

6-е. На самом бегу конском лошадей расседывали и вздымая седла для показания, паки оседывали.

7-е. Метали шляпы вверх и на бегу пробивали из луков стрелами.

8-е. Поставляли знак величиною человека и окружали чертой около 10 сажень ширины и на бегу конском за двадцать сажень расстоянием стреляли из луков и стрелами все трафили во оной круг черты.

9-е. Метали друг в друга дротиками и, един до другого не допущая, ухватывали рукою и бросал обратно в бросавшего.

10-е. В самом конском бегу копытами с друг друга снимали надетые шапки.

11-е. Упоминаемые малые копейца металлические на месте перерубали саблями и, воткнув в землю несколько копей, на всем конском бегу накидывали арканы и выхватывали из земли. По сих действиях скакали на конях и вдруг останавливались и обращались направо и налево столь круто, как бы то пеший стоя на земле чинить мог, и чинили поединки на саблях и прочие увеселения. Пленные с ужасом на те действия смотрели и сжимая плечи говорили: воистину государь наш король с оным народом никогда баталии и дать не хотел».

Еще не поступили известия о капитуляции шведской армии у Переволочны, а мир узнал о победе под Полтавой из «Обстоятельной реляции о счастливой баталии меж войска Его Царского Величества и Королевского Величества Свейского, учинившейся неподалеку от Полтавы сего Июня в 27 день 1709 году». В ней современники прочитали следующее: «Сего месяца 20 дня перешли мы со всею армиею через Ворсклу и по сю сторону оной, в малую линию от неприятельской армии, стали. Потом же, 24 числа, пошли мы далее со всею армией и стали с четверть мили от неприятеля, и дабы оной на нас нечаянно не напал, учинили около обозу траншемент; наша же кавалерия на правой руке между лесом поставлена была и между оной несколько редут сделано, и люди и пушками осажены, и изволил Его Царское Величество всякое предоготовление чинить к нападению на неприятеля; однако ж он, по своей обыкновенной запальчивой отваге, в том нас упредил, и 27 числа, поутру весьма рано, почитай при бывшей еще темноте, из дефилеев, в которых он во всю ночь свое все войско в строй поставлено имел, на нашу кавалерию как конницею, так и с пехотою, с такою фуриею напал, что хотя он многократно с великим уроном от нашей кавалерии и от наших редут, к которым приступал, отогнан есть; однакож наша кавалерия, понеже оною нашей инфантериею толь скоро выручить не могли, последи немного к нашему ретрашменту уступить принуждена; однакож паки скоро остановились и неприятеля атаковали, и онаго правое крыло весьма сбили, и генерал-майора Шлиппенбаха, который тем крылом командовал, в полон взяли. Между тем-же послал Его Царское Величество его светлость князя Меншикова да при нем генерал-лейтенанта Ренцеля, с некоторою частию кавалерии и инфантерии, к Полтаве, дабы еще в сикурс неприятелю идущие войска, також и в шанцах оставшегося

неприятельского генерал-майора Роза с неприятельскими войсками атаковать и помянутый город от блокады весьма освободить и вышеупомянутый, его светлость, встретил на дороге неприятельский корпус резервы, состоящий в 3000 человеках, которые они поставили позади своего правого крыла при лесе, которых, по краткому бою, сбил и без остатку и в полон побили и его светлость паки в главной армии возвратился, генералу же Ренцелю велел продолжать марш к Полтаве, по которого прибытии ретировался генерал-майор Розен, с тремя бывшими полками, в сделанные перед городом от неприятеля крепости и шанцы; но оный от помянутого генерал-лейтенанта Ренцеля тамо атакован и, по кратком учиненном сопротивлении, принужден, со всеми при нем будущими людьми, на дискрецию сдаться. Между тем же неприятельская кавалерия, от главного войска, от нашей кавалерии, уступила и со всею инфантериею паки случилась и поставили всю свою армию в ордер баталии, пред фрунтом, с четверть мили от нашего обозу. Между тем же Его Величество повелел тотчас двум линиям от нашей инфантерии из нашего траншаменту выступить, а третью в оном позади оставил, и тако ту армию в строй поставил, что инфантерия в среди, кавалерия же на обоих крылах поставлена, и с нашей стороны правое крыло кавалерии командовал генерал-лейтенант Баур (понеже генерал-лейтенант Рен в первой акции, в которой он много опытов храбрости и доброго приводе показал, в бок прострелен): левое же крыло командовал его светлость кн. Меншиков, понеже тамо его прибытие потребнейше было, а корпус баталии командовал сам Его Царское Величество высокою особою своею, притом и г-н генерал-фельдмаршал Шереметев, також господа генералы от инфантерий, кн. Репнин и Алларт, купно с генерал-лейтенантом Белингом и прочими генералы; артиллерию управлял генерал-поручик от артиллерии Брюс и всякий в своем назначенном poste управляли с изрядными опыты мужества и воинского искусства своего. И как войско наше, таковым образом в ордер баталии установясь, на неприятеля пошло и тогда в 9 часу пред полуднем атака и жестокий огонь с обеих сторон начался, которая атака от наших войск с такою храбростью учинена, что вся неприятельская армия, по получасовому бою, с малым уроном наших войск (еже притом наивяще удивительно), как кавалерии, так и инфантерии весьма опрокинута, так что шведская инфантерия ни единожды потом не останавливалась, но без остатку под нашими шпагами, пиками и багинетами колота, и даже до обретающегося вблизи лесу яко скот гнаны и биты; притом в начале, генерал-майор Штакельберг, потом же

генерал-майор Гамильтон, також и после и фельдмаршал Реншильд и принц Виртембергский, королевский родственник, купно со многими полковниками и иными полковыми и ротными офицеры, и несколько тысяч рядовых, которые большая часть с ружьем и лошадьми, отдались и в полон взяты, и тако стадами от наших гнаны. В погоню за уходящим неприятелем последовала наша кавалерия больше полутора мили, а именно, пока лошади, ради утомления, идти могли, так что почитай от самой Полтавы в циркумференции мили на три и больше, на всех полях и лесах мертвые неприятельские тела обретались и чаем оных от семи до десяти тысяч побито; а сколько с ними пушек, знамен и литавр взято, тому последует при сем, елико ныне за скоростью могли уведомиться, роспись, а о прочих обстоятельствах, також сколько с нашей стороны побито и ранено, тому прислано будет впредь уведомление. И тако, милостью Всевышнего, совершенная виктория, которой подобной мало слыхано и видано, с легким трудом против гордого неприятеля, через Его Царского Величества славное оружие и персональной храбрый и мудрой привод, одержана.

Ибо Его Величество в том воистину свою храбрость, мудрое великодушие и воинское искусство, не опасаясь никакого страха своей царской особе, в высшем градусе показал и притом шляпа на нем пулею перебита; под его светлостью кн. Меншиковым, который також мужество свое при том довольно показал; три лошади ранены.

При сем же и сие ведати надлежит, что из нашей пехоты токмо одна линия, в которой с 10000 обреталось, с неприятелем в бою была, а другая до того бою не дошла, ибо неприятели будучи от Нашей в первой линии опровергнуты, побежали и тако побиты. Где король сам обретается, еще до того числа неизвестно, также его зенфта (т. е. носилки), в которой его, ради прежде полученной раны в ногу, носили, найдена на части расстрелена, так что и фельдмаршал Рейншильд худое мнение о его состоянии имеет. За неприятелем в погоню далее, також и ради взятия багажу, посланы вчерашнего же числа генерал-лейтенанты от гвардии кн. Голицын с обеими гвардиями, с Ингерманландским и Астраханским полки, конной пехотой и Боур с десятью полками кавалерии, и ожидаем мы повсечасно, что оные учинят. Граф Пипер с некоторыми секретарями, не имея случая бегством спастись, приехал сам в Полтаву, и почитай вся неприятельская инфантерия при сем побита, також и от кавалерии мало осталось. Сего 28 дня и его светлость кн. Меншиков за неприятелем пошел, за которым еще несколько полков инфантерии последовало. О неприятеле имеем ведомость, что войска Наши вблизи уже оного

обретаются и его еще, конечно, застанут. Что далее учинится, о том не оставим вам сообщить.

Р.С. Получено известие от посланных для погребения мертвых по баталии, что они на боевом месте и круг одного сочли и погребли шведских мертвых тел 8619 ч. Кроме тех, которые в погоне по лесам в разных местах побиты. От посланного Нашего войска за неприятеля получили ведомость, что неприятели бегут от Наших с достальным войском наспех и уже с 3000 возов с добычу Нашими покинули, та-кож и раненых своих поколов, на дороге оставляют и бегут, ни мало ни останавливаясь; однакож чаем, что те посланные Наши войска скоро тех бегущих догонят и отаковать будут».

Одним из первых, кому отправили известие о победе, был воевода Бельтц, «главноначальствующий» польской армией, воевавшей против шведов. Ему отправили депешу, известную как «Самое краткое донесение о славной Полтавской победе, одержанной Его Императорским Величеством 27 июня над шведским королем». В ней сообщалось среди прочего: «...В сем деле взяты в плен: маршал Реншильд, командовавший со шведским королем, генерал-майоры Штапельберг, Гампльтон, Шлиппенбах и кн. Виртембергский, полковники: Апельгрем, Горн, Эншельд, подполковники: Засс, Рибиндер, Моде, Брюнов, Врангель; майоры: Векмейер, Брюсов и Рейтер; 17 кавалерийских капитанов, 1 штаб-капитан, 2 драбанта, один придворный королевский квартирмейстер, 3 полковых квартирмейстера, 53 портупей-корнета, 3 адъютанта, 7 трубачей, 4 штаб-лекаря, 3 писаря, 201 конных и пеших унтер-офицеров, 17 гобоистов, 24 барабанщика и 2528 конных и пеших солдат... Из трофеев взято 14 кавалерийских мельперта, 29 драгунских, 93 знамени, между которыми найдено одно волохами, пара серебряных и 3 литавры; взято только 4 пушки, ибо неприятель имел предосторожность оставить свою артиллерию с тяжелым обозом; однакож несмотря на то, захвачено 3000 подвод...» В том же послании изложена история капитуляции шведов при Переволочне: «Кн. Меншиков выступил 28 числа, т. е. на следующее утро после сражения для преследования бежавших неприятелей и для подкрепления кн. Голицына и генерала Бауера, маршировал так поспешно день и ночь, что настиг неприятеля на горном пространстве и трудном приступе у деревни Переволочны на Днепре. Узнав, что они были собраны в числе 19000 чел., включая казаков и служителей, и, видя, что они расположены покориться, чем вступить в сражение, он велел приближаться своим войскам, смыкая оных сколько было возможно. Но как князь видел, что он не мог получить большой славы против неприятеля».

ля, который не хотел делать никакого сопротивления, то отправил к нему офицера».

Меншиков выдвинул следующие условия: Левенгаупт «...кладет оружие, отдаваясь со всеми орудиями, знаменами, литаврами, барабанами, целым обозом и конницей в руки победителя; но эти условия не могут служить защитой для изменивших казаков: они должны быть наказаны по делам своим». Шведский генерал в ответном послании согласился по всем пунктам, выговорив только право некоторым офицерам вернуться на родину: «...все офицеры со своими степенями, кавалеры с обычным почетом, а драгуны ласковым образом должны быть принимаемы; все они сдаются на честное слово; в случае надобности, некоторым офицерам дозволяется отправиться на родину; обозы же, лошади, знамена, литавры, деньги и все оружие отдается победителю; выдаются также все бежавшие из Украины и другие, изменнически вошедшие в наш край; все эти не подлежат охране этого договора».

Генерал Левенгаупт, начальствовавший ими, получил приказание сдаться со всем своим войском, «в противном случае, велено ему объявить, что не дано будет ему никакой пощады, а еще менее его солдатам. И так генерал, видя себя доведенным до такого унижительного положения, отправил к князю генерал-майора Крейтца, полковника Диккера, подполковника Траутветтера, главного адъютанта Дюкло просить о капитуляции. Великодушный князь согласился их принять как военнопленных. Сия капитуляция была подписана с обеих сторон. Генерал Бауер был исполнителем оной. Граф Левенгаупт, генерал-майор Крейтц равно как и все остальные кавалерийские офицеры, солдаты и денщики положили оружие, в числе 19000 чел., взяты были знамена и штандарты, литавры, барабаны. 36 пушек, весь тяжелый обоз, в котором найдено много денег и драгоценных вещей, вся шведская канцелярия. За несколько часов перед капитуляцией, Шведский король, весь израненный, как говорили, счастливо переправился через Днепр с Мазепой, Лагеркронном и Спарром, также с несколькими сотнями своих гвардейцев. Наши Калмыки и Волохи сделали за ними погоню, настигли до 200 человек и убили оных; с другой стороны, они взяли в плен около 100 человек, которых пощадили, в сем числе найден был генерал-аудитор. Касательно Мазепы мы думаем, что он не избегнет своим побегом должного наказания за свое великое преступление. И так, доверших сих великих побед, вся Украина теперь находится совершенно свободно от набега и заразы сей Державы, которая кончилась соделаться страшною для всей Европы».

Радость Петра I проявился в щедрых наградах всем участникам боя. Полковник Келин был произведен в генерал-майоры, награжден золотой медалью на золотой цепи и 10000 рублями. Все чины гарнизона получили годовое жалование. Жены убитых получили пенсию, а дети убитых воинов вплоть до своего совершеннолетия получили пенсию в размере трети годового жалования отцов. Калмыцкому хану Аюке было послано 40 соболей, золотая и серебряная парча. Всем войскам выдано полугодовое жалование не в зачет. Через несколько дней после боя множество окрестных крестьян и торговцев приехали к Полтаве, уже не опасаясь шведских разбегов, и привезли разную снедь. Они также рассчитывали приобрести по случаю добро, доставшееся от разгромленного противника. Их надежды оправдались. Как писал И. Голиков, ярмарка, устроенная у города, «...увеличена была продажей доставшихся в удел солдатам премногих шведских вещей, как-то разной посуды медной, оловянной и серебряной, домашних и конских приборов и проч. Такое множество вещей сих было, что продавалось олово и медь по 8 и 7 копеек фунт, серебро по 8 же и по 7 рублей фунт, всякие уборы и платье за четверть цены, и проч. Великий Государь сего же числа сам посещал сию ярмарку и утешался веселием народа». Размер добычи потряс очевидца событий — поляка Петра Болесте, записавшего в своих воспоминаниях: «И сколько добычи в наличных деньгах, сколько чистого золота и серебра в кусках, похищенных в Польше, Саксонии, Пруссии и Литве в тамошних храмах, замках, городах и дворцах! Не воспользовался Швед этой добычей: она досталась в руки, не запятнанные жадностью и грабежом».

Пленных шведских солдат царь повелел разделить на партии и отправить на крепостные работы «с повелением производить им заработные деньги по тому же, как производились и солдатам его...» Это следовало сделать как можно скорее, поскольку войска изнурялись караулами, необходимыми для охраны такого огромного числа пленных. Чтобы избежать среди них волнений, всем солдатам выдали треть их годового жалования. Всех здоровых офицеров царь приказал отправить в Ораниенбург. 14 июля царь «повелел пленным шведам, двум отрядам, пехотному и конному, показать все воинские их маневры и искусство. Его Величество, смотря на оные, замечал скорость действия каждого маневра секундами по часам, держимым им в руках; а потом с таковым же замечанием смотрел на подобные же маневры равных отрядов своих солдат и драгун, и к великому удовольствию своему уверился сим опытом, что воины его в искусстве воинском и в скорости оборотов превзошли своих учителей».

Первоначально большую часть пленных каролинов отправили в Москву, где им пришлось участвовать в триумфальном шествии, посвященном Полтавской победе. Один из участников этого события оставил такую запись о нем: «22 декабря, шведы, с трофеями маршировали на триумфальном представлении через семь триумфальных ворот, которые недавно были сооружены в Москве. Построение началось задолго до восхода солнца, а с наступлением дня начался сам марш, который продолжался до вечера, времени зажигания фонарей. Порядок шествия был следующий: 1. Шли рядовые солдаты, плененные у Лесной. 2. Унтер-офицеры в порядке старшинства. 3. Те рядовые, плененные у Днепра и под Полтавой, которые успели прийти в Москву. До начала шествия наши генералы, офицеры, как и все остальные, сдали свои шпаги, как и все остальные, которые им до сих пор разрешалось иметь при себе. Далее следовали: 1. Рядовые, находившееся в Москве. 2. Унтер-офицеры. 3. Корнеты и фендрики. 4. Лейтенанты. 5. Ротмистры и капитаны. 6. Драбанты. 7. Майоры. 8. Артиллерийская прислуга. 9. Подполковники и полковники. Группы распределялись капрами Преображенского полка верхом на лошадях, а семь-восемь мушкетеров с обнаженными шпагами шли пешком по обе стороны от нас. После этого отделения следовали: 10. Шведская артиллерия. 11. Захваченные литавры, которые лежали на специально сделанных больших санях, а оставшиеся в них места занимали барабаны нашей кавалерии. 12. Барабаны. 13. Знамена и флаги, которые тащили в левых руках. Затем следовали: 14. Четырнадцать запасных лошадей нашего короля, покрытые простыми кожаными попонами, и его запряженная походная постель с матрасом и покрывалом, но последнее принадлежало Дюбену. Потом несли королевские носилки, за ними шли генерал-майоры и замыкали шествие генерал граф Левенгаупт, фельдмаршал Карл Густав Реншильд и граф Карл Пипер. Затем следовал царь со своей свитой...»

Другой пленный записал: «Во время шествия мы претерпели множество насмешек от русских каналий, которые тысячами стояли по обе стороны дороги и были ужасно пьяны. Шествие длилось с утра до вечера, когда мы прошли через последние триумфальные ворота, расположенные напротив Немецкой слободы, напротив которой мы должны были долго стоять и ждать, голодные и усталые, ибо за целый день у нас во рту не побывало ни кусочка хлеба, к тому же был сильный мороз».

Торжества продолжались две недели — с 18 декабря 1709 по 1 января 1710 г.

При создании триумфальных ворот, по словам И. И. Голикова, «...употреблено было все тщание сделать оные великолепнейшими, ничего не жалея; рука живописца, резчика, золотаря и архитектора, казалось, превзошли настоящее времени того искусство; выдумка Историка, Мифологика и Эмблемматика истощила всю себя и удивила самых наизнающих в сем роде мужей».

Описание только первых ворот в книге Голикова занимает 19 (!) страниц. Мы приведем только две первые страницы. Ворота представляли собой «огромный и великолепный храм, основанный на шестнадцати великих Коринфского ордена колоннах, утверждавшихся на восьми огромных пьедесталах, образовавших добродетели Монаршие, на коих здание незыблемо утверждается. Сии добродетели на пьедесталах оных изображались искусной кистью, которым следует при сем описание. Первая и начальнейшая, *благочестие* в виде крылатой девы, устремившей очи на небо, на главе ее пламя огненное, одной рукой касается жертвенника, другую имея к персям приложенную с надписью из *Липсия* Basis et fundamentum reipulicae religio. Т. е. Основание общества — благочестие. Другие на сем же пьедестале сообразные тому же эмблемы суть: Воин вооруженный, на щите его изображался жертвенник, а на нем топор и нож священные, какие употреблялись в древнем священнослужении. Воин сей прогоняет полки противных с надписью: Vis nescia vinci. Т. е. Сила непобедимая. *Орел Юпитеров* над жертвенником парящий от одного перуном врагов отражающий с надписью: Tutur et ultor. Т. е. *Защититель и отомститель*. *Орел Российский*, сидящий между орудий и жертвенника с надписью: Nulli secundus utroque. Т. е. *Никого больше нет между нами*. Вторая добродетель монаршая *благостыня*; она изображается в виде девы же, возносящей очи и руки к небу; на лоне ее *пеликан*, из растерзанной груди своей кровью питающий птенцов с надписью: Qualem vix reperit ullum Millibus e multis hominum consultus Apollo. Т. е. Не обретох такового из многих тысяч людей, ответствовавшая Аполлон вопрошаемый. На том же пьедестале приличествующие сему эмблемы суть: *Геркулес*, избавляющий род человеческий от чудовищ избиением оных, и спасающий *Усонию*, дочь *Лаомедонта* Царя Троянского, от морского чудовища с надписью из *Менандра*: Vir bonus multis in locis salutaris. Т. е. Муж благий во многих местах спасителен. *Орел*, бросающий зажженную бомбу во львов, напавших на стадо незлобивых зверей, многих из них убивающий и в снедь тем зверям и птицам их предающий, других в бегство обращающий, с надписью из того же *Менандра*: Et in rebus perplexis vir utilis est. Т. е. В случаях опасных полезен».

Кроме самих ворот были установлены «пирамиды», украшенные различными аллегорическими картинами. «Одна из этих пирамид представляла шведское несправедное умышление и дерзость на державу Российскую, разрушенную победой героя Российского и отмщение беззаконного ругательства церковей Божьих. Другая — освобождение от хищения Шведского Ливонии, обладание и усмирение Балтийского моря построением на оном крепостей Кроншлота и прочих».

Большая разница между числом взятых в плен и отправленных в столицу объясняется прежде всего тем, что вскоре после битвы около 6000 нижних чинов шведской армии согласились перейти на русскую службу, что вполне соответствовало тогдашним нравам. Всего в Москве было сформировано 13 групп пленных, которых отправили в различные города — Ярославль, Ростов Великий, Новгород, Владимир, Вологда, Тула, Арзамас, Симбирск, Уфа, Астрахань, Чебоксары. Жизнь в провинциальных городах европейской части России для пленных, вероятно, была не особо приятной, но еще более неприятным было поселение в Сибири или на Урале, само по себе считавшееся тяжким наказанием.

Ко времени прибытия туда «полтавских» партий там уже находилось некоторое количество шведских пленных, захваченных в первое десятилетие Северной войны. В Сибири некоторые военнопленные оказывались за особые «провинности». Один офицер поплатился за тесную дружбу с И. Мазепой, другой (итальянского происхождения) — за то, что ранее сбежал из русской армии и принял шведскую присягу. Последний офицер легко отделался: за подобный проступок тогда можно было лишиться головы. В 1711 г. началась отправка каролинов в Сибирь в связи с «казанским заговором». Капитан Рюль и капрал Курсель, находившиеся в Свияжске, разработали план побега в Польшу через Украину (по другим данным — в Крым). Главный расчет делался на то, что удастся привлечь на свою сторону три немецких драгунских полка, стоявших в Казани. Эти части по условному сигналу должны были разоружить казанский гарнизон. Шведы надеялись на солидарность своих немецких коллег потому, что до Полтавы они служили под одними знаменами. Эти полки были укомплектованы теми, кто был поставлен перед выбором: дать присягу Петру I и служить в гарнизоне, не подвергая свою жизнь особой опасности, или разделить судьбу «природных шведов». 39 офицеров и 2545 нижних чинов выбрали первое. В том же 1709 г. было проведено второе приглашение немцев на службу, приглашение, сделанное в таких выражениях, что от него было очень трудно отказаться. 3929 немцев даже не стали пытаться это сделать.

Заговор был раскрыт по доносу одного из посвященных в секрет. Самых активных заковали в железо, сурово допрашивали, а затем выслали в Вятку. Капитана Рюля два года держали в кандалах на воде и хлебе. Но высылка была обусловлена не только заговором. Напряженная ситуация на южных рубежах в связи с угрозой войны с Турцией требовала удаления подальше от театра военных действий лиц, представлявших потенциальную опасность для государства. По мере удаления вглубь страны уменьшалась потребность в охране. Группу, следовавшую в Сольвычегодск (134 человека), конвоировал один офицер и шесть солдат. Сами условия переезда были крайне тяжелыми. При переезде из Свияжска в Уфу группы из 105 человек умерло в дороге 22. 16 человек попытались бежать, 9 пойманы, 6 убиты, 1 добрался до цели. Условия размещения пленных в домах обывателей вызвали у шведов ужас и отвращение. Они всеми силами старались построить или нанять для проживания отдельные дома. Первоначально режим напоминал тюремный: каролины были сильно ограничены в передвижении, на трех пленных полагался один охранник из числа местных жителей. Это было очень обременительно как для самих обывателей, так и для шведов, постоянно возникали конфликты. 12 декабря 1713 г. Петр I повелел выслать из Москвы до того свободно содержавшихся шведских генералов и старших офицеров в дальние монастыри и города. Это решение царь объяснял тем, что русские пленники содержались в суровых условиях, а ультимативное требование улучшить их осталось без ответа. В 1715–1716 гг. режим заметно смягчился, им предоставили полную свободу передвижения в границах поселения (уезда), заменив охрану круговой порукой. С 1712 г. избранные представители офицеров ездили 2–3 раза в Москву для получения жалования и корреспонденции. Из России письма шли около года, поскольку подлежали неспешной процедуре перлюстрации в Посольском приказе. Если обнаруживалась «вредная» информация, письмо задерживалось. Полная свобода вероисповедания для иностранцев, декларированная царским манифестом от 16 апреля 1702 г., гарантировала каролинам беспрепятственное выполнение религиозных обрядов. Кроме церковных праздников они торжественно отмечали именины Карла XII (28 января) и его день рождения (17 июля). В Тобольске шведы построили церковь, школу и больницу. Немало было и мрачных страниц. 5 апреля 1712 г. в этом городе произошел большой пожар, уничтоживший более 140 домов. Каким-то образом возникло подозрение в причастности шведов к этому делу, в результате чего 6 человек были растерзаны толпой и еще

96 избиты. Летом 1716 г. несколько каролинов, живших в Астрахани, пострадали от рук местных жителей, недовольных необходимостью оплачивать содержание пленников. Как справедливо утверждают исследователи, положение бывших солдат и офицеров шведской армии в большой степени зависело от поведения местного начальства. Суровость казанского губернатора П. М. Апраксина в известной мере и спровоцировала шведов на побег, тогда как доброжелательность к ним его сибирского коллеги М. П. Гагарина стала одним из доводов тех, кто подозревал губернатора в намерениях отделить Сибирь от России и привлечь к этому пленных шведов.

Материальное обеспечение пленных строилось прежде всего на половинном жаловании, которое полагалось им от шведской казны. Вторую половину им выдавали после освобождения. Занимался движением сумм специальный орган — фельд-комиссариат, составленный из числа высокопоставленных шведов. Сначала во главе его стоял граф К. Пипер, затем — Реншильд, затем — Левенгаупт. Шведская казна должны была выплачивать не менее 80000 риксдалеров в год. На эти деньги можно было наберечь 7-тысячный корпус! Стокгольм выплачивал только часть необходимой суммы, особенно в первые четыре года, когда переводы составляли менее половины. Это обрекало многих пленных на полуголодное существование. Для улучшения своего материального положения и занятия многие пленные стали ремесленниками и предпринимателями — они изготавливали ювелирные, кожаные изделия, конскую сбрую, обои, писали картины и иконы, заготавливали древесину, обжигали кирпичи. Немало каролинов занимались преподаванием, картографией. Изготовление горячительных напитков с получением разрешительных на то документов и в обход закона стало таким распространенным явлением, что несколько человек даже были сосланы в отделенные места Сибири, а еще несколько человек задержаны в России при обмене пленных, поскольку за ними числились долги по налогам. Подавляющему большинству пленных удалось вернуться на родину только после заключения Ништадского мира в 1721 г. Сократить этот срок мог только обмен, проходивший очень вяло и с большими трениями. Несколько человек были отпущены «на пароль», т. е. с клятвенным обещанием вернуться через несколько месяцев, причем ответственность за соблюдение клятвы «отпускника» добровольно брали на себя несколько его товарищей. Сдержавших слово оказалось всего несколько человек. Один из них был секретарь Й. Цедергельм, который сразу после Полтавы отправился в Стокгольм с предложениями Петра I об

условиях мирного договора. Вернувшись в Россию, он пробыл в плену еще 13 лет. В случае невозвращения человека поручителей держали в тюрьме. За время войны было несколько попыток побега, подавляющее большинство которых заканчивалось безрезультатно.

Сразу после окончания войны с Турцией в 1711 г., когда Петр I смог уделять достаточное количество времени вопросам государственного управления, он приказал принять меры к приглашению на русскую службу квалифицированных специалистов. Поскольку именно Швеция была для царя примером хорошо организованного государства, ее административная и фискальная система должны были стать образцом для российской бюрократической машины. Было собрано большое количество документов на шведском языке, требовавших перевода на русский. В поиске людей, способных выполнить эту работу, в первую очередь взгляд правительства упал на пленных каролинов. Еще более повысился спрос на шведов при организации работы коллегий, созданных, как известно, по скандинавским образцам. На русскую службу охотнее переходили немцы-остзейцы, которым через несколько лет после Полтавы стало абсолютно ясно, что Прибалтика никогда не станет снова шведской. Сами скандинавы соглашались на новую присягу крайне редко. Для вербовки тех, кто находился в Сибири, был отправлен гвардейский капитан-поручик М. Измайлов. Ценой огромных усилий ему в 1718 г. удалось склонить к переходу под новые знамена 58 офицеров и 44 солдата. Кроме того, из шведов был сформирован Тобольский драгунский эскадрон (около 300 сабель), который отражал набеги татар и калмыков, строил пограничные крепости и охранял геологические экспедиции Бухгольца.

Почти все лица, поступившие на службу при условии беспрепятственной отставки «по прошению», вскоре после заключения Ништадского мира покинули русскую службу и вернулись на родину. Но было несколько десятков тех, кто остался на службе, в том числе и в Сибири. В Якутском гарнизонном полку в послужных списках у 12 человек обнаружилось «каролинское прошлое». По условиям мирного договора все пленные беспрепятственно доставлялись к границе между государствами, причем переезд осуществлялся бесплатно. Дорожные расходы до Санкт-Петербурга или Москвы оплачивала российская сторона, а далее — шведская. Единственным препятствием для освобождения могли стать долги. В октябре 1721 г. Сенат постановил не отпускать тех, кто принял православие и дал присягу. Женившиеся на русских женщинах, но не перешедшие в православие, отпускались на 1–2 года. В случае невозвращения их из Швеции

жены становились свободными от брачных уз. На практике почти все жены шведов остались «безмужними».

Возвращение на родину для большинства пленных оказалось не менее трудной экспедицией, чем депортация в Сибирь. Выделенных средств явно не хватало на продовольствие и наем лошадей; пользуясь безвыходным их положением, торговцы и ямщики немилосердно вздували цены. Полиция по пути следования всеми способами вымогала взятки. У прибывших в столицу шведов неторопливо начинали «пить кровь» чиновники, ведавшие оформлением паспортов. Каждый пленный должен был зарегистрироваться в полиции и немедленно найти квартиру, поскольку в противном случае он автоматически становился бродягой и подлежал аресту. По представлению специального запроса Военная коллегия приступала к рассмотрению дела. После тщательных расспросов по длинному списку коллегия запрашивала власти тех мест, где проживал несчастный скандинав. Принимая во внимание скорость движения тогдашней почты и всегдашнюю канцелярскую волокиту, на это уходило несколько недель. Капитан Споре по российскому осеннему бездорожью проделал путь от Тобольска до Москвы за 7 недель, а ждал необходимых бумаг в белокаменной — 10 недель. Это ожидание был не просто моральным испытанием. Жизнь в столице была очень дорогой, оформление паспорта только по официальному прейскуранту стоило около 20 рублей. На эти деньги в те времена можно было питаться полтора года или оплатить проезд до Камчатки. Поскольку без стимулирования чиновников «подарками» дело грозило затормозиться, требовались дополнительные средства. Шведская сторона также не проявляла должной оперативности в переводе необходимых сумм. Поэтому на улицах Санкт-Петербурга можно было увидеть оборванцев, разговаривавших между собой по-шведски. Петр I лично выделял средства им на пропитание и приказывал выдать кой-какую одежду.

Если офицеры испытывали такие трудности при репатриации, то участь солдат оказалась совсем печальной. Их освобождение осложнилось уже тем, что отсутствовал точный учет и контроль. Всего на сибирские заводы и рудники попал 1231 рядовой армии Карла XII. 360 человек к 1721 г. умерли или бесповоротно решили остаться в России (перешли в православие и поступили на службу). Более 800 человек в составе нескольких групп отправились домой. Отправились домой после долгих проволочек (до 1725 г.) и немцы, служившие в драгунских полках в Астрахани. Немало усилий пришлось приложить правительству для того, чтобы добиться освобождения пленных, находившихся

на службе у частных лиц, которые рассматривали их как своих крепостных. Некоторые помещики насильственно крестили тех, с кем не желали расставаться. Князь А. Д. Меншиков отобрал паспорта у семейных музыкантов, служивших у него «патрикулярно». Точных данных о количестве каролинов, вернувшихся на родину и, соответственно, оставшихся в России, не существует. Однако общая картина ясна как российским, так и шведским историкам: большинство пленных никогда не увидели свой дом и своих родных. При этом не было и речи о каких-то сознательных действиях властей, направленных на отягощение участи бывших солдат и офицеров Карла XII. Общие для всех тяжелые бытовые условия, непривычный климат, тяжелый стресс — все это сводило их в могилу. Солдаты отправлялись на верфи и стройки, где им платили те же деньги, что и русским работным людям, содержали в тех же условиях, без всякой дискриминации. Другое дело, что сами эти условия были жуткие, а оплата труда — нищенская. Смерть, приходившая за своей данью в петербургские землянки и тобольские избы, совершенно не интересовалась — лохмотья какого мундира на покидавшем этот мир страдальце.

Многие шведы, оказавшись в экзотических для них землях, занялись их научным описанием. Капитан Й. Мюллер опубликовал в 1720 г. в Берлине книгу об остояках, лейтенант А. Пильстрем в своем дневнике описал нравы и обычаи марийцев и удмуртов. Корнет Й. Шнитцер посвятил свою книгу описанию калмыков. Ф. И. фон Страленберг составил карту Сибири, издание которой на нескольких языках в 1720-е гг. стало важным этапом в развитии представлений европейцев о Сибири. Штык-юнкер Й. Ренат и солдатская жена Б. Шерценфельд попали в плен к калмыкам во время экспедиций И. Бухгольца в северо-восточном Казахстане. Они пробыли среди кочевников более пятнадцати лет, добились уважения и доверия калмыцкого хана и даже сумели разбогатеть. После возвращения в Швецию Й. Ренат составил несколько карт Центральной Азии и этнографическое описание калмыков. Кроме чинов королевской армии на положении военнопленных оказались горожане Дерпта, Нарвы и многие жители Ингерманландии; люди, которых царь подозревал в готовности сотрудничать со шведами, были переселены внутрь России. Одним из мест их концентрации стала Вологда и ее окрестности, Казань и Астрахань. Только в 1714 г. им было разрешено вернуться в родные места.

Не лишено оснований мнение некоторых историков о том, что Карл XII намеревался использовать осаду Полтавы для того, чтобы принудить царя дать генеральное сражение, в котором, разумеется,

надеялся одержать решительную победу. Кроме того, «стояние» у ватлов этой крепости должно было подтолкнуть к выступлению крымских татар, турок и вообще привести в движение все антироссийские силы в Северном Причерноморье. Однако более убедительным выглядит версия, по которой шведского короля к катастрофе на Ворскле привела логика событий «русского похода». Не сумев навязать Петру I решающего столкновения, понимая невозможность продвижения на Москву с наличными силами, не допуская отступления за Днепр, он оказался в ловушке.

Русская армия в сражении при Полтаве действительно значительно превосходила по численности шведскую, но непосредственное участие в бою приняла только треть полков, силы которых хватило для решительной победы над противником, ПРЕВОСХОДЯЩИМ на поле боя! У Переволочны войска Левенгаупта сдались отряду Меншикова, меньшему по численности. Эти обстоятельства были мучительны для самолюбия шведов. И. Голиков так «уравновесил силы»: «...если Российская сторона преимуществовала артиллерию и неизнуренностью воинов своих, то заменялось сие со стороны шведов сугубо отчаянием решившихся победить или умереть. Из сего сравнения можно заключить, что силы шведские не только равнялись российским, но и превосходили оныя; ибо коль трудно победить отчаянием воодушевляемых, то показано выше, и доказывается древним присловьем, на опытах основанным „победить отчаянного, победить сверх чаяния“». На Полтавском поле фактически впервые за все время войны шведская кавалерия была в открытом бою подавлена русской конницей. Ранее такие успехи случались только при значительном численном преимуществе или при неблагоприятных для шведов условиях.

Петр I обратился к шведам с посланием на немецком языке, написанным в августе–сентябре 1709 г.: «Мы, Петр Первый, божью милостью царь, император всех руссов и т. д. Шлем настоящим наш милостивый привет всем жителям королевства Швеции, какого бы они сословия или положения не были, как всем вместе, так и каждому в отдельности, и объявляем им, как мы желали и старались всеми способами и путями закончить эту войну, все еще продолжающуюся между нами и короной шведской. Они должны знать, как мы — в частности и теперь, — получив по милости всевышнего великое счастье и великие преимущества благодаря счастливо ниспосланным нам успехам и не вспоминая даже о том, что именно король шведский задумал против нашего отечества и против нашей собственной особы, рассчитывая сделать с нами то, что он осуществил с его величеством

королем польским, — после происшедшего под Полтавой несчастья [для шведов] через посредство генерала Майерфельта и секретаря Цедерхильма сделали королю и сенату Швеции умеренное и весьма христианское предложение мира на условиях предоставления нам только Выборга и Карелии. Названному секретарю тогда также было разъяснено, как были раздражены шведами их величества короли Польши и Дании, и что они вне всякого сомнения не преминули бы отомстить, почему, напротив, — если бы был налажен добрый мир, — нельзя было бы упустить время для приступа к делу до того, как упомянутые державы вошли бы с нами в союз и соединились с нами. Мы, конечно, надеялись, что вышеупомянутый король, ввиду всему миру известного несчастного положения своего, признает умеренность и скромность наших требований и будет склонен проявить подобную же христианскую и искреннюю склонность к миру с нами и решит не разорять более своих собственных бедных и истекающих кровью подданных, вместе с многими тысячами иных разоренных все продолжающимся огнем войны и стонущих христиан, и найдет нужным предоставить им необходимый покой и постоянный мир. Но как мало отзыва со стороны короля и шведского сената получили эти наши достохвалыные замыслы! Это теперь ясно всему почтенному и беспристрастному свету. Ибо сам король ради необычного своего честолюбия и неумеренной жажды мести готов разорить все свое королевство, страну и брошенных и истекающих кровью своих подданных и подвергнуть их крайней и неминуемой гибели. Вместе с тем он предпочитает лучше доверить свою особу в руки неверных и проклятых турок и варваров, чем вступить в предлагаемое нами соглашение с нами и нашими союзниками, причем не хочет об этом даже и слышать. Поскольку же мы из христианского сострадания испытываем подлинное отвращение к до сих пор продолжающемуся и непрекращающемуся кровопролитию, мы находим нужным посредством этого универсала предупредить всех обывателей королевства Швеции, как дворянство, так и духовенство, горожан и всех иных жителей, от самых высшего до самых низших и открыто засвидетельствовать перед ними эти наши миролюбивые намерения. В случае же, если это наше доброе и благожелательное намерение не будет принято во внимание и осталось бы без результатов и если бы королевству Швеции были впредь нанесены новые потрясения вследствие все растущего и наступающего военного напряжения, то пусть это наше публичное предупреждение послужит нашим оправданием и объяснением перед богом и перед всем светом».

Глава V

СПОДВИЖНИКИ КАРЛА XII

Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины,
Сдается пылкий Шлиппенбах...

А. С. Пушкин

В поэме «Полтава» генералы шведской армии Розен и Шлиппенбах (оба — прибалтийские немцы) названы не случайно — отсечение группировки под их командованием от основных сил Карла XII во многом предопределило исход сражения. Однако главными фигурами в шведском стане — равновесными Меншикову и Шереметеву — были генерал от инфантерии А. Л. Левенгаупт и фельдмаршал К. Г. Реншильд.

Левенгаупты были одним из старейших аристократических родов Швеции, состояли в родстве с правившей с 1523 по 1818 г. династией Васа, благодаря чему имели статус принцев крови. Для Адама Людвиг-а Левенгаупта грохот пушек и барабанная дробь были первыми звуками, которые он услышал, появившись на свет. Он родился 1 апреля 1659 г. в палатке осадного лагеря шведской армии, осаждавшей тогда Копенгаген. Его отец, генерал королевской армии, почти всю жизнь свою провел в походах, в которые брал с собой и жену — дочь одного из мелких немецких владетелей. Получив хорошее домашнее образование, Адам Людвиг продолжил его в университетах Лунда, Упсалы и Ростока, получил ученую степень бакалавра. В составе посольства в 1684 г. молодой дипломат посетил Россию, но гражданская служба, хотя и очень престижная, не пришлась ему по душе. В 1685 г. Левенгаупт записался волонтером в Баварскую армию, которая в это время воевала в союзе с Австрией против турок. За храбрость и распорядительность он быстро достигает чина капитан-лейтенанта. Однако, к его сожалению, бои с османами затихли, пришлось искать нового места для подвигов. В этом отношении Европа XVII в. была землей обетованной для юношей, жаждавших воинской славы и приключений. Левенгаупт перебирается в Голландию, которая ведет войну с Францией. Для объяснения причин склонности многих людей

XVII–XVIII вв. не просто служить в армии, а воевать (нередко под знаменами различных государей), и для избежания подозрений в пристрастном отношении к историческим персонам процитируем того же шведского историка Энглунда: «Война была достаточно популярна в Швеции, чтобы ее начать... И сейчас, также как во время предшествовавших военных конфликтов, в особенности среди высшего офицерства, считали войну выгодным коммерческим предприятием. В качестве примера можно привести одного из участников, графа Магнуса Стенбока, которому в начале войны [Северной. — *В. Л.*] и который всю жизнь провел на военной службе — служил голландцам, императору [Австрии. — *В. Л.*] и шведам. Он принимал участие в битве под Нарвой и сразу после сражения был произведен в генерал-майоры. Помимо этого скачка в карьере, начало войны принесло целый ряд выгод графу. Прежде всего, прямая военная добыча; это было много тысяч далеров в наличных деньгах, кошельки, полные русских монет и множество ценных предметов, например, драгоценных камней, а также серебряных кувшинов и кубков. И „другие мелочи“, например: подбитые куньим мехом одеяла, солонки, оружие, церковные облачения и чаши, распятия, подсвечники и обшитые галунами камзолы также находили пути к родному поместью. С течением времени все это превращалось в крупные суммы денег, которые переправлялись в Швецию и употреблялись на покупку новой земли. К этим барышам следует, кроме того, прибавить более опосредованные прибыли, которые огребал Стенбок, занимаясь военными поставками. Ему посоветовали забивать свой скот, а также печь сухари из сжатого хлеба и поставлять этот провиант армии. Был у Стенбока и четвертый стимул, наряду со скачком в карьере, военной добычей и поставками в армию, — защита семейного поместья в Прибалтике...» Магнус Стенбок — хороший пример того, как человек из высшего класса общества действительно мог нажиться на войне.

Было бы, однако, анахронизмом подходить к военной добыче с точки зрения морали. Как для офицеров, так и для солдат эта добыча была важным стимулом сражаться и рассматривалась как законное явление, как нечто по праву добытое собственным потом и кровью. Грабеж был средством, которое применялось для того, чтобы поощрить активность солдат, был вполне дозволен в битве и подробно регламентировался военными уставами.

Напомним, что А. В. Суворов в своем знаменитом трактате «Наука побеждать» так обозначил нормы поведения вне боя: «Обывателя не обижай: он нас поит и кормит; солдат — не разбойник, Святая до-

бычь! Возьми лагерь — все ваше...» Сам Карл XII не стеснялся отправлять командирам отрядов, занятым реквизициями в Польше, следующие письма: «Всех поляков, которые вам попадутся, вы должны волей или неволей принять на нашу сторону или же так разорить их, чтобы они еще долго помнили посещение козла. Вы должны напрячь крайние усилия, чтобы как можно больше выжать, вытащить и сгрести». Козел в данном случае упомянут в связи с тем, что он находился в центре родового герба Стенбока, которому это письмо и посылалось. Граф усердно выполнял распоряжение своего монарха и действительно запомнился жителям Волыни и других земель Речи Посполитой. Польский историк З. Лакочинский писал: «...Солдаты Стенбока, действуя подобно диким зверям, заставляли людей отдавать последнее для содержания шведской армии. Те, кто не хотел этого делать, подвергались ужасающим пыткам... Так, человеку зажимали ноги в проеме двери, и если он не говорил, где его добро, ломали кости. Кроме того, пальцы несчастного клали в ружейный замок и, постепенно нажимая на курок, или узнавали, где тот прячет имущество, или ломали ему пальцы... Память о пребывании Магнуса Стенбока отмечена множеством выжженных сел, хуторов, местечек, а также грудями тел ни в чем не повинных обывателей».

В 1698 г., набравшись ратного опыта, Левенгаупт возвратился домой в чине полковника, но здесь его ждало разочарование — достойного места для него не нашлось. Только в 1700 г. начало Северной войны сделало его командиром пехотного полка, который отправился в Курляндию.

Шведский историк Энглунд дал ему такую характеристику: «Очень искусный и храбрый воин, знающий, уверенный в себе, непривычно образованный для вояки (прежде у него было прозвище «полковник-латинист»), чем он гордился. Генералу было присуще от природы большое личное мужество: во время боя он всегда вел себя хладнокровно и спокойно и всегда без колебаний бросался туда, где пули роились гуще всего... В общении с людьми он был негибок, и дело могло легко дойти до свары. По отношению к интригам, направленным против него — истинным или лишь подозреваемым, у него был сверхчувствительный нюх, что частенько окрашивало его образ мыслей в слегка параноидальный оттенок. В недобрый час он видел клеветников чуть ли не за каждым пнем... Он олицетворял образ отца-командира, характерный для его времени, и часто выказывал искреннюю заботу о своих солдатах и офицерах, а его подчиненные, как правило, тоже относились к нему хорошо... На войне он был осто-

рожен — качество, которое в этих обстоятельствах часто, хотя и не всегда, было положительным. Эта осторожность иногда переходила в нечто, похожее на апатию».

После того как Карл XII отправился в погоню за Августом II, Левенгаупт был назначен командующим группировкой, защищавшей Курляндию. Эта провинция находилась вдали от основных районов боевых действий, но контроль над ней был важен, поскольку «хозяева» этого края могли легко разрезать коммуникации группировок, действовавших в Ингерманландии, Польше и Литве. На шведские гарнизоны постоянно совершали нападения небольшие отряды литовской армии, оставшиеся верными королю Августу II. В открытых столкновениях шведы одерживали победы, но их противники стали собирать довольно крупные силы, составленные из всех трех родов войск (артиллерия, кавалерия, пехота). Кроме того, появились сведения о подходе русских полков. В марте 1703 г. неподалеку от маленького городка Салаты два полка русских стрельцов и небольшое количество литовской пехоты (около 4000 человек) укрепились в вагенбурге, перед которым был устроен ретрашмент [земляное укрепление. — *В. Л.*] с 11 пушками. На флангах стояла литовская конница и небольшой отряд шляхты (около 2700 сабель). У Левенгаупта было всего 1400 человек при 10 пушках, но решительность и погода стали его союзниками. Во время шведской атаки началась метель, скрывавшая наступающие войска и бившая обороняющимся в лицо. Ретрашмент был взят с налету, пушки развернули и стали бить в упор по вагенбургу. Литовская конница бежала под натиском малочисленных шведских драгун, стрельцы сначала лихо отбивались, но под картечным огнем обратились в бегство. Потери союзников оказались значительными: только в ретрашменте захоронили более 500 русских солдат. Шведов было убито менее 100 человек. В 1704 г. сторонники Августа II, получив щедрую финансовую помощь из России, смогли набрать 8-тысячный корпус. Они рассчитывали на помощь 3-тысячного русского отряда генерал-майора С. Корсака. У Левенгаупта, как и год назад, солдат было намного меньше, чем у противника — 3000 шведов и 3000 литовской конницы, которой командовал Сапега — противник короля Августа. Неподалеку от городка Якобштадт вечером 26 июля 1704 г. численное преимущество не помогло противникам Карла XII. За два часа русско-литовское войско было разбито наголову, литовцы, воевавшие на стороне шведов, гнали отступавших около 20 верст, захватили 23 пушки, 2000 обозных фургонов и много пленных. Потери шведов были небольшими — 57 убитыми и 180 ранеными, но, при-

нимая во внимание отсутствие резервов и надежды на значительное подкрепление, даже такие утраты были очень чувствительны.

Общий рисунок боевых действий в Польше и Литве был таков: конные отряды сторонников Августа II вели партизанскую войну против шведов и противников Августа II. Первых воодушевляли известия о скором подходе русских полков, вторые чувствовали за собой поддержку Карла XII. Отряды обеих сторон составляли наемники, которых легко было найти в тогдашней Европе, шляхтичи, шедшие за приглянувшимся им магнатом и нередко вместе с ним переходившие на сторону противника. В мелких стычках шведские регулярные войска почти ежедневно несли потери, но в открытых столкновениях солдаты в синих королевских мундирах всегда брали верх над противником.

Летом 1705 г. Левенгаупт, имевший 7000 солдат и 17 полевых орудий, узнал о приближении русского корпуса под командованием Шереметева, у которого было 12000 штыков и сабель. Первая стычка у Митавы оказалась для шведов неудачной — целая рота сдалась в плен вместе с двумя пушками. В бою у Гемауэртгофа (Мур-мызы) 15 июля 1705 г. во всем блеске проявились полководческие таланты «полковника-латиниста». Сначала он сумел убедить русских генералов в своем отступлении и подтолкнул тем самым к неосмотрительной атаке. Русские бились храбро, но и в этом сражении проявилась болезнь войска допетровской поры — неумение достаточно быстро реагировать на изменения обстановки. Шведы умело маневрировали и нанесли противнику большие потери, захватили 13 пушек, хотя и сами потеряли немало солдат. В августе 1705 г. Левенгаупт был произведен в генерал-лейтенанты, а всего через полгода — в генералы от инфантерии. Такие почести во многом объясняются тем, что его успехи выглядели особенно впечатляющими на фоне неудач других шведских генералов в Ингерманландии, Эстляндии и Лифляндии.

Известно, что результат боевых действий в любой войне зависит от взаимодействия трех важнейших инструментов, которыми пользуются солдаты — штыка, лопаты и ложки. Обученные и дисциплинированные войска, принимая бой на неподготовленной в инженерном отношении позиции, оказываются в крайне невыгодном положении. И наоборот, никакие редуты не спасут полки, если они не в состоянии твердо показать врагам свои штыки. Недостаток провианта влечет за собой истощение солдат и падение дисциплины, поскольку голодные нижние чины в таких условиях начинают мародерствовать. Со штыками и лопатами у шведов все обстояло благополучно, а вот с ложкой, вернее, с ее регулярным наполнением, — нет. В местности с редким

и бедным населением, к тому же разоренным многолетней войной и бродячими вооруженными шайками, собрать достаточное количество провианта было очень трудно. «Технология» реквизиций в принципе довольно проста — небольшие группы рассыпались по окрестным деревням и грузили в обозные фуры или в реквизированные тут же повозки продовольствие и фураж. Жители получали деньги по рыночным ценам (очень редко), ничего не стоившие расписки (довольно часто) или брань и побои. Этот способ снабжения оказывался эффективным только в одном случае — если фуражиры не рисковали получить вооруженное сопротивление или того хуже, попасть в руки какого-нибудь «летучего» отряда противника, который обычно за ними и охотился. Белоруссия в начале XVIII в. была как раз тем самым неудобным местом: легко можно было на себе испытать поговорку: «Пошел за шерстью — вернулся стриженный». В этих условиях обеспечить армию продовольствием мог только обоз, прикрытый от нападений значительными силами. Кроме провианта, главным силам Карла XII надо было доставить порох и свинец, которые быстро расходовались в боях. Дефицит боеприпасов уже не раз заставлял шведских солдат применять штыки там, где требовалась пуля.

После неимоверных усилий интендантов, провиант, амуницию и боеприпасы собрали, погрузили на 30000 телег (!) и двинулись к месту встречи с королем. Здесь граф Левенгаупт встретил врага, ранее невиданного и никем никогда не побежденного, — российские дороги, правильнее сказать — российское бездорожье. Обозы ползли по непролазной грязи (лето оказалось дождливым) по 8–9 километров в день, устилая обочины вздувшимися трупами павших коней и обломками тележных колес. Суммарная длина этого конвоя составляла около 30 километров. Всего в корпусе Левенгаупта было около 11000 человек. Несложные расчеты показывают, что их можно было растянуть только жиденькой цепочкой вдоль вереницы повозок. Если же обстановка требовала концентрации сил, то командующему приходилось собирать батальоны в один или несколько кулаков, оставляя совершенно без прикрытия сам обоз. Спасти перевозимые припасы от разграбления можно было организацией большого вагенбурга. Наличных сил вполне хватало для отражения налетов партизан. Но в таком случае шведские войска теряли один из главных своих козырей: умение маневрировать на поле битвы. Их можно было уподобить искусному фехтовальщику, прикованному за ногу цепью.

За месяц конвой Левенгаупта преодолел 230 километров, тогда как в 1812 г. 50-тысячный корпус генерала Даву в той же местности

с огромными обозами прошел 200 км за 6 дней. Но критики шведского генерала забывают, что французы шли на восток жарким, а не дождливым летом. Конечно, зной и нехватка воды тоже мешали движению войск, но все же это — не попытка жидкой грязью, в которую по колено уходит нога и по ступицу — колесо. Кроме того, у Даву была отлаженная фурштадская служба, тогда как обоз Левенгаупта был неким транспортным экспромтом. Сам разбитый генерал впоследствии признавал, что причиной промедления были не столько плохие дороги, сколько плохая организация самого движения.

В погоню за Левенгауптом Петр I отрядил корпус общей численностью около 20000 человек. Тем не менее, шведам удалось продвигаться довольно далеко и даже переправить все свои повозки через Днепр. Русские страдали от непроезжих дорог так же, как и противник, драгунские лошади (изначально неважного качества) от усталости и нехватки овса едва несли своих всадников. Кроме того, очень плохо была налажена разведка. В районе городка Труханова оторвавшийся наконец от противника корпус Левенгаупта, не имевший четкого представления об оперативной обстановке, наткнулся на отряд генерала Лагеркруны. Это было спасением, поскольку в противном случае шведы вышли бы на русские войска возле города Почеп, где наверняка и окончили бы свой путь. 23 сентября противники вошли в соприкосновение. Левенгаупт разделил свои войска на две части. Одну (около 5000 человек) с наиболее ценной частью груза он отправил далее по маршруту к городку Пропойск, а другую (около 6000) расположил у вагенбурга возле деревни Лесная. Это была лучшая позиция для арьергардного боя, какую только можно было выбрать в болотистых лесах этого региона. На рассвете 29 сентября 1708 г. первая колонна русских войск начала перестраиваться из походного порядка в боевой, но попала под удар шведских гренадер, понесла потери, бросила 4 пушки и отошла. Петр I отправил в атаку другую колонну, в голове которой шел гвардейский Семеновский полк. Этим частям удалось несколько исправить положение. Когда же на левый фланг противника неожиданно надавили преображенцы, шведам пришлось окончательно перейти к обороне. В час дня линии сблизились, и начался так называемый огневой бой: батальоны выстраивались друг перед другом на расстоянии всего в 70–100 м и палили залпами друг в друга, складывая раненых и убитых позади шеренг. Этот ад продолжался четыре часа подряд. К обеим сторонам подошли подкрепления, но резервы русских оказались более существенными. Шведы укрылись в вагенбурге, артиллерия замолкла с наступлением темно-

ты. Левенгаупт принял решение спасти армию ценой обоза. Ночью все пехотинцы были посажены на выпряженных лошадей, раненых, неспособных сидеть в седле, оставили в лагере. Но даже несмотря на это, отступление происходило очень трудно.

«Та ночь была настолько темной, что нельзя было даже разглядеть вытянутой руки. Кроме того, никто из нас не знал местности, и мы должны были блуждать по этим страшным и непролазным лесам по грязи, при этом или вязли в болотах, или натыкались лбами на деревья и падали на землю... В пути наши пушки завязли в болоте и не было сил их вытащить, так как колесами сотен телег настолько разбили дорогу, что вряд ли можно было передвигаться по ней даже верхом», — писал один из шведских офицеров. Несмотря на все трудности, большей части корпуса Левенгаупта удалось оторваться от преследования.

Надо сказать, что большая часть солдат корпуса в пылу битвы ругались по-фински: из этой части шведского королевства были набраны почти 2/3 корпуса Левенгаупта. Из 54 конных рот только 8 были шведскими, 20 — финскими и 26 — лифляндскими и эстляндскими. Вербованная пехота из Прибалтики была сведена в Лифляндский полк и Эзельский батальон. По всей видимости, лифляндцы с эстляндцами и составили большинство тех, кто в суматохе боя оторвался от основных сил и двинулся на север в район Риги (подполковник Горн и около тысячи солдат).

Одной из причин поражения под Полтавой шведские историки называют нехватку пороха и плохое качество даже того, который был в распоряжении солдат Карла XII. Имеются свидетельства о том, что в некоторых случаях сгорал запал на так называемой полке, а самого выстрела не происходило — заряд в самом ружье не воспламенялся. Неуверенность в эффективности стрельбы заставляла королевских пехотинцев без выстрела идти в штыковую атаку под губительным встречным огнем. В то же время известно о больших потерях в рядах русской армии от пуль противника. При всей противоречивости сведений об этом, следует признать существование у шведов проблем с количеством и качеством боеприпасов. Таким образом, поражение корпуса Левенгаупта при Лесной проявилось в нехватке качественного пороха в генеральной битве.

Русские и шведские данные о потерях сильно расходятся. По нашему мнению, в самом сражении при Лесной корпус Левенгаупта потерял 4000–4500 человек убитыми и ранеными, около 700 человек пленными. В районе деревни Глинки он соединился с главными си-

лами. Наказание подчиненного — традиционная форма недовольства начальника собственными промахами. Король поставил перед своим соратником практически невыполнимую задачу — провести огромный обоз по смоленскому бездорожью в условиях боевого контакта с превосходящими силами противника. Более того, он не дождался его в районе Шклова и не двинул частей к нему навстречу. Левенгаупт был отстранен от командования, его пехотные полки раскассированы, а кавалерия подчинена фельдмаршалу Реншильду. Его выступления на военных советах, где он предостерегал от недооценки русской армии, воспринимались критически еще «небитыми» генералами. На главный совет, который определял порядок действий в генеральной битве, его даже не пригласили. Непосредственно перед сражением он был вынужден подчиняться своему давнему недругу фельдмаршалу Реншильду, не терпевшему никаких возражений и советов. В частности, не были учтены резонные замечания Левенгаупта по поводу того, что ночное выступление (для достижения внезапно-сти) сопряжено с риском потерять управление полками в темноте. Он оказался прав: неожиданной и организованной первая атака у шведов не получилась потому, что их кавалерия просто заблудилась.

Когда русские обошли с флангов боевые порядки шведов, те дрогнули и начали в беспорядке отступать, сметая те небольшие резервы, которые пытались спасти ситуацию. Левенгаупт дважды лично кидаясь в самое пекло, тщетно призывая солдат остановиться.

После отступления от Полтавы, переправляясь через Днепр, Карл XII назначил Левенгаупта командующим, но больше тот ни одного боя не выиграл и сдался в плен со всеми своими солдатами и офицерами. При этом у шведов действительно были реальные шансы спастись. Для этого следовало нанести удар по корпусу Меншикова и двигаться за Ворсклу в татарские владения. Одно дело — битва ради спасения чести, другое — ради спасения жизни. При наличии воли у командования, солдат и офицеров можно было морально приготовить для нового сражения, которое для большинства должно стать спасительным.

Деморализация была главной причиной капитуляции шведов у Переволочны. Русские были не менее измучены преследованием, чем их противники бегством. Выучка первых была при них, численный перевес отряда Меншикова — ничтожен. Вот воспоминания одного из шведских офицеров: «...Драгунский полк генерала Бауэра спустился с высот, чтобы принять оружие и трофеи армии. Тут я увидел, в каком несчастном виде были эти драгуны — когда они спускались

с холма, в каждом эскадроне от 10 до 20 лошадей спотыкались через голову от изнурения, а прочие шатались, тяжело дыша; так что наши эскадроны, стройно подходившие для сдачи оружия, легко могли бы опрокинуть их». Историки, вслед за данными источников, расходятся во мнениях по поводу боеспособности шведских войск и, соответственно, личной вины Левенгаупта в произошедшей катастрофе.

Карл XII писал в 1712 г. Ульрике-Элеоноре, что Левенгаупт «поступил противно приказанию недостойным солдата образом и вообще весьма постыдно, чем причинил непоправимую потерю, которая не могла бы ни в каком случае быть больше, если бы он отважился на самое крайнее. До того времени он всегда отличался хорошо и был похвалы достоин, на сей же раз он, по-видимому, лишился разума так, что впредь вряд ли можно что-либо будет ему доверять. Ибо такая капитуляция, которую он совершил, есть деяние слишком опасное как пример прочим, и если бы такое осталось ненаказанным, то всякая, даже наилучшая армия, подверглась бы опасности по причине малейшего случая попасть в руки неприятеля и тем потерять честь свою, до той поры в течение долгих времен достойно поддержанную. Я не думаю, чтобы он сделал это по умышленной злонамеренности или по личному малодушию. Но на войне это не оправдание, и он, верно, совсем потерял голову и не имел духа поступить, как надлежало генералу в трудную минуту, потому что тогда непростительно выказывать робость, как это сделал он. Если бы он не уверял меня торжественно совсем в другом при нашем расставании, то я никогда не оставил бы его, но он сам предложил себя для замещения главнокомандующего».

Далее Карл XII определил меру и своей вины: «Но одно упущение сделал и я, прежде чем расстаться с Левенгауптом, а именно то, что переданные только Левенгаупту и Крейцу приказания позабыл сообщить всем прочим находившимся налицо генералам и полковникам. Тогда бы ничего из того, что произошло, не могло случиться: ибо все прочие начальники остались в неведении на счет отданных приказаний и не знали, куда им идти, а также, куда я удалился. Я помышлял было сообщить им обо всем том, но за многочисленными мелкими заботами и будучи занят перевязкой, которую совершал лишь фельдшер, я позабыл передать всем прочим мои приказания, как бы то следовало, и это было с моей стороны большою ошибкою. Однако мне в известной мере извинительно, так как я был ранен и время от времени должен был давать менять перевязки на моей ноге, почему и мог что-то забыть, тем более, что и присутствующие, здоровые,

мало мне напоминали, и лишь только распространялись в жалобах на свое положение, что в этом случае было совершенно бесполезно и весьма вредно. Что же касается офицеров и рядовых, то таковых ни в каком случае нельзя обвинять, будто они не были готовы сражаться и исполнить все, чего бы от них не требовали».

Фельдмаршал Карл Густав Реншильд, также как и его именитый соперник Левенгаупт, принадлежал к знатному, древнему и богатому шведскому роду, представители которого отличались на военном и административном поприще. Объединяло двух полководцев и то, что они имели университетское образование, и то, что в молодом возрасте выбрали для себя военную карьеру. В 1673 г. Карл XI произвел его в первый офицерский чин. Когда в 1675 г. началась война с Данией, Реншильд служил в гвардейском пешем полку, считавшемся элитной частью. В нескольких боях молодой лейтенант своей личной храбростью и командирским глазомером сумел завоевать уважение сослуживцев. 4 декабря 1676 г. в битве при Лунде на глазах самого короля уже во главе эскадрона гвардейской кавалерии Реншильд в очередной раз подтвердил свое бесстрашие и стал генерал-адъютантом. Во всех странах и во все времена попадание в свиту являлось залогом дальнейшей успешной карьеры.

Усилиями мемуаристов-офицеров, а также писателей-баталистов адъютанты выглядят баловнями судьбы, повесами и героями-любовниками. На самом деле оборотной стороной «мелькания перед глазами» важных персон (что увеличивало шансы на повышение в чинах) была многотрудная служба. С поручениями от своего начальника им приходилось не раз оказываться в самом пекле сражения. Поскольку управление войсками всегда считалось важным делом, неприятельские стрелки выбирали такую фигуру в качестве мишени. Сама скачка по бездорожью, в любую погоду и в любое время суток с риском попасть в руки вражеского разъезда или шайки дезертиров также была тяжким испытанием. Кроме того, надо было умело совмещать навыки придворного и военного, чтобы не стать жертвой интриг. Борьба под дворцовыми коврами всегда велась насмерть, а не до первой крови. Технология власти придает человеку, имеющему частый доступ к уху правителя, гораздо больший вес в государстве, чем официальный высокий пост. Адъютантские функции предполагали выполнение важных и порою негласных поручений короля. С ролью ближайшего и доверенного помощника Карла XI Реншильд справился блестяще. Придворное положение позволяло ему избегать опасности, подстерегавшей офицера на войне, но он 14 июля 1677 г. лично повел в бой

свой полк, сыграв важную роль в достижении победы. За это его произвели в подполковники, минуя майорский ранг.

Вскоре в полной мере проявились административные качества королевского любимца, доказавшего, что славы отчаянного рубаки ему мало. В январе 1680 г. он представил проект военной реформы, по которой коренным образом менялась система комплектования армии рядовым и офицерским составом, и, самое главное, применялась новая схема обеспечения войск в мирное время. До середины XIX в. собственно на оружие и боеприпасы тратилась незначительная часть денег из бюджета военного ведомства — не более 10 %. Вся остальная сумма шла на обмундирование, казармы, провиант, фураж и денежное жалование. Армии в буквальном смысле слова проедали около половины (а иногда и более) всех доходов государства, вне зависимости от того, молчали в это время пушки или нет. Система набора солдат для того, чтобы не наносить большого ущерба хозяйствам, чтобы не вызывать острого недовольства подданных, должна была в наибольшей степени соответствовать социокультурным реалиям страны. До последней четверти XVII в. шведская армия комплектовалась наемниками и рекрутами. Первые требовали значительного количества звонкой монеты. Ропсук их в мирное время являлся сомнительным видом экономии, поскольку предполагал недешевые административные усилия для формирования частей в преддверии войны. Кроме того, оставшиеся без дела наемники создавали много проблем для населения, поскольку не отличались законопослушанием. Очень трудно было скрывать военные приготовления, поскольку процесс вербовки был очевидным и длительным актом. Деньги на войну охотно давали державы-союзники, но внешние долги означали зависимость от стран-кредиторов, что нередко расходилось с государственными интересами. Рекрутчина была очень болезненна, поскольку вырывала людей навсегда из семьи, не позволяла создавать обученные резервы; насильно взятый на службу человек долго адаптировался к непривычной среде и охотно дезертировал при первой возможности. Рекрутские наборы по внешнему виду напоминали набег военных чиновников на города и села, где они не грабили и не убивали, а только уводили пленных. В Швеции конца XVII столетия мобилизация финансовых ресурсов уже была невозможна без сотрудничества коронной власти с представителями сословий — дворянства, духовенства, купечества и крестьянства. Предложенная Реншильдом система так называемой индельты оказалась настолько соответствовавшей социально-экономическому укладу страны, что

она с незначительными изменениями просуществовала двести лет — до конца XIX в. Маневры 1687 г. поразили даже скептиков — полки, укомплектованные по новой схеме, оказались лучше подготовленными и экипированными, чем это было ранее. Менее масштабной, но очень значимой для будущих войн Швеции стала реформа кавалерии, проведенная по настоянию Реншильда. Изучив образ действия конницы на полях тех сражений, в которых он участвовал, сорокалетний полковник пришел к выводу о нерациональности тогдашней тактики. Во всех армиях того времени конница превратилась в «ездящую пехоту», шла в атаку медленной рысью, часто спешивалась и вступала в перестрелку. Холодное оружие применялось только в преследовании бегущего противника или при столкновении небольших конных групп. Причиной господства такой тактики стала возросшая огневая мощь пехоты и вооружение багинетами (штыками). Успешная атака на ошетилившийся штыками батальон стала более чем проблематичной. Реншильд нашел выход из положения: по его методу кавалерия шла в атаку быстрой рысью или даже галопом, сохраняя при этом сомкнутый строй. За 20–25 шагов до вражеского строя первая шеренга, не замедляя хода, давала залп из пистолетов. Строй пехоты ломался из-за раненых и убитых, а времени на перестроение не оставалось, поскольку оставшееся расстояние атакующая конница преодолевала за считанные секунды. Кавалерия буквально таранила пехотный строй, и солдаты, даже самые стойкие, не могли выдержать мощного толчка мчащегося всадника. Особый эффект достигался потому, что в это время господствовало т. н. линейное построение пехоты, когда солдаты вытягивались в шеренги, а боевые порядки не имели значительной глубины. По существу здесь мы видим возвращение к принципам, провозглашенным еще Густавом II Адольфом во время Тридцатилетней войны. Но для таких действий требовался совершенно иной уровень подготовки кавалеристов — верховая езда доводилась до возможного совершенства. Все перестроения эскадроны приучались совершать на полном ходу, причем левое стремя одного всадника должно было касаться правого стремени другого.

В 1696 г. Реншильд получил чин генерал-майора, что только формально подтвердило его положение в военных кругах. К тому времени он был не только приближенным Карла XI, но и пользовался расположением наследника престола. В 1689–1699 гг. последовали новые знаки монаршего расположения — чин генерал-лейтенанта и баронский титул. Реншильду принадлежал план сражения под Нарвой 17 ноября 1700 г., когда 8-тысячный корпус атаковал 30-тысячную армию,

занимавшую к тому же укрепленный лагерь. 9 июля 1702 г. польско-саксонская и шведская армия сошлись у г. Клишева. У Августа II было более 20000 солдат, у Карла XII — вдвое меньше. В этом бою Реншильд командовал правым флангом, на котором и произошли главные события. Саксонская кавалерия решила обойти шведскую армию именно с этой стороны, но вовремя сделанное по команде Реншильда перестроение позволило отбить ее настойчивые атаки.

После этого шведские драгуны на практике показали все преимущества новой тактики, внедренной по инициативе своего фельдмаршала. Они в сомкнутом строю буквально смели уже уставшую саксонскую конницу. Оставшись без прикрытия, польская и немецкая пехота также сопротивлялись недолго.

Но Август II сумел быстро собрать новое войско и поручил его опытному генералу Шуленбургу. В свою очередь Карл XII, избравший на роль очередной жертвы царя Петра, назначил Реншильда главнокомандующим в Польше. 3 февраля 1706 г. две армии сошлись у города Фрауштадта. В одной было 18000 при 32-х орудиях, в другой — 9000 и ни одной пушки. Но шведы показали, как надо воевать не числом, а умением. Вновь во всем блеске показала себя шведская кавалерия, атаковавшая противника «на палашах». Саксонцы побежали через сорок пять минут после первого выстрела. Некоторое время держался только русский отряд, из которого 2000 с боем прорвались и ушли от преследования. 500 человек сдались на милость победителей. По обычаям того времени пленным сохраняли жизнь, если за ними не числилось какой-то особой вины. Однако в данном случае произошло нечто из ряда вон выходящее, осуждаемое даже шведскими историками. Реншильд приказал перебить всех русских, оставляя в живых саксонцев. Объяснить это садистскими наклонностями генерала нельзя. Возможно, он хотел избавиться от обременительной толпы пленных, которых, в отличие от немцев, нельзя было перевербовать. Возможно, это был продуманный акт устрашения. Возможно, это была месть за пленных шведов: русские солдаты и особенно казаки тоже не всегда церемонились с захваченными противниками. Карл XII фактически одобрил действия своего подчиненного, произведя его в 1706 г. в фельдмаршалы и присвоив графский титул.

В русском походе 1708–1709 гг. Реншильд проявил свои полководческие дарования в бою при Головчине. Как ни старались русские войска избегать столкновений со шведскими, им пришлось дать арьергардный бой у этого городка 4 июля 1708 г. Корпус генерала Репнина чувствовал себя в относительной безопасности за болотистой

поймой речки Бабиц. Выбрав место для основной атаки, Реншильд направил отдельные отряды для отвлечения внимания и для того, чтобы другие русские корпуса не рискнули выдвинуться к участку прорыва. Шведская атака была неожиданной и стремительной. Пехотные полки Репнина подались назад, а многочисленная конница стояла без дела и наблюдала, как рейтары противника пробираются через топкое болото и выстраиваются на твердом берегу для атаки. Наблюдение это было прервано, когда шведы «во весь конский мах» понеслись на русские линии. В этом бою опять шведы показали свои навыки маневра и взаимодействия всех трех родов войск. Русские же похвастать этим не могли. Петр был разгневан до крайности. Генерал-поручик Чамберс лишился ордена Андрея Первозванного, генерал Репнин стал простым солдатом, а три драгунских полка — Белозерский, Санкт-Петербургский и Троицкий — расформированы за позорящие действия в бою. Под Головчиным Реншильд в очередной раз продемонстрировал, как надо производить переправу на виду противника и под его огнем. Такая операция считается одним из сложнейших боевых действий. Еще в 1701 г. под Ригой ему удалось высажить первые группы на противоположный берега Двины до того, как саксонцы успели выстроиться и встретить их «как подобает».

Реншильд, пользовавшийся большим авторитетом в армии, крайне редко выступал на военных советах с мнением, расходившимся с мнением короля. Так, он не возражал против атаки крепости Веприк, которая даже в случае удачи не могла принести существенного изменения в оперативной обстановке зимой 1708/1709 г. Летом это ничтожное с инженерной точки зрения сооружение, вероятно, с налета мог взять кавалерийский эскадрон. Но морозной зимой невысокий вал, облитый водой, оказался непреодолимым препятствием. 3000 солдат несколько часов под выстрелами безуспешно карабкались по ледяным откосам, 400 человек легли в мерзлую украинскую землю. Сам фельдмаршал получил контузию, последствия которой беспокоили его всю оставшуюся жизнь.

На Полтавском поле действия Реншильда блестящими назвать никак нельзя. Он фактически потерял управление всей армией и неадекватно оценивал складывавшуюся обстановку. Реншильд совершил ошибки, связанные скорее всего с тем, что он недостаточно хорошо знал место боя. Он поставил кавалерию позади пехоты, построенной слишком короткими линиями, чтобы воспрепятствовать русским охватить ее с флангов. Самоуверенный Реншильд не провел достаточно основательно разведку: в результате русские шанцы ока-

зались неожиданно сильны, а места для развертывания всех сил просто не хватило — большая часть эскадронов осталась в походных колоннах. Это в критический момент боя за редуты оказалось роковым. Когда в разрыв между двумя крыльями шведской армии бросились 17 драгунских полков под командованием Меншикова, спасти положение могла только решительная контратака конницы, поскольку артиллерии у Карла XII практически не было. Задача для шведских рейтар была посильной, но они стояли эскадрон за эскадрон в затылок друг другу и так же, поодиночке, кидались в схватку, где их один за другим перемалывали русские всадники. Потери при прорыве через редуты и при первом приступе к лагерю, когда наступавшие попали под убийственный огонь русских орудий, были огромны. Их тяжесть усугублялась тем, что многие части оказались без командиров, нередко во главе рот стояли унтер-офицеры.

Когда Реншильд метался по полю боя, пытаясь собрать хоть какие-то кавалерийские части, чтобы прикрыть отступавшую армию, он неожиданно для себя оказался в кругу русских драгун — пороховая копоть настолько изменила цвет их мундиров. Ему ничего не оставалось, как отдать свою шпагу русскому ротмистру. Как и прочим пленным шведам, ему пришлось вынести унижительное участие в торжественном въезде Петра I в Москву. Из Стокгольма постоянно поступали предложения о выкупе или обмене фельдмаршала, но его отпустили на родину только в 1719 г. Королева Ульрика-Элеонора назначила 69-летнего больного Реншильда своим советником, но он мало принимал участия в делах и скончался в январе 1722 г., сокрушаясь по поводу поражения Швеции в Северной войне.

Глава VI

РОССИЙСКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ — КУЗНЕЦЫ ПОЛТАВСКОЙ ПОБЕДЫ

Сии птенцы гнезда Петрова —
В прменах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

А. С. Пушкин

Северная война дала мировой военной истории несколько имен полководцев, которые своими действиями способствовали победе над таким мощным противником, каким была армия Карла XII. А. С. Пушкин в своей поэме назвал пятерых — Б. П. Шереметева, А. Д. Меншикова, Я. В. Брюса, Н. И. Репнина, и Р. Х. Боура. Все пять, безусловно, заслужили «отливки» своих имен в звенящей и вечной бронзе пушкинского стиха.

Борис Петрович Шереметев был представителем древнего рода, который дал целый ряд военачальников и членов Боярской думы. Он одним из первых надел «немецкое» платье и усвоил соответствующую манеру поведения. Шереметев выгодно отличался от многих других участников Великого посольства, которые представлялись жителям Европы настоящими гуннами. Его письма представляют собой причудливую смесь иностранных заимствований и оборотов церковнославянского языка. Военная служба Шереметева началась в 1679 г. должностью помощника воеводы Большого полка, а в 1681 г. он стал воеводой Тамбовского разряда [военного округа. — *В. Л.*]. В 1686 г. он возглавил русскую делегацию на переговорах с поляками о заключении военного союза и сумел добиться выгодных условий (окончательное закрепление за Россией Киева). Потом он ездил в Польшу и Австрию, где показал упрямство в соблюдении «чести» — дипломатического церемониала в российском понимании. Боевое крещение Шереметев принял в 1688 г. во время второго Крымского похода, где

проявил скромные полководческие дарования и большую личную храбрость. Решительная приверженность Петру I во время событий 1689 г., когда он без раздумий «отшатнулся» от царевны Софьи, не приблизила его ко двору, и до 1695 г. будущий герой Полтавы оставался воеводой в далеком Белгороде. Объяснением такой почетной ссылки, равно как и странная командировка Шереметева на Мальту во время Великого посольства могут служить слова И. Корба: «В самом деле нет ничего обыкновеннее, как высылать под личиной почета из столицы тех лиц, могущество которых или всеобщее к ним расположение внушают опасения; если бы такие люди и были вполне невинны, то они могли бы, вероятно, посягнуть на что-нибудь, раз к тому представился бы случай». Стрелецкие вожаки И. Цыклер и В. Соковнин, замышляя переворот, намечали возвести на престол именно Шереметева, не подозревавшего об их намерениях. Во время первого Азовского похода его назначили командующим армией «старого строя», которая должна была двигаться в низовья Днестра, отвлекая на себя татарские войска. Памятуя о суровых уроках Крымских походов 1687–1688 гг. Шереметев не торопился вести войско в безводные степи и ограничился взятием крепости Казыкерман. Во время второго похода (1696) он должен был идти к турецкой крепости Очаков, но не прошел и половины маршрута. Тем не менее, старания царя представить взятие Казыкермана как великую победу сослужили Шереметеву хорошую службу — он приобрел славу полководца. До 1700 г. он продолжал служить воеводой в Белгороде, а потом был привлечен к формированию полков «старого строя» — т. е. дворянского ополчения.

В самом начале войны со шведами Шереметеву судьба предоставила возможность отличиться на подступах к крепости Нарва, осажденной тогда русскими войсками. Во главе 6-тысячного конного отряда он занимал узкое дефиле у местечка Похъянге и мог задержать продвижение Карла XII, спешившего на выручку. Однако русские войска покинули удобную позицию после первых залпов вражеской артиллерии. Главной же причиной быстрого отхода русских стало появление у них в тылу шведского эскадрона: воевода не позаботился о выставлении боевого охранения, полагаясь на непроходимость окрестных болот. Шереметев мог задержать противника в следующем дефиле — у деревни Силламяги, но опять приказал отходить, на этот раз даже не дождавшись появления противника. Это не было проявлением его малодушия — воевода видел небоеспособность своих «помещиков». Надо отдать ему должное — он был единственным из гене-

ралов, кто предложил разумный план действий под Нарвой в ноябре 1700 г. Понимая недостатки в организации русской армии и изъятые позиции, которые она занимала, он советовал вывести войска в поле перед укреплениями, где их подавляющее численное преимущество над шведами могло принести успех. При обороне семикилометровой линии окопов противник мог сосредоточить свои силы в любой точке и нанести сокрушительный удар. Своевременная переброска подкреплений оказывалась невозможной из-за отсутствия дорог внутри лагеря и соответствующих навыков у командования. Последующие события показали, что он был прав. Во время же самого боя Шереметев не смог использовать имевшуюся в его распоряжении конницу. Устрашенные шумом сражения, его подчиненные предпочли вплавь спастись через реку Нарову, в которой утонуло более тысячи человек.

Из документов еще не исчезло причудливое смешение «старо-московского» и «новоиноземного» в русской армии, Шереметев еще имел курьезно звучащий чин — «Большого полку генерал-фельд-маршал», но его войска уже одерживали победы над шведами. Эти победы достигались прежде всего «числом», но и «умение» все чаще проглядывало в действиях русских военачальников. В декабре 1701 г. в бою при мызе Эрестфер был разбит 8-тысячный корпус генерала Шлиппенбаха. Хотя русских в том бою участвовало по меньшей мере в два раза больше, чем шведов, это являлось важной победой прежде всего в психологическом ее значении. За первую крупную викторию Шереметева наградили орденом Св. Андрея Первозванного. Эта высокая награда оказалась оправданным авансом: он одержал еще одну победу над Шлиппенбахом у мызы Гуммельсгоф. После этого началась война, которую очень любили военные той поры — санкционированное разорение вражеской территории, обходившееся почти без потерь и приносявшее хорошую добычу. Итог был подведен в его военно-походном журнале: «...мызы их неприятельские, и деревни, и мельницы, и всякие заводы, которые по дороге и в стороне потому ж, жгли и разоряли, и хлебных запасов и сен пожгли множество, и от Дерпта до рубежа по сю сторону мыз и деревень ничего не осталось». В августе 1703 г. фельдмаршал руководил третьим набегом на Лифляндию, когда были разорены те городки и села, которые уцелели во время набега предшествовавшего.

В 1704 г. на русскую службу после долгих переговоров поступил австрийский генерал-фельдмаршал Георг Огильви, имевший реноме великого стратега. Он оказал большие услуги русскому правительству в деле организации армии, умело вел осаду Нарвы в 1704 г. Пока

он и Шереметев воевали на разных фронтах, вопрос о старшинстве и разделении функций не возникал, но весной 1705 г. царю все-таки пришлось делать выбор между своим боярином и европейцем. Петр I решил проблему радикально и оригинально. Всю конницу он передал первому, а всю пехоту — второму, на основании того, что его план войны строился на уклонении от генерального сражения. В таком случае соединение инфантерии и кавалерии, по мнению царя, могло привести только к снижению мобильности. В случае, когда потребуется использование сразу всей конницы или всей пехоты, то каждый из командующих будет вынужден руководить «не своей» частью армии. Возникает вопрос: кто должен был стать главнокомандующим при соединении всей армии в одном месте? В «руководящих» документах ответа на него не имелось, но каждый генерал такой ответ знал: придет сам Петр и всех «помирят». Немногие до конца в 1705 г. оценили этот царский замысел. После увольнения Огильви руководство конницей перешло к Меншикову, а Шереметеву передали пехоту.

Несмотря на свой высокий чин, генерал-фельдмаршал был исполнителем распоряжений Петра I, причем такая роль его вполне устраивала. Сохранилось большое количество документов, в которых он спрашивал царя, как ему поступить в том или ином случае. В некоторых случаях эти вопросы выглядят даже странно. Так, в одном из писем в июле 1704 г. по поводу заготовки провианта написано: «...в котором урочище и сколько класть и как ево возить: нынешней ли зимою или весною, а буде весной возить, также и амбары, во что те провианты класть, и люди, кем и на каких подводах возить». В этих же бумагах видно, что «господину бомбардиру» неоднократно приходилось понукать своего помощника и даже угрожать. Так, в декабре 1700 г. он требовал передвинуть войска в указанное место без всяких отговорок и проволочек: «...да и отговариваться нечем, понеже людей довольно, также реки и болоты замерзли».

В июне 1705 г. недалеко от Митавы, в местечке Мур-мыза, Левенгаупт и Шереметев сошлись в примерно равных силах, но первый занимал более удобную позицию. Не склонный к риску фельдмаршал начал маневрирование с целью «выманить» шведов. Однако командовавшие драгунами полковники Кропотов и Игнатьев пошли в атаку на центр вражеской позиции и прорвали его. Этот успех мог стать прологом победы, но солдаты бросились грабить обоз. Противник тем временем пришел в себя и так ударил по драгунам, что те в паническом отступлении смяли свою пехоту. Пришлось отступать, оставив неприятелю 13 пушек.

В 1708 г. высший командный состав армии составляли 5 русских генералов (Шереметев, Меншиков, Репнин, Волконский, Чернцов) и 15 иноземцев (Далбон, Дедют, Алларт, Белингк, Бутерер, Белардий, Чамберс, фон Швейден, Гольц, Рен, принц Гессен-Дармштадский, Ифлянд, Пфлуг, Ренцель, Генскин).

О медленном накоплении и недостаточном использовании военного опыта свидетельствуют действия Шереметева в феврале 1708 г. под Гадячем. Сначала набег на шведов должен был осуществить Меншиков, но он «по семейным обстоятельствам» уехал в Белгород, и командование отрядом передали Шереметеву. Планируя нападения на расположение шведских войск возле этого города, фельдмаршал оценил правильно оперативную обстановку и предусмотрел возможные ответные действия противника. Он выбрал самое «слабое звено» — отряд полковника Альбедилля. Хотя шведы отчаянно отбивались и нанесли русским значительные потери (98 убитыми и ранеными), сами они только пленными потеряли 162 человека. Главным же было то, что армия Карла XII лишилась 2000 лошадей, охраной которых собственно и занимался Альбедиль, и значительных запасов, становившихся буквально драгоценными в условиях трудной зимовки. Более важной целью мог стать отряд генерал-майора Крейца, но Шереметев действовал по принципу «лучше синица в руках, чем журавль в небе» и двинулся на него только после разгрома Альбедилля. Крейц своевременно отвел свои войска, и русские довольствовались только большим числом лошадей и повозок, брошенных при отступлении. В этой операции Шереметев опять показал себя как человек медлительный и мало приспособленный к решительным действиям. Он включил в состав отряда пехотный полк, который не сильно увеличил его силу, но заметно уменьшил подвижность, столь важную в таких делах. Марши планировались из расчета на то, что противник не будет активно маневрировать.

Осторожность Шереметева проявилась и в его плане помощи Полтаве, который основывался на продвижении системы траншей к осажденному городу. Однако этот план имел два изъяна: на сооружение всех «траншаментов» и «шанцев» требовалось много времени, больше, чем могла продержаться крепость. Кроме того, болотистая местность затрудняла земляные работы, которые в конце концов пришлось прекратить.

Принимая во внимание «затишье», которое установилось на шведском фронте, можно расценить командирование Шереметева подавлением Астраханского восстания 1705–1706 гг. как знак осо-

бого доверия. Приехав в Казань, Шереметев приказал освободить томившихся в остроге «зачинщиков» беспорядков, отправил к востанавшим своего офицера, который убеждал их, чтобы «они от шалостей своих отстали». Такая линия поведения объяснялась не только его природной осторожностью и склонностью к компромиссам, но и трезвым взглядом на происходящее. По его мнению, в случае массового восстания инородцев в Поволжье и на Урале правительство окажется в сложном положении: «...их — много, до самой Сибири — все орды...». Он писал царю: «Зело я опасуюсь, чтоб не учинилось и на Уфе от башкирцев также, как и в Астрахани, а я вижу, что зреет, а как сделается, мудро будет унимать и усмирять». Но такое поведение фельдмаршала возмутило местных воевод — сторонников жесткого курса по отношению к башкирам, и они написали жалобы на высочайшее имя. Петр I, как известно, действовал «кнутом и пряником», но в пропорции: на один «пряник» — сорок «кнутов». Он встал на сторону местных чиновников и приказал своему эмиссару не вмешиваться в вопросы гражданского управления.

Во время Астраханской экспедиции самолюбие Шереметева жестоко страдало от того, что царь приставил к нему гвардейского полковника М. Щепотева, который бесцеремонно вмешивался в распоряжения своего начальника. Есть основания полагать, что Щепотев был приставлен не только для того, чтобы понукать военачальника, известного своей медлительностью. Царь доверил подавление восстания фельдмаршалу, принимая во внимание его авторитет среди «сторонников старины», поскольку склонялся к мирным средствам погашения конфликта. В то же время, для присмотра за «старым» воеводой, был приставлен человек «новый», не имевший никаких связей в боярской и дворянской среде.

Александр Иванович Заозерский в своей монографии о жизни и деятельности фельдмаршала так объяснял сложные отношения между ним и монархом: «Независимо от своей воли в силу только особенностей своего культурно-социального облика Шереметев оставался опорой или, лучше сказать, надеждой политической оппозиции при Петре. Отсюда чувство недоверия к нему, возникшее у Петра (едва ли не с самого появления Шереметева в рядах его сторонников) и, по-видимому, никогда его не оставлявшее. Естественно, как при таком чувстве воспринимались и расценивались Петром недостатки и промахи Бориса Петровича как полководца: они становились для него выражением безразличного или формального отношения к делу со стороны фельдмаршала».

Многими своими удачами Шереметев обязан генерал-адъютанту Л. С. Чирикову, который с 1705 г. исполнял при нем обязанности начальника штаба и главного интенданта. В 1709 г. он не только получил за Полтавскую баталию чин бригадира, но и был назначен первым в истории России обер-штер-кригс-комиссаром (главным полевым интендантом). Чириков оказался талантливым организатором тыла, сумел навести возможный в тех условиях порядок в снабжении войск провиантом и обмундированием. Когда его в 1710 г. назначили комендантом Риги, Шереметев, по свидетельству Апраксина, «впал в пушную печаль», опасаясь «дабы чего за старостью не упустить». Большой удачей Шереметева (и всей русской армии) стало то, что в июне 1708 г. именно решительный и разумный Чириков, тогда еще майор, оказался во главе своего отряда около места, где Карл XII переправился через Березину. Он сумел правильно определить движение основных шведских сил, своевременно и точно докладывал о всех передвижениях противника и, что самое главное, всячески затруднял его продвижение: делал засеки, портил мосты, сжигал сено и т. д. По самым скромным подсчетам, ему удалось выиграть около недели для организации отхода русской армии. Чириков оказался в центре штабных склок, которыми забавлялись Меншиков и Шереметев. Первый совершал маневры без всякого согласования со вторым. Шереметев отвечал на это язвительными письмами. Так, узнав, что из всей многочисленной русской конницы только Чириков ведет активную борьбу с противником, фельдмаршал спрашивал своего недруга: «Предаем вашей светлости в рассуждение, как может один майор с малою партией все неприятельское войско держать? А ваша светлость объявляли нам в консилие [совете. — В. Л.] в Чашниках, что туда посланы генералы с кавалерией для удержания оных павсов?!»

Разделение функций при натянутых отношениях двух главных действующих лиц имело негативные последствия для армии. Шереметев, у которого не было достаточно конницы, чтобы вести глубокую и систематическую разведку, строил свои планы на устаревших или случайных данных. Меншиков, в свою очередь, не мог проводить серьезных операций силами одной кавалерии без поддержки пехоты, командование которой сосредоточил в своих руках его соперник. Недовольство их друг другом ни для кого не являлось тайной — об этом писал даже находившийся в Москве за сотни верст от театра боевых действий британский посол Ч. Витворт. Разумеется, такая ситуация отрицательно сказывалась на организации операций. Князь Репнин по этому поводу писал своему боевому товарищу Я. Брюсу: «...сколь-

ко я ни служил, а такого порядку не видал, как ныне; токмо смотрят своих интересов; что чинить — не знаю; уже писал, а респонзу [ответа. — В. Л.] не получу». Брюс в ответном письме разделял мнение Репнина о порядках в командовании: «...что ваше высокородие изволили ко мне писать, что под такой дивной командой век не бывали, и я вам доношу: хотя много читал, однако ж, ни в которой хронике такой окоlesiны не нашел».

Большие проблемы были и в работе интендантства. М. Г. Ромодановский, присланный для организации сбора провианта, беспорядочно пьянствовал и редкие часы просветления отправлял в свое московское поместье возы с награбленным добром.

Внешне Шереметев и Меншиков поддерживали добрые отношения, но их переписка содержит много признаков того, что напряженность нарастала и когда-нибудь должна была вылиться в открытый конфликт. Сглаживанию острых углов способствовала система «консилией», или советов, где коллегиально принимаемые решения требовали от всех участников готовности к компромиссам.

Обвинения некоторых историков в том, что Шереметев не пришел на помощь Репнину в бою при Головчине всеми своими силами, несправедливы. Во-первых, он отправил «сикурс» в составе двух полков. Во-вторых, контрнаступление всеми наличными частями могло привести к тому самому генеральному сражению, которого так жаждал Карл XII и которого так боялся Петр I.

Само отступление летом и осенью 1708 г. Шереметев провел достаточно успешно. Учитывая российское бездорожье, отвратительную организацию интендантства, общий низкий уровень дисциплины на всех уровнях, провести без потерь многотысячное войско на значительное расстояние мог только опытный и умелый руководитель. Карлу XII не удалось захватить такие важные пункты, как Стародуб и Новгород-Северский, которые могли стать для шведов опорными пунктами для наступательных операций. Зимой 1708/1709 г. Петр I поручил Шереметеву проведение более привычных для того операций — «стеснение» армии противника в районе ее расквартирования путем постоянных угроз и нападений на отдельные группы. Здесь старый воин чувствовал себя в своей стихии и быстро «сократил» район, где вражеские фуражиры чувствовали себя в безопасности. Ему удалось также разбить сильный отряд в Рашевке. Однако он не сумел перехватить запорожцев, двигавшихся к Полтаве, поскольку «разлитие рек и сила крепостей в том возбранили». По нашему мнению, даже при идеальных погодных условиях ни одна тогдашняя регулярная

армия не была в состоянии это сделать, принимая во внимание фантастическую ловкость казаков в проведении скрытных операций.

Одной из проблем русской армии петровской эпохи были трения между русскими и иностранными офицерами. Первые проявляли недовольство теми преимуществами, которые вторые получали на службе, нередко «перебегая путь» представителям титульной нации. Б. П. Шереметева некоторые авторы обвиняли в ксенофобии, указывая на его негативные отзывы о некоторых иностранцах. Однако документальные записи о контактах фельдмаршала свидетельствуют о том, что он много времени проводил с нерусскими генералами и офицерами. О сбалансированном отношении Шереметева к ним говорит его письмо Петру I от 19 марта 1707 г.: «Явились ко мне офицеры с указами вашего самодержавства... А между теми иноземцами — полковник Фейлейгейм, кажется, человек добр и говорит по-русски, а другие, по моему разумению, не годятся: стары и языку нашего и польского не знают. Так же есть обида и русским офицерам: не будут прилежать к службе через охоту из нижних чинов, что никто не дослужится до более высокого чина, а офицеры русские в своих делах исправны. Зело нам надобны из заобычных людей иноземцев вышних командиров».

В Полтавском сражении Шереметев был формальным главным командующим русской армии, его распоряжения сыграли важную роль в достижении победы, но в силу ряда обстоятельств он оказался в некой исторической тени. Петр I лично участвовал в бою, где его «миловали» ставшие широко известными три шведские пули, попавшие в шляпу, в седло и в нагрудный знак. Он же осуществлял общее руководство армией, поэтому царь по праву считался победителем Карла XII. Капитуляцию шведов у Переволочны принял А. Д. Меншиков, что было блестящим финалом батальной пьесы, и на авансцене торжествовал и принимал поздравления этот давний соперник фельдмаршала.

Осенью 1709 г. корпус под командованием Шереметева начал осаду Риги — главного города Лифляндии и оплота шведского владычества во всей восточной Прибалтике. Перед походом в Лифляндию фельдмаршал Шереметев приказал «провианту взять в путь на месяц, дабы сначала... обывателей тамошних не тяготить». Когда же таковой кончится, следовало брать у жителей, но при этом избегать «обид» и тотального разорения. При реквизициях следовало вести документацию, которая позволяла в дальнейшем избежать обвинений в грабеже.

Поскольку «сикурсу» городу ждать было не от кого, фельдмаршал мог не губить людей в штурмах и добивался капитуляции одной блокадой и бомбардировками, которые казались горожанам обрушением небес. И. Гельмс в своих мемуарах с витиеватым и характерным для XVIII в. названием «Достоверное описание замечательных событий при осаде города Риги и того, что случилось со дня ее блокады, а также во время жестокой бомбардировки и обстреливания ее в 1709 г. до сдачи ее в 1710 г. изо дня в день замечено и описано Иоакимом Андреем Гельмсом, который лично выдержал эту тяжелую осаду и из одиннадцати лиц своего дома один остался в живых» так рассказал об обстреле 13 декабря 1709 г.: «В половине 10-го утра в цитадели в одну пороховую башню, в которой по общему мнению было 1200 бочек пороха, попал огонь (откуда — известно только одному всеведущему Господу); бочки загорелись, а также и недалеко стоящая башня, в которой было 1800 бомб, большое число гранат и пушечных ядер; все это взлетело на воздух, и это случилось так внезапно, как будто наступил конец света: по всему городу летали бомбы, гранаты и ядра, будто их сеяли, или шел дождь; прекрасная цитадель была вся разрушена кроме 2 домов, а также обвалился вал с Двинской стороны, так что через него можно было проехать рядом трем телегам; город был также сильно обезображен, так как во многие дома попало по пять штук. Самое печальное то, что погибло ужасным образом множество людей; сколько именно, еще неизвестно, но число уже доходит до 1000, и все еще откапывают новых». 19 декабря несколько мясников решили пригнать скот, бродивший возле бастионов, «но так как они отлучились слишком далеко, то были пойманы казаками, раздеты донага и свирепо умерщвлены». Для того чтобы подавить дух осажденных, 27 февраля 1709 г. в Ригу прилетели четыре бомбы без фитилей, в которых были найдены записки следующего содержания: «Верные известия и написанные без всякой лжи: 10 февраля 1710 г. в русский лагерь прибыл курьер с известием, что войска его царского величества с мечом в руке завоевали крепость Эльбинг. По этому случаю 12 февраля был празднован великий триумф в московитских шанцах: целый день стреляли. После этого триумфа 15 февраля из Москвы в Югверхоф прибыл курьер с радостным известием, что турецкий султан прислал подписанные трактаты о соблюдении мира еще на 20 лет. Он выдает короля шведского головой его царскому величеству, ради чего в русском лагере праздновали одинаково и 19 февраля и стреляли не только из орудий, но и из ружей». Это известие, по свидетельству мемуариста, произвело в городе «глубокое раздумье». Узнав

о такой «диверсии», шведы с корабля, подошедшего к городу, отправили «подбадривающее» послание — «письмо из стокгольмского сената, в котором сообщалось, что его королевское величество заключил с великим султаном наступательный и оборонительный союз; что его королевское величество уже выступил с 100000 христианскими невольниками [янычарами. — *В. Л.*] и придет на помощь к стесненной Риге, лишь только на полях будет корм для лошадей. Султан же напал со всем своим войском на Ассаф (Азов). Так как из наших солдат многие уже убежали, то их офицерам было приказано доставить их имена для прибития к позорному столбу; те же, которые еще убегут и будут пойманы, без пощады будут повешены». Информация о суровом наказании дезертирам была адресована прежде всего тем чинам рижского гарнизона, которые под давлением лишений могли нарушить присягу.

16 марта 1710 г. горожане были потрясены видом лазутчика, который собирался пробраться через русские позиции, но был пойман: «...его спина почти вся была сожжена в огне, оба уха, нос и кусок языка отрезаны и отданы ему назад...» Наконец силы гарнизона иссякли. 7084 бомбы, упавшие на город, сделали свое дело. Утром 5 июля 1710 г. русские войска вошли в Ригу. Шереметев устроил настоящий триумф, так описанный тем же выжившим мемуаристом: «Впереди ехали двое знатных гренадерских офицеров, у которых на шапках был прикреплен драгоценный камень; за ним следовали 38 пар гренадеров верхами и с обнаженными шпагами в руках; у них точно так же на шапках было прикреплено по прекрасному богемскому камню. За ними следовали 16 слуг знатных господ верхами, затем шли 36 прекрасных подручных коней, покрытых богато шитыми чепраками с серебряными стремянами; затем четыре пустые коляски, запряженные шестерками. Затем его превосходительство генерал Галларт в коляске, запряженной шестеркой; за ним ехали две коляски с высшими господами и пустые коляски, все запряженные шестью лошадьми. Затем ехали верхом граждане с обнаженными шпагами в руке. За ними ехало дворянство точно так же верхом и с обнаженными шпагами в руке. Их предводителем был господин барон и полковник фон Менгден. Затем ехали верхом три знатных генерала, а за ними придворная гвардия генерал-фельдмаршала, состоявшая из семидесяти двух человек, одетых в желтое; затем ехала коляска с важными господами и наконец генерал-фельдмаршал Шереметев в собственной и богато вызолоченной коляске, запряженной шестью булаными и гнедыми конями... Перед коляской ехало несколько трубачей и два

барабанщика, барабаны которых были обиты серебряной жстью, сильно вызолоченной. Затем несли богато вышитый штандарт. Рядом с коляской шли по-турецки одетые лакеи, за коляской шел отряд литаврищиков, четыре трубача, два валторниста и восемь гобоистов, все одетые в желтое с изобильной серебряной оторочкой; их лошади были украшены желтыми парчовыми попонами. Наконец, верхом ехали несколько слуг, которые заключали шествие». Это триумфальное шествие состоялось всего через полгода после московских торжеств в связи с полтавской победой. Разумеется, по своим масштабам рижские празднества были заметно скромнее, но, во-первых, они доказывали Европе, что разгром шведской армии на Ворскле вовсе не был случайностью. Во-вторых, Рига, бесспорно, считалась европейским городом, столицей одной из провинций шведского королевства, и парад русских войск на ее улицах дорогого стоил. А в центре сего торжества был Шереметев.

Когда в 1711 г. началась война с Турцией, генерал-фельдмаршалу поручили с передовым отрядом выйти к Дунаю и не допустить переправы противника на левый берег. Он покинул Ригу 11 февраля, но только 24 мая подошел к Днестру, где узнал о приближении турецкой армии к Дунаю и, по своему обыкновению, решил не рисковать. Петр I был в ярости. Получив письмо, в котором фельдмаршал причитал о трудностях с заготовлением провианта для подходивших основных сил, царь пригрозил: «...когда солдаты приведем, а у вас не будет что есть, то вас оным в снедь дадим».

Чтобы не разочаровать местных христиан своевольством солдат, фельдмаршал отдал строгий приказ: «В пути свою команду держать в поведении добром; и объявить всем, дабы волохам [румынам. — *В. Л.*], не токмо кто обиды не чинил, но и безденежно ничего не брал, под потеряннем живота; а ежели кто какую обиду покажет, тогда, не описываясь к нам, учинить экзекуцию по важности дела прочим в приклад, чтобы своевольства чинить не дерзали... Того ж в пути хлебов в полях отнюдь не топтать, садам никакого повреждения не чинить и изгородь около дворов и огородов не обжигать...»

Кроме того, Шереметев выпустил «универсал», в котором призвал румын встать на царскую службу: «Объявляю в народе волошском, всем обще и коемуждо особо, благородным господам правительствующим и всякого достоинства чинам, и посольству [крестьянству. — *В. Л.*]: понеже Его Царское Величество, Всемилостейший Государь, имеет все христианские склонности и тщание к избавлению христианского народу от тягостного ярма бусурманского, и с войском своим

в границы волошские вступить повелел, того ради вас покорнейше прошу и при том объявляю: который правоверный христиан и истинный сын восточные христианские католические церкви желает избавления своих церквей и всему своему отчеству от бусурманского владения и их тягостей, дабы в службу Его Царского Величества тщились и собирались против неприятельских сил..., купно с войсками Его Царского Величества...» Тот, кто приведет полк, получит жалование в размере 100 рублей и соответствующие документы. При этом указывалось, чтобы «рядовые имели кони и оружие потребное, чтоб благонадежнее могли свои службы против бусурманов употреблять». Шереметев знал о том, что турки из-за прорусских настроений румын запрещали им входить в крепость Бендеры. Кроме румын, под русские знамена становились болгары, сербы и венгры. В 1711 г. был принят на службу сербский ротмистр Михайло Брошевян, при нем поручик, вахмистр и хорунжий и еще 47 рядовых. Рядовым платили по 66, вахмистру — 75, хорунжему 198, поручику 264, ротмистру 450 рублей в год.

Во время движения навстречу турецкой армии он принимал разумные меры по предосторожности от нападений неприятельской кавалерии и особенно для сохранения строевых и обозных лошадей. Несмотря на это, 19 июня татары напали врасплох на фуражиров, и прикрывавший их отряд «привели в конфузию многолюдством», изрубив до подхода подкреплений целый полк — только убитыми потеряли полковника, двух капитанов и 103 рядовых.

Русское командование недооценило противника, который неожиданно явился в гораздо больших силах, чем думал Петр I. Приказав сжечь или бросить все, что могло задерживать отступление, царь приказал двигаться к своим границам под прикрытием темноты. В походном дневнике Шереметева мы читаем: «...И часа за два до свету турецкие войска, то отступление увидя, многие набегу чинили, от которых непрестанно пушечною и из мелкого ружья стрельбою отбивались, и от часу войска турецкого стало прибавляться, и наступление крепкое чинили, от чего некоторые багажи, тако ж и скот, неприятель отбил. Военной канцелярии дела пропали с извощиком в переправе на рву».

9 июля 1711 г. имеет все основания считаться черным понедельником российской военной истории. Вот как изображен этот день в походном дневнике Шереметева: «...Когда с первого лагеря от Станилишек миновали и поравнялись в долине против гор, в парад порядочно вся армия стала в рогатках, тогда те турецкие и татарские силы на армию Царского Величества наступление и бой чинили до

самого отступления, по которых непрестанно из пушек и мелкого ружья стреляли. И так сим отводом с милою и более шли, и пришли в долину к реке Прут, где место пространное, и паки, в рогатках стоя, с неприятелем великий был бой через весь день, токмо часа два до вечера ружье перестало. Потом турок конных некоторое число, прежде прибытия армии к берегу Прута перешло на нашу сторону и стали на горе против нашего лагеря с распущенными 22 знаменами. По утишении того времени паки великая пальба из пушек от нас из войска и залпами из мелкого ружья была, понеже приспели к спагам [иррегулярная конница. — В. Л.] турецким и янычары, и от часу стало войско их умножаться, и появилась от них пушечная стрельба прежде из двух пушек с обеих сторон нашего фрунта; потом за полчаса до вечера приходили турки и татары и спаги к нашим рогаткам, с которыми изо всех пушек и из мелкого ружья отпор дан, и паки оные с великим уроном отбиты. И после этого через всю ночь против 10-го числа, до свету непрестанно огонь был с обеих сторон и многократно в немалой силе к рогаткам турки приходили, которые много стрельбой отбиваны». Вторник 10 июля оказался не менее, если не более «черным». «...На рассвете уведомились, что достальные янычары и спаги с артиллериею к нашим рогаткам сближались и сам визирь турецкий пришел, и учредили с обеих сторон нашего лагеру и рогаток неподалеку окоп, в которых поставили по ведомостям 310 пушек [больших и малых], а со стороны войск Царского Величества никаких крепостей, кроме того, что с рогатками откинувся стояли, не было. И сей ночи за несколько часов до свету от турков и от нас учинилась из пушек и из мелкого ружья великая стрельба, от чего в обозе нашем многих людей и лошадей вредило. И того бою было даже до 2-х часов пополудни, не переставая. И на сей баталии убит генерал-майор Видман, подполковник Пульст, подполковник Рот, майоры Лунин, Кольцов; ранены господин генерал Аларт, генерал-майор князь Волконский, полковник Зимбурх. Прочим побитым и раненым, и безвестно пропалым учинена табель, по которой от всей армии побито, ранено и безвестно пропало, и от ран померло 2856 человек.

Во время той баталии Его Царское Величество повелел послать к турецкому визирю из Посольской Канцелярии, ради договору, письма..., но вскорости ответу не было. А потом изволил Его Величество послать господина канцлера барона Петра Павловича Шафирова для учинения трактатов от турки и дан ему лист за приписанием руки Его Величества, в котором предложено, что оный барон какие трактаты между обеими государствами постановит, то с Его Царского Вели-

чества стороны и содержано будет ненарушимо. А между тем готовились на главную баталию идти на турецкие учиненные крепости... Господин Шафиров велел Царскому Величеству донести, что турки не зело в склонность к трактатам состоят и дабы имели великую опасность. Чего ради в нашем лагере начали от реки и в нерегулярном войске делать окоп для обозов.

Потом паки прислал господин Шафиров, что о миру с турками уже начали, чего ради с обеих сторон пушечная стрельба утихла уже на вечер. И всю ночь турки, хотя и положено было, что никакой работы не делать, однако ж они строили шанцы. От наших же ничего не делано, но токмо наши стояли во фрунте со всякою готовностью.

Того же числа желал визирь турецкий, ради утверждения к миру постановления, просил в аманаты фельдмаршала сына Михайла Шереметева. И ночь прошла без всякого бою».

Во время несчастного для русской армии боя на р. Прут Шереметев спас жизнь простому солдату: в одиночку вылетел на коне за линию рогаток, свалил турка, собиравшегося прикончить отбившегося от своих драгуна.

После Прутского похода сам царь уехал за границу, а Шереметеву пришлось вновь вспомнить о своих дипломатических навыках и заниматься реализацией условий мирного договора с Турцией. Как государственный деятель, он радел об интересах державы, а как человек — желал скорейшего разрешения всех спорных вопросов, поскольку у турок в заложниках был его сын Михаил, который более трех лет был в заточении и умер в 1714 г. вскоре после своего освобождения по дороге в Россию.

Солдаты любили фельдмаршала не только за то, что он не бросал их в бой «не жалеючи», как щепу в огонь. Шереметев строго следил за тем, чтобы солдаты получали провиант и жалование вовремя, чтобы им отводили хорошие помещения. Он требовал от полковых командиров выставления только минимального количества караулов, «дабы от таких излишних караулов солдат в отягчение бы не привести». Болезненно внимательный к проявлениям неуважения к его званию со стороны генералов, он был прост в общении с солдатами и младшими офицерами. На фоне чванства и холодности командиров-иностранцев, он был для нижних чинов «отцом родным». Во время осады Риги разгоряченный вином Меншиков решил позабавиться общим построением армии и ночью поднял солдат по тревоге, несмотря на попытки Шереметева отговорить «светлейшего» от такой дурацкой шутки. В ноябре 1711 г. фельдмаршал, рискуя разгневать царя,

убеждает его отменить приказ о переводе целой дивизии из Украины в Лифляндию, что было невозможно сделать «без великой гибели людей». Войска не имели провианта, зимнего обмундирования, в районах, через которые следовало идти, свирепствовала чума. Эту заботу о подчиненных он неоднократно демонстрировал и в дальнейшем. В 1715 г., вскоре после жестокого разноса, который устроил ему царь по поводу разного рода упущений, Борис Петрович не побоялся на свой страх и риск разместить полки на постой в нейтральном Мекленбурге, чтобы уберечь их от голодной смерти. Гибель нескольких сотен нижних чинов осталась бы незаметной на общем фоне потерь, а вот международный скандал, вызванный таким шагом, мог дорого стоить заботливому военачальнику. Осторожность и медлительность Шереметева спасла множество солдатских жизней. Он никогда не действовал, как многие его высокопоставленные современники и потомки, которые зарабатывали ратную славу, руководствуясь формулировкой «бабы еще народят».

Когда турецкая эпопея благополучно разрешилась, Шереметев, уставший морально и физически, всерьез задумывался уйти в монастырь. Однако царь, узнавший о таких думах своего сподвижника, пресек его попытки оставить службу оригинальным способом: женил его на своей тетке Анне Петровне Нарышкиной. В 1713–1714 гг. Шереметев находился на Украине, где ему поручалось держать вверенные войска в готовности на случай возобновления войны с Турцией и Крымом. Этот период службы был омрачен следствием по обвинению в злоупотреблениях властью. Хотя суд вынес оправдательный вердикт, обвинение в том, что фельдмаршал своими руками срезал с уздечек понравившиеся ему серебряные украшения, глубоко оскорбило пожилого человека. Надо сказать, что среди прочих высших должностных лиц той поры Шереметев выгодно отличался умеренностью в присвоении казенных сумм и в поборах с населения мест, по которым проходили его войска. Он, как истинный московский барин, передвигался в сопровождении многочисленной дворни, для прокормления которой ему действительно приходилось брать провианта и фуража больше, чем положено. Но по сравнению с тем же Меншиковым он был просто агнец. Генерал-прокурор П. И. Ягужинский прямо заявил царю в ответ на предложение рубить головы за присвоение казенных средств: «Разве, Ваше Величество, хотите царствовать один, без слуг и без подданных? Мы все ворует, только один больше и приметнее другого». В 1715 г. Шереметева назначили командующим русской армией, направлявшейся в Померанию. Это

было едва ли не самое трудное задание, которое он получал за время своей долгой службы. Сложная и постоянно менявшаяся политическая обстановка с калейдоскопической быстротой и непредсказуемостью изменяла и задачи, стоявшие перед русским экспедиционным корпусом. Шереметеву предписывали выполнять советы послов при датском и прусском дворе: «...буде велят итить, поди; буде ж велят поворотиться, поворотись, а до тех мест [до Померании. — В. Л.] итить как возможно тише, дабы войск напрасно не измучить». Сложным оказался и вопрос о снабжении войск: и поляки, и немцы-союзники поставлять провиант и фураж бесплатно отказывались, денег из Москвы не приходило, а заниматься реквизициями было запрещено.

Отсутствие быстрой связи и постоянно менявшаяся обстановка стали причиной того, что виновным в неизбежных промахах признали Шереметева, несмотря на то, что в этом походе к нему опять было приставлено доверенное лицо царя — генерал-лейтенант Василий Владимирович Долгорукий. Вернейшим признаком высочайшего гнева стало отсутствие «прямых» писем Петра. Главнокомандующий получал его распоряжения через третьих лиц. Сам Петр I мечтал о скорейшем завершении войны и потому торопил и своих генералов, и союзников с проведением высадки войск непосредственно на шведской территории. При этом он метал громы в адрес Шереметева, которого не без оснований считал «медлителем» и главным противником такого решительного предприятия: «...ежели б десант был, уже бы мир был, а ныне все вашими советами опровержено, и война в даль пошла». Действительно, поход союзников на Стокгольм и разорение самых населенных и богатых южных провинций Швеции могло поставить Карла XII на колени. Но гораздо более вероятным был другой вариант развития событий, по которому Дания и Пруссия, находясь под жестким давлением со стороны Англии, не желавшей окончательного ослабления Швеции, подписывали мир на выгодных только им условиях, без учета интересов своего восточного союзника. Русская армия оказывалась в западне, поскольку корабельный флот Петра I не был сильнее шведского, эвакуация большой армии или ее снабжение морем оказывалось практически невозможной. Если же к шведским кораблям присоединялась английская эскадра (более чем вероятный случай), капитуляция становилась неизбежной. Купить шведского короля так, как купили турецкого визиря в 1711 г. во время Прутского похода, вряд ли получилось бы. Так что старомосковский боярин был прав, когда писал: «...А ежели король аглинской к вышереченной будущей кампании действию весьма не склонится,

почему и король дачкой приступить к тому не захочет, то, по моему мнению, будут датчане искать способу приватной мир с шведами учинить, а тогда одним российским войскам и флоту против неприятеля за морем действовать не без труда». В конце 1717 г. Петр I приказал Шереметеву вернуться в Россию. Царь рассчитывал на гораздо большие дивиденды от своих военных предприятий 1710–1717 гг. в Северной Германии. Как известно, наказание подчиненного — традиционная форма огорчения начальника собственными неудачами. Хотя все мелкие промахи фельдмаршала с лихвой окупались его противодействием губительной авантюре с высадкой в Швеции, Петр I оставался недоволен.

В начале 1718 г. над головой Шереметева сгустились еще более грозные тучи, по сравнению с которыми прежние царские гневные окрики выглядели сущими пустяками. Во время следствия по делу царевича Алексея выяснилось, что в числе главных заговорщиков — А. В. Кикин и В. В. Долгорукий, которые были в дружеских отношениях с фельдмаршалом. Были обнаружены «шифры», с помощью которых велась переписка сторонников цесаревича, причем эти же шифры использовались в переписке Шереметева и Кикина. Сам Алексей Петрович на допросе заявил: «...а в главной армии Борис Петрович и многие из офицеров мне — друзья». Не менее существенное значение имели слухи, по которым царевич с Шереметевым бежал за границу. Такое развитие событий, как это видно из его переписки, чрезвычайно тревожило старого служаку. Вероятно, волнения стали причиной развития болезни, и 17 февраля 1719 г. он умер.

Несмотря на то, что в письмах к Шереметеву царь бывал довольно резок, но при личных встречах никогда не позволял по отношению к нему каких-либо оскорбительных поступков. Более того, на всем протяжении своей жизни фельдмаршал пользовался правом входить в царский кабинет «без доклада», что позволялось только начальнику тайной полиции Ф. Ю. Ромодановскому и только в периоды «особого благоволения» позволялось А. Д. Меншикову. Шереметев старался «равноудаляться» от противоборствовавших придворных группировок и потому не имел явных врагов в высших эшелонах власти. Его человеколюбие, справедливость, приветливость также способствовали его популярности как среди командного состава армии, так и среди простых солдат. В начале XVIII в., несмотря на торжественное провозглашение принципа выслуги, представления о значении родовитости сохранялись в головах россиян. Подчинение этому представителю древнего и знатного рода не было зазорным ни для одного человека.

Последнюю службу своему повелителю Шереметев сослужил уже мертвым. Для того чтобы признаваться городом, а не «небылицей», более того, приучать россиян к новой столице, Санкт-Петербург должен был иметь не только «знатные» дворцы, казармы и соборы, но и такие же некрополи. Словно предвидя это, фельдмаршал написал в заветании: «...тело мое грешное отвезть и погребсть в Киево-Печерском монастыре или где воля его величества состоится». Но царь приказал перевезти останки Шереметева из Москвы на берега Невы в «парадиз», только-только принимавший вид жилого места, где устроил своему соратнику пышные похороны.

Взвешенную характеристику Шереметеву дал военный историк А. З. Мышлаевский: «„родословный“ человек по происхождению, с продолжительным военным прошлым, осторожный и медлительный, способный на уступки своим положением и самолюбием, едва ли располагал обширным военным талантом. Военные его взгляды слагались под сильным влиянием дореформенных порядков; в нем сохранилось много особенностей прежнего „воеводы большого полку“. Неподготовленность Шереметева к руководству операциями на петровских основах искусства резко выразилась в 1705 г. во время наступления на Курляндию; в следующем году деятельность его была мало заметна, а непосредственно перед изучаемыми действиями он занял в армии прямо второстепенное место. Царь не скрывал недоверия к его способностям и не поручал ему разрешения более или менее сложных военных вопросов. Но в Шереметеве он не мог не ценить неподкупного, убежденного приверженца своих начинаний и добросовестнейшего исполнителя своей воли».

Если Борис Петрович Шереметев представлял в российском генералитете родовитое российское дворянство, то Яков Виллимович Брюс был «кукуйским немцем», уроженцем знаменитой иноземной слободы, хотя и с родословной даже более глубокой, чем генерал-фельдмаршал.

В 1647 г. боярин И. Д. Милославский в Голландии занимался вербовкой офицеров-европейцев для создававшихся тогда полков «нового строя». В числе согласившихся ехать в далекую Россию оказался шотландец Виллим Брюс, предки которого состояли в родстве с королевской фамилией Стюартов. В 1658 г. он вышел в отставку в чине полковника и жил в Москве. 1 мая 1669 г. у него родился сын, ставший впоследствии одним из ближайших сподвижников Петра I. Вероятнее всего, знакомство Петра I с Яковом Брюсом произошло еще в во время посещений молодым царем немецкой слободы на Яузе.

5 сентября 1689 г. к Троице-Сергиевой Лавре прибыл отряд иноземцев под командованием П. Гордона, в составе которого был поручик Я. В. Брюс, уже понюхавший порох во время Крымских походов 1687 и 1688 гг. В 1693 г. он сопровождал царя во время поездки в Архангельск, поскольку тогда для создания морского флота были собраны все специалисты в области техники, а молодой шотландец таковым слыл. Брюса оставили зимовать в городе, чтобы он помогал воеводе Ф. М. Апраксину строить верфи и Новодвинскую крепость, прикрывавшую Архангельск. Задание было успешно выполнено, о чем свидетельствует чин майора, полученный в 1695 г., и участие царя в свадьбе молодого, но уже входившего в фавор офицера. Во время Азовских походов 1695 и 1696 гг. Брюс отличился не столько на поле брани, сколько составлением карты юга России. Чин полковника окончательно убедил всех, что они имеют дело с очень влиятельным человеком из царского окружения.

В 1697 г. его вызвали для участия в Великом посольстве. Брюс приехал в Амстердам с большим опозданием, объясняя это пытками, которым он подвергся в Тайном приказе по распоряжению Ф. Ю. Ромодановского. На гневное письмо Петра глава российской тайной полиции ответил, что царский любимец сам сжег себе руку в состоянии сильного опьянения. Во время пребывания в Англии Брюс слушал лекции по математике, знакомился с работой литейных заводов и арсеналов, приобретал приборы, книги по навигации и кораблестроению, нанимал специалистов. Благодаря его усилиям в Россию приехали такие крупные ученые, как А. Фарварсон, С. Грин, Р. Грайс.

Начало Северной войны оказалось для Брюса неудачным. Ему поручили блокировать подступы к Нарве, но ученому человеку не хватило яростной настойчивости, чтобы заставить подчиненных быстро продвигаться по разбитым осенним дорогам. Царь был разгневан и отстранил его от командования. Но уже в мае 1701 г. мы видим бесспорный признак возвращения царской милости — Брюса назначили губернатором Новгорода, который тогда был опорным пунктом для русских войск, действовавших в Ингерманландии. Он следил за строительством речных судов на Волхове и Луге, создавал запасы продовольствия и боеприпасов. Главным же объектом его внимания была артиллерия, практически заново создаваемая после «нарвского конфуза» 1700 г. Русские пушкарки сыграли важную роль во взятии Нотебурга, причем Брюс лично командовал батареями. В 1702–1703 гг. он сблизился с Б. П. Шереметевым, и их дружба продолжалась до кончины фельдмаршала. В мае 1703 г. артиллеристы Брюса сказали

свое слово при осаде и взятии Ниеншанца. В 1704 г. петровский любимец успешно провел очень трудную операцию по доставке осадной артиллерии к Нарве, а затем так удачно руководил бомбардировкой крепости, что штурм удалось начать на десятый день осады. Царь, обрадованный этой победой, назначил его первым в истории России генерал-фельдцейхмейстером (начальником всей артиллерии). Тогда это был почти что почетный титул, поскольку не существовало необходимого административного аппарата, что сильно затрудняло работу. Когда пушкарки входили в состав пехотных полков, они получали провиант и денежное жалование в своих частях. В тех же случаях, когда артиллеристы образовывали отдельные структуры, их начальники испытывали все «удовольствия» сотрудничества с отечественными интендантами. Брюсу приходилось отстаивать интересы своих подчиненных, которым из-за неразворотливости снабженцев довелось даже просить милостыню, чтобы не умереть с голоду. В августе 1705 г. он организовал доставку к осажденной Митаве тяжелых орудий, мортир и солидного запаса ядер и бомб, что позволило добиться капитуляции столицы Курляндии одним жесточайшим обстрелом.

Летом 1705 г. Брюс руководил обороной Санкт-Петербурга, когда к устью Невы подошел 8-тысячный корпус генерала Майделя. В ночь на 24 июня на Каменном острове произошел бой, после которого противник отошел на Выборгскую сторону и двинулся в сторону Шлиссельбурга. После нескольких стычек шведы отступили в район Выборга. Летом 1706 г. Майдель предпринял еще одну попытку атаковать Санкт-Петербург, но, не доводя дело до серьезного столкновения, вернулся «в свои пределы».

Однако менее чем через полгода после этого успеха генерал-фельдцейхмейстера ждал тяжелый удар: спешное отступление от Гродно сопровождалось уничтожением артиллерийских запасов и утоплением большого числа пушек. В таком несчастье не было личной вины Брюса, благодаря его усилиям батареи быстро пополнились орудиями и людьми. В июле 1706 г. он получил высокий чин генерал-лейтенанта, а его переписка является неоспоримым свидетельством его прочного положения: у него ищут поддержки князь Н. И. Репнин, боярин П. С. Салтыков и даже Ф. Ю. Ромодановский, одно имя которого многих современников приводило в обморочное состояние. Яков Виллимович, являясь одним из самых доверенных людей Петра I, не раздувался от сени и не наживал себе врагов. Известный историк В. Н. Татищев, служивший некоторое время под его командой, писал: «...будучи у государя в великой милости, никого ни малейшим чем

преобидел, но всякому искал любовь и благодеяние изъяснить». Однако в случае надобности Брюс умел проявить нордическую стойкость характера, особенно если это касалось служебных дел. В 1707 г. он решительно пресек попытки украинского коменданта В. Кормчина занять по отношению к нему «начальственное положение» и игнорировать его распоряжения.

Показателем развития российской артиллерии под руководством Брюса стало взятие сильной крепости Рига только с помощью блокады и сильной бомбардировки. Мощный обстрел склонил к капитуляции 13 июня 1710 г. гарнизон Выборга. Грохот русских пушек был своеобразным «музыкальным оформлением» сдачи и других шведских крепостей в Прибалтике: Динамюнде, Пернова, Аренсбурга, Кексгольма и Ревеля. Все победы 1702–1710 гг. пополнили российский арсенал несколькими сотнями пушек и мортир. В сражении при Калише русская артиллерия проявила себя с самой лучшей стороны, признанием чего стала очень почетная награда — царский портрет, украшенный алмазами.

Как это обычно было в петровскую эпоху, каждый высокопоставленный чиновник занимался не только своим прямым делом, но и выполнял множество разнообразных поручений. В 1706 г., например, Брюс «надзирал» за работой первой гражданской типографии Киприановых. Переписка генерал-фельдцейхмейстера показывает, что тот вникал буквально во все: объяснял, как заготавливать древесину для лафетов, какой вид должно иметь артиллерийское знамя. О конкретности его приказов говорит письмо о подготовке к кампании 1708 г.: «...быть во всякой готовности; провианта иметь на месяц в сухарях, на неделю в котомках; фуража лошадям запасти на месяц же; где лошади падут несмотрением будут взяты из жалования у капитанов и поручиков; фураж везти с квартир на подводах; из кож, которые воле биты, приказать сделать штиблеты для зимнего походу; а из овчин и из козлин, сколько есть, пушкарям и прочим служителям приказать сделать душегрейки». Кроме того, мы находим свидетельства о его основательных знаниях в области геральдики, и о занятиях математикой.

Осенью 1707 г. он назначается главнокомандующим войсковой группировкой в районе Борисова, но при этом не оставляет без внимания своих непосредственных подчиненных и следит за их благополучием. 8 ноября Брюс пишет графу Г. И. Головкину: «Зело, государь, мне слышать печально, что пушкари квартирами забижены тако, что принуждены в тесноте как свиньи лежать. Тако ради прошу вашего превосходительства, да явит милость о них. Пожалуйте, повелите им

хоть малую свободу дать в квартирах, понеже вашему высокоблагородию известно, что в иных государствах оные перед пехотой ранг всегда в квартирах имеют».

В битве под Полтавой русская артиллерия сыграла важнейшую роль в разгроме противника. Об этом свидетельствуют воспоминания шведов: «Пока длилось сражение, мы слышали такую сильную пальбу и грохот пушек, какой нельзя было представить, если бы не слышали его собственными ушами». Писарь Нурсберг отметил, что «метание больших бомб вкупе с летающими гранатами на то похоже было, как если они с небес градом сыпались». У пастора Смоландского полка Ю. Шёмана «...волосы вставали дыбом от грома пушек и картечных орудий залпов». Брюс был награжден орденом Св. Андрея Первозванного и богатыми поместьями. Зная о безоговорочном доверии царя к Брюсу, некоторые обращались к нему с просьбами «похлопотать». Даже Б. П. Шереметев, находившийся на самой вершине властной пирамиды, ценил его как влиятельного посредника между собой и монархом.

В 1711 г. Я. В. Брюсу поручили получение огромной контрибуции г. Данцига, который был опорой С. Лещинского. Дело оказалось очень сложным и не соответствовало «свойствам» генерал-фельдцейхмейстера. Поэтому он (судя по письмам) с огромным облегчением узнал о своем освобождении от дипломатической «вахты» и вновь вступил в командование артиллерией. Дел у него оказалось немало. Прежде всего надо было заставить генералитет с должным уважением относиться к «богу войны». В одном из первых рапортов главнокомандующему Б. П. Шереметеву он писал: «...в немалой печали обретаюсь, что, как стал при артиллерии служить, такого превеликого оскудения и нужды в провианте артиллерийских служителей не видал, из которых иные уже не ели ничего дней по пяти... И не чаю, чтоб могли в такую нужду оные войти, ежели б я сам при них был, но надеюсь, что оным того б не было».

Вместе со всей русской армией Брюс участвовал в Прутском походе 1711 г. Во время сражения артиллерийский огонь нанес туркам огромный урон, что было одной из причин того, что визирь проявил готовность к заключению мира. Во время отступления к своим границам 3 августа 1711 г. царь утвердил Брюса в звании генерал-фельдцейхмейстера и отправил его в Германию для найма на русскую службу офицеров и «разного звания мастеровых». В 1712 г. он вернулся в Россию и получил приказ заняться землеустройством в Рыльском и в Курском уездах.

В 1713 г. Брюс снова в Германии занимается вербовкой специалистов и приобретением картин западных живописцев. Возвращение его в Москву в 1714 г. оказалось малоприятным: вместе с Меншиковым, Шереметевым, Апраксиным и еще рядом высокопоставленных государственных деятелей он оказался под следствием по делу о хищении государственных средств. Их обвиняли в одном из распространенных способов расхищения казны — принятии подрядов под чужим именем. Схема была проста: чиновник через подставное лицо участвовал в торгах (тендере) на поставки провианта, обмундирования, материалов и т. д. для армии, казенных заводов,строек. При этом он сам или его подчиненные решали — кому отдать дорогостоящие заказы, и сам устанавливал цены. Немалые деньги наживались и на приемке товаров, поскольку качество их также оценивал сам изготовитель. Едва ли не главной спецификой российской экономики во времена петровские и позднее было то, что самым большим и жирным пирогом являлся государственный заказ, а дележ этого лакомства — всецело прерогативой чиновников. Разумеется, существовала сложная система торгов (по-современному тендеров и конкурсов), но административное могущество ответственных лиц при отсутствии независимого суда в подавляющем большинстве случаев делало их фикцией. Большинство крупных состояний в сфере промышленности и торговли были созданы в результате масштабных казенных поставок и махинаций вокруг них. Россия, находясь в положении «догоняющей», в жесткой борьбе за право называться великой державой не могла терпеливо ждать, когда отечественные промышленники достигнут в той или иной отрасли такого уровня производства, который удовлетворит потребности. Поэтому государство считало своей обязанностью стимулировать промышленность, используя всю экономическую и административную мощь.

При оценке роли правительства в регулировании экономики нельзя забывать о том, что в России оно считалось всеобщим защитником и заступником. Человек, потерпевший убыток при коммерческой сделке, апеллировал к администрации «как к отцу родному». Патриархальная составляющая в отношениях власти и подданных предполагала тотальную ответственность первой за положение вторых. Если уж нормой было бесцеремонное вмешательство в семейную жизнь, то вступать в споры «хозяйствующих субъектов» сам бог велел. В сознании российского чиновника не могло существовать частной деятельности в принципе. Любое дело — прежде всего служба царю. Крестьянская задача — хлеб растить, солдатская — воевать, купеческая — обогащать державу. А коли

все — *исполнение обязанностей*, то все должно быть регламентировано, и все отступления от регламентов — наказуемы. При этом наблюдалась «игра в одни ворота»: причинение ущерба казне сурово каралось. Если же государство своими действиями кого-то разоряло, то взыскать с короны что-то было совершенно безнадежным делом. На практике это оборачивалось тем, что при заключении контрактов с казной предприниматели закладывали в цену более чем возможные риски. Свою лепту в складывание подобных отношений вносили и российские предприниматели, которые беззастенчиво пользовались продажностью чиновников и правовым нигилизмом, царившим в обществе. Ловкие дельцы на пространстве от Балтики до Байкала устраивали такие аферы, о которых их европейские товарищи по классу не могли и мечтать. А это было уже нетерпимым нарушением *порядка* — краеугольного камня бюрократического, военно-полицейского строя Российской империи. Если же махинация оказывалась по отечественной классификации «из ряда вон», то она сильно возбуждала общество, сетовавшее по уже упоминавшейся привычке на недогляд правительства. Во всяком же волнении умов пугливой власти мерещилось предвестие серьезных социальных потрясений. Таким образом, любое крупномасштабное экономическое преступление автоматически приобретало политический оттенок, и к разбирательству в нем привлекались люди с чистыми руками, горячим сердцем, холодной головой и навыками допросов врагов своего народа и государства. От финансового гения до опасного бунтовщика в России не то что один шаг — одно властное слово. Вообще обман подданных, даже совершенный формально без всяких нарушений письменных законов, признавался аморальным поступком. Гарантом же этических устоев считалось опять все то же государство в лице лиц, облаченных в мундир.

27 декабря 1714 г. был издан указ о том, чтобы «всех губерний и приказов и канцелярий всякого чина люди, кто своим именем, или на имя постороннего подряжался, о всех своих, как о провиантских, так и о других подрядах, какого звания оные и манера ни были, которые поставлены в Адмиралтейство, в Артиллерию и в прочие места... А буде кто такого чина не будь, ведая свои подряды, вскоре не объявит, а после того кто на него в том донесет, и по тому донесению сыщется: и те люди, яко преступники, жестоко будут наказаны, с разорением движимых и недвижимых их имений». Наказанными оказались только петербургский вице-губернатор Корсаков и президент адмиралтейств-коллегии Кикин. Остальные были прощены и в знак примирения были приглашены к царскому столу.

В 1718 г. Брюса назначили руководителем российской делегации на мирных переговорах со Швецией, которые проходили на Аландских островах. Хотя большую часть переговоров проводил А. И. Остерман, имевший навыки дипломатической работы, генерал-фельдцейхмейстер обладал главным ресурсом отечественного государственного деятеля — неограниченным царским доверием. Это позволяло ему, не навлекая на себя никаких подозрений, являться одновременно и доверенным лицом царевича Алексея Петровича, который был крестным отцом его сына. В то время в Европе рассматривали процесс царевича как проявление глубокого кризиса в российских верхах и даже надеялись на государственный переворот, который вернет страну на «допетровский» путь развития. Подобные расчеты являлись важной причиной затягивания переговоров шведской стороной. Переубедить их в этом мог только Брюс, все знали о близости его к умершему цесаревичу (или убитому, к чему склоняются историки).

Незадолго до начала мирных переговоров в Ништадте 18 февраля 1721 г. Брюс получил титул графа. Будучи специалистом в области геральдики, он сам принял участие в составлении родового герба. На нем в символической форме представлены как шотландские корни графа, так и его деятельность в России. На гербе мы видим девиз шотландских Брюсов «Fumius», что в переводе с латинского означает «мы были»; рыцарский шлем, английскую корону, три нитки жемчуга (знак титула европейского барона), головы орлов с коронами (принадлежность к королевской фамилии Брюсов). По диагонали щит пересекает изображение крепостной стены с летящими через нее ядрами, что символизировало должность генерал-фельдцейхмейстера и генерал-директора всех крепостей России. Две зеленые дуги предположительно означают дипломатическую деятельность Брюса, а венчающая герб рука с маршальским жезлом — ратные заслуги. Щит с двух сторон поддерживали Лев (символ силы) и Белый Единорог (символ чистоты и непобедимости). На гербе присутствует и цепь кавалера ордена Св. Андрея Первозванного с его девизом «За веру и верность».

В 1718 г. Брюс, «поелику большую ученость и опытность показал», был назначен президентом Берг- и Мануфактур-коллегии и включен в состав Правительствующего Сената. Это был очень ответственный участок работы, поскольку от скорейшего развития отечественной промышленности зависело не только благосостояние страны, но и поддержание на необходимом уровне ее военного потенциала. Внедрение современных для той эпохи технологий в металлургии,

сельском хозяйстве, прядильно-ткацком и химическом производстве, в строительстве и транспорте требовали значительных правительственных усилий, поскольку новшества встречали на своем пути разного рода социокультурные препятствия. Одним из таких препятствий была традиция производства, доставшаяся с «дедовских» времен, мощная в силу своей «укорененности». Поэтому всякими материальными стимулами и угрозами вплоть до конфискации имущества и смертной казни правительство внедряло новые типы речных судов, сельскохозяйственных орудий и строительных инструментов. Справедливости ради следует заметить, что немало заграничных новшеств, кнутом (в основном) и пряником внедряемых, действительно оказывались малопригодными в российских условиях. Голландские мастера, руководившие строительством Вышневолоцкой водной системы, не учли особый гидрологический режим русских рек (мощные весенние паводки и резкое обмеление летом). Шлюзы были рассчитаны на одиночную проводку судов, а не на движение караванов. Уже через десять лет эксплуатации все сооружения оказались в плачевном состоянии: в двух шлюзах на реке Цне из-за аварии не было ворот, и они запирались досками с уплотнением из рогожи, соломы и навоза. Проводка судов в первые годы эксплуатации системы сопровождалась большим числом «конфузов»: несколько морских судов, построенных в Казани, так и сгнили в Твери, не дождавшись возможности прохода в Неву. Большая партия корабельного леса, отправленная с Волги на Петербургские верфи в 1718 г., несмотря на героические усилия судоводителей, осталась зимовать в дороге. Выручил русский самородок (калмык по национальности) М. И. Сердюков, нашедший способ устранения пороков. В 1721 г. была построена плотина на реке Шлине, которая позволила создать водохранилище, питавшее водой систему в межень. В 1720 г. пропустили 1335 судов, а в 1721 г. — 2339 судов. Кроме технических проблем, существовали и правовые. Сердюков жаловался в Сенат: «Проезжие на судах разных чинов люди безвременно, каждый для себя, не дожидаясь других судов, принуждают для пропуска их судов отпирать шлюзы сильно, и людей и приказчиков бьют, и суды вводят в канал лошадьми сильно ж и всякий помет бросают...»

Известно несколько указов, содержавших требование отказаться от строительства плоскодонных барок и о замене их килевыми судами «немецкого маниру». Технические характеристики иноземных конструкций действительно были на порядок выше и вели к значительной экономии материалов. Но их постройка требовала

устройства специальных стапелей, тогда как на Руси издавна барки изготавливали на участках, заливаемых внешними водами, которые и «поднимали» корпуса. Стапеля, возведенные на таком месте, неминуемо становились жертвой весеннего половодья, сопровождавшегося сильным ледоходом. Отодвигание их на безопасное место таило опасность того, что при недостаточном разливе (что бывало нередко) построенный корабль мог остаться на берегу. Список таких «нестыковых» может быть гораздо длиннее.

Брюс был разработчиком Берг-привилегии (1719), которая способствовала развитию горного дела в России. Этот документ провозглашал, что «всем и каждому дается воля, какого бы чина и достоинства не был: во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы; сиречь золото, серебро, медь, олово, свинец, железо; так же и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок потребные земли и каменья, к чему каждой толико промышленников принять может, колик тот завод и к тому подобное иждивение востребует». Берг-коллегия обещала выдачу жалованных грамот на отвод участков под рудники и предприятия, а также финансовую помощь. В 1720 г. в ведомство Брюса передали Петербургский монетный двор, что было связано с подготовкой денежной реформы, важной частью которой было увеличение значения медной монеты.

В 1725 г. генерал-фельдцейхмейстер сослужил своему монарху последнюю службу: в звании верховного обер-маршала погребальной комиссии организовал церемонию похорон Петра Великого. Он также выступил за то, чтобы преемницей усопшего царя на троне стала его вдова Екатерина. Но во время ее царствования мы уже не видим Брюса в числе самых видных и активных государственных деятелей. Он оказался вне Верховного тайного совета, который осуществлял реальное управление страной, у него были непростые отношения с набиравшим силу А. Н. Остерманом, разладилась бывшая дружба с А. Д. Меншиковым. Большую роль играли и личные качества графа — отсутствие интриганства и миролюбие. При жизни Петра I он легко мог уклоняться от участия в борьбе придворных группировок, поскольку последнее слово во всех делах принадлежало всесильному монарху. При Екатерине «нейтралитет» был делом очень опасным, поскольку стало действовать правило: «если не с нами, то против нас». Брюс добился получения от императрицы жалованной грамоты, подтверждавшей его заслуги и фактически гарантировавшей ему неприкосновенность в том случае, если бы его недруги попытались

каким-то образом ему отомстить. 6 июля 1726 г. он вышел в отставку с чином генерал-фельдмаршала и поселился в имении Глинка, построив здесь великолепный усадебный комплекс, состоявший из множества построек и парка.

После смерти Брюса о нем ходило множество легенд, а его усадьба вызывала суеверный страх у окрестных жителей. Частью его наследства является собрание книг и рукописей, в том числе и написанных им самим. Он оборудовал астрономическую обсерваторию, некоторое оборудование которой изготовил своими руками. Внимание Брюса к небесным светилам, а также оккультно-мистическим учениям (о чем свидетельствует множество книг из его собрания), вероятно, и стало главной основой того, что его считали чернокнижником. Это представление, наряду с действительными инженерными познаниями графа, породило миф о том, что он будто бы летом представил изумленным гостям покрытый льдом пруд и предложил покататься на коньках. Хотя такой фокус был технически возможен (за счет консервации льда, заготовленного в марте–апреле), современные исследователи сходятся во мнении о том, что этот рассказ не соответствует действительности. Для такого эффектного «действия» требовался каскад из трех прудов, а на территории усадьбы в XVIII в. был только один. Имя петровского сподвижника носит и одно из изданий Петровской эпохи — т. н. «Брюсов календарь», одна из популярнейших книг XVIII и начала XIX в. Скончался Брюс 19 апреля 1735 г. и похоронен в Москве на кладбище той самой Немецкой слободы, где он появился на свет.

Александр Данилович Меншиков назван в поэме «Полтава» «полудержавным властелином». Монархические системы правления создают условия для того, чтобы рядом с главой государства находился человек, слово которого имело вес, схожий с весом слова царского. Место Меншикова в политической жизни России объясняется особым статусом «порученцев» главы государства, который, не имея в своем распоряжении достаточно эффективного и структурированного административного аппарата, был вынужден наделять своих доверенных лиц чрезвычайными полномочиями. До того как перейти к оценке полководческих способностей князя, необходимо учесть, что, кроме командования полками, он выполнял множество заданий царя. Он сопровождал царя в путешествиях в Архангельск (1693–1694), в Великом посольстве (1697–1698), в плавании Азовского флота к Керчи (1699). Руководил строительством Санкт-Петербурга, Петропавловской крепости и был ее первым комендантом. Меншиков

основал Петровский железоделательный завод, положивший начало городу Петрозаводску. Занимался сооружением крепости Кроншлот и военного порта в Ревеле, заложил верфь в Лодейном Поле, наблюдал за строительством первых кораблей Балтийского флота, активно участвовал в следственном деле царевича Алексея (1718). Среди деяний Меншикова остаются недооцененными его усилия по организации различных торжеств, занимавших центральное место в формировании имиджа новой России, в политической и культурной жизни страны. Масштабные церемонии и празднества считались важными государственными мероприятиями, а их организаторы автоматически приобретали значительный вес в правящих кругах. Высокопоставленные «сценаристы» во многом определяли место вельмож в шествиях и, тем самым, демонстрировали их административную значимость. Кроме того, руководство подготовкой торжеств открывало светлейшему доступ к значительным финансовым ресурсам. Он организовал триумфальную встречу в Петербурге участников победного сражения со шведским флотом у мыса Гангут (1714), многодневные празднества в связи с окончанием Северной войны (1721), торжественное представление Балтийскому флоту знаменитого петровского ботика — «дедушки русского флота» (1723), коронацию Екатерины I. Как президент Военной коллегии (1717–1723 и 1726–1727) Меншиков получил дополнительный властный рычаг в связи с огромной ролью вооруженных сил в экономической и политической жизни страны. Памятуя о роли Преображенского и Семёновского полков в политике и администрации, князь сформировал Ингерманландский пехотный полк, служивший его личной гвардией. Меншиков был главным действующим лицом при возведении на престол Екатерины I и во время ее царствования (1726–1727) являлся фактически полноправным правителем страны. Некоторое время после смерти Петра I противовесом всевластию Меншикова служил Верховный совет, но затем он сумел и в этом органе государственного управления занять доминирующее положение. Благодаря навыкам придворной борьбы Меншиков организовал возведение на престол Петра II, но переоценил свое влияние на молодого царя, с которым успел обручить свою дочь. Представители родовитой аристократии во главе с Долгорукими и Голицыными сумели путем интриг добиться опалы Меншикова, который в 1727 г. был лишен всех богатств и чинов, сослан сначала в Раненбург, а затем в Березов (1728), где и умер (1729). Характерный для того времени способ накопления с помощью приобретения ценных предметов, а также статусное значение

произведений декоративно-прикладного искусства стали причиной формирования знаменитых меншиковских коллекций (серебряная посуда, фарфор, украшения, часы, табакерки, оружие). Собрания картин и гравюр, старинных монет, инструментов и приборов также представляли огромную материальную, художественную и культурную ценность.

Этот птенец «гнезда Петрова» с первых до последних дней своей службы отличался невероятной прожорливостью. Даже в коррумпированной среде чиновничества Меншиков выделялся масштабами злоупотребления властью. Его казнокрадство, взяточничество и другие незаконные способы обогащения стали поистине легендарными, особенно на фоне того, что его богатство и без того было значительным, благодаря щедрым пожалованиям и успешному предпринимательству. Самой «знаменитой» финансовой авантюрой Меншикова можно считать его продажу взятой шведской крепости прусскому королю за миллион талеров, тогда как по условиям русско-датско-прусского договора она должна была перейти в руки короля Дании. Меншиков не брезговал даже ростовщицеством, назначая при этом огромные проценты. Еще одним способом обогащения были дорогие подарки, с помощью которых «просители» добивались расположения всесильного вельможи. Многие из военной добычи доставалось Меншикову по праву победителя, что считалось в XVIII в. юридической и моральной нормой. После разгрома г. Батурина — резиденции И. Мазепы, он лично руководил поисками гетманских богатств, из которых сумел урвать свою долю (28 бочонков серебряной монеты, 150 соболей, драгоценные ковры, серебряная посуда и оружие, украшенное «каменьями», и т. д.). После Полтавы в руки светлейшего перешли огромные поместья Мазепы, после чего Меншиков стал самым крупным землевладельцем тогдашней России. К концу своего величия он вошел и в круг крупных промышленников России — владел несколькими лесопилками, каменоломнями, кирпичными и стекольными заводами. Несколько раз он оказывался под следствием, в 1715 и 1719 гг. возвращал в казну суммы, присвоенные при закупках казенного провианта, а в 1723 г. ему пришлось отказаться от незаконно захваченных земельных угодий на Украине.

Светлейший запускал в казну не только свои руки, но и руки своих подчиненных, которые, разумеется, делились «добычей» со своим патроном. Одним из таких был полковник И. Писарев. При этом хищения осуществлялись даже в делах, пользовавшихся особым вниманием монарха. После открытия Вышневолоцкой системы в 1708 г.

выяснилось, что речные суда подвергаются на Ладожском озере такой опасности от жестокой ладожской волны, что подрядчики в договорах снимали с себя ответственность за казенный груз на этом отрезке пути из Волги в Неву. Купец Козляинов, взявшийся доставить пушки с уральских заводов в Кронштадт, указал в контракте: «...ежели на Ладожском озере случится ему остановка за противным ветром или учинится на оном от погоды артиллерии какая гибель и того в вину ему не ставить и на нем не взыскивать». В 1718 и 1719 гг. на Ладоге погибло столько судов с провиантом, что это привело к «неумеренному» возвышению цен на хлеб в Петербурге. Петр I 22 марта 1719 г. лично вынул три тачки земли из будущего канала, соединявшего устье реки Волхов с истоком Невы возле Шлиссельбурга. По проекции Меншикова руководить строительством поручили Писареву. Через три года обнаружилась фантастическая картина вопиющего казнокрадства, дикого невежества, шокирующего головотяпства и поразительного презрения к ценности человеческой жизни. Землекопы голодали, мерзли в наспех построенных землянках и бараках. Лиц, прибывающих на стройку, ужасали ряды могильных крестов, протянувшихся по берегу канала. Ошибки в проектировании и трассировке привели к тому, что после расхода огромных сумм и гибели тысяч людей было кое-как проложено только 12 верст из запланированных 40. В 1722 г. Петр I лично осмотрел строительство и отстранил Писарева от дел. От плахи проворовавшегося начальника спасло лишь покровительство Петербургского генерал-губернатора.

Если при жизни ему приходилось испытывать конкуренцию со стороны других соратников царя-реформатора, то в коллективной памяти российского общества Меншиков — абсолютный лидер. Его биография — наглядный пример торжества личных способностей над социальными барьерами. Никто из авторов, оставивших свидетельства о нем, не покупал у будущего генералиссимуса пирожки, но эта выпечка стала символом карьерного взлета при любом отношении — критическом или похвальном. Легендарность Меншикову придавали не только особенности его характера. Человек, в течение четверти века занимавший важнейшие посты в машине власти, не оставил после себя ни одного документа, лично им написанного, что породило споры о его грамотности. При этом он добился у президента Британской академии И. Ньютона звания почетного академика. Головокружительный взлет на вершину власти и столь же стремительное падение, смерть в глухой Сибири — даже могила не сохранилась! Меншиков стал неотъемлемой частью петровского мифа и

петербургского фольклора. В 1715 г. было принято решение о формировании на стрелке Васильевского острова городского центра. Здание Двенадцати коллегий должно было оформить западную границу обширной площади. Однако затем градостроительные программы изменились, и архитектурный шедевр Д. Трезини, в отличие от других особняков, развернутых парадными фасадами на Неву, выходил на реку только своей узкой боковой частью. Наблюдательные петербуржцы, не знавшие подоплеку такого развития событий, связали необычное пространственное решение с характером первого хозяина города, который свои интересы часто ставил выше государственных. Родилась легенда, согласно которой Петр I пообещал своему соратнику тот участок берега, который останется свободным после строительства Двенадцати коллегий. Меншиков будто бы сообразил, что при «фронтальном» расположении этого здания для высших правительственных учреждений его доля окажется слишком маленькой, и потому пошел на хитрость — поставил здание боком к Неве. Правдоподобность этой легенде придавало то, что неподалеку действительно располагался дворец «светлейшего», который после своей постройки в 1711 г. непрерывно обновлялся, что создавало иллюзию с одновременным возведением здания Двенадцати коллегий.

Ни один из «птенцов гнезда Петрова» при формировании его образа в коллективном историческом сознании не пострадал так сильно от стереотипов, как Меншиков. Он выписан жуликоватым, но бойким и смышленным народным самородком, типичным продуктом петровской системы личной выслуги. Можно предположить, что этому способствовала «незащищенность» этого деятеля от соэволюции историков и литераторов. Потомки князя в XVIII — первой половине XIX в. не были влиятельными людьми, а второй «по известности» Меншиков — Александр Сергеевич (правнук), руководивший Морским ведомством при Николае I, вообще был признан в русском обществе «губителем державы» во время Крымской войны 1853–1856 гг. Из всех «птенцов гнезда Петрова» Меншиков в коллективной памяти России занимает самое заметное место. Он — персонаж петербургского фольклора, литературных, драматургических и кинематографических произведений о петровской эпохе. В советское время Меншикова оценивали по персонажу фильма С. Эйзенштейна «Петр Первый», где М. Жаров показал его «по своему видению». Экскурсоводы Гатчинского дворца-музея, где экспонируется портрет А. Д. Меншикова, рассказывали, что посетители часто говорят, глядя на полотно: «Совсем не похож!».

Глубокую характеристику Меншикову дал А. И. Заозерский: «Он пришел к Петру, не имея за собой никаких традиций, можно сказать, никакого прошлого — ни социального, ни культурного, с одной только исключительной по степени и разнообразию восприимчивостью и потому оказался способным целиком, без всяких оговорок и задних мыслей, входить в интересы и намерения Петра. Он мог не только быстро и верно схватывать мысли Петра, но и угадывать их, а в то же время благодаря талантливости и энергии умел и осуществить их с такой точностью, как никто другой. Таким образом, в практической жизни он являлся в собственном смысле *alter ego* Петра при концентрации реальной государственной власти в руках Петра, замещающая его во всяких делах и отношениях и пользуясь долгое время его неограниченным доверием. Это делегирование власти случайному человеку, стоявшему вне системы родовых отношений, сообщало наряду с другими моментами самому самодержавию демократический отпечаток, а с другой стороны, оно поднимало Меншикова на недосягаемую для подданного высоту».

Все вышесказанное о князе Меншикове должно служить своеобразным фоном для его портрета как военачальника. Ни один из генералов русской армии не имел столько «дополнительных» поручений, как наш герой. Ни одну генеральскую биографию не исказили с такой силой особенности отечественного мифотворчества: «Алексахка Данилыч» в коллективном историческом сознании никак не хотел превращаться в монументальную величественную фигуру, достойную увековечивания в бронзе.

Военный историк А. З. Мышлаевский дал Меншикову следующую характеристику: «Человек „без предков“, без фамильных традиций, карьерист чистой воды, занятый исключительно своей особой „любопытствия“ непомерного, которое впоследствии „не полагало предела замыслам, до простирая видов своих выше состояния подданнического“, поощряемый удачей, угодничеством, лестью и самообожанием, он был способен многое поставить на карту, а в том числе и судьбу армии. Но вместе с тем, кн. Меншиков среди сподвижников царя являл собой также и единственное лицо с бесспорно военным талантом, широким глазомером, инициативой и способностью многое взять на свою ответственность... Даже во время личного присутствия царя в армии кн. Меншиков имел большое влияние на ход действий; в отсутствие Петра влияние это должно было только увеличиваться».

Меншиков, так же как и сам царь Петр I, «поел солдатской каши» в составе потешных войск, также как и его монарх, досконально знал все

тонкости солдатского быта и ремесла. Его неумная энергия и находчивость помогали решать сложные вопросы снабжения войск. Об этом писал царю Б. П. Шереметев, докладывая о подготовке к кампании 1702 г. Меншиков проявлял оперативность и неусыпный контроль при организации кораблестроения на Лодейнопольской и Олонецкой верфях, при производстве парусины и канатов. В марте 1703 г. он провел дерзкую «диверсию» в районе Ниеншанца, «убавив» гарнизон этой крепости на 200 солдат. При штурме Нотебурга он проявил личную отвагу и инициативу, вовремя подойдя с подкреплением. 7 мая 1703 г. он вместе с царем взял на абордаж два шведских корабля. 8 июня того же года, опять рядом с Петром I, он бился со шведами под командованием генерала Крониорта на р. Сестра. Во время второй осады Нарвы Меншиков командовал отрядом, который, изображая приближавшихся шведов, сумел выманить из города часть гарнизона и нанести тем самым чувствительный вред осажденным.

В 1704 г. «Данилыч» настолько вошел в силу, что с ним, как с самим царем, стали советоваться высшие военачальники. Зная вспыльчивость монарха, Меншиков, тем не менее, нередко оппонировал ему на военных советах и вообще в вопросах ратного дела, если видел, что высочайшее мнение не такое уж и богоданное. Так, в 1705 г. он выступил против разделения армии на пехоту и кавалерию под командованием разных лиц, поскольку это могло помешать координации действий. Однако его сопротивление смягчилось, когда ему присвоили первый в русской армии чин генерала-от-кавалерии, что означало право командовать всеми конными войсками России. Незадолго до этого радостного события он доказал свою способность производить дерзкие и действенные выпады: конный корпус под его командой разорил окрестности Варшавы и нанес войскам противника существенный урон.

О роли Меншикова в 1708 г. в одном из своих посланий английский посол Ч. Уитворт писал, что он «...второй по рангу [после Б. П. Шереметева. — *В. Л.*], но первый по значению. Его влияние на гражданские и военные дела равно безгранично, так как царь обыкновенно следует его решениям, подчас даже вопреки собственному мнению». Английский посол Витворт так характеризовал его воинские достоинства: «Князь Александр Меншиков, командующий кавалерией, второй по рангу, но первый по значению... Для военного дела он не обладает ни знанием или опытностью, ни способностью научиться чему-нибудь, ни храбростью в деле, что ясно выразилось в недавнем беспорядочном отступлении от Вислы к Днепру...»

Между Меншиковым и Огильви отношения окончательно испортились в конце 1705 г. «Данилыч» увидел, что хваленый австрийский генерал чудес не совершил, своей «партии» среди командиров не сформировал и, самое главное, не стал доверенным лицом монарха, а именно такое доверие являлось в России главным ресурсом любого деятеля. Кроме того, особенностью личности Меншикова было то, что свои действительные достоинства он преумножал огромным самомнением. Военные удачи 1701–1704 гг. привели его к заключению о способности командовать армиями, и он стал интриговать против «цесарца». Огильви жаловался Петру I: «...Указы мои мало или весьма не слушают, каждый чинит, что хочет, по изволению своему...» Он просил царя приструнить Меншикова, чтобы тот «впредь никаких указов, пока я команду имею, ни к войску, ни к гарнизонам не посылал». Но сам царь нередко вносил дезорганизацию в работу управления армией, поскольку посылал прямые распоряжения отдельным командирам, минуя вышестоящих начальников.

Разумеется, в таком сложном деле, как руководство войсками, действующими против армии Карла XII, не могло не быть огрехов, в том числе и весьма существенных. А. Д. Меншиков проигнорировал сообщения «дружественных» поляков о переходе Карла XII в наступление в январе 1706 г. и не организовал глубокой разведки. В результате шведы не только неожиданно для русских появились возле Гродно, но и сумели отрезать группировку самого «светлейшего» от главных сил. Этот промах выглядит тем более рельефным потому, что в письмах царю князь постоянно уверял, будто он «держит руку на пульсе», имеет полное представление о всех передвижениях противника. Гродно был выбран как место сосредоточения и зимовки русской армии по настоянию Меншикова, несмотря на то, что Огильви считал это пункт неудобным для этих целей. Несмотря на то, что вокруг города рыскали шведские разъезды, князь сумел выехать навстречу царю, который хотел из первых рук узнать о ситуации, сложившейся возле Гродно. После получения известия о разгроме у Фрауэнштадта 2 февраля 1706 г. армии Августа II, на помощь которой рассчитывали русские, положение войск, блокированных в Гродно, стало все более и более угрожающим. Меншиков прибыл к армии на четвертый день ее марша к своим границам, решительно взяв управление войсками в свои руки. Он фактически устранил Огильви от дел, даже решился задержать донесения австрийского полководца царю. Он писал с характерным для него «нахальством»: «...я рассудил фельдмаршаловых писем до вашей милости не посылать — в них нужды никакой нет:

писано плодисто об одном выходе из Гродно. Когда увижусь с вашей милостью, сам их вручу».

Меншикову удалось довести армию до Киева в относительном порядке. На Украине, где было достаточно провианта и большие запасы амуниции, полки отдохнули, пополнились, привели в порядок обмундирование и вооружение. Во всем этом была большая личная заслуга князя, который оперативно и со знанием дела решал вопросы снабжения. Осенью 1706 г. его армия начала движение в западном направлении, соблюдая осторожность, поскольку не имелось достоверных сведений о расположении противника. 18 октября был разбит наголову корпус генерала Мардфельда, после чего русские войска отошли к местечку Жолква, где расположились на зимних квартирах.

Во время похода Карла XII в Россию Меншиков в целом успешно претворял в жизнь генеральный план кампании: изнурять противника мелкими ударами, избегая по возможности генерального сражения до того момента, когда будет уверенность в успехе. Меншиков вместе с Петром I командовал войсками при Лесной, причем опять не раз проявлял личную храбрость. Один из современников барон Гизен записал в своем журнале: «...его светлость князь Меншиков купно с прочими генералами и офицерами, каждый свою должность зело исправляли и свою храбрость и мудрый привод при том показали». В 1708 г. за его подписью выходит один из первых российских военных уставов — «Инструкция во время воинского похода», где основное внимание обращалось на соблюдение строгой дисциплины как в сражении, так и на марше. Нарушение субординации, мародерство, вандализм, трусость, оставление строя для выноса раненых, а также беспорядочная стрельба и «варварский» крик во время боя карались смертной казнью. Войскам приказывалось расстреливать пушечным и ружейным огнем отступающие части.

События зимы 1708/1709 г. показали, что царский фаворит извлек уроки из «Гродненской истории». Он не только занимался укреплением городка Ахтырка, игравшего важную роль в системе «фортеций», преграждавших путь шведам на Москву и в Слободскую Украину. За противником было установлено неусыпное наблюдение, во избежание повторения ситуации, когда неприятель неожиданно оказывался на расстоянии пушечного выстрела. Разъезды и дозорные отряды своевременно доставляли сведения о всех передвижениях шведов.

Во время осады Полтавы природная предприимчивость «Данилыча» проявлялась в организации разного рода «диверсий», большинство из которых имели существенное значение для хода боевых

действий. По его предложению (приказу) был осуществлен дерзкий прорыв в осажденный город отряда А. Ф. Головина (женатого на родной сестре князя). Возможно, храбрый офицер, попав в плен во время вылазки (убитая лошадь придавила седока), «неосторожно себя повел и хотел уйти, за что посажен в клетку с ругательством». Своего зятя князь выручил при сдаче шведов у Переволочны, когда было освобождено несколько десятков русских пленных.

Трудно сказать, оказывал ли сам «светлейший» какое-либо влияние на содержание и характер публикаций в «Ведомостях», но этот печатный орган петровского времени сыграл важную роль в формировании образа Меншикова как великого полководца. Все, кто следил за событиями, раз за разом встречали его имя в сообщениях о победах русского оружия, о передвижениях войск и т. д. После виктории под Калишем был напечатан «триумф русской музыки» — стихи на польском языке, в которых князь назван одним из величайших полководцев современности. «Ведомости» от 12 сентября 1706 г. сообщали: «Сиятельнейший князь господин Меншиков с казаками и русской конницей в 20 тысяч в Полонне стоял и разостлал листы, дабы к нему запас везли. Мазепа всею своею силою и московское войско за Днепром стоят, и куда подвинутся, на том месте великий страх и ужас, понеже шляхту за Лубаном [г. Лубны. — В. Л.], также из иных мест в заключение засаживают». В номере от 24 июня 1707 г. сообщалось о том, что царь после смотра остался доволен состоянием кавалерии, находившейся под командованием Меншикова. В конце 1707 г. «Ведомости» писали о переходе магната Смигельского на сторону русских, а уже в следующем номере — о его измене и о награде за его задержание: «Кто Смигельского живого приведет, тому дано будет 50000 ефимков, а кто кожу его принесет, тому 20000 ефимков». Чтение газеты за первую половину 1708 г. также дает представление об исключительной военной активности царского любимца и о череде его больших и малых побед над шведами.

Феофан Прокопович сочинил «похвальное слово» Меншикову, называя его «русским Гефестионом», сравнивая его с Александром Невским, в честь которого он был назван. Когда в Москве устанавливались триумфальные ворота, через которые торжественным маршем проходили войска, победившие под Полтавой, одно из семи таких сооружений было поставлено перед домом князя. Было даже издано описание этих ворот, причем оно имеет много общего с другой книгой, выпущенной в 1709 г. под названием «Политиколепная Апофеосис», где прославлялись подвиги Петра I. Многочисленные публика-

ции о военных действиях, связанные с именем Меншикова в 1709 г., способствовали подтверждению его значимости как полководца. В мае–июне 1713 г. россияне узнавали об успехах князя при осаде немецкого города Теннингена, который капитулировал 9 мая, а осенью того же года — о боях войск Меншикова в Померании. В 1714 г. газета дала знать о том, что взятие крепости Нейшлот в Финляндии также не обошлось без нашего героя. В 1716–1720 гг. князь военными отрядами уже не руководил, но в «Ведомостях» печатались письма, отправленные к нему другими государственными деятелями, что создавало впечатление об его сопричастности к событиям продолжавшейся Северной войны.

При описании деятельности А. Д. Меншикова в период Северной войны нельзя обойти вниманием его отношения с И. Мазепой. Исторические источники позволяют судить, что между ними в 1701 г. начинается регулярная переписка, а в 1704 г. гетман отправляет этому царскому любимцу регулярные донесения, не уступающие по своей содержательности тем, которые получал глава Посольского приказа Ф. А. Головин. Можно предположить, что, будучи искушенным интриганом, Мазепа искал «канал связи» с монархом, минуя ведомство, которое по своему статусу должно было ведать отношениями с Малороссией. Об этом говорят и дорогие подарки, которые должны были благотворно действовать на жадного князя. Однако под внешними формами доброжелательства с обеих сторон таилась столь же взаимная неприязнь. Гетман знал о том, что Меншиков предлагал царю радикально реформировать административное устройство гетманщины, что он мечтает стать владельцем «Черниговского княжества». Когда князь еще видел в гетмане равного себе, он «устроил» сватовство своей сестры за племянника Мазепы А. Войнаровского, но потом, многократно повысив себя в своих собственных глазах, посчитал такую партию недостаточно почетной. Для гетмана это был сильнейший удар по самолюбию.

Следующий этап их личной вражды можно отсчитывать со времени царского визита в Киев в 1706 г. Меншиков, проведя предварительный осмотр городских укреплений, сумел убедить Петра в их слабости и в необходимости строить новую крепость на месте Печерского монастыря. Саму же «мать городов русских» решили в случае прихода шведов не защищать. С военной точки зрения такое решение имело свои резоны, но как это можно было объяснить жителям Украины? Какой удар это наносило по авторитету гетмана? Об этом, разумеется, никто в российском стане не думал. Более того, этот

шаг вполне может рассматриваться как еще одно движение в сторону ограничения власти гетмана. Когда царь приказал Мазепе во время похода на Волынь подчиняться Меншикову, старый гетман был оскорблен не только подчинением худородному выскочке. Он имел все основания полагать, что этот поход вообще не имел никакого военного смысла, а служил только для удовлетворения княжеской спеси. Во время приема, устроенного Мазепой в честь приезда царя в Киев, изрядно выпивший Меншиков стал в присутствии казачьих старшин говорить гетману, что «пора браться за этих врагов», и что только так он сможет доказать свою верность государю и «остаться в памяти». Всем стало ясно, что планы ликвидации гетманщины уже бродят в головах руководителей государства. В 1707 г. от слов перешли к делу. Киев и еще несколько украинских городов изымались из ведения Посольского приказа и передавались приказу Разрядному, ведавшему служилыми людьми. Это был ясный сигнал: часть территории Малороссии перестает рассматриваться как автономная и получает статус обычной русской провинции. Одновременно проводилось реформирование казачьих полков, которое также подрывало сложившуюся в крае административную систему. Именно эти перемены назвал Мазепа и его сторонники причиной перехода на сторону шведов. На военном совете в Жолтве гетман узнал о том, что российское командование решило и на Украине применить тактику «выжженной земли» для противодействия Карлу XII. В том же 1707 г. Меншиков нанес еще один тяжелый удар по самолюбию Мазепы, отдав приказ выступить в поход командиру наемного полка Танскому (подчиненного гетману и содержавшегося за его счет). По описаниям Ф. Орлика, Мазепа кричал: «Разве может быть большее поругание, посмеяние и унижение моей персоне, чем это! Каждый день князь Александр Данилович со мной видится, каждый час со мной совещается и, не сказав мне ни единого слова, без моего ведома и согласия посылает приказы людям моего регимента! И кто же выдаст Танскому без моего указа месячные деньги и провиант, и как он может без воли моей идти куда-нибудь с полком своим, которому я плачу? А если б пошел, то я б его велел, как пса, расстрелять. Боже мой, ты видишь мою обиду и унижение!»

Но до открытого конфликта дело не доходило, поскольку князь был «в большой силе». Мазепа пользовался его жадностью и славоблием — делал дорогие подарки, в письмах не стеснялся употреблять самые льстивые выражения. Меншиков же, при всей твердости своего намерения урезать автономию Малороссии, не считал время

подходящим для столь решительных шагов. Он встал на сторону гетмана в деле Кочубея, получив в благодарность 1000 дукатов и шесть больших серебряных сосудов.

Когда стало известно об измене Мазепы, Меншиков во главе большого отряда подошел к Батурину, где был сильный гарнизон, запасы боеприпасов, оружия и большие материальные ценности. 2 ноября после двухчасового штурма остатки гарнизона были перебиты вместе с укрывавшимися в нем жителями. Все имущество было разграблено, а здания сожжены.

Петра I не устраивал «темп» боевых действий русских войск в Германии в 1710–1711 гг., и для его «оживления» в марте 1712 г. он послал туда своего любимца. Князь, потратив много сил на обеспечение армии продовольствием, осадил шведские крепости Штеттин и Штральзунд на Балтийском побережье. Но датчане, фактически саботируя выполнение союзнических обязательств, не обеспечили объединенный корпус осадной артиллерией, без которой штурмовать сильные оборонительные сооружения оказалось невозможным. В 1712 г. датско-саксонские войска, несмотря на предложение царя дожидаться подхода русских полков, приняли сражение с генералом Стенбоком и потерпели сокрушительное поражение. В 1713 г. русские войска под командованием Меншикова заперли шведов в Фридрихштадте, подойти к которому можно было только по двум дамбам. Однако это не смутило войска, уже не трепетавшие перед некогда грозным противником. Когда неприятель увидел, что по обеим дамбам движутся атакующие колонны, он стал поспешно отступать к крепости Тоннинг. Догнать его оказалось невозможным из-за вязкой почвы: «...не только со всех солдат обувь стащило, но и у многих лошадей подковы выдрало». Осаду этой крепости царь также поручил Меншикову, а сам уехал в Россию. Несмотря на саботаж со стороны союзников, князю удалось принудить Стенбока к безоговорочной капитуляции. В плену оказалось около 12000 шведских солдат и офицеров — последняя крупная группировка противника, действовавшая в южной Прибалтике и Польше. Во время пребывания в Северной Германии Меншикову пришлось действовать в сложной военно-стратегической и дипломатической обстановке, поскольку отношения между союзниками были очень запутанные. Поскольку самому царю из-за сложностей с доставкой своевременных известий было трудно руководить делами на этом участке военных действий, он доверил решение проблем самому главнокомандующему. Меншиков решил спор о взятом городе Штеттине в пользу Пруссии, как говорили тогда многие — «не

без корысти». Все это вызвало гнев датского короля Фредерика VI, но Петр, пойдя на уступки и отговорившись тем, что Меншиков превысил свои полномочия, большинство действий своего любимца одобрил (в том числе и передачу Штеттина Пруссии).

Н. И. Павленко так оценил полководческую деятельность Меншикова на этом этапе Северной войны: «Пребывание Меншикова в Померании свидетельствует о том, что князь чувствовал себя куда увереннее на поле брани, чем за столом переговоров, где ему было трудновато ориентироваться в хитросплетениях и интригах союзников, с легкостью необычайной отказывавшихся от только что достигнутых соглашений и проявлявших завидную изобретательность в изыскании поводов для проволочек».

После осады Штеттина он уже больше не принимал участия в военных походах по причине заметного ослабления здоровья. Однако его воинская служба на этом не закончилась, но сосредоточилась в тылу, на том участке, где энергия и находчивость князя позволяли армии выживать и воевать. Этот «фронт» был гораздо более сложным — все поражения на нем оказывались у всех на виду, а все победы — практически незаметны. О колоссальных трудностях, которые приходилось преодолевать российским интендантам в начале XVIII в., говорят слова военного министра Д. А. Милютина, произнесенные в 1871 г.: «Мы далеко еще не вышли из того исторического периода, начатого Петром Великим, когда созданная им армия завоевала нам место в Европе и сделалась краеугольным камнем всего нашего государственного строя. И поныне русская армия, ограждая внешнее могущество государства, служит вместе с тем весьма многим общегосударственным, гражданским целям, а военное управление, помимо войск, совмещает в себе и многие задачи управления гражданского. Наши окраины, как и некоторые области внутри империи, держатся военной администрацией... Для удовлетворения материальных потребностей войск оно [военное начальство. — В. Л.] находит под рукой только сырые или полуобработанные продукты; по предметам же, требующим технического совершенства, должно само создавать технику, само водворять производства и затем из немногих центральных пунктов развозить эти предметы на целые тысячи верст... В обеспечении нравственных потребностей армии его роль еще труднее: оно вынуждено содержать целую систему учебных заведений, общеобразовательных и специальных, но едва получает нужных ему людей, как тотчас их теряет, так как не имеет средств удержать их от той приманки, которая представляется ныне образованным людям

в гражданской и общественной деятельности, несравненно щедрее вознаграждающих всякий интеллектуальный труд».

Спустя полтора века после Полтавской битвы страна не была готова обеспечивать армию всем необходимым! Что же говорить о времени Петровском! Вооруженные силы во всех странах и во все времена являлись своеобразной «производной» экономического уклада, социальной организации общества, политического устройства государства, его культурных особенностей, географического положения и т. д. В России начала XVIII столетия армия, совершенно европейская по своим основным параметрам, опиралась на «фундамент» совершенно неевропейский. Поэтому вести эту армию в бой было гораздо проще, чем ее обеспечивать. Если в Европе вооруженные силы пользовались достижениями научно-технического прогресса, экономического развития, расцвета образования, совершенствования социальных отношений, то в России они сами являлись локомотивом модернизации. Только экономическое, социальное и политическое развитие страны могло обеспечивать все более возрастающие материальные и интеллектуальные потребности войск, поэтому на протяжении всей дореволюционной истории России (и позднее тоже) мы видим усилия военных в областях, в которых главными героями должны быть люди гражданские. В то же время тесная связь армии и монархии, офицерства и дворянства, влиятельной гвардейской верхушки и аристократии стали причиной следующего феномена: в преобразованиях в наибольшей степени оказалась заинтересована едва ли не самая консервативная структура государства Российского, что является одним из объяснений исторического пути, пройденного страной от 1700 до 1917 г. (и позднее тоже).

То, что Меншиков был одним из создателей сухопутной армии, всем известно. Он занимался проведением рекрутских наборов, закупкой и производством вооружений, заготовкой провианта, комплектованием командного состава, обеспечением армии лошадьми и т. д. При этом он искал выход из сложнейших положений, и в большинстве случаев его находил. Исключения из этого правила имели место тогда, когда фантазия светлейшего наткнулась на законы природы. Так, в 1706 г. он попытался обойтись без дорогих импортных пигментов при крашении мундиров, предложив заменить привозные химикаты отечественными березовыми листьями. Возможно, он замечал, что заваренный березовый банный веник придает воде в чайке зеленоватый оттенок. Но сукна, прошедшие обработку этим отечественным красителем, «по опыту в краске зело явились плохи и непотребны».

После вытеснения шведов из Померании на авансцену выходит военно-морской флот. Пользуясь своим полуостровным положением, Швеция могла долго уклоняться от подписания невыгодного для нее мира. Принудить ее к этому можно было только перенеся боевые действия на ее собственную территорию. Было три пути: десант с датской территории через неширокий пролив Зунд, марш через Финляндию вокруг Ботнического залива и высадка в районе Стокгольма. При первом варианте судьба русских войск оказывалась полностью в руках более чем ненадежных союзников и враждебно настроенных англичан. Появление британского флота на Балтике означало бы, что дверца мышеловки захлопнулась. Второй вариант был практически неосуществимым, поскольку армии предстоял долгий переход по малонаселенной местности, при необходимости форсировать множество рек, по плохим дорогам и даже при полном их отсутствии. Третий вариант был прост и надежен, но было одно «но» — сильный шведский корабельный флот, способный либо уничтожить десант еще на подходе, либо заблокировать его в районе высадки и вынудить к капитуляции после того, как иссякнут привезенные с собой припасы.

У Петра I оставался единственный выход — несмотря на экономическое истощение государства, создавать мощный военный флот. И заниматься этим было поручено в том числе Меншикову. Его не назначили президентом Адмиралтейств-коллегии, царь продолжал практику использования специальных порученцев, которые получали чрезвычайные права при решении конкретных вопросов. В 1714 г. он «проталкивает» по Вышневолоцкой системе необходимый объем корабельного леса для Петербургских верфей, несмотря на обмеление рек и непогоду на Ладоге. Одновременно князь занимался сбором провианта для корпуса, действующего в Финляндии, и лично следил за тем, чтобы удобно разместить и обеспечить питанием войска, вернувшиеся из Померании. Он же в спешном порядке сформировал пехотный полк и отправил его для подкрепления отряда, осаждавшего тогда шведскую крепость Нейшлот. Почти весь 1716 г. Меншиков провел в Ревеле, руководя работами по сооружению нового порта. Кронштадт как военно-морская база имел существенный изъян: льды запирали в нем корабли с ноября по апрель-май. Размещение эскадр в Ревеле давало возможность посылать их в море почти круглый год. Однако на этом участке князя ждало большое разочарование: постройка велась без учета гидрологических условий, «где царь указал», и труды строителей по возведению волнолома, защищавшего гавань, часто уничтожались осенними штормами и тече-

нием. Меншиков «наблюдал» за строительством парусных и гребных судов, за комплектованием и обучением экипажей, за обеспечением эскадр всем необходимым.

Таким образом, Ништадский мир 1721 г. был и личным триумфом Александра Даниловича Меншикова, который в двух крупнейших сражениях (Полтава и Лесная) сражался бок о бок с Петром I, а в боях при Калише, Батурине, Штеттине лично руководил войсками. Он принудил к капитуляции шведскую армию у Переволочны, вписав тем самым свое имя на «золотую» памятную доску российской военной славы. Не следует забывать, что он неоднократно был под шведскими пулями в Ингерманландии, участвуя в боях при Ниеншанце, Нотебурге и Нарве. Невозможно переоценить его роль в организации и снабжении вооруженных сил Российской империи.

Никита (Аникита) Иванович Репнин также имеет право именовать ближайшим сподвижником Петра I. Выходец из древнего рода, в 1685 г. он стал поручиком потешной роты, той самой, из которой выросла гвардия — лейб-гвардии Преображенский и Семеновский полки. В 1689 г. во время событий, когда решалась судьба престола, когда обострилась борьба за власть между Петром и царевной Софьей, он был в числе первых, кто прибыл в Троице-Сергиеву Лавру, ставшую резиденцией юного царя.

В сентябре 1694 г. в районе деревни Кожухово были проведены масштабные маневры, в которых с одной стороны сражались стрелеческие полки, а с другой — бывшие «потешные» и другие полки «нового строя» — всего более 20000 человек. Несмотря на то, что бой был учебным, 24 человека нашли под Кожуховым свой конец, а 50 остались калеками. Петр писал потом об этих событиях: «Когда осенью трудились мы под Кожуховым в марсовой потехе, ничего кроме игры на уме не было; однако же эта игра стала предвестником настоящего дела». Командиром Преображенского полка во время тех учений был Репнин, показавший себя с лучшей стороны. В Азовском походе 1695 г. он отличился в штурме укрепленных каланчей, препятствовавших доставке припасов по р. Дон. Во втором походе 1696 г. он был назначен командиром 1-го фрегата, что означало высокую царскую милость.

В 1701 г. его отправили с вспомогательным корпусом поддерживать саксонскую армию, осаждавшую тогда Ригу. Не имеется проверенных сведений о поведении Репнина в несчастном для союзников бою под Ригой 18 июля 1701 г. По шведским источникам, он бежал вместе со своими полками сразу после того, как саксонцы начали отступать. При всей тенденциозности подобных свидетельств, дан-

ное заслуживает внимания, поскольку все погибшие в тот день русские — отряд из 400 человек на островке Лутцаусхольм. Этот отряд действовал отдельно от бежавшего корпуса Репнина и отверг предложение о сдаче. В плен попало только 20 человек, но и те были перебиты. Шведский хроникер Ф. Г. Бенгтссон заметил по этому поводу: «В то время русских еще не принимали за людей, не говоря уж за приличных солдат; в них видели нечто среднее между грабителями-убийцами и паразитами, и когда предоставлялся случай, с ними не без удовольствия расправлялись на месте, предпочитая не связывать себе руки подобной скудной и бесполезной добычей».

Репнин участвовал во взятии Нарвы (1704). Осенью 1704 г. Петр I приказал Репнину с 6-ю пехотными и 6-ю драгунскими полками занять Полоцк, укрепить его и по возможности скрытно заняться сбором провианта для операций следующего года. Особое внимание монарх обратил на необходимость вести разведку, используя шпионов, чтобы противник не смог неожиданно появиться у стен города. Пребывание в Литве осложнялось нехваткой продовольствия, нежеланием местных помещиков снабжать войска хлебом и фуражом.

После того как Август II отправился в Саксонию, а Меншиков оказался отрезанным от главных сил, Репнин стал командующим русскими войсками у Гродно — в самый тяжелый момент, когда к городу неожиданно подошли войска Карла XII. Армия, фактически блокированная в Гродно, испытывала нехватку продовольствия и особенно фуража. Шведские разъезды прервали даже надежную связь генерала Репнина, командовавшего русскими войсками, и царем. Гвардейскому поручику Яковлеву для того, чтобы доставить письмо Петра I, пришлось переодеться крестьянином.

Однако, несмотря на значительную боевую практику, Репнин не вырос в крупного полководца, хотя он проявил себя как настойчивый и умелый организатор тыла. Во время похода Карла XII на Россию произошел бой под Головчиным, где впервые Аникита Иванович мог распоряжаться совершенно самостоятельно.

При подготовке к этому сражению русским командованием были допущены серьезные просчеты. Многочисленные драгунские эскадроны были расставлены на пространстве в 10 верст, причем не было сделано ничего для организации их переброски в нужное место. Инженерная подготовка позиции также оказалась из рук вон плохой. Земляные укрепления шведская конница преодолела без особого труда, что говорит об их сугубо символическом виде. Тем не менее, на возведение этих незавершенных и потому бесполезных траншей и ре-

дутов было отвлечено немало солдат, из-за чего полки Репнина встретили врага в ослабленном составе. Самым же серьезным изъяном стало устройство путей позади позиций, по которым предполагалось перебрасывать подкрепления. Они имели три моста, захват которых автоматически изолировал одну часть русской армии от другой и, более того, создавал огромные трудности в случае отступления. Репнин явно действовал по «старинным рецептам» создания укрепленного лагеря, три фаса которого обороняли войска, а третий прикрывался каким-либо природным препятствием. В данном случае это был заболоченный лес. Такой «табор» годился для того, чтобы отсиживаться в нем от налетов татарской конницы, но не для обороны от лучшей европейской армии. Об уровне дисциплины и выучки шведских войск говорит тот факт, что они смогли ночью, в густом тумане, произвести все передвижения и перестроения при подготовке атаки, соблюдая полнейшую тишину. Сами укрепления оказались так удалены от реки, что неприятель мог спокойно ее форсировать и строиться, находясь вне действенного огня не только ружей, но и полевой артиллерии. Образно говоря, позиция, на которой Репнин поместил свою дивизию, представляла собой остров среди болот. Кроме этого, несмотря на близость войск противника и на его явные намерения наступать, не было предпринято никаких специальных мер разведки и охранения. На направлении главного удара оказался генерал-поручик Чамберс, один из ветеранов русской армии. Несмотря на награждение орденом Св. Андрея Первозванного, он чувствовал себя «обойденным», вероятно из-за того, что он не имел «собственного полка». Во времена Петра I генералы одновременно числились командирами полков, а в самих этих полках — командирами 1-х рот, что давало право на соответствующее жалование. Объяснением этого явления может служить также функционирование полка и роты в качестве основных хозяйственных единиц. Командир полка и роты оказывался распорядителем значительных финансовых и материальных средств с соответствующими возможностями личного обогащения. Чамберс по свидетельству современников относился к служебным обязанностям с удивительным равнодушием и фактически устранил-ся от руководства войсками в ночь перед сражением.

О «старом» стиле командования Репнина говорит тот факт, что сразу после начала боя он лично повел гренадерский полк в самое опасное место к мосту через р. Бабич. Он оставил без руководства дивизию и даже дезорганизовал всю оборону, так как курьеры, при-сылаемые от других генералов, не могли его разыскать. Репнин от-

правил адъютантов за подмогой и приказал полкам его дивизии занять положение, более отвечающее складывавшейся ситуации. Ничто не предвещало беды: четыре пехотных полка занимали не очень удобную, но не безнадежную позицию. Однако Репнин, потрясенный натиском шведов, потерял голову, прискакал к войскам и приказал отступать, нарушая все ранее данные диспозиции. Тобольский и Копорский полки стали отходить через лес, перемешались, расстроили свои ряды. Нарвский, Лефортов и Ростовский полки и полевая артиллерия под командованием капитана Когана, не получая никаких распоряжений, несколько часов пробыли безучастными статистами. Лишившись общего управления, полковые командиры действовали по своему разумению, со всеми плюсами и минусами. Полковник Минстерман, начальствовавший над Лефортовым полком, имевший приказание прикрывать пушки, имел все основания считать свою часть арьергардной. Он отправил артиллерию в тыл и уничтожил мост, не зная, что Ростовский полк еще остается на позиции. Оказавшись в одиночестве под сосредоточенным огнем шведов, ростовцы сначала отбивались, но затем были оттеснены в болотистый лес. Своим сопротивлением они дали возможность другим частям отойти в относительном порядке. Удивительным образом, но артиллерия капитана Когана, оказавшись без всякого прикрытия между русской и шведской армией, смогла в полном составе уйти. Шведы, по видимому, считали русские пушки верной добычей и не торопились их захватывать, а потом подоспел Псковский драгунский полк.

По необъяснимой причине кавалерия пришла на поле боя, когда русская пехота уже отступала в лес. Русские драгуны не учли того, что шведская кавалерия уже перебралась через топкие места и выстроилась для атаки. Произошло несколько столкновений. Белозерский драгунский полк не выдержал удара королевских рейтар и стал отступать к мосту через одно из болотистых мест. Далее события стали развиваться по худшему сценарию, что объяснялось отсутствием у русских военачальников того, что А. В. Суворов назвал глазомером. Правильные в принципе распоряжения отдавались без необходимой сверки с реальной маневренностью частей, без учета времени, необходимого на перестроения. В результате полки смешались и отступили со значительными потерями.

Сражение при Головчине во многом было похоже на бой под Нарвой в 1700 г. Опять русским командованием была допущена та же тактическая ошибка — большие силы оказались растянутыми по длинному фронту, что давало противнику возможность создать

заметное преимущество в силах на каком-то участке. Само по себе создание широкого фронта не является помехой для успешного отражения вражеской атаки, но только при условии, что предусмотрена своевременная переброска сил из одного пункта в другой. Но именно этого сделано не было.

Под стать своему начальнику оказались и его подчиненные, такие, например, как генерал-майор Чамберс. В ходе следствия выяснилось, что он за четыре дня пребывания у Головчина не удосужился осмотреть позицию, которую занимали его войска, не сделал этого даже при подходе шведской армии. Не получив распоряжений от Репнина выставить караулы, он не распорядился об этом и от своего имени и, по мнению военного суда, поступил «худо и сонливо».

Петра I привел в ярость не сам факт поражения — шведы по-прежнему считались великими воинами, и неудача в бою с ними не считалась позорной. Дело было в другом. Во-первых, следствие показало, что генерал хотел ввести царя в заблуждение лживой реляцией, в которой этот бой выглядел победой. Во-вторых, успех шведов объяснялся не столько их высокими ратными качествами, сколько необъяснимыми промахами командования. Петра разъярил «старый обычай боя» с его «бесстроицей, варварским мерзким криком и казачьими обычаями». Репнина приговорили к смертной казни, которую заменили отставкой с удержанием стоимости имущества, потерянного войсками при отступлении.

Суд над Репниным и суровый приговор, вынесенный ему и генералу Чамберсу, должны были «встряхнуть» командный состав Российской армии, показать всем, что отступать без приказа нельзя. Возвращение прежнего «значения» началось уже в битве при Лесной, где Репнину доверили командовать драгунским полком. В октябре 1708 г. царское сердце окончательно смягчилось, и Репнину было возвращено командование дивизией. За Полтавскую битву Репнин получил орден Св. Андрея Первозванного, крупную сумму денег и поместья. Зимой 1709/1710 г. он руководил осадой Риги, участвовал в Прутском походе 1711 г., когда командовал отдельным отрядом, не оказавшимся в турецком окружении. В 1712–1713 гг. Репнин со своей дивизией находился в Померании. В 1716 г. войска под его командованием сначала составляли стратегический резерв в районе Риги, а затем двинулись в Мекленбург. В 1717 г. из-за невыплаты сумел «выбить» контрибуцию из Гданьска. Поскольку Репнин проявлял большую успешность на гражданском поприще, чем на военном, царь назначил его генерал-губернатором Лифляндии и не ошибся в своем

выборе. Разумными действиями Аникита Иванович сумел сгладить отношения между русскими войсками и местным населением, способствовал развитию транспортных путей, возрождению и развитию рижской торговли. В 1724 г. Репнин стал президентом Военной коллегии. После смерти Петра Великого он состоял в придворной партии Голицыных и Долгоруких — непримиримых противников Меншикова, однако в самый критический момент борьбы за власть переметнулся на сторону «светлейшего». Тот оценил его поддержку многочисленными милостями и наградами, но до конца не доверял и потому удалил из столицы под благовидным предлогом — необходимостью ревизии хлебных магазинов. Болезни, давно точившие здоровье генерал-фельдмаршала, в 1726 г. свели в могилу и этого героя Полтавской битвы.

О Боуре (его фамилию писали по-разному — Бауер, Боер) Родионе Христиановиче известно меньше всех из перечисленных полководцев. Он родился в 1667 г., служил в шведской армии в чине ротмистра и 30 сентября 1700 г. явился под Нарвой к Петру I и попросился перейти на русскую службу. В 1701–1704 гг. командовал драгунскими полками и успешно воевал в Прибалтике. В августе 1704 г. во главе большого отряда, состоявшего из 9-и драгунских полков и калмыцкой конницы, Боур совершил налет на окрестности Ревеля. Появление кочевников и мало отличавшихся от них своим поведением «регулярных кавалеристов» навело такой ужас на жителей предместий Эстляндской столицы, что многие из них «от страха в море сами потопли». Генерал Шлиппенбах также предпочел укрыться на одном из островов, чтобы не попасть на аркан. В 1705 г. Боур получил чин генерал-майора, удачно действовал в Курляндии. В отличие от многих своих товарищей в генеральских мундирах, он не держался приказаний сверху, «яко слепой стены», и проявлял разумную инициативу. В ноябре 1705 г., получив распоряжение царя «отвлекать» противника от района Юрьева, Боур «повременил» с его исполнением, так как был уверен, что диверсии шведов у Чудского озера как раз были направлены на побуждение увести побольше русских войск из Курляндии, где Левенгаупт и собирался нанести главный удар. Он наладил работу «шпигов» и дважды в неделю получал известия от своих агентов обо всем, что происходило в Риге. Кроме того, он решительно пресекал попытки польских союзников использовать русские полки для решения своих проблем. Так, в феврале 1706 г. Боур сначала удостоверился, что гетман Вишневецкий действительно послал в набег свои «хоронгвы», и только потом дал команду своим драгунам

на участие в походе. Месяц спустя он также не кинулся выполнять приказ о переходе из Митава к Полоцку, принимая во внимание, что оперативная обстановка радикально изменилась за те 16 дней, которые царское письмо до него добиралось. В то же время, он был потевтонски дисциплинирован и не отказывался от выполнения даже неразумных распоряжений своего непосредственного начальника Г. Ф. Розена. Действия его отряда могли бы стать еще более успешными, если бы не преступное поведение генерал-лейтенанта Розена, который не только не удосужился собрать необходимое количество провианта и фуража, но и позволил нескольким купцам отправлять муку и овес в Ригу, занятую противником. При этом Розен ссылался на некогда данное «устное» указание царя не «обижать» торговый люд в Прибалтийских провинциях. Судя по прочим действиям генерал-лейтенанта, он был не настолько глуп, чтобы включать в «обиды» прекращение снабжения вражеских войск. Хотя у нас нет на руках документальных свидетельств, скорее всего тут сработала схема «кому — война, кому — мать родна», и грузы шли к противнику за хорошую мзду. Кроме того, состоя в родстве со многими курляндскими и лифляндскими баронами, Розен выдавал им «охранные грамоты», освобождавшие их имения от постоя войск и от поставок провианта и фуража. На практике это означало, что русские фуражиры вынуждены были тратить много сил на сбор муки и овса. Боур неоднократно жаловался царю на неразумные действия Розена и даже советовал отправить своего начальника в отставку. Однако Петр I не желал скандала, связанного с изгнанием из армии иностранца в таком высоком чине. Монаршее терпение лопнуло только после того, как Розен в пьяной ссоре тяжело ранил генерал-майора Рена: бестолкового забияку отправили служить в Архангельск. Справедливости ради следует сказать, что торговый люд умел находить ключи к сердцу военных с обеих сторон и в других точках соприкосновения войск России и Швеции. Как записал в своих мемуарах один из участников обороны Ревеля в 1710 г., «по уговору обеих воюющих сторон, караваны в 12–16 телег, снабженных открытыми листами (из которых некоторые поныне сохранились в архиве губернского правления) и сопровождаемые барабанщиком или парламентарем, доходили до русских аванпостов, которые пропускали их, при соблюдении известных условий, в Нарву, Псков или даже и в Новгород».

В 1707 г. Боур по особому распоряжению царя взял сильную крепость Быхов. Во время русского похода Карла XII в течение 1708 г. во главе 10-тысячного отряда драгун тревожил левый фланг армии

противника, 9 сентября 1708 г. чуть не пленил шведского короля. 9 сентября конница генерала Баура атаковала шведскую колонну на марше в районе деревни Раевки. Практика военного дела той поры требовала довольно длительного перестроения из походного порядка в боевой. Без этих манипуляций часть была практически беззащитной при внезапном нападении. В результате, потеряв всего нескольких всадников, Боур разгромил целый полк. На помощь погибавшим драгунам примчался сам король и был окружен вместе с небольшой личной охраной. Его спасло то, что никто из русских кавалеристов не знал шведского монарха в лицо и потому не приложил чрезвычайных усилий, чтобы захватить поистине царскую добычу. Боур сыграл большую роль в сражении у Лесной, поскольку прибытие его корпуса окончательно лишило Левенгаупта возможности сопротивляться. В Полтавском бою он сражался у линии редутов, затем на правом фланге его войска захватили 14 вражеских знамен. В составе отряда Меншикова преследовал противника до Переволочны, где и принял капитуляцию шведской армии. Награжден царским портретом с бриллиантами и поместьями.

В целом для характеристики высшего командного состава русской армии Петровской эпохи очень справедливы слова известного военного историка А. З. Мышлаевского: «...события [поход Карла XII. — *В. Л.*] случились в то время, когда мы сбросили с себя ветхого человека, приобщились к западу в значительной мере внешним образом и не отдали еще ясного отчета, что из старо-русских порядков может сохранить жизненную силу и что должно быть отвергнуто. Образованность в то время стояла на низкой ступени; культура, понимаемая в современном нам смысле, отсутствовала... наследственного аристократизма мысли и приспособленности интеллекта к постоянно-му напряжению на известной высоте не было, а чем не располагала общественная среда, того, разумеется, она не могла выделить и в распоряжение армии... Ни Шереметеву, ни Репнину нельзя отказать в определенном военном кругозоре, а кн. Меншикову и прямо в таланте. Но их дарования — не обделанный наукой, опытом и традицией поколений самородок, который то блестит ярким лучом света, то тускнеет и гаснет». Главным руководителем армии в 1700–1721 гг. был, несомненно, сам Петр Великий.

Глава VII

ПОЛТАВСКОЕ СРАЖЕНИЕ В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ РОССИЯН

Прошло сто лет — и что ж осталось
От сильных, гордых сих мужей,
Столь полных волею страстей?
Их поколение миновалось —
И с ним исчез кровавый след
Усилий, бедствий и побед.
В гражданстве северной державы,
В ее воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе.

А. С. Пушкин

Коллективная память о каждом крупном историческом событии формирует целый коммеморативный комплекс, который становится одновременно и частью национального (государственного) самосознания, и частью национальной культуры. Образы Полтавской битвы в исторических и литературных сочинениях различных жанров, в произведениях живописи и графики, ее символические отражения в памятниках архитектуры, в государственных церемониях, в медалистике, в фольклоре, взаимодействуя между собой и испытывая влияние окружающей социокультурной среды, переплавились в некий продукт человеческого сознания. Этот продукт — феномен под названием «Полтава».

Рождение этого феномена произошло буквально сразу после самого сражения. Первым памятником Полтавского сражения стала Спасская церковь в г. Полтаве. Каменное здание, возведенное в 1705–1706 гг., было свидетелем осады, возле стен церкви гарнизон дал клятву не сдавать крепость, на площади перед ней проходил парад победителей. Долгое время в церкви хранилось знамя Тверского полка и шпага героического коменданта полковника Келина. В церкви села Каплуновка Харьковской губернии еще в конце XVII в. «яви-

лась» чудотворная икона — копия Казанской Божьей Матери. Когда в окрестностях села появились шведские солдаты, святыню увезли в Харьков, как в более безопасное место. По преданию, село было сожжено, но деревянная церковь не поддавалась огню. Удивленный Карл XII попросил Мазепу объяснить это явление. Гетман сказал, что единственной причиной необычайной стойкости православного храма может быть икона, которая там была. Тогда король произнес: «Смотри, если мы церкви одной, без иконы, не могли сжечь, то там, где будет присутствовать сама эта икона, мало нам надежды на успех». Узнав об этом, Петр I приказал перед боем носить святыню перед войском и благословлять ею воинов. После победы царь принес в дар Каплуновской церкви серебряную ризу и золоченый ковчег к иконе. Другим образом, вдохновлявшим русских на битву, была древняя икона-складень с изображением преподобного Сергия Радонежского. Впоследствии эту икону привезли на Бородинское поле. Александр II брал ее с собой на Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

Во время боя при Лесной была разрушена деревянная церковь, и по приказу Петра построили новую — Покрова Божьей Матери, но в народе ее чаще называли «петровской», или «царской». В 1908 г. во время празднования 200-летнего юбилея битвы, на одной из братских могил был установлен обелиск, а возле старой «петровской» церкви воздвигли памятник в виде орла, терзающего шведское знамя. Кроме того, заложили каменный храм в честь св. апостолов Петра и Павла. В честь победы был по личному повелению Петра I создан церковный гимн «Служба Богу в Троице Святой славимому, великой Богом дарованной победе над Свейским королем Каролом вторым надесять и воинством его, содеянной под Полтавой в лето от воплощения 1709».

Первый монумент на месте Полтавской битвы был поставлен частным лицом, полтавским обывателем Павлом Яковлевичем Руденко. Сам монумент носил частный характер — в память об освобождении его отца, Якова Руденко, из шведского плена. В оштукатуренный пирамидальный столб, увенчанный позолоченным яблоком, была вмурована медная доска с гравированным изображением битвы. Памятник снесли в начале XIX в., поскольку на его месте собирались построить колокольню, которую, впрочем, так и не построили.

На второй день после сражения 1345 убитых русских воинов были погребены в двух братских могилах, над которыми был насыпан холм и водружен деревянный крест. Убитых шведов похоронили в нескольких могилах, местоположение их неизвестно. 7 июля 1709 г. царь повелел Монастырскому приказу: «...в знак и в вечное напоми-

вание о той преславной виктории на том самом месте, где тот бой был, а именно: неподалеку от Полтавы, построить монастырь мужской и в нем церковь каменную..., а перед церковью сделать пирамиду каменную, с изображением его Государевы персоны в совершенном возрасте на коне, вылитую из меди желтой, а под ней бой самым добрым художеством, а по сторонам той пирамиды, на досках каменных же, учинить подпись с объяснением всех действий от вступления на Украину короля шведского и с получением сей баталии». Отвлечение на другие дела и финансовые проблемы не позволили выполнить царское повеление в первоначальном варианте. Есть сведения о том, что был поставлен «столп» (не сохранившийся) с изображением царя и его ближайших сподвижников. В последующем особого внимания ни центральные, ни местные власти братскому захоронению не оказывали. Вспомнили о Полтаве накануне столетия битвы и поставили в 1808 г. новый деревянный крест, обитый золоченой медью. Через двадцать лет крест был обновлен. В 1809 г. по инициативе генерал-губернатора Лобанова-Ростовского началась подготовка к возведению памятника-храма и при нем инвалидного дома на 25 человек.

Архитектор Стасов создал проект, который был оценен присвоением архитектуре звания академика архитектуры, но наполеоновские войны и отсутствие средств привели к тому, что мемориальная церковь уже по проекту А. И. Шарлемана появилась там только в 1840 г. (в 1890 г. перестроена). Ныне существующий памятник на Братской могиле был сооружен в 1894 г. по проекту архитектора Никонова — крест высотой в 9 метров из цельного куска светло-серого гранита.

В создании мемориала участвовал и Тома-де-Томон. Он так объяснял свой замысел: «...Так как колонна — это триумфальный памятник, воздвигнутый в память Петра Великого, в честь самого памятного и решительного события его царствования, то я старался дать всей этой композиции характер оригинальный и, так сказать, присущий герою и его торжеству. С этой целью я прибегнул к аллегориям простым, но точным и ясным. Колонна из железа в четыре куска, и, чтобы скрыть их соединение, каждый шов закрыт венком; первый из лавра и пальм, второй из лавра, а третий из дубовых листьев. Промежутки между венками заполнены изображениями перекрещенного оружия. Капитель образована из больших листьев, над которыми возвышается цоколь, увенчанный полусферой, на коей распростер свои крылья орел, держащий в когтях молнии войны и в клюве лавровый венок». Вокруг колонны размещены 18 пушек, из которых 10 найдены на бастионах бывшей полтавской крепости, а 8 — в районе Переволочны.

На одной из сторон цоколя была надпись — попечением малороссийского генерал-губернатора Алексея Борисовича Куракина. В 1802 г. образована Полтавская губерния, включенная в состав Малороссийского генерал-губернаторства, и, соответственно, сам город становился важным административным центром. Первым генерал-губернатором назначили А. Б. Куракина, который сразу озаботился тем, чтобы захолустный городок с населением в 7000 душ приобрел вид, «приличный» его новому статусу. Началось формирование центральной Александровской площади, по периметру которой выстроились здания так называемых присутственных мест, где располагались местные органы управления губернией. Поскольку символическое пространство империи в ее центре — Санкт-Петербурге — по мере возможности копировалось в провинции, идеальным для административного комплекса Полтавы стало появление в его центре монумента в честь победы русского оружия, подобно тому, как Александрийская колонна служит осью для архитектурного комплекса Дворцовой площади. Зимний дворец, как известно, стоит своим главным фасадом (воротами) лицом к лицу со зданием Главного штаба, имея по левую руку штаб Гвардейского корпуса, а по правую — Адмиралтейство. В центре колонна — памятник Александру I и одновременно памятник победе над Наполеоном.

Огромное бело-желтое здание, где помещалось Министерство иностранных дел, Министерство финансов и ряд других гражданских ведомств, не стало называться «домом правительства». С первого дня существования его нарекли Главным штабом, и под этим именем оно закрепилось в сознании россиян. Сам архитектурный ансамбль создавал символическую структуру: «престол — гвардия — армия — флот», в центре которой памятник великой победе как ось вращения всей государственной системы. Памятник обошелся городу и казне, как следует из строительной документации, в 132 549 рублей 92 копейки, что по тем временам составляло очень солидную сумму. К столетию завершить работы не удалось, и торжественное открытие монумента состоялось в 103-ю годовщину — 27 июня 1811 г. В память столетия Полтавской битвы была выбита специальная медаль, на одной стороне которой был профиль Петра I в лавровом венке с надписью «В царствование Александра I победителю при Полтаве». На другой стороне — изображение памятника. На месте домика коменданта Келина в 1817 г. был построен кирпичный обелиск с надписью «Здесь Петр I покоился после трудов своих». Ниже, внутри изображения змеи, кусающей себя за хвост, — «27 июня 1709», а еще ниже — «Благоговей, место свято есть». В 140-ю годовщину сражения, в 1849 г.,

этот обелиск был заменен бронзовым памятником высотой в 11 аршин, отлитым по рисунку А. И. Брюллова. На цоколе из гранитных ступеней — барельефы в виде бронзовых львов и государственных гербов. На вершине — щит, меч, шлем и лавры.

Холм, насыпанный на месте захоронения русских воинов, в народе прозвали шведской могилой. Ни власти, ни общество до начала XIX в. не проявляли к нему никакого интереса. По распоряжению А. Б. Куракина с 1802 г. в день Полтавского сражения возле холма служилась торжественная панихида. Возведение монументов и вообще строительство крупных зданий для глав губерний и генерал-губернаторств было не только реализацией собственной административной энергии и выполнением служебных обязанностей, но и способом увековечить свое собственное имя. По существовавшей тогда традиции на памятниках находилось место для надписи, объяснявшей потомкам, чьим «попечением» этот обелиск воздвигнут. В 1809 г. второй малороссийский генерал-губернатор Я. И. Лобанов-Ростовский решил «не отстать» от своего предшественника и обратился к Куракину, уже пересевшему в кресло министра внутренних дел, с предложением создать мемориал на самом месте битвы: «...случай довершения полтавской победы позволяет заняться дать и самому месту сражения вид той уважительной печности, коею Государь Император увенчивает память Августейшего предка своего, почему и нахожу нужным представить некоторые местные соображения и чертеж предположения исполнить удобного. Известно Вашему Сиятельству, что то именное поле, состоя в 4 верстах от города означается ныне единым земляным бугром или курганом... Однако ж тот бугор в достаточном пространстве небольшими дикого камня надолбами, на крытых чугунными шишаками и вокруг утвердя по две железные полосы составит ограду, у коей, по наружной фасаде могут быть на каждой стороне по одному зданию в готическом вкусе устроенному, одно для церкви во имя Петра и Павла или Сампсона, яко патрона дня той знаменитой баталии, другое для инвалидного дома на 25 человек, к содержанию караула в двух притонах по фасаде значущихся; тот же курган, в среди помянутых зданий, оставаясь на виду, подлежит быть украшен соразмерной величины бронзовым крестом, ибо из преданьев известно, что в Бозе почивающий Петр Великий, по совершении церковного обряда над павшими телами, воздвигнул тогда же собственноручно деревянный крест, изъявля и монаршую волю свою устроить в память мужественно-отличившихся тут обитель...» Александр I согласился с идеей устройства памятника и выразил

намерение построить в Полтаве большой инвалидный дом. Однако война с Наполеоном затормозила осуществление этих проектов. Дом для ветеранов вообще не был построен, а возведение памятника поначалу шло медленно из-за недостатка средств, хотя еще в 1811 г. был образован солидный «капитал» (100000 рублей) из пожертвований чиновника И. С. Судиенко, правнука участника боев с шведскими войсками на Украине. До 1829 г. дело было в бюрократических проволочках, а потом — в стремлении местных властей использовать собранные деньги на устройство Полтавского кадетского корпуса. Однако Николай I не согласился с подобным нарушением воли жертвователя, к тому времени уже покойного. Даже после утверждения императором проекта храма на месте сражения (1841) к сооружению его долго не приступали из-за проблем с отводом и выкупом земли. Только в 1856 г. собор по новому проекту А. И. Шарлемана был, наконец, освящен. В 1890 г. здание было капитально перестроено по проекту архитектора Никонова. На самой могиле воздвигли памятник по проекту того же Никонова на средства капитала И. С. Судиенко. Памятник был торжественно освящен 11 сентября 1895 г. В церемонии участвовали офицеры — представители полков, участвовавших в битве. Каждая часть преподнесла в дар храму иконы и предметы церковного убранства (крест, лампаду, чашу и пр.).

В 1909 г. на месте переправы русской армии через Ворсклу был поставлен бетонный обелиск, замененный в 1959 г. гранитным. В 1853–1854 гг. были восстановлены некоторые элементы земляных укреплений русского лагеря, в котором Петр I провел ночь с 25 на 26 июня. На месте бывших редутов в 1909 г. было установлено 10 бетонных обелисков, увенчанных чугунными орлами. В 1939 г. обелиски стали гранитными, но «царские» символы-орлы исчезли.

Само слово Полтава стало паролем российской воинской славы. В историях полков, издававшихся в 1890–1900-е гг., участие в этой знаменитой битве считалось неоспоримым свидетельством ратной родовитости. Для преображенцев и семеновцев победа над непобедимыми тогда шведами была одним из важнейших оснований считаться примами гвардейского корпуса. Пять кораблей российского флота несли на своем борту имя «Полтава». Первый из них был спущен на воду самим царем-победителем. Затем воды Балтики бороздили еще два многопушечных парусника, эскадренный броненосец и дредноут с таким же названием. О значимости Полтавской битвы для национального исторического сознания красноречиво свидетельствует тот факт, что любой предмет, связанный с этим событием, приобретал

особую ценность. Это особенно заметно в музейном деле: в ходе двадцатилетней войны в руки русских попало немало трофеев — от барабанов и драгунских палашей до полковых знамен. Сохранилась масса вещей петровской эпохи как гражданского, так и военного назначения, но ружья и мундиры, бывшие именно в той битве, автоматически становятся гордостью любой экспозиции. Даже при полной уверенности, что данный мушкет не палил в той битве, поскольку был на вооружении гарнизонного батальона, стоявшего тогда в Поволжье, одна надпись на стенде, что именно с такими русские разбили Карла XII, привлекает внимание экскурсанта к совершенно заурядному изделю оружейников начала XVIII в.

С Полтавским сражением связаны многие экспонаты Оружейной палаты и Государственного исторического музея: знамена полков, бывшие в этой битве, оружие русской и шведской армии, трофейные музыкальные инструменты. Разумеется, действительные реликвии Полтавской битвы представляли особую ценность и для современников судьбоносных для России событий, и для потомков, «помнящих свое родство». В Государственном Эрмитаже хранится среди прочих шведских знамен священное полотнище Упландского пехотного полка, капитулировавшего у Переволочны. В этом же музее находится преображенский мундир, в котором царь был в сражении, причем шляпа имеет отверстие от той самой пули, помиловавшей царя. Там же можно увидеть седла Петра I и Карла XII.

Баталистика всегда занимала почетное место в живописи, подобно тому, как словесные описания битв занимали центральные позиции в биографиях монархов. Петр I заказал несколько полотен русским и иностранным художникам. Самой ранней из дошедших до нас картин является работа французского мастера Л. Каравакка, законченная уже в 1718 г. Камер-юнкер Берхгольц в дневниковой записи о картинной галерее Петергофского дворца особо выделил ту, на которой «русские рассеивают и обращают в бегство шведов. Лошадь, на которой сидит царь, слишком красна, впрочем, сделана не дурно; сам же царь написан превосходно и чрезвычайно похож. Можно узнать также князя Меншикова и многих других генералов». В настоящее время эта картина находится в Эрмитаже. В 1717 г. Пьер-Дени Мартен-младший, живописец Гобеленовой мануфактуры в Париже, получил заказ на подготовку четырех шпалер (3,5 x 6,3 м), посвященных двум важнейшим эпизодам Полтавского боя, а также сражениям при Лесной и при Гангуте. Не оставили без внимания великую победу и мастера гравировального искусства, среди которых выделяется

П. Пикар, создавший гравюру «Полтавский бой», один из экземпляров которой хранится в Российской национальной библиотеке. Благодаря граверам историки имеют возможность увидеть то, как происходила встреча победоносной армии 21 декабря 1709 г. москвичами.

Самым известным изображением Полтавской битвы является мозаика, изготовленная М. В. Ломоносовым в 1764 г. Сам он так описал свое произведение:

«1. Напереди изображен Петр В. на могучей лошади верхом в половину профиля; облик нарисован с гипсовой головы, отлитой в форме, снятой с самого лица блаженной памяти Великого Государя, каков есть восковой портрет в Кунсткамере, а красками писан с лучших портретов, каковые нашлись в С.-Петербурге по выбору, величиною сидящий в сажень, а прочие по пропорции.

2. За Государем бывшие тогда знатнейшие генералы: Шереметев, Меншиков, Голицын, коих портреты взяты с имеющихся оригиналов.

3. Представлен Петр Великий в немалой опасности, когда он последний раз выехал к сражению при наклонении в бегство Карла Второго надесять; напереди и позади генералы и солдаты, охраняя Государя, колют и стреляют неприятелей.

4. Близо впереди гренадер со штыком, направленным на неприятеля, оглянулся на Монарха, яко бы негодуя, что так делече отживается.

5. Позади лежит куча разных опровержений: шведская пушка с разломанным лафетом, лошадь и мертвый швед — изображаются следы побежденного неприятеля.

6. Далее в картине за следующими генералами видны штандарты, трапеты и литаврички, также и знамена полков российских.

7. Далее от переду к середине картины изображены поверженные неприятельские трупы; обороняющиеся еще от наступающих россиян шведы, где сильная и густая стрельба производят великий дым; причем видны взятые в начале сражения шведами редуты с российскими и шведскими телами.

8. Еще подалее от переду представлен пленный шведский генерал, которого поднимают дряхлого и унылого окружившие российские солдаты.

9. В некотором отдалении изображен Карл Второй надесять в простой коляске; кругом его драбанты, из коих некоторые, поворачивая коляску назад, уговаривают спастись бегством, но он протягивая руки вперед, еще к бою порывается; перед ними жестокое сражение россиян с шведскими драбантами.

10. На горизонте представляется город Полтава с дымом от пушечной пальбы.

11. По правую руку бегущие шведские полки и гонящие россияне, а по левую ретраншемент российский и выступившие из него полки, не бывшие еще в сражении.

12. Над картиною — Св. Апостол Павел у писчего стола в одной руке с пером, а другою рукой и лицом оказывает знак благоговения и благодарения. Под ним на металлическом убрусе написаны слова из его послания; читающего на полтавскую победу: „Бог по нас, кто на ны?“».

Царь позаботился о том, чтобы весть о его триумфе пронеслась по всей стране и не стала «превратно перетолкована», как это может случиться, когда информация обрастает домыслами и другими искажениями при изустной передаче. Уже 2 июля в Москве был отпечатан специальный выпуск «Ведомостей», где помещалось письмо царя великому князю Алексею: «...и единым словом сказать: вся неприятельская армия Фаетонов конец восприяла (а о короле еще не можем ведать, с нами ль, или с отцы нашими обретается). А за разбитым неприятелем посланы господа генерал-порутчики, князь Голицын и Боур с конницею». Во второй половине июля эта газета-плакат читалась в церквях, что сопровождалось молебнами, пушечной пальбой и праздничным колокольным звоном. Начиная с 15 июля сначала Москва, а затем и вся страна (по мере рассылки газеты с конными курьерами) увидела «реестр шведскому войску», которое попало в плен. Впечатление от вереницы фамилий — от генералов до лекарей и мастеровых — было потрясающим. Петр I настолько внимательно относился к «информационному фронту», своей войны со шведами, что, несмотря на огромную занятость, лично руководил подготовкой «Первой обстоятельной реляции о счастливой главной баталии меж войск и его царского величества и королевского величества и королевского величества свейского, учинившейся неподалеку от Полтавы сего июня, в 27 день, 1709-го». Рукописный вариант рассылался главам иностранных держав. После редактирования с царским участием печатный вариант был разослан по всей стране в сентябре.

Эта реляция была напечатана на немецком языке в Берлине уже в августе, некоторое время спустя аналогичные издания увидели свет в Дрездене. В августе о победе из газет узнали и в Голландии, о чем позаботился русский посол в этой стране А. А. Матвеев. Вслед за тем европейцы, интересовавшиеся политикой, смогли прочесть список шведских пленных и трофеев.

Победа под Полтавой рассматривалась как совместная заслуга всех участников сражения. Впервые в мировой истории было проведено награждение специальными памятным медалями. Офицеры получили золотые медали с надписью «За полтавскую баталию» весом и размером в червонец, а солдаты — такие же серебряные весом в один рубль. Кроме того эти медали различались изображением битвы на оборотной стороне: на офицерских мы видим «общую картину» битвы, а на солдатской — бой пехоты. Кроме наградных при Петре I было отчеканено еще шесть памятных медалей в честь победы, что полностью соответствовало нумизматической культуре той эпохи. В 1811 г. была выбита медаль в связи с открытием в Полтаве памятника в честь столетнего юбилея победы. В рамках подготовки к следующему, уже двухсотлетнему, юбилею Петербургский монетный двор изготовил три официальные медали. Большую памятную медаль получали учреждения и лица, особенно отличившиеся в подготовке праздника. Для прочих участников торжеств изготовили светло-бронзовые медали для ношения на голубой Андреевской ленте, как это было в петровские времена. В тот юбилейный год повезло выпускникам мужских гимназий — вместо обычных медалей они получили особые, напоминавшие о двухсотлетию победы. В 1909 г. украсить свою одежду металлическим знаком в честь Полтавы мог любой человек, поскольку в свободной продаже было 15 видов жетонов по заказу частных фирм.

В начале 1710 г. вышла из печати пьеса «Божие уничижение гордых уничижение», где в аллегорической форме прославлялась Полтавская победа. Полтавская победа не осталась вне фольклора. Вот что пели люди в песне «Король шведский и Мазепа»:

...Кто не слышал у нас таковые славы?
Подымался король Шведский даже до Полтавы.
Призывает он Мазепу к себе на подпору:
Как бы вырыть под царем на погибель нору.
Веселятся и ликуют, — чают победили;
И не спрашивались с удачей, все распорядили.
Король Шведский говорит: «Как я буду паном,
То устрою я Мазепу коронным гетманом».
А Мазепа возносился выше своей меры,
Был предатель государев, был предатель веры.
Но что вышло из их чванства! Не попали и в отчизну
Потерявши цело войско, утекли в Немчизну.
Виват Белый Царь и воин, разумом богатый,
Виват Храбры генералы! Виват и солдаты!

К столетию Полтавской битвы член Императорской Академии наук князь С. Шихматов сочинил поэму «Петр Великий» «в восьми песнях». Среди 759 тяжеловесных стихов, составлявших это произведение, есть и такие строки:

Но Россам ужас сей не страшен
Против громов уставив грудь,
Надежнейшую стен и башен,
Вступает смело в смертный путь,
Текут веселыми ногами,
Сквозь стены огненных дождей,
По манию своих вождей
Сразиться с ярыми врагами.
Пронзают готские сердца
Их острия триобояудны.
И Готы, дерзостью чудны,
Колеблются от их лица.

Профессор Московского университета Мерзляков прочитал свое стихотворение «Полтава» на торжественном акте университета. Из 180 строк 6 выглядят так:

Стихий бунтующих свирепое боренье!...
Кипящий бед раздов! Пир гибелей и зол,
Шум, вопли, ядер свист, щитов, мечей раженье
И топот коней, звучащий глухо дол,
Скорбей и язв и смерти стоны:
Природа! Где твои законы?

На торжественном акте Московского университета в 1825 г. Николай Писарев прочитал более скромное по размерам произведение, но немногим более выдающееся по литературным достоинствам:

О час, торжественный, святой!
Стеклися при стенах Полтавы
Великий Петр и Карл, сын славы,
Настал час битвы роковой!
Что брань, что сила дерзновенна!
Победа правды несомненна,
И Карл с Мазепой бежит,
И ищет крова, где насытый?
О мщенье неба, казни стыд!..

Среди множества стихотворных сочинений, написанных, как тогда говорили, «по случаю» Полтавского торжества, сочинение Градцева, напечатанное в 1845 г. в Журнале высших учебных заведений, стало народной песней.

Было дело под Полтавой
Дело славное, друзья,
Мы дрались тогда со шведом
Под знаменами Петра.
Наш могучий император —
Память вечная ему,
Сам, родимый, пред полками,
Словно сокол он летал,
Сам ружьем солдатским правил,
Сам и пушку заряжал.
Бой кипел. Герой Полтавы,
Наш державный великан,
Уж не раз грозою грянул
На могучий вражий стан.
Пули облаком носились,
Кровь горячая лилась.
Вдруг одна злодейка-пуля
В шляпу царскую впилась:
Видно, Шведы промахнулись,
Император усидел,
Шляпу снял, перекрестился,
В битву снова полетел.
Много шведов, много наших
Под Полтавою легло.
Вдруг еще впилась пуля
В его царское седло;
Не смутился император,
Взор как молния сверкал,
Конь не вздрогнул от удара,
Но быстрее поскакал.
И как раз и третья пуля
Повстречалась с Петром —
Прямо в грудь она летела
И ударила как гром.
Диво дивное свершилось
В этот миг — Царь усидел,

На груди его высокой
Чудотворный крест висел.
С визгом пуля отскочила
От широкого креста,
И спасенный победитель
Славил Господа Христа.
Было дело под Полтавой;
Сотни лет еще пройдут,
Эти царские три пули
В сердце Русском не умрут.

Во время своего путешествия в Крым Екатерина II посетила Полтаву, где 8 июля 1787 г. были устроены военные маневры, напоминавшие по своему сценарию битву семидесятилетней давности. Присутствовавший там французский посол Сегюр оставил следующее описание этого события: «Полтавское сражение явилось перед нами в живой, движущейся, одушевленной картине, близкой к действительности. Русская армия разделилась на две половины, из коих одна заняла русские окопы, другая — шведские редуты. По распоряжениям Потемкина, чрезвычайно согласно, отчетливо и скоро перед взорами Царицы произведены были все те маневры, какие могли изобразить нам подобие этой решительной битвы. Движение вперед кавалерии, развернувшей фронт из четырех колонн, стремительная атака, живой и сильный огонь пехоты в то время, как левое крыло вело фальшивую атаку на лес и обходило правый фланг неприятеля, все это чрезвычайно верно изобразило сражение...» Этот военный спектакль был не только частью культа Петра I, но и одним из важнейших актов возвеличивания самой императрицы, доказательством ее права называться наследницей великого реформатора и полководца. Это ясно понимал тот же Сегюр: «...Удовольствием и гордостью горел взор Екатерины, казалось, кровь Петра Великого струилась в ее жилах». Австрийский посол принц де-Линь заявил с еще большей прямоотой: «Кто видел Екатерину при обозрении ею поля Полтавского, тот убедился, что она достойная наследница скипетра и духа Петра Великого». Царица в своей речи прозрачно намекнула сопровождавшим ее иностранцам о военной мощи России: «...Тот, кто приводил в ужас всю Германию, тот сам побежден и бежал с поля полтавского...»

Маневры эти были устроены по воспоминаниям 98-летнего старца Галайды, участника этого сражения. При всем уважении к преклонным годам и заслугам ветерана реконструкция битвы со слов

рядового солдата спустя 78 (!) лет могла быть только очень-очень приблизительной. Кроме того, несколько смущает то обстоятельство, что присутствие очевидцев событий в России являлось некой обязательной частью юбилейного торжества. Можно предположить, что это — от ощущения необходимости установить живую связь времен. Без этого история выглядит разорванной, воссозданной на основе документов, а к бумаге, как известно, в России отношение сложно-двойное. С одной стороны, бумага приобретала магическое, священное значение. Разбивавший семьи манифест о рекрутском наборе, ломавший судьбы судебный приговор — все это были «бумаги». Чернильная клякса в рапорте могла превратиться в человека, а писарская ошибка — вычеркнуть из жизни того, кто по документам уже умер, но на самом деле здравствует. С другой стороны, россияне знали лукавство «бумаги», понимали, что она все стерпит. Отсюда и повышенное внимание к «живому слову». Во время празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г. также были найдены очевидцы Бородинской битвы. В архиве имеется их фото.

Следующие «мемориальные» маневры под Полтавой были проведены 16 сентября 1817 г., когда туда приехал Александр I. Обе стороны изображали войска 3-го корпуса, общей численностью около 13000 человек. Известный военный историк Михайловский-Данилевский вспоминал об этом: «Государь был чрезвычайно весел, любезен, да можно был ли не радоваться, находившись посреди войск, незадолго торжествовавших над всею Европою, а в тот же день являвшихся перед ним на полях, на которых за сто лет спасена империя и положено настоящее основание ее величию».

Участие в Полтавском сражении считалось величайшей заслугой воинских частей. Поэтому при многочисленных переформированиях и переименованиях XVIII–XIX вв. право записать в свой послужной список эту победу получали полки, имевшие достаточно веские основания считать себя наследниками «ратей петровских». В начале XX столетия таких полков насчитывалось более сорока: лейб-гвардии Преображенский полк, лейб-гвардии Семеновский полк, 63-й Угличский пехотный (в 1709 г. — полк Бильса — по имени полкового командира), 16-й Ладужский пехотный (гренадерский Буша), 13-й Белозерский пехотный (графа Ласси), 14-й гренадерский грузинский полк (Астраханский пехотный), 13-й Эриванский лейб-гренадерский полк (Бутырский), 12-й Астраханский гренадерский (Вологодский), 9-й Ингерманландский пехотный полк (то же название), 64-й Казанский пехотный полк (то же название), 5-й гренадерский Киевский

(то же название), 27-й Витебский пехотный полк (Копорский полк), 65-й пехотный Московский (то же название), 3-й Нарвский пехотный (то же название), 22-й Нижегородский полк (то же название), 81-й Апшеронский полк (Новгородский полк), 11-й Псковский пехотный полк (Псковский полк), 62-й Суздальский полк (Ренцеля), 2-й гренадерский Ростовский полк (то же название), 9-й Сибирский гренадерский полк (то же название), 38-й пехотный Тобольский и 138-й Болховский полк (Тобольский полк), 97-й Лифляндский пехотный полк (Троицкий пехотный), 15-й Шлиссельбургский пехотный полк (то же название), 4-й уланский Петербургский полк (Архангелогородский драгунский), 13-й уланский Владимирский полк (Владимирский драгунский), 12-й уланский Белгородский полк (Вятский драгунский), лейб-гвардии Конный полк (генеральный шквадрон), 10-й Ингерманландский гусарский полк (Ингерманландский драгунский), 9-й Казанский драгунский (то же название), 13-й Военного Ордена генерал-фельдмаршала Миниха драгунский полк (от кавалерии гренадерский фон дер Роппов полк), 1-й уланский С.-Петербургский князя Меншикова полк (Лейб-регiment), 1-й лейб-драгунский Московский императора Александра III полк (Московский драгунский), 13-й Нарвский гусарский полк (то же название), лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полк (Невский драгунский), 17-й Нижегородский драгунский полк и 18-й Северский драгунский полк (Нижегородский драгунский), 4-й Новотроицко-Екатеринославский драгунский полк (Новотроицкий драгунский), 12-й Белгородский уланский (Пермский драгунский), 5-й Туркестанский стрелковый батальон (Сибирский драгунский), лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк (Ярославский драгунский), Лейб-гвардии 1-я артиллерийская бригада (Бомбардирская рота).

В 1909 «юбилейном» году в официозе военного ведомства — газете «Русский инвалид», по поводу приближающегося торжества первая публикация была 20 февраля (№ 40). Б. Адамович поместил большую статью «Гренадеры Де-Боа — кексгольмцы», в которой доказывал то, что пехотный Кексгольмский полк имел все основания считать себя полком «полтавским». Его рассуждения строились на следующей событийной схеме: в мае 1709 г. гренадерские роты пехотных полков из корпуса Ф. Апраксина были сведены в особый гренадерский полк под командой полковника де-Боа, участвовали в битве 27 июня, а через два месяца вернулись в свои части. Затем эти полки, сдав в Москве шведских пленных, проследовали далее на

север и встали на зимние квартиры в Санкт-Петербурге. Здесь в конце 1709 – начале 1710 г. гренадерские роты опять были отозваны и из них сформировали отдельный гренадерский полк, ставший прямым предком кексгольмцев.

В этом же номере опубликовано стихотворение И. Павлова «Пушкарь», в котором прославлялись подвиги русских артиллеристов со времен Ивана Грозного до А. С. Суворова. Заметное место в этой работе занимает фрагмент, посвященный Полтаве:

...Окрепла рать и с громкой славой,
Наряд Царя-богатыря
Громит уж шведа под Полтавой.
Здесь строй «потешных пушкарей»
С своим Великим Бомбардиром
Уроки юношеских дней
Проверил перед целым миром.
Картечью шведские полки и их лихие эскадроны
Разметаны. Никто не спасся от погрома...
Носилки Карла, короля,
Здесь бомбой вдребезги разбиты...
Навеки лаврами покрыта
Глава Великого Петра.

10 июня 1909 г. в статье «Участие донских казаков в Полтавской битве» П. Х. Попов выразил обиду по поводу того, что Бильдерлинг назвал казаков только участниками битвы при Лесной и погони за отступавшими шведами. На основе крайне шатких логических построений автор пытался доказать, что казаки играли не последнюю роль и в главной битве.

Примечательно, что по частоте и объему публикаций в «Русском инвалиде» достойную конкуренцию полтавскому юбилею составила другая «круглая» дата – столетие присоединения Финляндии как результат победы в русско-шведской войне 1808–1809 гг. Это объяснялось тем, что конец XIX – начало XX в. было временем обострения российско-финляндских отношений. Финляндцы ревниво относились ко всем попыткам Петербурга ущемить их особые права, а правительство рассматривало их действия как опасный сепаратизм. Дело дошло до упразднения в 1901 г. особой финской армии, существовавшей с 1881 г. Уже в середине XIX столетия благодаря усилиям финляндской общественности коммеморативный комплекс войны 1808–1809 гг. вошел в общую схему доказательства особого

статуса этой части Российской империи. Известно, что имена героев, названия мест, где происходили судьбоносные для страны или нации сражения, обычно составляют знаковый, символический ряд, который обозначает контуры картины прошлого в том виде, в каком его воспринимает массовое историческое сознание. Такой «военно-патриотический» блок исторической памяти включает в себя набор из нескольких десятков имен и топонимов, образующих иерархический ряд. Для финляндцев «отечественной войной» стали события 1808–1809 гг. Памятники на месте боев стали объектами поклонения, все грамотные финны читали «Рассказы прапорщика (фенрика) Столя» — сборник баллад поэта И. Л. Рунеберга, воспевавшего подвиги финских и шведских патриотов в боях против царской армии. Так, 10-я баллада посвящена Отто фон Фиандту — партизану 1809 г., 11-я — генералу Сандельсу, отрядному командиру, известному своей храбростью и неумеренным аппетитом. Примечательно, что имелся перевод на русский язык всего нескольких баллад, причем «сомнительные» в политическом отношении были напечатаны в Гельсингфорсе только в 1905 г. Рассказ про деревенского «дурака» Свена Дуву, остановившего в одиночку целый русский взвод, который пытался захватить важный мост, звучал откровенно антирусски. Несмотря на то, что одна из баллад прославляла подвиги генерала Кульнева, общая антирусская направленность этого произведения не вызывает сомнений (сравнение пришельцев со стаей волков, обвинения в жестокости и трусости). Анонимный автор брошюры, посвященной «Рассказам прапорщика Столя», справедливо указывал на то, что это — «не унаследованная старинная реликвия», а сочинение, созданное спустя полвека после известных событий и потому отражающее настроения уже своей эпохи. Трактовка войны, предложенная Рунебергом, легла в основу исторической памяти формировавшейся финской нации.

Рост национального самосознания проявился в движении за установление памятников героям войны 1808–1809 гг. 14 июля 1864 г. около 2000 человек собралось на празднование годовщины сражения у Лаппо, где открыли памятник, построенный на частные средства. В том же году начался сбор средств на обелиск в память о сражении при Парасальми в 1789 г. Новая волна интереса к памятникам поднялась в 1870 г. во многом благодаря неуклюжим действиям коронной власти, которая фактически сама подала повод к патриотическим манифестациям. Одна из финских газет писала в те дни: «Мы должны освободить себя от укора в том, что забываем наших

ратников 1808–1809 гг. Воины Финляндии кровью своей возвысили свой народ в число самостоятельных наций. Это уважение к отцам не должно оскорблять русского народа, умеющего ценить любовь, с которой население края сохраняет свои исторические воспоминания». Однако заверения журналистов, что установка обелисков не имеет антироссийской направленности, никого не вводили в заблуждение. Надпись на обелиске в Лаппо гласила: «Здесь сражались финские герои, жертвуя жизнью за свою свободу. Их сыновья поставили им памятник, поклявшись умереть так же, как умерли они». Обострение отношений между Петербургом и Гельсингфорсом при Александре III проявилось в том числе и в активизации возведения памятников, «сомнительных» с точки зрения имперского единства. В 1885 г. появились монументы на местах битвы при Коельнвирта и при Юутта, в 1893 г. — в память о погибших в бою при Оравайнене. Царь ответил на эту «монументальную демонстрацию» запретом ставить памятники без его разрешения. В том же году Военное министерство приказало военным оркестрам в Финляндии на официальных мероприятиях исполнять «Бьернеборгский марш», названный в честь одноименного полка, отличившегося в боях против русских в 1808–1809 гг. Финляндцы демонстративно игнорировали празднование 100-летия Фридрихсгамнского мира в 1908 г. При сборе средств на памятник-часовню в честь этого события ни один финн не внес ни копейки. Власти и патриотически настроенные общественные деятели не сразу пришли к выводу о необходимости «симметричного» ответа. В этой связи празднование двух юбилеев было как нельзя кстати. В первом случае вспоминали о крушении шведского военного могущества — а в «войне памяти» активность проявляли в основном этнические шведы, проживавшие в Финляндии и представлявшие элиту этой части Российской империи. Во втором случае имело место напоминание о «законном» праве России на владение Финляндией. В этой ситуации становится понятным, почему в следующем 1910 г. так пышно отмечалось 200-летие со дня взятия Выборга. Именно в этом городе прошли первые «полтавские» торжества. «Русский инвалид» в рубрике «Внутренние известия» 22 апреля 1909 г. напечатал следующее: «19-го текущего апреля русские учебные заведения г. Выборга отпраздновали исполняющееся 200-летие Полтавской победы торжественным литературно-вокальным вечером. В 6 час. вечера в большом зале реального училища собрались учащие и учащиеся реального училища и местной женской гимназии, а также некоторые из родителей, родственников и опекунов учащихся. Впереди

на эстраде красовался бюст Петра Великого, украшенный зеленью и национальными флагами; царские портреты на стенах зала также были убраны зеленью. Вечер начался речью преподавателя реального училища И. И. Симонова на тему: „Полтавская битва и ее значение“. По окончании речи хор учениц и учеников исполнил гимн Петру Великому. Затем было прочитано учениками несколько отрывков из поэмы А. С. Пушкина „Полтава“. Тем же самым хором стройно были исполнены „Петровский марш“ и „Боже, Царя храни!“. Троекратным „ура“ закончилась первая половина вечера. Во время антракта был предложен присутствующим чай. После антракта была показана целая серия световых картин, которые обрисовали ту обстановку, в какой вырос великий виновник полтавской победы, окружающих его лиц, его потешных, отдельные эпизоды из Полтавской битвы и из жизни Петра Великого. В заключении хор исполнил вторично „Петровский марш“, на полотняном экране был выставлен в это время „всадник медный на звонкоскачущем коне“. В общем, от вечера получилось весьма приятное впечатление, и, думается, что он не останется без следа для восприимчивой молодежи». То, что празднование проводилось задолго до памятной даты, можно объяснить необходимостью избежать совпадения его со временем летних каникул.

26 мая 1909 г. командующий войсками Киевского военного округа отдал приказ о «предложении» организовать во всех войсковых частях беседы с нижними чинами для ознакомления с деятельностью Петра Великого, а также со значением битвы в истории России и в день юбилея провести парады во всех гарнизонах и лагерях.

Председатель специальной межведомственной комиссии генерал от кавалерии А. Бильдерлинг опубликовал первую обстоятельную статью в «Русском инвалиде» 4 июня (№ 119) под заголовком «200-летие Полтавской битвы». Он писал: «Как Дмитрий Донской на Куликовском поле, так Петр Великий под Полтавой спас честь России и положил основание могуществу Российской империи. Поэтому Полтавский бой, названный Петром „Русским Воскресеньем“, является для нас национальным праздником. В виду предстоящего 27 июня сего года 200-летия со дня Полтавской победы, Государь Император высочайше повелеть соизволил, чтобы празднование этого великого и славного события, имевшего такое громадное значение в истории России, было обставлено особенно торжественно и к участию в нем были привлечены не только военное ведомство, но и возможно широкие слои государства и общества. Празднование должно быть повсеместное, всероссийское со средоточением торжества в Полтаве,

на самом месте „преславной истории“». В этой статье имелась также краткая история Полтавского сражения, в общих чертах говорилось о подготовке к торжествам и о существующих памятниках. Кроме Полтавы центрами торжеств должны были стать Санкт-Петербург, Архангельск и Воронеж.

9 июня 1909 г. был опубликован «Высочайше утвержденный порядок торжественного празднования 200-летия Полтавской битвы 27 июня 1909 г. в г. Полтаве», состоявший из 28 пунктов. Начиналось все 26 июня всенощными службами во всех церквях Полтавы. На празднование прибывали из Санкт-Петербурга в полном составе Семеновский, Преображенский, Ингерманландский гвардейские полки и 1-я батарея 1-й гвардейской артиллерийской бригады. К ним присоединились знаменные роты и штандартные эскадроны от полков: 5-го гренадерского Киевского, 9-го гренадерского Сибирского, 3-го пехотного Нарвского, 11-го пехотного Псковского, 15-го пехотного Шлиссельбургского, 22-го пехотного Нижегородского, 64-го пехотного Казанского, 65-го пехотного Московского, лейб-гвардии Конного, лейб-гвардии Кирасирского Его величества, лейб-гвардии Кирасирского Ее величества, 1-го лейб-драгунского Московского, 1-го уланского Санкт-Петербургского, 10-го гусарского Ингерманландского, 13-го уланского Владимирского, 17-го драгунского Нижегородского. Кроме того, прибыли «депутации» от других частей, имевших основания считать себя «полтавскими»: 13-го драгунского Военного Ордена, 13-го гусарского Нарвского, 12-го уланского Белгородского, 12-го драгунского Стародубского, 11-го драгунского Рижского, 9-го драгунского Казанского, 5-го драгунского Каргопольского, 4-го драгунского Новотроицко-Екатеринославского, 95-го пехотного Выборгского, 97-го пехотного Лифляндского, 81-го Апшеронского, 63-го пехотного Углицкого, 62-го пехотного Суздальского, 38-го пехотного Тобольского, 27-го пехотного Витебского, 16-го пехотного Ладожского, 13-го пехотного Белозерского, 14-го гренадерского Грузинского, 13-го лейб-гренадерского Эриванского, 12-го гренадерского Астраханского, 3-го гренадерского Перновского, 2-го гренадерского Ростовского, лейб-гвардии Кексгольмского, терского, кубанского, уральского и донского казачества.

26 июня в 9 часов 30 минут на братской могиле начиналось торжество как таковое. Здесь собирались глава правительства, Государственного Совета, Государственной Думы, члены правительства, Святейшего Синода и сенаторы. К ним присоединялись «назначенные» военным, морским и гражданскими министерствами адмиралы,

генералы и офицеры, гражданские чины. Кроме них в число избранных были включены «особы первых четырех классов, приезд ко Двору имеющие», местные полтавские власти, представители земства и городского самоуправления, представители сословий, учебных заведений, волостные старшины, делегация Императорского военно-исторического общества и т. д.

Собравшиеся, во главе с митрополитом Киевским и Галицким, торжественно встречали Николая II и сопровождавших его великих князей и служили торжественную панихиду на месте погребения. После этого царь объезжал войска, построенные вокруг. После обеда начинался второй акт: освящение памятника защитникам города и коменданту Келину, на которое приглашались те же лица, которые были на панихиде. После открытия памятника и произнесения речей, мимо монумента в парадном строю проходили войска. В полдень воздух над городом сотряс 31 залп артиллерийского салюта. Заключительным этапом первого дня являлось Всенощное бдение в соборе Сампсона Странноприимца.

27 июня в 7 часов утра пять пушечных выстрелов извещали о продолжении празднования. В 8 часов утра в присутствии императора начиналась торжественная литургия в соборе Сампсония, по окончании которой проводилось молебствие на поле «с коленопреклонением». «По воспетии многолетия Их Императорским величествам и Всему Царствующему Дому» протоиерей возгласил вечную память императору Петру I и павшим в Полтавском сражении воинам. В тот же момент находящиеся в строю войска «отдавали честь», и из всех орудий, при войсках находящихся, произведена пальба. Все церкви вторили салюту колокольным звоном. После того как протоиерей возгласил многолетие всероссийскому воинству и всем верноподанным, царю поднесли выбитые юбилейные медали. Следующими этапами были церемониальный марш войск, молебствие у памятника Славы и возложение венков к этому монументу. После завтрака с приглашенными в Петровско-Полтавском кадетском корпусе Николай II уезжал из города. Для мещан самого города и для селян губернии было устроено щедрое угощение и розданы памятные подарки. Вечером центральные улицы Полтавы и памятник Славы были иллюминированы.

По специальному распоряжению Святейшего Синода 27 июня «во всех церквях Российской империи были совершены заупокойные литургии с произношением заупокойной ектении и поминовением Императора Петра I и павших в Полтавском бою воинов. По окон-

чании божественной литургии совершены благодарственные молебствия, на которых возглашена вечная память Императору Петру I и павшим в Полтавском бою воинам».

26 июня «Русский инвалид» напечатал большую статью П. Потоцкого «Петр-Полтава», в которой говорилось: «Полтавская победа была одним из величайших всемирно-исторических событий: могущество Швеции, созданное искусственно посредством завоеваний, было сокрушено; исчезла завеса, скрывавшая Россию от остальной Европы, и пред изумленными народами Запада явилось новое обширное государство, умевшее победить вожда, и войско, считавшееся до сих пор непобедимым... В числе городов обширного отечества нашего, после северной столицы нашей, Полтава едва ли не более всех губернских городов полна святынею имени Петра Великого...» После перечисления существовавших монументов автор заявил: «...наконец, живой памятник славного имени Петра — Петровский кадетский корпус, основанный в Полтаве, дабы воспитывающиеся в нем молодые дворяне, готовясь тоже на поприще военное, вспоминали бы более и более о той славе, которую стяжали их предки на полях полтавских, и, одушевляясь их подвигами, стремились и сами сделаться сынами отечества и достойными слугами престола».

Управляющий Морским министерством адмирал Авелан отдал следующий приказ по своему ведомству:

«По случаю исполняющегося 27-го сего июня 200-летия со дня Полтавской победы отпраздновать этот день по следующей программе:

1. В свободное от занятий время ознакомление нижних чинов в общих чертах со значением для Государства Российского Полтавской победы.

2. 26-го июня во всех церквах морских команд отслужить всенощные бдения и панихиды по Императоре Петре I и павших в Полтавском бою воинах.

3. 27 июня во всех церквах морских команд отслужить божественные литургии с произношением заупокойной ектении и поминовением Императора Петра I и павших в Полтавском бою воинов. По окончании божественных литургий — благодарственные молебствия с возглашением вечной памяти Императору Петру I и павшим в Полтавском бою воинам. По окончании же этих молебствий — церковные парады.

4. В день юбилея выдать нижним чинам всех морских команд улучшенную пищу.

5. В зависимости от имеющихся средств устроить для нижних чинов чтения, увеселения и зрелища, относящиеся к эпохе Петра Великого».

Накануне юбилейного дня «Русский инвалид» напечатал стихотворение А. Радченко «Памяти Полтавского боя»:

Полтавский бой! В душе незримо
Встают дела минувших лет.
В сердцах горит неугасимо
Петром оставленный завет:
Всегда, везде страну родную —
Святую Русь любить, беречь,
За честь, за славу боевую
Костями на поле брани лечь...
Полтавский бой! Ты был предтечей
Других великих славных битв,
Когда пред грозной, смертной сечей
Неслись к Творцу слова молитв...
Прошли века... былою славой
Сияет битва под Полтавой —
И верим мы: придет пора,
Когда над Русскою Державой
Воскреснет образ величавый
И дух Великого Петра!

В Петербурге 26 июня в Петропавловском соборе прошла заупокойная литургия и панихида по Петру I и воинам, павшим в сражении. На службе присутствовали все высшие чины государственного аппарата, не поехавшие в Полтаву. После этого на могилу царя возложили золотую и бронзовую юбилейные медали. Продолжились торжества панихидами с участием депутатов Кексгольмского и Финляндского полков, а также 1-й гвардейской артиллерийской бригады. В тот же день при громадном скоплении публики произошла закладка моста Петра Великого через Неву. Закончились торжества того дня службой в соборе Сампсония Странноприимца. 27 июня было проведено освящение памятника Петру I в Петербурге на Английской набережной. На Неве стояли канонерские лодки «Гиляк», «Кореец», «Сивуч» и «Бобр», эсминцы «Пограничник», «Эмир Бухрасткий», «Финн», «Москвитянин», «Доброволец», «Всадник», «Уссуриец», миноносцы «Громящий», «Резвый», «Послушный» и «Рьяный». На специальном заседании Российского императорского военно-исторического общества читались доклады о Полтавском сражении. В Архангельске в кафедральном соборе прошел торжественный молебен, потом — крестный ход к домику Петра, перенесенному из бывшей Новодвинской

крепости. Участники этой процессии по очереди несли 6-аршинный сосновый крест, сделанный самим царем. В городской думе на торжественном акте читались юбилейные речи, а в театре была поставлена историческая хроника «Петр Великий». В Гельсингфорсе полтавский юбилей был отмечен молебном, парадом и салютом. В Ревеле торжество отметили закладкой памятника в честь 200-летия пребывания Эстляндии в составе империи (с 1710).

Во Владивостоке состоялся парад, на котором одна из стрелковых рот прошла в исторических костюмах петровского времени. В Киеве установили памятную доску на доме, где на несколько дней останавливался Петр I. Само здание, одно из старейших в городе, также являлось историческим памятником, поскольку раньше принадлежало мятежному гетману Мазепе. В Кронштадте 27 июня 1909 г. заложили часовню в Адмиралтействе императора Петра Великого. В Ярославле состоялся праздник в местном гарнизоне, поскольку в нем числились, среди прочих частей, два «петровских», хотя и не «полтавских» полка (9-й Сибирский гренадерский и 12-й Астраханский гренадерский). Большой военный праздник прошел 27 июня в крепости Ивангород — одной из русских цитаделей в Польше. Кроме парада, салюта и молебна, внимание корреспондента «Русского инвалида» привлек концерт. Одним из номеров были «живые картины», прославлявшие самоотверженность русского солдата. Сюжет — незатейлив, но показателен: Петр I спорит с королем Фридрихом о том, чей солдат лучше. Немец приказывает своему гренадеру прыгать в окно, но тот перед исполнением просит свидания с семьей. Русский солдат сигает в проем не задумываясь, и его подхватывает на руки ангел-хранитель, венчающий его венком. В других крепостях и гарнизонах парады, молебны и «чтения» иногда дополнялись стрельбами, скачками и гимнастическими состязаниями.

В конце XIX — начале XX в. в России прошел целый парад юбилеев, начавшийся столетием со дня смерти А. В. Суворова (1900) и завершившийся трехсотлетием Дома Романовых (1913). В этой череде памятных дат празднование двухсотлетия Полтавской битвы приняло вид особого общегосударственного торжества. Россия еще только приходила в себя после потрясений 1904–1907 гг.: неслыханные поражения армии и флота в войне с азиатской державой, горящие помещичьи усадьбы, бастующие рабочие, бунтующие полки, покушения на государственных деятелей и членов императорской фамилии. Память о великой победе была бальзамом для израненного национального самолюбия, средством консолидации нации на основе общей истории, на ее объединяющих символах.

О сохранении исторического ландшафта никто даже не задумывался, поскольку господствовала иная система коммеморативной символики. Значительно изменился сам ландшафт — разросся город Полтава, сведены леса, изменила русло и обмелела Ворскла. Вырубка Будищанского леса привела к тому, что не стало того самого дефиле, где происходил первый этап боя.

Митрополит Филарет в одной из своих проповедей сказал: «Памятник есть безмолвный проповедник, который в некотором отношении может быть превосходнее говорящего, потому что не прекращает порученной ему проповеди, и таким образом она доходит до целого народа и до многих последовательных родов. Памятник есть книга, которой не нужно искать в книгохранилище, потому что она лежит на пути и таким образом читается и теми, которые не думали раскрывать ее».

На гербе города Чаусы, утвержденном в 1781 г., «в красном поле шпага, положенная крестообразно с мечом, соединенные лавровым венком, в память славной победы, одержанной над шведами в окрестностях сего города под Лесным».

При царе-бомбардире началось складывание довольно сложной системы пушечных сигналов. В 1721 г. Петр I лично указал, сколько и где палить. В Санкт-Петербурге тридцать одним выстрелом 1 января отмечалось наступление Нового года. 6 января — в день Богоявления господня — пушки били двадцать один раз. В Пасху канонада сотрясала город трижды: семнадцать раз пушка звала к заутрене, двадцать один выстрел раздавался при литургии по «окончании Евангелия», а тридцать один залп извещал об окончании службы. 30 мая и 29 июня тридцать одним выстрелом напоминали столице о Дне рождения Петра Великого и о его именинах. Годовщины Полтавской битвы по воинским почестям были приравнены к Пасхе! Каждое 27-го июня в честь великой победы над шведами в три приема сотрясали воздух семьдесят девять раз. Через месяц, 27 июля, город вновь окутывался пороховым дымом: тридцать одним залпом отмечалась годовщина «взятия 4-х фрегатов» (победа над шведским флотом у острова Гренгам в 1720 г.). После этого столько же раз пушки гремели в честь битвы при Лесном (28 сентября 1708 г.), в тезоименитство Екатерины (30 ноября) и в кавалерский праздник Св. Апостола Андрея (30 ноября). Годовщина сражения под Калищем (29 октября 1706 г.) по сравнению с предшествующими событиями считалась менее значимой: пушки били только двадцать один раз. На Пасху пушки в Москве вообще молчали, а о Полтаве напоминали только пятьюдесятью тремя выстрелами. В Киеве, Смоленске, Риге, Ревеле, Нарве, Выбор-

ге, Архангельске, Казани, Астрахани, Тобольске и Кронштадте салютами (17–21 выстрел) отмечалась только Полтавская победа, Новый год, день рождения царя и тезоименитство августейших супругов. В самой Полтаве стреляли в годовщину победы над армией Карла XII двадцать один раз. В 1723 г. царь повелел ограничиться пальбой только в годовщины баталии при Лесном («Левенгауптской») и Полтавской и только там, где в тот день находился двор. Салюты в честь морских побед царь приказал проводить в Кронштадте.

При всех изменениях, которые последующие правители вносили в «пушечный лексикон», пушечный салют в честь Полтавской битвы сохранял свое значение. Согласно «Реестру салютов» от 24 февраля 1743 г., в первый день нового года января в обеих столицах пушки били двадцать один раз. В остальных случаях количество залпов связывалось с пребыванием в городе царствующих особ. В Богоявление теперь стреляли только в Петербурге и только в присутствии царицы. Годовщину победы под Лесным отмечали только в присутствии Елизаветы Петровны сто одним или пятьюдесятью одним залпом. Из ранее отмечаемых дат было вычеркнуто сражение под Калишем, вероятно, в силу того, что его главным героем был опальный князь А. Д. Меншиков.

Глава VIII

ПЕТР I И ПОЛТАВСКАЯ БИТВА

Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.
А. С. Пушкин

Считается, что обедневший богач еще долго ведет себя как человек состоятельный, тогда как разбогатевший бедняк не сразу избавляется от чувства нищеты. Карл XII и Петр I в первые годы после Полтавы вели себя согласно этой схеме. Первый держал себя как обладатель огромной военной силы, как будто лучшие его войска уже не лежали в польской, украинской и русской земле. Он высокомерно отметал предложения заключить мирные переговоры на весьма умеренных требованиях со стороны Москвы, рассчитывая на новую волну благосклонности со стороны бога Марса. Петр I, хотя и был упоен великой победой, тоже не сразу осознал все ее последствия.

Большинство зарубежных военных историков, признавая огромное значение Полтавской битвы для судьбы Европы, отказываются признавать полководческий талант Петра I. Делается это либо методом умолчания, когда просто отсутствуют оценки действий «начальствующих лиц», либо прямым отрицанием тактической грамотности и стратегической дальновидности царя и его генералов. Примером последнего подхода могут служить слова немецкого историка О. Хайнца: «Непредвиденные случайности и неодолимая рука всеми правящей судьбы в конце концов заставили шведскую армию выпустить из рук уже наметившуюся победу, но они не могли отобрать у нее лавров более высокого воинского искусства». Надо помнить также о феномене «украденной победы». Поиск виновников военных неудач имеет свой алгоритм, исключаящий, как правило, системный и объективный анализ, результаты которого наводят на мысль о недостатках в политической системе, в экономическом укладе, в структуре вооруженных сил, в военной субкультуре. Во все времена и во всех странах гораздо охотнее воспринимались слова о причинах поражения, которые следует называть субъективными.

Петр I имел хорошую теоретическую подготовку в области военного искусства. По его поручению были переведены на русский язык

и напечатаны «Стратегемы» римского теоретика Секста Юлия Фронтинана под названием «Книга о хитростях ратных». Царь был знаком с трудом византийского императора Льва VI Мудрого «Тактика», где аккумулирован богатый боевой и организационный опыт Византии. Но управление войсками не случайно называют военным искусством, поскольку для блестящих успехов на поле брани прочного знания «непреложных правил» и «хитростей» явно недостаточно. Человек, усвоивший приемы изображения на живописном полотне или на гравюре, становится великим или известным художником только тогда, когда проявляет при этом талант. Полководческое искусство заключается не в удачном выборе позиции, не в правильной расстановке войск, а в умении сотворить победу из свойств местности, из качества своей и неприятельской армии, отдавая нужные распоряжения в нужную минуту. Если такой способности у военачальника не было, он оставался ремесленником — добросовестным и даже иногда удачливым. А вот наличие такого дара — просчитывать ситуацию на один ход дальше своего противника, тонко чувствовать — когда бросать в бой резерв, являлось прямым путем на страницы военной истории. При всем глубочайшем уважении к античным и средневековым теоретикам, а также к сочинителям трактатов о военном искусстве более поздних времен, нельзя не заметить в их рассуждениях много из того, что должно приходиться в голову любому разумному человеку, хотя бы раз видевшему бой. Лев VI Мудрый советовал тщательно осматривать предполагаемое место сражения, выбирать такую позицию для боевого построения или для лагеря, чтобы по крайней мере один из флангов был прикрыт естественным препятствием. Другой древний авторитет — Вегеций — поучал: полководец, имеющий сильную пехоту, должен предпочесть места, где может действовать пеший человек, а тот, у кого много конницы, должен искать ровную площадку для беспрепятственных передвижений всадников. Он же советовал лагерь устраивать на таком месте, где достаточно дров, воды и корма для лошадей.

Мориц Саксонский, не раз встречавшийся с участниками Полтавского боя, передал в своей книге выступление Петра I на военном совете 24 июня 1709 г.: «Так как мы решили сражаться со шведским королем, то надо сговориться о способе, избрав наилучший. Шведы стремительны, хорошо дисциплинированы, хорошо обучены и подвижны. В наших войсках нет недостатка в твердости, но они не имеют этих преимуществ — надо попытаться обезвредить эти преимущества шведов. Они часто брали наши ретраншменты, и в открытом поле

наши войска были всегда биты искусством и ловкостью, с которыми они маневрируют, — надо, следовательно, расстроить этот маневр и сделать его бесполезным. Я того мнения, что надо приблизиться к шведскому королю, возвести вдоль всего фронта нашей пехоты несколько редутов с глубокими рвами, занять их пехотой, укрепить их и обнести палисадом; это потребует только несколько часов работы, и мы будем ждать противника позади этих редутов. Ему нужно будет разделиться, чтобы их атаковать. Он потеряет здесь много людей и ко времени атаки будет ослаблен и в беспорядке. Нет сомнения, что, увидав нас близко от себя, он снимет осаду и нас атакует. Надо двинуться с таким расчетом, чтобы быть в виду его в конце дня, дабы он отложил атаку на следующий день, а за ночь мы возведем эти редуты». Возможно, эта речь — плод литературного воображения Морица Саксонского, но она полностью соответствует тому, что было реализовано под Полтавой. Анализ планов фортификационных сооружений и рассказов участников битвы позволяет говорить о том, что русское командование последовательно реализовывало идею своеобразной «подвижной крепости», о которую должны были разбиться волны шведских атак. Вряд ли случайным был выбор и места для лагеря, в котором размещалась русская армия накануне сражения. Наиболее удобным подходом к нему была поляна между двумя лесными массивами, не дававшая возможности шведам полностью развернуть армию в боевой порядок и стеснявшая движение для их грозной конницы.

7 июня 1709 г. в письме к Ф. М. Апраксину Петр I ясно продемонстрировал свою готовность к генеральному сражению. Царь объяснял своему соратнику, что не может вскоре отвечать на его запросы «...по-неже сошлись близко с соседом», как он в обычной своей шутиливой манере назвал шведского короля. Далее мы читаем: «...и с помощью божьей будем конечно в сем месяце главное дело с оным иметь».

В приказе Г. Ф. Долгорукому от 8 июня царь говорил о необходимости провести «добрую диверсию» крупными силами драгун и иррегулярной конницы. При этом предписывалось соблюдать осторожность: построить несколько мостов через р. Псел, а возле них устроить земляные укрепления, которые послужили бы прикрытием на случай отступления. Кроме того, Петр категорически запрещал брать в поход колесный обоз, который замедлял движение. Все необходимые припасы следовало грузить на выючных лошадей.

Новому гетману и его окружению царь явно не доверял: в приказе Г. Ф. Долгорукому от 8 июня 1709 г. об организации кавалерийского рейда в расположение шведской армии было сказано: «...а что об

атаковании неприятеля... не объявляй гетману, дабы не перенеслось, но секретно сие дело держи». В следующем письме по тому же адресу содержался приказ не доводить дело до генерального боя, а только изнурять противника атаками и, по возможности, громить те полки шведов, которые отделятся от основных сил. И снова царь указывал, что гетману обо все этом надо сообщить только «в удобный час».

Большую роль в Полтавской битве сыграла русская артиллерия. Исследователи расходятся в определении ее численности, но можно уверенно говорить о наличии в русской армии 100 полевых орудий разных калибров и типов. Кроме того, по шведам било несколько десятков переносных «мортирок», огонь которых оказался очень эффективным. Именно этим можно объяснить утверждения шведских источников, что с русской стороны стреляло 150 и даже 200 пушек. Петр по своей военной специальности был именно артиллеристом (господин Бомбардир!), он понимал, что стальному упорству скандинавов надо противопоставить чугун русских ядер.

В отличие от большинства венценосных военачальников своей эпохи, Петр I прошел солдатскую школу в «потешных» частях. Он досконально знал быт нижних чинов, процесс обучения рекрутов, ситуацию в интендантской сфере. Другими словами, в армии России начала XVIII столетия не было ничего, чего не знал сам царь.

Одним из важнейших событий Полтавской битвы в многочисленных ее описаниях является контратака 2-го батальона Новгородского полка, которую возглавил сам Петр. Это произошло, когда 1-й батальон той же части, стоявший в первой линии, не выдержал штыкового удара шведской пехоты и отступил с занимаемой позиции в центре русского боевого порядка. В некоторых текстах царь ведет в атаку батальон Преображенского полка. Но, по справедливому замечанию П. А. Кротова, ни в одном из главных источников по истории Полтавского сражения об этом нет ни слова. В «Обстоятельной реляции» сказано, что Петр I «в том случае свою храбрость, великодушие и воинское искусство, не опасаясь никакого страха своей высокой особе, в высшем градусе показал, и при том шляпа на нем пулею прострелена». Можно предположить, что этот документ создавался не без спешки (текст был готов уже 9 июля), и царь не был настроен к самовосхвалению, подобно тому, как он воздерживался от награждения. Однако мы ничего об этой контратаке не видим и в «Истории Свейской войны», к содержанию которой царь проявлял большое внимание. Более того, в этой работе сказано: «...из нашей пехоты только одна передняя линия с неприятелем в бою была, а другая до того боя не дошла». Действия самого царя в «Гисто-

рии» показаны так: «...не щадя своей особы поступал, как доброму полководцу надлежит, где на нем шляпа пулею прострелена и в седельном орчаке фузейная пуля найдена». О личной храбрости Петра Великого в Полтавском сражении неопровержимо свидетельствует хранящаяся в Государственном Эрмитаже пробитая шведской пулей шляпа царя и нагрудный щиток с вмятиной от другой пули. Не говорят «о царской контратаке» и другие участники и современники Полтавской битвы, такие как командовавший левым флангом генерал Л. Н. Алларт, английский дипломат Ч. Витворт и голландский дипломат Г. ван дер Гульст. Есть все основания полагать, что рассказ об этом эпизоде рожден воображением П. Н. Крекшина, намеревавшегося написать 45-томную историю Петра Великого.

Петр Никифорович Крекшин был историком, писателем, алхимиком, предпринимателем, астрологом и изобретателем. Буйная, но «системная» фантазия этого человека скорее всего и породила данный эпизод, поскольку он впервые появляется в его работе с характерным для того времени длинным и витиеватым названием «Журнал велико-славных дел великого государя императора Петра Первого, самодержца Всероссийского, содержащий в себе лето от первого дни Адама 7217, по Рождестве Иисус Христове 1709, собранный новгородским дворянином Петром Никифоровым сыном Крекшиным в царствующем граде Санкт-Петербурге в лето Спасительного воплощения 1753, от зачатия царствующего града Санкт-Петербурга 50». Далее «траектория» движения этого мифа выглядит следующим образом: сначала Крекшина пересказывает И. И. Голиков в своих «Деяниях Петра Великого», а затем — другие авторы XVIII–XX вв., включая академика Е. В. Тарле. Похожий путь проделал и рассказ об изменнике, унтер-офицере Семеновского полка, который показал Карлу XII слабое место в русских рядах — одетых в некрашенные суконные мундиры новобранцев. Петр I, будто бы предвидевший такое развитие событий, приказал переодеть в рекрутскую одежду один из лучших полков — Новгородский пехотный. Тот же Крекшин, судя по всему, сочинил и упомянутую историю о «договоренности» Реншильда и Шереметева о дате сражения. Мы не имеем в своем распоряжении документов, которые могли бы пролить свет на творческий замысел талантливого мифотворца, поэтому приходится только предположить, что такой рассказ должен был служить демонстрацией благородства Петра I и безнравственности Карла XII. В те времена, когда жил П. Н. Крекшин, история как наука еще только переживала процесс отделения от изящной словесности. Описание прошлого обязательно должно было давать примеры благородства,

храбрости, мудрости, милосердия, трудолюбия и благочестия. Исторические труды того времени ориентировались на широкую аудиторию и потому тяготели к яркости образов, к интересным сюжетам, к занимательности.

Одной из причин появления легенды о договоренности сторон могли стать слухи, объяснявшие медленное сближение двух армий и связывавшие события с днем царских именин (29 июня). О том, что Петр I назначил сражение на этот день, записал в своем дневнике один из шведских офицеров, разумеется, не беседовавший с царем на эту тему ни до, ни после самого боя.

В описании И. Голикова въезд Петра I в Москву был обставлен следующим образом: «Коль скоро свезены были знатные пленные шведы и поставлены в окрестностях села Коломенского, тогда кесарь, кн. Федор Юрьевич Ромодановский повестил им, что по законам триумфов должны они украсить собою, яко пленные и для того извинили бы они, что удержанные за договором под Нарвою российские генералы, яко пленники, в подобном триумфе через весь Стокгольм не только пешие ведены, но и с крайним еще поруганием и бесчестьем». «При приближении к воротам выходили депутаты и говорили похвальные речи. После речи выходили юноши в белых одеждах и клали венки и ветви перед царем». Петр I выслушивал депутатов и «уклонением шпаги своей благодарил». Царя встречал и местоблюститель патриаршего престола митрополит Стефан Рязанский, после речи которого «из облаков» спустились несколько отроков «и воспели духовные песни». Петр в Успенском соборе слушал молебен. На следующий день празднество продолжалось. В 10 часов утра на Царицын луг привели всех пленных шведов. Фельдмаршалы Меншиков, Шереметев и «гвардии полковник Петр Алексеевич» в такой же последовательности отрапортовали Ромодановскому об одержанной победе. При этом Шереметев произнес следующее: «Божиею милостью и вашего цесарского величества счастьем одержал я полную победу над шведским королем Карлом XII, разбил его армию, пленил первого королевского министра графа Пипера, тайного секретаря Цидергельма и всю канцелярию, генерал-фельдмаршала Реншильда, генерал-майоров Розена, Штакельберга, Гамильтона и Мариенфельда, штаб-, обер-, и унтер-офицеров, рядовых и прочих нижних чинов 2876 и побил неприятелей до 20000». Меншиков доложил о том, что взял в плен у Переволочны 16275 человек. Наконец пришла очередь всем известного «гвардейского полковника», который доложил: «Божьей милостью и вашего царского величества счастьем, в прошлом

1708 года сентября 28, имел я жестокое сражение под Лесным с генералом Левенгауптом, одержал полную победу над армией его, состоявшею более нежели 16000 природных и опытных шведов, меньшим числом войска; и из всей шведской армии малое только спаслось число, прочие же все побиты и пленены со всем их обозом и артиллерией, а при полтавской баталии сражался я с полком моим лично, был в великом огне; и ныне пленные генералы с их фельдмаршалом и войска шведского 22085 человек приведены в Москву и полк мой состоит в добром здравье».

В честь победы было сочинено два десятка «кантов». Вот один из них:

Преславная Российская земля, веселися,
Царская держава скипетром хвалися,
Святым Апостолом Петром, дана тебе
Царю Российскому, на земли и в небе,
Благолепную царскую диомиду,
Восприял он руки Божией возложиму
На Главу Цареву, бессмертныя славы
«Да утверждаются Российские державы
Христовым камением, названным опока
Его же Бог посла ко Риму с востока,
Петр камением веры Христовой названный,
Виват Царь Государь, Богом увенчанный,
Петр, Петром утвержден, славный победитель,
Петр Алексеевич, Российский ревнитель,
Ревнуя ревнует, по Господе Бозе,
Дондеже покорит вся под нозе,
Да придет с высоты помощь от Сиона,
Да победит города Шведа Фараона,
Яко же победи в пустыни, толика,
Иногда с шумом сильна Амалика,
Торжествуй Россия православна сущи,
Красуйся и ликуй во славе цветущи,
Воспевай цареви преславными гласы,
Попикратесовы даруй дни и часы,
Да в благополучном долгом веку,
Воспримет от небес милость велику.

У знатных людей и богатых купцов ворота были украшены аллегорическими картинами: Геркулес, убивающий льва; орел, убивающий молнией льва, и т. д.

Одной из важнейших функций Петра I как верховного главнокомандующего было «понукание» генералов, руководивших действиями отдельных армий, корпусов и отрядов.

В письмах к генералу Корсаку (июнь 1704 г.) царь буквально вынуждал его идти вперед, угрожая ему жестоким царским гневом и даже смертной казнью. Петра I раздражала привычка Шереметева ждать высочайших указаний, находить отговорки для неисполнения распоряжений. Это ясно видно из письма фельдмаршалу от 14 февраля 1705 г.: «Письмо ваше я получил и понял, в котором объявляешь о сборе неприятелей, и что они стараются выбить наших из Польши, а ты как будто по указу нашему никуда идти не смеешь. И я тому зело удивляюсь, ибо я писал вам прежде, чтоб вы как возможно под неприятелем промысел чинили; против чего вы писали, что оно за провиантом учинить невозможно, и для того я писал к вам, чтоб вам до указу не ходить, а если какой удобный случай будет, а наипаче к отпору или обороне своих становищ, сей указ весьма не действен. И сие подобно, когда слуга, видя тонущего господина, не хочет его избавить, пока не уточнит, написано ли то в его договоре, чтоб его из воды вынуть». В некоторых странах Средневековой Европы была мера длины, равнявшаяся тому расстоянию, которое проходили волю после одного понукания. При чтении документов эпохи Северной войны нередко создается впечатление, что именно такими масштабами и можно изучать продвижение русских войск в отдельные моменты ее истории.

Петру приходилось вникать в разные мелочи. В указе Репнину от 20 августа 1704 г. он особо отметил, чтобы тот расставил драгунские полки на небольшом расстоянии друг от друга, чтобы их легче было собрать. Самих драгун, что в каждом пункте было не менее трех рот, а лучше — по батальону, чтобы на них не могли напасть мелкие вражеские отряды. Репнину, командовавшему в 1704 г. вспомогательным русским корпусом, отправленным к Августу II, царь дал указание не удаляться далеко от русских границ и не принимать генерального сражения со шведами даже по прямому распоряжению саксонского короля. В инструкции Шереметеву от 1 августа 1705 г. было предписано не давать неприятелю боя, задерживать на переправах. Запрещение под страхом смерти преследовать неприятеля галопом. Чтобы лишить противника возможности получать информацию о русских войсках в Курляндии, все жители Митавы должны были под страхом смертной казни передавать для перлюстрации любую свою переписку.

Кроме управления войсками и решения вопросов их снабжения, царю приходилось собственноручно разрабатывать и утверждать нор-

мативные военные документы и следить за исполнением содержащихся в них положений. Так в постоянном поле зрения царя были «Инструкции во время воинского похода». Особенно внимательно царь относился к следующим пунктам: «Варварский мерзкий крик весьма оставлен быть имеет, понеже в оном не только что доброго можно учинить, но даже слов и повеления начальника невозможно слышать; за преступление же, в которой роте станут кричать, без всякой милости оные начальные казнены будут смертью все, вышние и нижние, а солдат — половину по жребию...» В случае победы никто без приказа не имел права захватывать добычу, даже «копеешную», под страхом смертной казни. Такое же наказание за разорение мест, по которым идут войска. Выносить раненых и убитых имели право только денщики, писари, музыканты, «лишние барабанщики», остальным это строго запрещалось «хот бы главный начальник или отец его был». Солдатам запрещалось отступать без приказа, а по беглецам разрешалось стрелять из пушек и ружей. Коннице предписывалось вести разведку, «чтоб дерзновенно не въехать в рот неприятелю».

Когда Петр I определился с направлением отступления армии от Гродно на Брест и Киев, он решил создать «второлинейную армию», которую приказал формировать Г. И. Головкину и Т. Н. Стрешневу в районе Орши, Смоленска, Полоцка и Минска. В это соединение вошли т. н. «рекрутские полки», состоявшие целиком из новобранцев. Для ускорения их обучения в рекрутские роты были зачислены все солдаты, выписанные из госпиталей, а также специально отобранные нижние чины из уже обстрелянных полков. В эту же армию зачислили все Малороссийское войско под командованием И. С. Мазепы.

В Петре I шведский король нашел себе достойного соперника по военно-стратегическим играм. Царь раз за разом разгадывал намерения своего «учителя» и давал своевременные и адекватные ответы. Так, укрепив позиции у деревни Татарской и опустошив территорию вокруг Смоленска, он закрыл шведам прямую дорогу на Москву. Обнаружив, что противник начал движение на Северскую Украину, Петр I понял, что теперь надо усиливать группировку на подступах к Калуге. Был отдан приказ срочно укреплять Брянск, мимо которого шведы не могли пройти. Военным инженерам поручили создать укрепленный рубеж по р. Оке. Центром для расположения главных сил Карл XII выбрал города Мглин и Стародуб, куда направил передовой отряд исполнительного до идиотизма генерала Лагеркруну. Тот сбился с дороги, вышел к Стародубу, но не стал занимать тогда еще беззащитный пункт и, несмотря на советы своих помощников, стал выполнять приказ о по-

ходе на Мглин. Тем временем русские войска вошли в Стародуб, укрепили его и сделали своим опорным пунктом. Когда король узнал обо всем этом, он публично назвал своего подчиненного сумасшедшим.

Приставка «Великий» с древнейших времен присваивалась монархам, которые прославили свое правление и свою державу прежде всего воинскими победами. Петр стал первым из россиян, который удостоился этой чести. Полтавский триумф поставил честолюбивого царя в один ряд с Александром Македонским и Карлом Капетингом. Эта победа придала ему уверенность в силах России — Петр решился в 1711 г. на войну с Турцией, которая в начале XVIII в. была одной из могущественнейших держав Старого Света. Другим следствием разгрома шведской армии стал Персидский поход 1722–1723 гг. — именно после явного перелома в Северной войне активизировалась подготовка к наступлению на Кавказ.

Царь проявил себя блестящим стратегом в Гродненской операции по организации выхода русской армии из «мешка», в который она попала после стремительного рейда Карла XII от Варшавы и разгрома саксонских войск, спешивших ей на помощь. Отступление в непосредственной близости от такого инициативного противника, каким являлись шведы, было крайне опасным. Выставление сильного заслона, прикрывавшего отход основных сил, означало жертвование лучшими полками (не лучшие выделять для такой цели было бессмысленно). Но и такая жертва не гарантировала спасения, поскольку после неминуемого уничтожения заслона противник мог легко нагнать отступающих. При таком весьма возможном развитии событий разгром русской армии оказывался бы только растянутым во времени. Петр I нашел выход, который выглядит единственно возможным: выводить войска из Гродно под прикрытием ледохода на р. Неман. Льдины и мощное течение не позволяли шведам навести мосты для своевременной переправы и эффективного преследования. Как показали дальнейшие события, этот расчет оказался верным.

Военачальник и государственный деятель составляли в Петре Великом единое целое. Такие люди, как он, не представляли себе иного инструмента, кроме насилия. Сама военная доминанта российской государственности, предпочтение, отдававшееся простым и быстрым (читай — насильственным) методам решения вопросов внутренней и внешней политики, являлись глубинной причиной острых конфликтов с теми структурами, которые пытались этой политике противостоять. Для империи насилие было естественным способом организации политического и экономического пространства, поскольку имевшийся

инструментарий (армия и милитаризированный бюрократический аппарат), абсолютное доминирование т. н. «государственных интересов» не оставляли места для вопроса о правомерности применения силы. Неспособность признать за народами завоеванных окраин (равно как и за населением «коренных русских губерний») право на собственный выбор жизненного уклада, придавала указанной организации имперского пространства характер воинственного беспощадного реформаторства. Безапелляционность правительственных решений в административной, социальной, культурной сферах стала традиционной для России со времен Петра Великого.

Петр I видел как несомненные успехи своих генералов в овладении премудростями стратегии и тактики в 1700–1708 гг., так и ряд неудач, свидетельствовавших, что многими из них уроки усвоены недостаточно твердо. Поэтому он уже был готов принять генеральное сражение, но по возможности отодвигал его, продолжая ослаблять армию противника в «малой войне».

О том, что с организацией в российской армии и флоте по-прежнему было не очень благополучно, свидетельствует история с появлениями у Санкт-Петербурга и у Кронштадта шведских отрядов и эскадр. При наличии большого числа иррегулярной кавалерии и гребных судов, командование при необходимой распорядительности вполне могло заблаговременно получать известия о приближении противника. Ф. М. Апраксин посылал дозорные отряды морем и по суше в западном направлении, но, судя по всему, делалось это не систематически.

Петру I приходилось вмешиваться в руководство боевыми операциями, контролировать тыловые службы. Пребывание царя, его личное участие в подготовке флота не осталось без последствий для тех, кто с трудом отличал собственное имущество от имущества казенного. Капитан-поручик Николай Агман по приговору от 25 мая 1709 г. был приговорен к смертной казни, но постояв на эшафоте с петлей на шее (так приказал сам царь), отправился в Сибирь, гремя кандалами. За что же лишился чинов и дворянского звания несчастный моряк? В деле фигурируют 75 тарелок, 8 кусков свинца и меди, 20 мотков голландских ниток, 8 овчин, 3 котла, 2 сковороды, 1 бочка голландской краски, 24 жестяных и медных листа, 2 куба для перегонки спирта, 1 трос и 2 каната. Более серьезным преступлением была продажа 20 фунтов пороха, 20 фунтов свинца, шпаги и «польской сабли», причем оружие офицер отдал за 2 ведра вина и за «кулек грешневых круп». Обстановка на юге России была крайне напряженная и продажа боеприпасов местному населению выглядела прямой изменой.

Повешение же «за тарелки» можно расценивать как «острастку» для остальных государственных служащих. Капитан Корнелиус Бот, уличенный в продаже корабельных материалов (80 метров каната, 50 кг смолы, плотницкие инструменты, сукно, железо и т. д.), отделался легко — стоимость проданного вычли из его жалования. Так же поступили с капитаном Гендриком Наненом, который без команды сжег большое количество якобы пришедших в негодность корабельных материалов, поскольку это был распространенный способ скрывать хищения.

Смерть в 1714 г. Карла XII, не желавшего смириться с поражением, не привела к смягчению шведской позиции по условиям мирного соглашения. Вступившая на престол сестра короля-солдата Ульрика-Элеонора допускала передачу России только Ингерманландии. Все остальные территории, уже контролируемые русскими войсками, должны были вернуться под власть Стокгольма. Объяснялось все это тем, что Швеция согласилась «обменять» свои северогерманские владения на восточную Прибалтику. Это фактически гарантировало ей мощную поддержку со стороны Англии. Петр I твердо стоял на том, что Россия имеет все права на Эстляндию, Курляндию и Карелию. Уступкой соперникам царь считал готовность выплатить миллион рублей. Это был сильный ход, принимая во внимание разорение Швеции в ходе долгой войны. В целом, международная обстановка была неблагоприятной для России. Ее союзники, которых ранее к совместным действиям подталкивал панический страх перед Карлом XII, после его гибели заметно осмелели. Дания, Ганновер и Пруссия уже получили, что хотели. Теперь они больше пугались «восточных варваров», сумевших создать мощную армию и внушительный флот на Балтике. На дипломатическом горизонте вставал призрак если не общеевропейской коалиции, враждебной России, то, по крайней мере, военного союза, небывалого по своей мощи. Этим-то во многом и объяснялся «завор» шведских дипломатов на Аландских островах. Прусский король Фридрих-Вильгельм предупреждал Петра, что после победы над Испанией Австрия, Англия, Франция и Швеция обрушатся на Россию и раздавят ее. Но царь не побоялся этих угроз: в военно-стратегическом отношении Россия была неуязвимой при существовавшей тогда боевой технике. У нее не было заморских колоний, связь с которыми мог бы прервать флот союзников. У нее не было густонаселенного побережья с многочисленными городами, которые могли бы стать жертвой бомбардировок с моря и десантов. Английское ядро, разбивающее в щепы курную избу на по-

бережье Белого моря, наносило гораздо больший ущерб британской экономике, чем экономике российской. Стоимость самого ядра, пороха, провианта матросам, корабля, с которого этот выстрел произведен, и т. д. — все это в совокупности значительно превосходило цену нехитрого деревенского строения. От такой пальбы страдало только национальное самолюбие. Французским войскам, чтобы дойти до Мадрида от своей границы, надо было прошагать 350 верст, а до Москвы — 2400 верст. Шведы уже пробовали совершить марш вглубь России — он закончился у Полтавы, и вся Европа уже оценила ситуацию. Кроме того, Франция не была особенно обеспокоена русскими успехами в Балтийском регионе. Маловероятным был широкий антироссийский альянс и по причине истощения ресурсов великих держав в ходе войн, фактически не прекращавшихся с начала XVIII столетия. Главным же аргументом в споре была мощная и, главное, победоносная армия, а также мощный флот, уже тоже вкусивший сладость победы. Поэтому Петр I этот аргумент и решил представить в полную величину, тем более что уже в течение двух лет на театре боевых действий царило затишье, и противник стал отвыкать от грома русских пушек. В мае 1719 г. русская эскадра нанесла поражение шведской у Ревеля и привела в свой порт три шведских корабля. В июне в Аландском архипелаге собралась эскадра в составе 20 линейных кораблей и нескольких сот других парусных и гребных судов. На судах этой огромной эскадры находился десант численностью 26000 человек. В присутствии такой мощной группировки царь фактически предъявил шведам ультиматум: или согласие с последними уступками с его стороны (возвращение Финляндии, временный характер присоединения Лифляндии — на 20–40 лет, выплата крупной денежной компенсации), или война. Во избежание обвинений в нарушении интересов международной торговли Петр I 17 апреля 1719 г. издал манифест о свободе провоза в Швецию всех товаров, кроме контрабандных.

Шведы затягивали переговоры, и тогда русский гребной флот стал опустошать западное побережье Ботнического залива. Это вызвало психологический шок у населения королевства, которое привыкло к тому, что боевые действия велись на далеких от их домов землях. Был нанесен и огромный экономический ущерб, поскольку десантные группы разрушили или парализовали работу многих металлургических предприятий, продукция которых не только имела огромное значение для армии и флота, но и давала 80 % поступлений в казну от внешней торговли. Высококачественное железо и медь в стоимостном выражении составляли важнейшую часть шведско-

го экспорта. Полному уничтожению подвергся 21 завод, второй по величине город страны Норчёпинг и более тысячи деревень. Когда Ульрика-Элеонора заявила протест по поводу варварских действий русских войск, А. И. Остерман напомнил королеве о поведении шведов в России. Из Европы опять донесли угрозы по поводу создания антироссийской коалиции, в которую был готов войти даже бывший союзник — король Саксонии Август II. Но Петр I был тверд в своей позиции не делать чрезмерных уступок. Выиграв на суше и на море, он одержал и третью, на этот раз дипломатическую, победу.

Глава IX

ВНУТРЕННИЙ ФРОНТ ЦАРЯ ПЕТРА

Там на Дону казачьи круги
Они с Булавиным мутят;
Там будят диких орд отвагу;
Там за порогами Днестра
Стращают буйную ватагу
Самодержавием Петра.

А. С. Пушкин

Во время Северной войны у Петра I был и «второй фронт», фронт внутренний — борьба с противниками перемен. В их рядах стояли представители старой знати, мечтавшие о возвращении к временам «тишайшего» царя Алексея Михайловича, когда иностранцы «знали свое место», а устои православия не потрясались «латинством и язычеством». Еще большую угрозу представляли народные массы, недовольные непосильными налогами, рекрутскими наборами и вообще крутой ломкой всего жизненного уклада. Время Петра Великого было эпохой, когда оказалась разрушенной древняя русская традиция, в соответствии с которой Запад рассматривался как нечто греховное. Эта культурная линия, отчетливо наметившаяся еще в домонгольской Руси, стала доминантой в XV–XVI вв. К моменту вступления Петра I на престол буквально единицы среди представителей правящей элиты оказались готовы к восприятию европейских ценностей. Мятежи начала его царствования — показатель сопротивления как верхушки, так и простого народа проводимым преобразованиям. Следует помнить, что Петр I по праву состоит в числе «создателей» XVIII столетия, но «порожден» он сам был столетием предшествовавшим, вошедшим в историю как «бунташный век». Он начался Смутой — масштабной гражданской войной, в которой переплелся социальный протест низов, борьба правительственных группировок, авантюры самозванцев и иноземная интервенция. В 1648–1650 гг. «всколыбалася чернь на бояр» в Москве, Новгороде и Пскове. В 1662 г. страну потряс Медный бунт, вызванный денежной реформой. Огромного напряжения сил потребовало подавление восстания Степана Разина. В 1668–1676 гг. вне власти правительства

оказался Соловецкий монастырь, монахи которого взбунтовались и успешно отбивались от присланных царских войск. В 1681 г. московские староверы устроили погром в Успенском и Архангельском соборах Кремля. Они вымазали дегтем надгробие царя Алексея Михайловича и налепили на могильный камень салные свечки, считавшиеся «нечистыми». В тот же день Герасим Шапочник разбрасывал с колокольни Ивана Великого «воровские письма», где хулил церковь и царя. В 1682 г. стрельцы несколько недель контролировали Москву (т. н. Хованщина), и для их усмирения даже создали дворянское ополчение, как для отпора татарам или полякам. В 1689 г. юному царю, как говорят некоторые источники, «в исподнем» пришлось бежать в Троице-Сергиеву Лавру, опасаясь бунта сторонников «старины». В 1698 г. генералу П. Гордону удалось разбить большой стрелецкий отряд, шедший в Москву, чтобы перебить бояр, разорить Немецкую слободу и вернуть престол царевне Софье. «Бунташность» XVII в. проявлялась и в распространении оскорблений царского имени, что считалось одним из тягчайших преступлений. Какую, казалось бы, угрозу государству и власти могла нести брань или даже угрозы пьяного мужичка в адрес самодержца? Однако правительство понимало, что эти слова — тот самый «жар под золой», который при определенных условиях может стать источником катастрофического пожара. Грозным напоминанием о готовности борцов за старую веру идти на любые муки были и многочисленные «гари», в которых противники Никоновской реформы церкви сжигали себя. Для царя Петра I все это — близкое прошлое или настоящее. Он сам пережил три попытки государственного переворота и потому очень внимательно относился ко всем случаям проявления антиправительственной деятельности.

Начало одного из самых крупных политических процессов — книгописца Г. Талицкого, практически совпадает с началом Северной войны. 19 августа 1700 г. москвичам был зачитан царский указ о начале войны со шведами, а несколькими днями позднее в Преображенский приказ доставили «вора», поиски которого велись с 28 июня того же года, когда Ромодановский получил «извет» церковного певчего Ф. Казанцева. Посланные на дом к Талицкому гвардейцы не обнаружили хозяина (успел скрыться), но нашли деревянные печатные доски с текстом антиправительственных прокламаций. По его следу пустили несколько десятков сыщиков, за поимку посулили награду в 500 рублей. Талицкий в своем учении провозглашал скорый конец света и называл Петра I воплощением антихриста. В качестве доказательств приводились «богопротивные» мероприятия — бритье бород,

ношение иноземного платья, изменение нравов, а также специальные арифметические расчеты, показывавшие, что Петр I и есть тот самый «осьмой царь» Апокалипсиса. Бороться с антихристом следовало совершенно земными средствами: не платить налоги, отказаться от нововведений в повседневной жизни, не исполнять повинности, произвести силами стрельцов государственный переворот и посадить на престол «ревнителя старины» князя М. А. Черкасского. Благодаря яркости слова, созвучности мыслям и чувствам многих россиян, идеи Талицкого стали очень популярны, о чем свидетельствовали и материалы дела, и последующие находки разного рода «прелестных писем». Талицкий был казнен вместе с несколькими единомышленниками, сочувствовавший ему князь И. И. Хованский умер под пытками, а епископ Тамбовский был лишен сана, расстрижен и по приговору суда сослан в Соловецкий монастырь. Представление царя антихристом и воплощением нечистой силы было очень распространенным среди народа, не отягощенного любовью к петровской «новизне». При этом в качестве аргументов принималась даже внешность царя, и его нервный тик: «...а что де головою запрометывает и ногою запинается, и то де его нечистый дух ломает... Какое де ныне христианство, ныне де все стали иноземцы, все де в немецком платье ходят, да и в кудрях [париках. — В. Л.], а бороды бреют...» В 1710 г. появилось первое старообрядческое сочинение, в котором осуждались петровские реформы, а сам царь назывался антихристом, «зверем двоеглавым» (глава государства и церкви), «зверем двуимянным» (Петр и Питер).

Руководство борьбой с противниками на внутреннем фронте сосредоточилось в Преображенском приказе. Это учреждение было многофункционально, подобно многим аналогичным ему учреждениям допетровской и «раннепетровской» России, отличаясь от них тем, что его компетенция распространялась на всю территорию страны, а не на какие-то ее отдельные части. Более того, в сфере политического сыска этому Приказу подчинялись все без исключения органы государственного управления. Это учреждение, наводившее одним своим именем ужас на россиян, выросло из Преображенской Потешной избы, созданной в 1686 г. как дворцовая контора, ведавшая обслуживанием резиденции Петра I. Потешной ее называли потому, что до 1689 г. главным образом приходилось тратить силы и деньги на военные затеи молодого царя. Впоследствии, когда в ней сосредоточились дела тайной полиции, одна из частей старого названия выглядела черной шуткой. Когда «потешные» превратились в Преображенский полк, «изба» стала ведать вопросами комплекто-

вания и материального обеспечения этой элитной воинской части. Практика судебно-следственной деятельности конца XVII в. привела к тому, что в Преображенском приказе стали сосредотачиваться дела по наиболее сложным делам и по тем, где фигурировали представители знатных родов. В 1697 г. это учреждение ведало политическими процессами, Преображенским и Семеновским полками и «порядком» в Москве, а его глава Ф. Ю. Ромодановский на время заграничного вояжа царя фактически назначался «исполняющим обязанности» монарха.

За первые 9 лет Северной войны (1700–1708) было осуждено по политическим делам 444 человека, из которых было казнено 48 человек и сослано 273 человека. Самым жестоким образом расправлялись с теми, кто вел, выражаясь современным языком, антиправительственную пропаганду. Монах Герасим лишился в 1701 г. головы за то, что, услышав рассказ о разгроме русских войск под Нарвой, посетовал, что в том сражении не был убит сам царь. Если бы такое случилось, то война прекратилась бы, и народ «отдохнул». Так же закончил свой земной путь в 1707 г. священник из Азова И. Федоров, пророчивший скорую гибель царя. За хулу в адрес царя приговаривался к смерти примерно каждый пятый в том уличенный, остальных били кнутом и отправляли на каторгу или в ссылку. Вечная каторга грозила тем, кто сопровождал недовольство властью угрозами в ее адрес.

Во многих случаях в политических делах было трудно отделить идеологическую составляющую протеста от недовольства экономическими трудностями. Пример тому — дело старца Дмитрия из московского Богоявленского монастыря, ведавшего кухней. Получив указание кормить бесплатно солдат, монах возмутился и закричал, что надо выбрать другого царя, поскольку нынешний «немцев полюбил и верует в них». За дерзкие слова старца били кнутом, «урезали язык» и отправили на каторгу. Такое же наказание ждало и двух крестьян, которые сетовали, что подати и указы о повинностях совсем замучили народ и что хорошо бы царя самого повесить. В 1701 г. в монастыре с «урезанным» языком оказалась дочь посадского человека Евдокия Часовникова, говорившая, «которого де дня в[еликий] государь и стольник Ф. Ю. Ромодановский крови изопьют, того де дни в те часы они веселы, а которого дни они крови не изопьют и того дня им и хлеб не естся». За неосторожные слова страдали и представители «социальной опоры самодержавия» — дворяне. Помещик Букреев, заявивший, что царь с умыслом погубил много народа под Нарвой, был нещадно бит кнутом, ему поставили клеймо на лице и отправи-

ли на каторгу. Однако можно с уверенностью говорить о различии в наказании простых людей и благородных за одинаковые проступки. Со вторыми в большинстве случаев обходились значительно мягче. Стольник Я. Полтев и его крепостной И. Смагин сошлись во мнении: разорительное для народа кораблестроение прекратится только после того, как царь лишится головы. Первый собеседник отделался тремя годами каторги, а второму вырвали ноздри, поставили клеймо и навечно отправили на сибирские рудники.

При проведении сыска и назначении наказания практически не делалось скидок ни на пол обвиняемого, ни на его возраст. Женщин, правда, не отправляли на каторгу. Известны только единичные случаи, когда приговоры смягчались из-за молодости или дряхлости осужденных. Попытки подсудимых оправдаться состоянием сильного опьянения ни к чему не приводили. Ф. Ю. Ромодановский полагал, что суровое наказание «говорунов» должно служить тому, «чтоб впредь ему и другим напився пьяным непристойных слов врать неподвадно было».

Практика награждения доносчика стимулировала тех, кто желал поправить свое материальное положение за счет осужденного по этому доносу соседа, сослуживца или родственника. Награда определялась властями. Л. Елизарьев, выдавший заговорщика стрелецкого полковника Цыклера, получил чин дьяка и 50 крестьянских дворов. Стрелец Брылкин, написавший «извет» на самозванца Кобылкина, получил дом последнего. Один холоп, донесший на своего хозяина, получил свободу и 10 рублей (годовое солдатское жалование), другой холоп, сделавший то же самое, освободился, но «подъемных» не получил. Донос был делом прибыльным, но опасным. Если обвинение оказывалось ложным, или подследственный доказывал свою непричастность, то доносчик сам оказывался на дыбе. Беглый стрелец В. Иванов попытался искупить свое дезертирство «изветом» на донских казаков, жаловавшихся на притеснения и задержку жалования и говоривших: «У нас де ныне государя нет, а тот де государь немчин. А как бы де он был старый государь и он бы де не так делал, а то де веру верует немецкую». В Преображенском приказе ему не поверили, нещадно высекли, клеймили и сослали в Сибирь. Допросы проводились сурово. Из 365 человек, привлеченных по делу об Астраханском восстании, под пытками умерло 45 человек, т. е. больше, чем каждый десятый. С 1697 г. Преображенский приказ становится инструментом систематического преследования противников петровских преобразований.

В лагере противников петровских преобразований мы видим много священнослужителей, что объяснялось их недовольством политикой правительства. В 1700 г. после смерти патриарха Адриана выборы нового патриарха были отложены, главой православной церкви поставили митрополита С. Яворского в ранге местоблюстителя патриаршего престола. В 1701 г. серией указов ликвидировалась и хозяйственная самостоятельность церквей и монастырей. Монахам устанавливалось определенное жалование, а все доходы обителей отбирались в Монастырский приказ. Духовенство в ответ сеяло среди мирян недоверие к реформам, распространяло слухи об отходе царя Петра от православия, о том, что он является инструментом злых сил. Особую неприязнь у церковных деятелей вызывали насильственные изменения в области повседневности (введение иноземного платья, новых обычаев, разрешение табака, перемена летоисчисления, массовое приглашение иностранцев на службу и т. д.). Об активности священнослужителей говорит и статистика: они, составляя менее 2 % населения России того времени, являлись заметной группой среди подсуемых в Преображенском приказе — около 20 %.

Одним из сражений на внутреннем фронте стало дело царевича Алексея. Сын томившейся в монастыре Евдокии Лопухиной, по свидетельству одного из современников, был «постоянно окружен гурьбой разнузданных, невежественных священников и тех ничтожных персон дурных свойств, в обществе которых он постоянно ратовал против упразднения отцом своих старых привычек и говаривал, что он тотчас по вступлении во власть правительственную Россию вернет по прежнему. Он грозил одновременно и открыто всех любимцев царя искоренить». В 1715 г. Петр I предложил сыну либо постричься в монахи, либо принимать участие во всех государственных делах. Алексей предпочел первое, и когда царь приказал ему прибыть к войскам, действовавшим в Дании, он бежал в Австрию. Не без усилий русским дипломатам удалось добиться возвращения царевича в Москву. Начались аресты, следствие и пытки. Чтобы пресечь сообщение возможных заговорщиков на тракте между столицами, лошадей можно было давать только по личному распоряжению самого царя или Меншикова. Из Петербурга в Москву на допросы везли в кандалах десятки людей — от простых слуг до таких людей, как П. А. Апраксин (брат генерал-адмирала Ф. А. Апраксина), царские любимцы В. В. Долгорукий и А. Кикин. Несколько человек были казнены, несколько десятков сосланы на каторгу, лишились языка, отправлены на поселение в Сибирь. 24 июня 1718 г. 127 высших государствен-

ных чинов единогласно признали, что царевич за свои преступления достоин смерти. Таким шагом царь «связал» тех тайных своих противников, которые в случае восшествия на престол Алексея с воодушевлением стали бы крушить все созданное царем за два десятилетия невероятных усилий. Через два дня царевича не стало. Скорее всего, он умер, не выдержав пыток, но не исключена вероятность, что наследник престола был казнен. Эта расправа с тем, на кого так надеялась оппозиция, показала всем «ревнителям старины», что Петр I не остановится ни перед чем на своем пути обновления России.

Острая потребность государства в пополнении казны стала причиной увеличения налогов, распространения обложения на те виды деятельности, которые ранее находились вне сферы фиска. И это усиление поборов происходило стремительно, сопровождалось насилием и бесцеремонным вторжением в народный быт. Первое массовое выступление имело место в Башкирии. Обстановка в этом регионе уже была накаленной из-за недовольства местного населения русской колонизацией, при которой пришельцы занимали лучшие земли. В 1704 г. правительство решило, что инородцы Поволжья и Урала вполне могут платить больше. В Башкирию приехали так называемые прибыльщики — ответственные чиновники, которые должны были организовать раскладку и сбор новых налогов. Башкир обязали платить за улья, за хомуты, за бани, за свадьбы, за окна, за погреба, за мельницы, за проруби, за ворота, за мечети, за въезд на базарную площадь и т. д. Создается впечатление, что прибыльщики придумывали новые подати в пьяном кураже, поскольку был введен налог даже на глаза. Местное население лишилось лучших рыбных ловель и бортных угодий. Некоторые меры правительства воспринимались мусульманами этих регионов как подготовка к их насильственному крещению.

Возмущение башкир проявилось в избиении прибыльщиков и уничтожении налоговых документов. Власти ответили присылкой солдат, а когда это не помогло, поручили умиротворение башкир чиновнику А. Сергееву, который сделал ставку на устрашение. Арсенал его отличался каким-то сатанинским разнообразием: аресты, пытки холодом, грабеж, разорение хозяйств, угон скота, массовые порки и т. д. Особенность местного коневодства — содержание лошадей зимой на подножном корму, в результате чего они весной были худосочными и восстанавливали форму после выпаса на свежей траве в течение двух-трех недель. Сергеев же требовал в марте-апреле от башкир «нормальных» лошадей. Тех башкир, которые, несмотря на побои и другие притеснения, так и не поставили требуемого, чи-

новник заставил купить коней по очень высоким ценам. Не довольствуясь этим, Сергеев собрал представителей башкирских родов и принял насильно поить их водкой, не исключая из этой процедуры и мусульманских священнослужителей. «А ежели кто не станет пить, тех бил палками и насильно поил; а напившиеся де лежали без памяти, а лежащих де людей порохом палил, солому огнем зажигал, другим в горсти пороху насыпав огнем палил, на руки свечи прилеплял, а збережась лежалых людей сызнова подняв по неволе поил, хотя поморить...» В 1705 г. правительство сочетало «уговоры» с жестокими карательными мерами, но все это не помогало. Б. П. Шереметев писал в 1706 г. Ф. А. Головину: «...больше надо от башкирцев опасение иметь нежели от астраханцев. Вам известно, сколько их много, и каракалпак с ними, и до самой Сибири все орды. Унимать их будет с трудом. Не надо их слишком зlobить, полно нам покуда шведов». Восстание башкир представляло особую опасность для уральских заводов и для путей доставки их продукции в европейскую часть страны.

В 1706 г. нарастает число сообщений о нападениях башкирских отрядов на русские села. Особое возмущение вызвала расправа с «челобитчиками» — с делегатами, посланными в Москву с жалобами на злоупотребления местных властей. Главу делегации Дюмоя Ишкеева повесили, а остальных посадили в тюрьму. Первые шаги по подготовке восстания башкиры умело маскировали организацией отпора калмыкам, с которыми у них были давние счеты. Власти также не дремали, подтягивали дополнительные силы. Крупный отряд (1500 человек при 5 пушках) полковника Хохлова оказался окруженным. Повстанцы их «на степи осадили и морили 10 дней и ночей ни пить, ни есть, ни спать не давали, переменяючи приступали, и как люди от голоду и от бессонницы обезумели, и они, воры, обоз разорвали и побили и в полон взяли...» Менее четверти отряда удалось спастись бегством; им пришлось бросить, разумеется, все припасы и орудия. Башкиры осадили Солеварный городок, который удалось отстоять силами двух полков, изрядно потрепанных по дороге. В декабре 1707 г. пала крепость Заинск, и тогда же восстание перекинулось на Казанский уезд. Шереметев, предупреждавший об опасности массового выступления «орд», оказался совершенно прав. К башкирам присоединялись татары, марийцы, удмурты, чуваша. Правительство, встревоженное ситуацией в этой части страны, стало предпринимать все возможное для скорейшего подавления восстания. Два дня (30–31 декабря 1707 г.) в подмосковном селе Преображенском проходили заседания совета («конзилии») под председательством самого царя. Решили отпра-

вить в Башкирию пять регулярных армейских полков, мобилизовать дворян Поволжья и выделить для их вооружения 5000 единиц огнестрельного и такое же количество холодного оружия. Командующим всеми этими силами стал воевода князь П. И. Хованский, получивший приказ «идти из Казани с ратными людьми для укрощения на воров, с которыми места случай позовет, и чинить ему над ними, как над неприятелем...» Были посланы грамоты давним недругам башкир — яицким казакам и калмыкам. Русские, проживающие в Поволжье, получили указ, чтобы они, «собравшись на них воров шли ж, и жилища их разоряли и пленили огнем и мечом, а скот, имущество и пленных брали себе в добычу». Местным властям ситуация казалась совсем мрачной. Казанский воевода 1 января 1708 г. обратился к Меншикову с просьбой прислать дополнительно два «верных и надежных» конных полка и один полк пехотный. Он предупреждал, если не удастся подавить восстание в течение зимы, то летом, когда подножный корм создаст благоприятные условия для передвижения конницы, ситуация окончательно выйдет из-под контроля, и придется присылать для умирения целую армию.

Антиправительственные силы пользовались явной поддержкой даже той части населения, которая не решилась на активные действия. В январе 1708 г. на это обратил внимание в своей грамоте татарам Ногайской дороги [административно-территориальная единица. — В.Л.] казанский воевода Кудрявцев. Он писал: «Воры-башкирцы великому государю изменили, а к тем ворах пристали такие же единомышленники татары ваши и других дорог и русские села и деревни ж жгут, а людей рубят и в полон емлют, а вы неведомом для какого умыслу на тех воров нейдете, а в которые ваши деревни и придут те воры, не противитесь и ставите про них меды и пиво варите и никого из них не ловите...» Далее следовал приказ идти в поход против восставших, сопровождавшийся угрозой: «...а которые из вас идти не похотят и тех потому ж, что изменников. Станут рубить и дома их жечь и разорять и жен и детей в полон брать». Тревожным знаком для правительства стало участие в движении национальной знати, которая в основной своей массе поначалу занимала выжидательную позицию. В то же время значительные группы т. н. «служилых татар», основной повинностью которых была военная, составляли отряды, действовавшие по приказу Кудрявцева. Особо отличился отряд казанских мурз. В январе 1708 г. в осаде оказались города Кунгур и Сарапул, в Уфимском уезде шли постоянные бои. Местное начальство само делало все возможное: укреплялись населенные пункты и прежде всего Казань. Все

понимали катастрофические последствия падения этого политического центра. Была проведена поголовная мобилизация всех способных носить оружие, а имевшиеся в распоряжении армейские части начали активные действия. Драгунский полк под командованием В. Шереметева предпринял попытку прорваться в блокированную Елабугу, но по дороге подвергся атаке повстанцев, и, как указал в рапорте сам полковник, «драгуны его не устояли». Не более успешным оказался поход двух пехотных полков: отбиваясь на каждом шагу от наседавшей конницы восставших, карательная экспедиция была вынуждена остановиться, огородиться обозными повозками и две недели пробыть в фактической осаде. Неожиданно большую помощь властям оказали отряды, сформированные из т. н. «вольницы». В значительной своей части это были разного рода полууголовные и откровенно уголовные элементы, перепуганные служители монастырей, бурлаки, крестьяне. В начале февраля 1708 г. Н. Кудрявцев «слезно» просил царя прислать 2–3 конных полка, указывая на опасность дальнейшего распространения возмущения: если отряды повстанцев «перейдут через Волгу реку на Нагорную сторону, то что есть татар и чувашу и мордву возмутят к своему воровству всех».

12 февраля 1708 г. отряд, состоявший из кумыков, ногайцев, чеченцев, башкир и казаков-раскольников, захватил город Терки в низовьях р. Терек. Воевода И. Вельяминов с остатками гарнизона заперся в цитадели. Имеются сведения, что участники этого дела после окончательной победы намеревались двигаться на Астрахань и далее — вверх по Волге. Однако отряд, состоявший из пехотного полка и многочисленной татарско-калмыцкой конницы, разбил повстанцев, а захваченного в плен предводителя — башкира Мурата, после жестоких пыток повесили за ребро. Несмотря на эту победу, власти были крайне встревожены расширением географии народного движения. Появление очагов открытого сопротивления в Предкавказье означало создание «единого фронта» от Бессарабии (буджакские татары) до Сибири. На Урале и в Среднем Поволжье регулярные войска не могли справиться с восставшими «инородцами», на Нижнем Поволжье еще тлели угли Астраханского восстания. На Дону было более чем беспокойно, в большом и, как потом оказалось, обоснованном «подозрении» были малороссийские казаки. Будучи отрезанным от центральных уездов, местное сибирское начальство вряд ли смогло удержать ситуацию под контролем. Яицкие (уральские) казаки были спокойны, но их лояльность также была под вопросом. В январе 1708 г. они получили царскую «грамоту» с повелением идти на баш-

кир. В первые два месяца того же года им было направлено четыре письма казанского воеводы Кудрявцева, в Самару доставили предзнававшееся казакам жалование, но явились они только в июне месяце, когда уже не было острой необходимости в их помощи. Кудрявцев имел все основания писать Меншикову в апреле 1708 г., что «яицкие казаки по многим... указам и по грамотам и по нашим письмам по се число на воров не пошли, а пойдут ли, Бог весть, а мы чаем, что есть у них с ними ворами согласие». О сочувствии яицких казаков к восставшим говорит и тот факт, что они вернулись в свои станицы, не ограбив башкирские земли, хотя обычно они не упускали возможности поживиться чужим добром. О внимании к восстанию башкир свидетельствует участие в разработке планов его подавления самого командующего русской конницей А. Д. Меншикова. Напоминаем, что это была самая напряженная фаза борьбы с Карлом XII. Меншиков решил, что для успокоения региона надо пойти на некоторые уступки. 22 февраля 1708 г. он приказал: «...которые люди на Уфе и в прочих тамошних городах от нас посланы для оклада новых сборов и чтоб из тех мест немедленно вывести... Есть ли те люди отсюда выведены будут, то вскоре здешнее, а особливо башкирское замешание, утишится...» Начались переговоры с восставшими, которые со своей стороны также искали способов примирения: жестокие репрессии делали свое дело. Однако они выдвинули четыре требования: прекратить захваты земель, отменить новые налоги, пресекать произвол местных властей, отказаться от христианизации края. Несмотря на переговоры, боевые столкновения продолжались, но в ожидании их результата активность башкир несколько снизилась, и правительство получило передышку. Были собраны значительные силы — около 9000 регулярной пехоты и конницы, 1000 татарских мурз, 1500 человек русского дворянского ополчения. Кроме того, по-прежнему в Казанском и Уфимском уездах зверствовали отряды «вольницы» неуставленной численности. Таким образом, для умиротворения восстания выделялись силы, появление которых на русско-шведском театре военных действий было бы очень заметным.

В ходе начавшегося наступления правительственным войскам удалось вытеснить отряды повстанцев из центра Казанского уезда за Каму и Вятку. Участников волнений и сочувствующих им подвергали суровым наказаниям, тысячи людей стали холопами или крепостными. Ясашные татары (лично свободные и платившие налог государству) писали в своей жалобе: «...казанские же мурзы и татары слободские и уездные во время той же башкирской войны многих их

братьев ясашого чину людей татар побили, а иных в полон забрали к себе в неволю мужеска, женска полу и меж себя тех невольных и продают, а иных держат к себя в неволю и се время». В 1721 г. один из казанских землевладельцев так объяснял происхождение своего крепостного: «...в 708 году был башкирский бунт и в то время он его купил... у солдата, дал денег 10 рублей». Командовавший правительственными войсками Н. Хованский совмещал репрессии с переговорами, хотя последними были очень недовольны местные власти. Сам военачальник медленное свое наступление объяснял в письме Петру I от 5 июня 1708 г.: «А как из Казани с ратными людьми на тех воров пошел, и приводил тех воров новокрещенов к святому Евангелию [принявшие христианство татары клялись на Библии. — *В. Л.*], а татар к курану [к корану. — *В. Л.*], а иных иноязычников по их верам... Для того и походом опоздал, и не уверяя их воров покинуть было за спиною нельзя...»

Весной 1708 г. с появлением подножного корма для лошадей восстание вспыхнуло с новой силой. Одной из важнейших причин этого было влияние известий об успехах донского атамана Кондратия Булавина. В мае 1708 г. отряд И. Некрасова захватил г. Камышин на Волге и осадил Саратов. Поскольку информационные потоки того времени во многом совпадали по направлению с торговыми путями, совершенно очевидно, что об этом знали в Казани и ее окрестностях. Кроме того, есть известия о попытках установления прямых контактов между донскими казаками и башкирами. Важным было и то обстоятельство, что весной 1708 г. калмыцкий хан Аюка с трудом выполнил свое обещание нанести удар по восставшим башкирам, поскольку «мешают ему донские казаки, многие юрты разорили, и людей побили и в полон поимали и ныне еще тщатся, где б улусы разорить...»

Сочетание репрессий и уступок в конце концов дало результат. Участники движения получали амнистию и приносили присягу, арестованные освобождались, наиболее odioзные фигуры из местной администрации переводились на другое место службы. Важным средством умиротворения стало обещание снизить налоги. В рапорте от 5 июня 1708 г. на высочайшее имя Хованский писал: «Ныне за божьей помощью от них башкирцов воровства никакого нет, потому что все их воровство искоренено, и в Уфинском уезде по самую Уфу стало быть вельми смирно и провиант на Уфу водою, также и сухим путем послан». Однако это успокоение оказалось временным. Уход войск, оставление на своих постах ненавистных воевод, а также требование выставить на службу в Санкт-Петербург тысячу человек вызвало но-

вую волну недовольства. Повсеместно нарушались обещания «простить» участников восстания, немалое число пленников не получило свободы. Воевода Кудрявцев не стесал краски, когда писал Петру I в ноябре 1708 г.: «Они воры, башкирцы, по-прежнему изготовились воровать и разорять, как реки льдом покроются». За поддержкой башкиры обратились к каракалпакам, которые согласились прислать 10-тысячный отряд при условии признания башкирами своим правителем сына каракалпакского хана. Союзники действительно пришли, но их отряд насчитывал всего несколько сотен человек и значительного влияния на ход событий не оказал.

В начале 1709 г. управлять Поволжьем и Уралом поручили П. М. Апраксину, который основу своей политики выразил следующими словами: «...непрестанно печаль имею по должности моей, чтоб оных привести в твердость без многих убытков и кровей». Он направил письма влиятельным людям Башкирии с призывом отказаться от «измены», обещая выполнить их пожелания и законные требования. В башкирском стане произошел раскол: часть населения по разным причинам согласилась сотрудничать с властями, а другая часть заняла непримиримую позицию. Весной 1709 г. восстание вновь вспыхнуло, но теперь его очаги были сдвинуты на восток, и главные события разворачивались в Зауралье. Опять горели деревни и кочевья, заводские слободы. Многие предприятия края вынуждены были прекратить работу. Властям удалось мобилизовать на борьбу с повстанцами русское население, которое бралось за оружие, чтобы спасти свою жизнь и свое имущество. Обе стороны несли значительные потери. Только наступление холодов привело к прекращению боев. Зимой 1709/1710 г. была отправлена карательная экспедиция под командованием полковника Л. Парфентьева, которая разорила много башкирских селений, но не смогла предотвратить нового весеннего выступления, которое к лету достигло «прежнего» размаха. На подавление были брошены значительные силы регулярной армии и 5-тысячное калмыцкое ополчение. Результатом этих действий стал рапорт Л. Парфентьева от 7 ноября 1710 г.: «...явились ...башкирцы разных волостей Карабаш Изягилдин с товарищи 140 человек и били челом тебе, великому государю, и во всем принесли вину и сказали, что они впредь ...тобольских слобод воровать и разорять и русских людей побивать не станут и на том по своей вере целовать коран... и для подтверждения с 10 волостей, которые живут близ тобольских слобод дали аманатов [заложников. — В. Л.] 24 человек». Весной 1711 г. восстание опять подняли жители центральной части Башкирии. При

участии отряда каракалпаков они попытались напасть на Уфу. Только осенью в крае установилось внешнее спокойствие. В июне 1712 г. П. М. Апраксин писал своему брату Ф. М. Апраксину, что башкиры «...неотложно в своей измене и бунтах стоят, и непрестанное от них имеем опасности и разорение». Полгода спустя он же сообщил канцлеру Головкину, что живет «во всегдашнем опасении» нового бунта. В 1720–1722 гг. под суд были отданы те местные чиновники, которые злоупотребляли властью до, во время и после восстания. При введении подушной подати в 1724 г. ее не распространили на башкир. В 1728 г. Уфимскую провинцию выделили из состава Казанской губернии и подчинили непосредственно Сенату. Сбирать ясак было поручено самим башкирам. Представители башкирского общества получали право беспрепятственного проезда в столицу для подачи прошений и жалоб. Бригадир П. Бутурлин, назначенный Уфимским воеводой, получил указания нерусскому населению края «никакого озлобления, обид и налогов не чинить».

О масштабах восстания в Башкирии говорит тот факт, что только в Казанском и Уфимском уездах было разорено более 300 русских поселений, убито или угнано в плен более 12000 жителей. Особенно власти были встревожены появлением в Крыму и в Турции посланцев от башкирских владетелей.

Недовольство широких масс населения проявилось в том, что практически одновременно в самые тяжелые годы Северной войны вспыхнули восстания в Астрахани, в Башкирии и на Дону. В городах Астраханского края в начале XVIII в. находилось около 10000 служилых людей, подавляющее большинство которых составляли стрельцы. Значительная часть из служивших в местных гарнизонах вербовалась из т. н. «вольницы» — людей без рода и племени, зарабатывавших на жизнь рыбными промыслами, разгрузкой судов, бурлачеством, добычей соли и т. д. Это был далеко не благонамеренный люд. Отсутствие строгой дисциплины, возможность «заработков» являлось компенсацией за невысокое жалование (выплачиваемое нерегулярно) и привлечение к казенным работам (строительство, заготовка дров, сена, ремонт гидротехнических сооружений и т. д.). В начале XVIII в. процесс превращения стрелецких полков в солдатские оказался чрезвычайно болезненным. Более интенсивная служба подрывала хозяйство, что усугублялось вопиющими злоупотреблениями командиров-дворян. Появление офицеров-иноземцев стало еще одним поводом для недовольства: они закрывали путь для выслуги русским, презрительно относились к подчиненным. Совмеще-

ние в руках командного состава административных и экономических рычагов ускорило процесс имущественной дифференциации в самой стрелецкой среде. Зажиточные люди откупались от службы, что позволяло им сосредоточиться на хозяйственных делах и еще более поднимать свое благосостояние. Неспособные дать взятку тянули служебную лямку за двоих и за троих, отчего их ремесло или торговля окончательно приходили в упадок.

Одной из причин восстания стало бесцеремонное отношение власти к частной собственности. В 1704 г. воевода Т. Ржевский решил вопрос о перевозке селитры в Москву следующим образом: конфисковал 34 речных судна по своему выбору, разумеется, без всякой компенсации. Шла война, и селитра была нужна для производства пороха. В списках восставших мы видим имена ограбленных судовладельцев. В следующем году, опять же для нужд селитроваренных заводов были конфискованы дрова, которые в Нижнем Поволжье все были привозные и стоили недешево. Произвол властей повышал социальную напряженность в посадской среде Астрахани. Возможность заработка на сезонных промыслах в период навигации привлекала в низовья Волги большое число т. н. «пришлых людей», большая часть которых кормилась поденной работой. В 1704 г. изменились правила взимания налога с рыбных ловель, повысились пошлины на соль. Было введено множество новых налогов, взимание которых на практике приводило к полному разорению торговцев, ремесленников, домовладельцев, рыбаков, скотоводов и даже охотников. Все эти немилосердные поборы сопровождались насилиями и открытым грабежом со стороны властей. Подполковник И. Некрасов при выдаче жалования без объяснения причин присвоил часть денег, а протестовавших стрельцов приказал высечь кнутом и сослать в дальние гарнизоны. Солдаты, подавшие воеводе Ржевскому челобитную на капитана Л. Мейера, были арестованы и также биты кнутом. Видя круговую поруку местных властей, отчаявшиеся астраханцы послали в Москву писаря С. Калачникова, который должен был привлечь внимание правительства формулой «слово и дело», заявляя тем самым о политическом преступлении. Но глава Преображенского приказа Ф. Ю. Ромодановский не считал государственными преступлениями ни набег солдат на калмыцкие кочевья по приказу капитана Мейера, ни его взяточничество, жестокость и поборы, ни прощение (за взятку) персам разбойного нападения на русское судно, ни содержание в тюрьме человека, пытавшегося о том сообщить в Москву. Стрельцы и посадские у царя правды не нашли. В начале 1705 г. уба-

вили размер хлебного жалования. Напряжение в Астрахани достигло предела. Нужна была только искра, чтобы прогремел взрыв. Такой искрой стало получение указа, который напоминал воеводе, «чтобы носили платье верхнее и исподнее немецкое, зимой саксонское, а летом французское, и штаны, и сапоги, и башмаки немецкие ж, и ездить в седлах немецких ж. Также женска полу носить платье верхнее — кунтыши, а вместо треухов — шапки, а исподнее бостроги и юпки, и башмаки немецкие ж». К тому времени преследование бород и русского платья в Астрахани уже имело свою поистине зверскую историю: в челобитной царю отчаявшиеся жители писали: «...у мужска и женска полу русское платье обрезывали не по подобию и обнажали перед народом, и всякое ругательство над ними и женским и над девиным полом чинили, и от церквей отбивали [не пускали. — *В. Л.*] и их били, и усы и бороды ругаячи обрезывали с мясом». Произвол властей, принимавший часто вид изощренного издевательства, порождал фантастические слухи, которым народ верил. За несколько дней до восстания астраханцы убеждали друг друга в том, что им запретят семь лет «играть свадьбы», заставят жениться исключительно на немках и за немцев же выдавать своих дочерей. В этой обстановке сложился кружок заговорщиков, намечавших после захвата города «поднять» донских казаков, поволжское крестьянство и далее идти на Москву. На рассвете 30 июля восставшие, не встретив сопротивления, захватили город, убили несколько десятков «начальных людей» и иностранцев, а также воеводу Ржевского. К восстанию присоединились гарнизоны городов Черный Яр, Красный Яр, Терки и Царицын. Были посланы делегации к калмыкам, к донским и яицким казакам, но кочевники поддержки не оказали, на Дону посланцев арестовали и отправили в Москву, а группа, ехавшая на Яик, «одумалась» и повернула к столице, решив подать донос на бунтовщиков.

На правительство известие о восстании произвело ошеломляющее впечатление. Царь в письме графу Ф. В. Головину так прокомментировал донесение Б. А. Голицына о том, что повстанцы объявили о своем неподчинении: «Князь Борис сумасбродным письмом зело нас в сомнение привел, а что пишет — сам не знает». Боярское совещание приняло решение о сборе дворянского ополчения в Поволжье и об отправке в Астрахань грамоты, в которой гарантировалась амнистия всем «покаявшимся» и жестокая расправа над «упорствующими». Петр I приказал бросить на подавление бунта самого фельдмаршала Шереметева с несколькими полками. Ситуация была столь серьезной, что царь, отличавшийся нетерпимостью к бунтовщикам,

согласился их «простить». Более того, он удерживал Б. П. Шереметева от крутых мер: «...для бога осторожно поступайте и являйте к ним всякую склонность и ласку, и до которых присланных их дела нет [на которых нет особой вины. — *В. Л.*], то их свободно назад к ним отпускайте, а буде которых отпустить зачем невозможно, то извольте их за учтивым присмотром иметь при себе на свободе и казать к ним ласку...» Командовавший войсками в Ингерманландии П. М. Апраксин получил повеление идти к Москве со всеми имевшимися в его распоряжении войсками. Царь всерьез воспринял угрозу захвата столицы, поскольку повелел, «деньги из приказов собрав, вывезти из Москвы, или б с верными тайно где положили или закопали, ради всякого случая, тако ж и ружье лучше чтоб не на Москве было». Не особенно доверяя донским казакам, он приказал следить за их поведением и принять особые меры для охраны Азова и Таганрога. Тем временем положение восставших осложнилось из-за нападений калмыков, которые воспользовались «безначалием» и стали грабить рыбные промыслы, совершать налеты на окрестности городов. Получив царскую грамоту, астраханцы разослали ее копии по всем городкам для написания «общего» ответа. Знаменитый «наивный монархизм» россиян позволил им расценить грамоту как согласие царя рассмотреть их жалобы на жестоких бояр. Но в декабре 1705 г. пришла новая грамота Петра I, гораздо более суровая. Такой документ не мог напугать, а мог только рассердить. Восставшие посадили курьеров под арест, а сам документ признали подложным. Тем временем полки Шереметева застряли в дороге из-за осенней распутицы и традиционной российской неразберихи в вопросах снабжения. После смотра войск в Нижнем Новгороде был составлен такой длинный список недостающего снаряжения и вооружения, что список имевшегося мог оказаться гораздо короче. Слова фельдмаршала «...люди зело добры и новые учения принимают, только не одеты» комментариев не требуют. Он сам, мучимый болезнями и слухами о возмущении башкир, по своему обыкновению не особенно торопился. В конце концов царь, раздраженный всей этой бестолковщиной, примчался в Москву из Гродно и со свойственной ему энергией «активизировал» деятельность по подавлению возмущения. К Шереметеву в качестве контролера и толкача был приставлен гвардейский сержант М. Щепотев. Одновременно царь не оставлял надежд прекратить восстание без привлечения больших сил. Для этого в Астрахань с «увещательной» грамотой был отправлен Кисельников — один из «депутатов», арестованных на Дону. Среди жителей города произошел раскол. Одни соглашались

«покориться», другие требовали выполнить их пожелания и дать царские гарантии. В Москву была отправлена ответная петиция, в которой, по сути, не было повинных заявлений, а только объяснения причин восстания. Милостивый ответ Петра I удовлетворил большинство горожан, но известия о приближении правительственных войск и о взятии ими городка Черный Яр взбудоражили население, среди которого уже не наблюдалось былого единства. Подойдя к городу, Шереметев не встретил депутации с хлебом и солью, а увидел горящие слободы и запертые ворота. Сил у астраханцев для обороны всей линии укреплений не было, попытка нанести царским войскам поражение в открытом бою закончилась полной неудачей. Жестокая бомбардировка, отчаяние жителей при виде уничтожения их домов привели к капитуляции. 13 марта 1706 г. у открытых ворот была выставлена плаха с топором — традиционный знак признания вины и мольбы о помиловании.

Прекращение восстания царь оценивал как большую победу и даже приказал произвести в честь этого события артиллерийский салют: «...ибо сие дело лучшей виктории равняться может, здесь и в прочих местах о том по благодарении богу стреляно». Покорившиеся были сурово наказаны: о свирепости следствия говорит тот факт, что 45 человек погибло под пытками, несколько «зачинщиков» подверглись мучительной смерти через колесование, 73 умерли на плахе, а 212 — на виселице. Сотни были взяты в солдаты, а те, кто уже служил, отправились из сравнительно спокойной тыловой Астрахани на войну. Несмотря на то, что следствие по астраханскому делу вел сам Федор Ромодановский, не удалось обнаружить связи между восставшими стрельцами и шведами, «а стал у них тот бунт за немецкое платье, за бороды и за веру».

Еще одним испытанием для Петра I стало восстание под руководством Кондратия Булавина. Жизнь на Дону XVII — начала XVIII в. была беспокойной из-за постоянной угрозы со стороны кочевников. В 1703 г. «нагайцы под Кагальницким городком взяли казаков 5 человек с лошадьми и с ружьем и со всякой рухлядью, и при них 32 капкана звероловных». Но и сами станичники были далеко не мирными соседями, они тоже «шалили» в ногайских и калмыцких кочевьях, угоняли скот. Хотя донские казаки с 1618 г. регулярно получали жалование, а присягу «на верность службе» приняли еще в 1671 г., они ревниво оберегали свои вольности и не раз проявляли самостоятельность на международной арене. Для России они были ценным союзником в борьбе с Крымским ханством и кочевыми народами южных

стей. Усиление позиций Москвы (взятие Азова в 1696 г., основание Таганрога и других крепостей, строительство военного флота, вмешательство воевод в войсковые дела) вызывало нарастающее недовольство казачества.

В последней трети XVII – начале XVIII в. отмечалось активное наступление государства на донскую вольность, что выражалось в частности в передаче прав на пользование угодьями и рыбными ловлями монастырям, помещикам и казенным откупщикам. В 1704 г. донских казаков вытеснили с Бахмутского соляного промысла, а они, в знак протеста, в строения городка «пустили красного петуха». В большинстве случаев формально все эти угодья были «ничьи», и правительство могло распоряжаться ими по своему усмотрению, однако на практике природными богатствами края «исстари» пользовались казаки, считавшие земли и воды своими по обычному праву. В начале 1700-х гг. еще одной причиной напряженности стало массовое переселение казаков из «верховых» городков на Хопре и Медведице на места, выбранные чиновниками для того, чтобы создать цепочки хуторов вдоль трактов. В 1700 г. на Дону было запрещено «сечь и пустошить леса», что сохраняло запасы деловой древесины для судостроения, но лишало местных жителей лесных промыслов и ограничивало расчистку новых площадей под пашню. В 1706 г. казакам запретили занимать пустопорожние земли в верховьях Дона. Из года в год нарастало налоговое бремя на тех станичников, которые занимались торговлей и рыбной ловлей.

Нарастало напряжение и внутри казачьего общества. Те, кто проживал на Дону «со стародавних времен», не стеснялись нещадно эксплуатировать не только беглых, но и т. н. новопришлых казаков. Беглыми считали тех, кто сравнительно недавно появился на этой имперской окраине, кто мирился со своим положением бесправного человека. Как правило, они еще не успели укорениться на новом месте. Новопришлыми назывались лица, прожившие на Дону менее пяти лет, но уже «пустившие корни». Когда эти две категории по своей численности и активности значительно уступали старожилам, они принимали навязанные им правила игры. В начале XVIII столетия они почувствовали свою силу и были готовы ее продемонстрировать всем, кто затрагивал их интересы. Еще одной причиной напряженности стала разница в понимании того, кого считать настоящими казаками, а кого — новопришлыми. Власти называли новопришлыми всех прибывших в край после 1695 г., тогда как сами станичники готовы были принять только более позднюю временную границу. Так,

город Новый Айдар существовал с 1687 г., но, по мнению властей, находился вне закона вместе со своими жителями. На строительство флота под Воронеж в 1695–1696 гг. было насильно прислано большое количество крестьян, многие из которых, не выдержав нечеловеческих условий труда, бежали на юг. Туда же бежали сотни солдат-дезертиров. Давним местом укрытия считался Дон и для староверов, считавших царя Петра антихристом. Социальное разделение в некоторой степени соответствовало географическому. В нижнем течении Дона тон задавали зажиточные и укорененные казаки, в станицах «верхних» господствовала «голытьба».

В 1703 г. на Дон были посланы два стольника для розыска беглых, но они, не имея в своем распоряжении реальной силы, не смогли выполнить поставленную перед ними задачу. Поэтому в 1707 г. туда отправился отряд под командованием Ю. В. Долгорукова, который получил задание переписать всех беглых и новопришлых, а затем организовать их отправку «с женами их и с детьми... в те же города и места, откуда кто пришел». Войсковой атаман Л. Максимов отказался содействовать царскому посланцу проводить перепись в Черкасске, объяснив это тем, что «до сего времени великого государя указа такова не бывало, чтоб пришлых людей в Руси не принимать, и заказу о том не бывало». Эта строптивость объяснялась тем, что вместе с беглыми зажиточные казаки теряли рабочие руки. При этом казачья старшина не только не противилась проведению переписи в «верховых» городках, но и отправила вместе с Долгорукиным нескольких своих представителей и несколько десятков казаков. Для ускорения работы отряд разделился на несколько мелких групп, игнорируя нараставшее недовольство местного населения. Новопришлых оказалось столько, что у Долгорукого не хватало людей для их конвоирования, в результате чего переписанных и подлежащих депортации оставляли в их домах «до указа». В городках накапливался горючий материал. Самые активные начали собираться в Ореховом Буераке вокруг казака К. А. Булавина, уже известного тем, что он за несколько лет до того сжег Бахмутские соляные промыслы. Там было проведено совещание, на котором «приговорили», что всех, кто покушается на казачьи вольности, следует «казнить смертью». В ночь на 9 октября в Шульгинском городке булавинцы напали на отряд Долгорукого. Сам князь и офицеры были убиты, нескольким казачьим старшинам удалось бежать под покровом темноты. Узнав об этом, отряд под командой войскового атамана Л. Максимова отправился для поимки «вора», будучи крайне обеспокоенным тем, что восставших во мно-

гих местах встречали хлебом-солью. 18 октября возле Закотенского городка на р. Айдар произошел бой, в котором булави́нцы потерпели поражение. Только их вождю удалось с группой соратников бежать сначала на р. Хопер, а оттуда — в Запорожскую Сечь. Расправа над взятыми в плен была жестокой. У 100 человек отрезали носы, 10 человек повесили за ноги, столько же отослали в Москву «для розыску» [следствия. — *В. Л.*], еще столько же привезли в Черкасск для показательной казни. Другие отделались поркой. Но эти действия не уладили недовольных. Было убито еще несколько человек из «экспедиции» Долгорукова, занимавшихся переписью беглых отдельно от основной группы, а также несколько казачьих старшин, помогавших правительственным чиновникам. О популярности имени и дела мятежного казака свидетельствует тот факт, что после его исчезновения с Дона нашелся самозванец — «Лжебулавин» (К. А. Табунщиков), который собрал отряд, разбитый верными правительству войсками в ноябре 1707 г. у станицы Правоторовской.

Тем временем Булавин прибыл в Сечь и стал подбивать запорожцев идти на Русь «бить бояр». Сагитировать удалось только т. н. «молоды», которые недавно стали «рыцарями». Однако большинство добилось принятия более взвешенного решения: поход был рискованным из-за того, что не замерзли реки. В случае выступления наверняка лишились бы головы посланцы Сечи в Москве, т. к. они сразу превратились бы в заложников. Булави́ну разрешили жить в крепости Кодак, но запретили звать на помощь крымских татар. По приказу царя Мазепа отправил к запорожцам своего посланца с требованием выдать Булавина. Сначала войсковая рада постановила выполнить распоряжение гетмана. Однако уже на следующий день, как это нередко было на «буйной Сечи», была созвана новая рада и принято совсем другое решение: Булавина не выдавать, а грамоту Мазепы «изодрать». Поскольку кошевой атаман Финенко не был склонен к авантюрам, его заменили Константином Гордеенко, согласившимся не препятствовать набирать охотников для похода «на москалей». Тем временем атаман разослал своих агентов на Дон и на другие южные окраины Московии с призывом истреблять «дворян, прибыльщиков [сборщиков налогов. — *В. Л.*] и немцев». Новый кошевой атаман Гордеенко заявил, что если выступят татары, калмыки и черкесы, то и запорожцы к ним примкнут. Этот популярный вожак «удальцов» обосновался в урочище Кленкове на р. Калмиус. С неимоверной быстротой вокруг него собралось около 10000 всякого рода «гулятьев». Затем центр восстания переместился в Пристанский городок. Район,

охваченный восстанием, стремительно расширялся: приходили известия о вооруженных выступлениях крестьян в Воронежском, Тамбовском и Борисоглебском уезде. В июле 1708 г. повстанцы разорили города Чембар и Моршанск. Козловский воевода Г. И. Волконский писал об их составе: «...многие есть сволочь, наброд беглых, служилые из городов всякого чина люди, укрываясь от службы и податей, волостные монастырские и помещичьи люди и крестьяне, отбывая тягла и платежи у помещиков». Восстание расширялось — полыхала Слободская Украина. Защитники г. Ямполья открыли ворота при приближении отряда булавинцев. Забил тревогу Киевский воевода Д. М. Голицын и потребовал присылки войск, поскольку «без прибылых людей Украины держать невозможно, а которые ратные люди Белгородского разряда в сборе есть, впредь на них полагаться не без сомнения, и многие украинцы с донскими казаками объявили свойство и дружбу, и опасно, чтоб оные украинцы какие бы шатости не показали. И чтобы прибыли ратные люди, чтобы видели украинцы прибылых ратных людей и имели опасение и страх и шатости чуждались». Наблюдалось массовое бегство нижних чинов из регулярных полков и служилых людей из крепостей. Масштаб восстания не на шутку напугал правительство, которое в самый разгар белорусской кампании 1708 г. решилось снять с фронта три проверенных в боях полка (драгунский Кропотова, пехотный Бильсов, Ингерманландский) и даже батальон преображенцев. Кроме того, к подавлению восстания привлекли еще пять пехотных и кавалерийских полков, и два полка малороссийских казаков. Помощь им должно было оказать 5-тысячное дворянское ополчение. Во главе всей этой солидной группировки поставили князя В. В. Долгорукова — родного брата убитого Ю. В. Долгорукова. Моральной поддержкой всем, кто сражался на стороне правительства, должен был стать нарочно распускаемый слух, что расправляться с упорствующими бунтовщиками едет сам царь. Донское восстание в глазах правительства было даже более опасным, чем башкирский бунт. Повстанцы угрожали уничтожить Азовский флот и припасы, сделанные на случай столкновения с Турцией. Это было бы катастрофой, поскольку Россия лишалась мощного инструмента для удержания Стамбула от вступления в войну.

В Черкасске атаман Л. Максимов собрал зажиточных казаков и, присоединив отряд калмыков, пошел навстречу Булавину. 8 апреля 1708 г. недалеко от города Паншина они встретились и начали переговоры, во время которых повстанцы неожиданно атаковали противника и разбили его наголову. 28 апреля Булавин со своим войском

подошел к столице Всевеликого войска Донского городу Черкасску, расположенному на трех островах, образованных протоками Дона. Крепость имела валы и башни, вооруженные 26 пушками и 7 мортирами, и потому могла оказать серьезное сопротивление. Однако сами защитники этого не хотели и отправили «смутьянам» следующее послание: «Милости просим. Когда ты изволишь к Черкасскому приступить, и ты пожалуй — на наши станицы не наступай. А хотя пойдешь мимо нашей станицы, и мы по тебе будем бить пыжами из мелкого ружья. А ты также вели своему войску на нас бить пыжами...» Стрельба пыжами являлась одним из распространенных способов имитации боя: начальные люди не имели реальной возможности проследить — закладывают их подчиненные в стволы своих ружей пули или нет. Выстрелы же они производили исправно. Легко понять, почему уже 1 мая гарнизон Черкаска открыл ворота и выдал осаждавшим войскового атамана вместе с пятью старшинами, сумевшими спастись во время разгрома отряда Ю. В. Долгорукова. Их всех казнили «по приговору» казачьего круга. Несколько десятков старшин было арестовано или выслано в верховые городки. К восставшим примкнуло и большинство зажиточных и ранее лояльных правительству низовых казаков, но почти все они сделали это или от страха перед булавицами, или будучи охваченными общим порывом. Со временем многие из них одумались и стали искать способ искупить свою вину перед властями.

К. Булавин направил письма царю и в Посольский приказ, который тогда ведал отношениями с казаками, где отрицал свою вину в восстании и грозил оказать сопротивление, если карательные отряды не прекратят движения.

После этого мятежный атаман совершил большую ошибку, разделив свои силы. Отряд, посланный в западном направлении, сначала имел успех — уничтожил Сумской казачий полк. По рапорту перепуганных властей повстанцев было более 20000, но даже если эта цифра сильно преувеличена, войско булавицев действительно было многочисленным. Оно осадило городок Тор, гарнизон и жители которого не поверили «преlestным письмам», где восставшие предлагали без боя выдать воеводу Шидловского и его казну, обещая взамен пощаду. Три пехотных полка не решались двинуться на помощь осажденным, пока не пришли драгуны полковника Кропотова. 1 июля после пятичасового сражения «воровская шайка» подверглась полному разгрому. Пленных не брали, погибло более 1500 человек, и в их числе атаман С. А. Драный. Они в беспорядке отступали, многие утонули в

Северском Донце. Оставшиеся в живых заперлись в г. Бахмут, который был взят приступом, а все его защитники перебиты.

28 апреля на р. Битюг был разбит отряд восставших (1500 человек) под командой атамана Л. Хохлача. Отряд атамана Игнатия Некрасова сначала пошел на север, чтобы защитить казачьи городки на Хопре от надвигавшихся правительственных войск, но затем был направлен на Волгу против калмыков. К нему присоединился Л. Хохлач с остатками своего отряда, который быстро пополнился казаками и людьми «других званий». 6 мая они осадили Саратов и устроили «жестокий приступ». Город спасли калмыки, ударившие в тыл повстанцам, когда те пошли на второй штурм. Булавинцы сняли осаду и двинулись вниз по Волге. Царицынский воевода А. Турченин, увидев у стен города 3-тысячный отряд восставших, заперся с 500 солдатами в цитадели, оставив город на разграбление.

Сразу после взятия Черкаска Булавин планировал поход на Азов, прекрасно понимая, что наличие у него в тылу такой сильной крепости делает крайне рискованным наступление на Украину, на Воронеж и на Волгу. 5 июля его отряды подошли к Азову. Сам Булавин попытался взять слободы, прилежавшие к крепости Азов, но был отбит с огромными потерями. Когда он вернулся в Черкасск, атаман Зерщиков, бывший ранее с ним заодно, решил купить себе прощение расправой со своим товарищем. Прямо выступить от лица властей он, естественно, не решился и обвинил Булавина в бессмысленной гибели казаков. Мятежный атаман сдаться не пожелал и, «видя свою погибель, в курене заперся с своими советники. И они войском в курень из пушек и из ружья стреляли, и всякими мерами многое число его доставали. И он из куреня двух их казаков убил до смерти. И видя он свою погибель, из пистолы убил себя сам до смерти. А советников его всех переловили и посажали на цепи до твоего великого государя указу, и поставили крепкие караулы. А тело его они войском Донским, для уверения посылают в Азов». Хотя в исторических источниках содержится много свидетельств о том, что предводитель повстанцев был убит в бою, а не пустил себе пулю в висок, эта версия была признана единственно верной. Объяснялось это тем, что отношение к наложившим на себя руки было очень суровым: их не отпевали в церквях, не хоронили на кладбищах, а закапывали без всяких церемоний где попало. Не случайно после смерти гетмана Мазепы кто-то упорно распространял слух, что он принял яд. Версия о самоубийстве была и единственно возможной для казачьей старшины. Они могли подвергнуться наказанию за его убийство, так как лишали тем самым власти

возможности его допросить и подвергнуть мучительной казни. Ведь «просто смерть» для важных преступников считалась слишком легким наказанием: такие люди должны были заканчивать свои дни в страшных муках — лежать с переломанными ногами и руками на колесе, сидеть на коле или висеть подвешенным за ребро на крюке. Но и живым брать Булавина было смертельно опасно: на допросах он мог рассказать об участии старшины в возмущении.

О том, какое значение Петр I придавал подавлению восстания на Дону, свидетельствует торжество (молебен и салют) в царской ставке под Могилевом 23 июля 1709 г. Однако на Волге правительственным войскам еще не удалось переломить ситуацию. Многочисленные отряды повстанцев практически прервали движение судов по этой важнейшей транспортной артерии. Из Астрахани был послан пехотный полк на выручку осажденному Царицыну, но восставшие его разбили на подступах к городу. После этого казаки сосредоточили свои усилия на штурме царицынской цитадели. Возле города застряло из-за «беспорядков» большое число судов с лесом, из которого некрасовцы устроили огромный костер возле стен укрепления. Чтобы не сгореть заживо (пламя перекинулось на цитадель), царевы люди капитулировали. Воеводу Турченина и еще нескольких «начальных людей» казнили. И. Некрасов ушел с большой группой единомышленников в степь. Атаман Павлов попытался в самом Царицыне отбиться от отряда полковника Левингстона, но был вынужден бежать на Дон. Тем временем другие части правительственных войск восстановили движение караванов по Волге и рассеяли отдельные группы казаков, наводившие страх на помещиков в Козловском и в Пензенском уезде. 26 июля на р. Айдар был уничтожен крупный отряд повстанцев атамана Е. Ларионова. Когда полковник В. В. Долгорукий показался у Черкаска, к нему навстречу вышли казачьи старшины, легли на землю и стали просить о пощаде. Были выданы сын и брат Булавина, и еще несколько т. н. «зачинщиков». Через несколько дней начались казни, только в самой казачьей станице повесили 50 человек. Тем временем Некрасов собрал немалое число сторонников в районе городка Паншина. Другим районом сосредоточения повстанцев стал другой городок — Есаулов. Долгоруков попытался атаковать последний пункт, но штурм был отбит. Недостаток боеприпасов заставил есауловцев капитулировать. Атаман В. Тельный и двое его помощников были четвертованы, каждого десятого казака (более 200 человек) повесили. 23 августа войска Долгорукого и Хованского неподалеку от Паншина напали на колонну повстанцев, двигавшихся вместе

с женами и детьми. В ожесточенном сражении, по свидетельству Хованского, особо отчаянно сражались беглые солдаты и драгуны. Почти все взрослые мужчины были убиты, а жены и дети стали добычей помещиков из дворянского ополчения и калмыков. Узнав о разгроме колонны у Паншина, Некрасов бросил обоз и бежал на Кубань. До поражения 4 ноября 1708 г. под Решетовой станицей продолжал борьбу отряд под предводительством атамана Н. Голого. 27 сентября он провел дерзкую операцию: хитростью захватил огромный караван из 170 судов, который охраняли 1500 солдат. Всех офицеров утопили, захватили боеприпасы, оружие и огромную сумму казенных денег. Затем он наголову разбил отряд казаков, воевавших за правительство.

Однако удара регулярных войск «ватаги» И. Голого не выдержали. Тысячи повстанцев были казнены, множество городков стерты с лица земли. В последующие годы некрасовцы пробирались на Дон и вели там антиправительственную пропаганду, очень беспокоившую московские власти, поскольку в станицах было много тех, кто «горевал» о потере былой свободы. Не следует забывать, что в это время еще были живы старики, видевшие своими глазами Степана Разина, потрясшего своим масштабным восстанием Россию в 1671 г.

Еще одним источником потенциальной опасности были «буйные ватаги» запорожцев, основавших свой военно-монашеский орден в 1556 г. В 1654 г. вслед за Богданом Хмельницким они приняли присягу на верность России, в 1658 г. переметнулись на сторону поляков, получили «прощение» в 1670 г. от царя Алексея Михайловича, а подданными России вновь стали только по условиям мирного договора с Польшей в 1686 г. Запорожцы играли на соперничестве Варшавы, Москвы и Бахчисарая и рассматривали доминирование одной из этих сил как угрозу своей самостоятельности. Уже в начале петровского царствования стало ясно, что главную опасность для них представляет стремительно усиливающаяся Россия. О том, как повели себя запорожцы во время шведского похода 1708–1709 гг., речь пойдет в очерке, посвященном И. Мазепе и Карлу XII.

Еще одним игроком в этом регионе на рубеже XVII–XVIII вв. было Крымское ханство и номинально зависевшие от него ногайцы, кочевавшие в степях от Молдавии до Кубани. Природно-климатические условия Северного Причерноморья повышали боевую ценность маневренной и выносливой татарской конницы. Русский флаг над Азовом «разорвал» ранее единое степное пространство. Крымцы, ногайцы, запорожцы и донцы не отличались взаимным дружелюбием, но усиление России способствовало их объединению перед лицом общего противника.

Внутренний фронт борцов с петровскими переменами не был единым, что практически гарантировало победу правительству, которое вооруженной рукой расправлялось с бунтовщиками, идя на уступки лишь изредка и только из тактических соображений. Сама военная доминанта российской государственности, предпочтение, отдававшееся простым и быстрым (читай — насильственным) методам решения вопросов внутренней и внешней политики, являлись глубинной причиной острых конфликтов с теми структурами, которые пытались этой политике противостоять. Для империи насилие было естественным способом организации политического и экономического пространства, поскольку имевшийся инструментарий (армия и милитаризированный бюрократический аппарат), абсолютное доминирование т. н. «государственных интересов» не оставляли места для вопроса о правомерности применения силы. Неспособность признать за народами завоеванных окраин (равно как и за населением «коренных русских губерний») право на собственный выбор жизненного уклада, придавала указанной организации имперского пространства характер воинственного беспощадного реформаторства. Безапелляционность правительственных решений в административной, социальной, культурной сферах стала традиционной для России со времен Петра Великого.

Мобилизация всех ресурсов страны для ведения тяжелой войны со Швецией означала для населения увеличение налогового гнета, разрушение семей призывом мужчин на пожизненную военную службу. Мощное провокативное действие оказывали новшества в культурной и административной сфере. Все это вело к образованию того самого внутреннего фронта, с ситуацией на котором приходилось считаться самодержцу при планировании боевых операций на «свейской войне».

Глава X

ГЕТМАН И. С. МАЗЕПА И КОРОЛЬ КАРЛ XII

И где ж Мазепа? Где злодей?
Куда бежал Иуда в страхе?
Зачем король не меж гостей?
Зачем изменник не на плахе?

Украина глухо волновалась.
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтоб гетман узы их расторг,
И Карла ждал нетерпелив
Их легкомысленный восторг...

А. С. Пушкин

В жилах Карла XII кроме шведской текла и немецкая кровь. Во время своего путешествия в 1613 г. владетельный германский князь Клеебурга пфальцграф Йохан Казимир поселился в понравившейся ему северной стране и женился на сестре шведского короля Густава II Адольфа. Карл X Густав женился на Хедвиге-Элеоноре Голштейн-Готторпской и оставил престол Карлу XI. Этот правитель остался в памяти нации как король-труженик, который реорганизовал армию, навел порядок в финансах, укрепил международное положение страны, повысил эффективность администрации, урезал своеволие аристократии. В его правление на заседаниях риксдага — шведского парламента, стали участвовать делегаты от крестьянства, духовенства и купечества. Он женился на Ульрике-Элеоноре — дочери датского короля Христиана V, несмотря на то, что между помолвкой и свадьбой обе страны успели повоевать. По легенде, бурное царствование будущему Карлу XII предрекла сама природа: в день его рождения (28 июня 1682 г.) в Стокгольме бушевала страшная гроза. Он был единственным сыном и потому — бесспорным наследником шведского трона. Его тщательно воспи-

тывали и основательно учили: в списке изучаемых предметов — богословие, философия, математика, фортификация, топография, тактика и военная история. Любимой забавой принца стала охота — занятие более чем опасное, поскольку на медведя Карл стал ходить по примеру древних викингов с копьем и ножом. После смерти отца (1697) он не смог сразу взойти на престол, поскольку 15-летний наследник не считался взрослым. Швецией стала править его бабушка при помощи пяти советников, авторитет которых в стране был невысок. Тогда же правящая фамилия оказалась бездомной — дотла со всем добром и даже архивом сгорел королевский дворец, едва успели вытащить из огня гроб с телом еще не похороненного Карла XI. Но опекунский совет, назначенный по завещанию умершего монарха «на неопределенное время», правил всего семь месяцев. Дворянская делегация в риксдаге поставила вопрос о «совершеннолетию короля» и получила поддержку от представителей других сословий. 25 декабря (опять же в сильную непогоду) Карл XII короновался. Во время этой торжественной церемонии монарх всячески демонстрировал неограниченность своей власти — даже сам надел себе на голову корону до того, как приехал в церковь, где это должен был сделать представитель церкви. И здесь было неблагоприятное знамение — когда Карл XII садился на лошадь, корона свалилась с его головы на землю.

Это был король-воин. Он уклонялся от того, чтобы вникать в перипетии дипломатической борьбы, поскольку считал шпагу единственно надежным оружием внешней политики. По традиции шведский король считался защитником протестантов в германских землях от притеснений императора-католика. Требование Карла XII прекратить дискриминацию протестантов в Силезии во многих европейских столицах восприняли как прелюдию к вступлению Швеции в войну на стороне Франции. Австрия имела мощную армию, но часть ее находилась в Италии, часть — в Бельгии, часть подавляла выступление в Венгрии. Император Иосиф I безоговорочно выполнил все требования короля.

Карл XII, как многие правители того времени, обожал разного рода грубые развлечения: выбивал из рук прислуги посуду, безобразничал в пьяном виде в церкви, рубил саблей головы баранам и швырял их в окно на улицу. Для XVIII столетия наличие любовниц или любовников было делом вовсе не тайным и не зазорным. Фавориты и фаворитки монархов по своему влиянию на государственные дела успешно соперничали с министрами. Шведский король был в этом

отношении редким исключением. Он не женился и вообще избегал общения с женщинами. В гомосексуальных связях он также не был замечен, а по свидетельству придворного медика был здоров, «пригоден» для брака и произведения на свет наследника престола. По свидетельству одного хорошо осведомленного современника, король «хотя женского полу весьма стыдлив, однако ж любит, чтоб о таких утешных делах поглубже о нем разговаривали, да и сам временем о подробностях того дела прилежно выспрашивает». И это свидетельство не единично. Существует мнение, что Карл XII страдал комплексом неполноценности по отношению к женщинам, так же, как и его потомок Густав III Адольф. В 1701 г. Август II послал свою любовницу, известную авантюристку Аврору фон Кенигсмарк, установить «контакт» с королем-воином, но тот наотрез отказался дать красавице аудиенцию. Когда же та попыталась перехватить его прямо на дороге, застенчивый монарх просто ускакал, помахав шляпой. Вопреки распространенному мнению, он не был ни трезвенником, ни строгим постником. Эта легенда, скорее всего, родилась потому, что король никогда не напивался до состояния, унижающего человеческого достоинство, и не устраивал «королевских» пиров.

Летом 1711 г. французский путешественник Обри де ля Мотре составил следующий словесный портрет Карла XII после их встречи в Бендерах: «Король вошел в комнату, где мы сидели, и, вместо того чтобы сесть, подошел к окну и остался там, опираясь одной рукой на подоконник, а другой придерживая эфес длинной шпаги, острие которой касалось пола. Это была его обычная поза, в которой он отдыхал, за исключением тех случаев, когда он иногда, разговаривая с кем-нибудь, проводил правой рукой по своим редевшим волосам, как бы желая расчесать их своими растопыренными пальцами; бывало и так, что он прикасался рукой к плечу собеседника, если это был человек, ему приятный. Наверное, общеизвестно, что он всегда носил свою шляпу подмышкой, придерживая ее локтем, если только не был верхом, и что единственным украшением шляпы была большая латунная булавоочная головка. Его наряд был самого простого рода, с пуговицами тоже из латуни. Отличие между одеждой его собственной и его рейтаров было в лучшем случае только в качестве материи — синего цвета для камзола и цвета некрашеной замши для жилета и лосин, которые иногда были из лосиной кожи. Он держался очень уверенно, пребывая всегда в ровном настроении. На нем постоянно были перчатки. Обычно они были из лосиной или какой-нибудь другой толстой кожи и закрывали края рукавов — коротких и шитых так, чтобы

не мешали движениям. Он всегда носил сапоги со шпорами, а полы его сюртука были постоянно подвернуты назад таким образом, как будто он всегда был готов вскочить на коня; собственно, верховая прогулка и была его обычным моционом. Он обладал хорошим ростом, выше среднего, был широк в плечах, но узок в бедрах. Он принял меня очень милостиво, и более теплого и открытого обращения я никогда не видел. Он, так сказать, снисходил в учтивой и весьма любезной манере до тех, кто не смел подняться до него, поскольку их сдерживало боязливое почтение или сознание их места, он же никогда не проявлял в общении с ними все то высокомерие, которое ему повсеместно приписывали».

Англичанин Витворт, преисполненный политического уважения к Карлу XII, как человеку, способствующему решению британских проблем и одновременно пренебрежения ко всем, кроме англичан, писал: «Что касается его личности, то представление, которое у меня составилось о нем ранее, не оказалось преувеличенным. Он высок ростом и статен, но крайне неопрятен и неряшлив. Его манеры более грубы, чем можно было ожидать от столь молодого человека... Волосы у него светло-русые, очень сальные и очень короткие, и он никогда не расчесывает их иначе, чем пальцами. За стол он садится безо всяких церемоний, на первый попавшийся стул, и начинает, засунув предварительно салфетку под подбородок, с большого куска хлеба с маслом. Затем он, с набитым пищей ртом, пьет свадгдрику из большого старомодного серебряного кубка. Этот напиток — единственное, что он пьет. За каждой трапезой он выпивает его по две полные бутылки, так как дважды наполняет свой кубок. Каждый раз, перед очередным кусочком мяса, он откусывает хлеба с маслом, которое размазывает по ломтю большими пальцами. Он никогда не сидит за столом более четверти часа. Он ест как конь и не произносит не единого слова во время еды... У его постели лежит красивая позолоченная Библия. Это единственная изящная вещь из всего его обихода... Он весьма любознателен и упрям, отчего его союзники живут в постоянных опасениях, поскольку он рискует своей жизнью и армией так же беспечно, как иные люди на дуэли».

Поскольку материальные ресурсы самой Швеции были ограничены, Карл XII стал применять реквизиции для снабжения армии. Это позволяло обходиться без больших обозов, сковывавших передвижение войск и отвлекавших большое число солдат на их охрану. В Польше и Саксонии этот метод оправдывал себя, но в Белоруссии и Ингерманландии он оказался неэффективным. В районах малона-

селенных и бедных, с плохими дорогами, местные запасы провианта и фуража быстро исчерпывались, и войскам приходилось перемещаться на новое место, что нередко не соответствовало оперативной обстановке. Под Гродно шведам в поисках пропитания пришлось отодвинуться на 10–30 верст от города, в результате чего они утратили непосредственный контакт с русской армией и дали ей спокойно отойти. Полкам надо было рассредоточиваться на больших площадях, что ставило их под удар противника. Действия же мелких групп фуражиров вообще оказывались крайне рискованными из-за казачьих и калмыцких разъездов. При обилии продовольствия его сбор и распределение поручались специальным командам, а при его дефиците этим приходилось заниматься самим боевым подразделением. В этих условиях реквизиции неизбежно перерастали в элементарный грабёж с неизбежным падением дисциплины.

Генерал-квартирмейстер Гилленкрот составил осенью 1708 г. план планомерного наступления на Россию, который растягивал боевые действия на 3–4 года. Шведская армия последовательно должна была занять Псков, Новгород, Смоленск, Нарву, выгнать русских из устья Невы и, если они по-прежнему будут упрямяться с подписанием мира, — захватить Москву. С точки зрения кабинетной стратегии все было стройно и логично, но «гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним — ходить». Если бы солдаты, офицеры и армейские кони были шахматными фигурами, а не живыми существами, то все стрелы на картах вполне могли воплотиться в реальные события. Но людей и лошадей надо было кормить, пушки и ружья без боеприпасов оказывались тяжелым металлом, подходящую одежду и обувь совсем непросто было найти в «лапотной» стране. Доставить же это все за многие сотни верст по знаменитому отечественному бездорожью, губительному для конских ног и тележных колес, оказалось совершенно невозможно. Создается впечатление, что Гилленкрот ничего не слышал о судьбе корпуса Левенгаупта, пытавшегося с огромным обозом пройти на соединение с Карлом XII. Армия того времени жаждала решительных боев, после которых можно было всласть пограбить вражеский обоз, ободрать как липку население побежденной страны, получить свое из контрибуции капитулировавшего города. Желательно при этом было вести боевые действия в комфортной природно-климатической обстановке — без форсированных изматывающих маршей, с обязательным размещением в безопасных зимних квартирах и без необходимости иметь дело с варварским населением, которое чуть что хватается за топор или за вилы. В России крестьяне

и посадские так обдирались своими властями, что врагам могли достаться только крохи. Расчет на русский обоз также был вещью призрачной, из-за применения «скифской» стратегии с уклонением от решительного сражения. Ну а тот, кто видел русский уездный город начала XVIII в., сначала думал о милостыне, а уже потом о грабеже. Добавим к этому зимние морозы, весеннюю и осеннюю распутицу, летний зной, отсутствие мостов через реки и население, видящее чертей во всех иностранцах. В этой связи авантюристичные на первый взгляд действия Карла XII выглядят более разумными.

Король обладал хорошим глазомером, верно определял слабые места вражеской позиции и без колебаний бросал туда свои ударные части. Так, 1 мая 1703 г. при рекогносцировке крепости Пултуск он оценил значение двух мостов, захват которых сразу делал сопротивление саксонского гарнизона бессмысленным. Уцелевшая немецкая пехота укрылась в крепости Торн, которая сдалась после пятимесячной осады. При переправе через Десну в районе Мезина 1 ноября 1708 г. Карл XII решил использовать артиллерию, чтобы отодвинуть русский отряд от берега, и сосредоточил там батарею в 28 орудий. «Наши хотя в тот день малый бруствер имели перед собою, однако ж так ровное место было, что только в один человек с нуждою за оным бруствером укрыться могли, а в четыре человека стать было невозможно от неприятельской стрельбы». Он постоянно подавал примеры личной храбрости. Под Нарвой Карл XII несколько раз находился на линии огня, и когда он переодевался после боя, из его галстука выпала пуля, попавшая в него, по всей видимости, на излете. Карл отличался повышенным вниманием к солдатскому быту. По заведенному королем правилу офицеры должны были при устройстве лагеря или при разводе по квартирам сначала удостовериться в благополучном поселении нижних чинов и только потом заниматься своим жильем. Нередко он лично посещал место расквартирования и контролировал обеспечение возможного комфорта. Он беседовал с солдатами, которые ему доверяли.

Он мечтал только о воинской славе, он явно видел себя наследником Александра Македонского. В этом отношении очень показательна история, произошедшая в феврале 1709 г. Мазепа, желавший польстить королю, сказал, что то место, где они находились (с. Коломак), расположено на границе Татарии. Карл XII очень заинтересовался этим и выразил желание продвинуться еще дальше на восток, чтобы иметь право говорить о пребывании в Азии. В этой связи его приближенный Гилленкрок заметил, что король «любит славу больше всего

на свете, и его легко побудить продвинуться дальше, чем это было бы целесообразно».

В исторической литературе можно встретить осуждение того, что молодой шведский король ошибочно отказался от «западного» направления и слишком много сил уделял Польше и России. По мнению шведского исследователя Стилле, «король ясно видел, что тогдашняя Швеция была в высокой степени восточноевропейским государством, и ее могущество зависело от этого... Стратегия Карла XII в 1707–1709 гг., таким образом, вполне согласуется с его политикой». Он понимал, что длительная война на два очень удаленных друг от друга фронта крайне невыгодна его стране. Поэтому он намеревался решительным ударом сначала вывести из борьбы одного противника, а затем — другого.

В ряде случаев Карл XII опровергает мнение о себе как о полководце «таранного» типа. Если обстановка тому способствовала, он умело маневрировал, сберегая силы. Так, в 1707 г. вместо того, чтобы атаковать Варшаву, занятую русско-саксонским корпусом, он начал обходное движение, заставив русских без единого выстрела уйти из Польши за Неман.

В тактическом отношении почерком Карла XII была тщательная подготовка боевой операции, отвлечение противника демонстрациями от места главного удара, решительная атака и умелое руководство действиями всех трех родов войск непосредственно на поле боя.

Стратегическим успехом шведского короля является то, что он заставил русских растянуть свои силы от Новгорода до Украины и в течение нескольких лет не позволял им создать достаточно мощную ударную группировку. Его движение от Могилева на юго-восток можно объяснить нежеланием сталкиваться с главными силами Петра I возле деревни Горки, где русские построили хорошо укрепленный лагерь. Стилле приводит веские основания в пользу того, что в кампанию 1708 г. шведская армия двигалась не по хаотической траектории, выписанной капризами короля, а следовала задачам сохранения выгодных позиций для предстоящего соединения с корпусом Левенгаупта.

Трудно сказать, что было причиной того, что Карл XII держал даже ближайшее окружение в неведении относительно своих планов: недоверие, чрезмерное самомнение или, наоборот, неуверенность в правильности принятых решений и нежелание сталкиваться с весомыми возражениями. Взятый в плен генерал-адъютант Канифер в 1708 г. показал: «О королевском намерении ничего он подлинно не

ведает, для того что король ни с первыми генералами ни с министрами о том не советует, а делает все собою и генералу квартирмейстеру повелит о всех дорогах разведав учинить и подавать росписи себе; когда намерение воспримет куда идти, то велит ему Каниферу наперед со своими волохи и скажет где занять место под обоз и потом с ним придет генерал квартирмейстер и войско а у пароля перед походом прикажет, чтоб никуда из обоза партий не посылали и всех держали при себе, а лошадей имели в готовности; а иного знаку к походу у них не бывает и никто заранее того не может о том знать, а консилиума он ни с генералами ни с министрами никогда не имеет, а думает он все один, только в разговорах выспрашивает и выслушивает, кто что говорит; однако ж сколько при войске он мог слышать от генералов и от прочих в разговорах, что король намерен был прямо идти на войско Царского Величества, дабы получить баталию...»

Карл мастерски вводил противника в заблуждение относительно своих истинных планов. Так, в конце октября 1708 г. он отвлек русские войска от выбранного им места переправы через Десну. Фактическое отсутствие шведских пушек на Полтавском поле объясняется не только нехваткой качественного пороха. Карл XII не видел в артиллерии бога войны. Под Клишовым и Фрауштадтом он без единого орудийного выстрела разгромил саксонские корпуса, захватив 48 вражеских пушек в первом случае и 31 пушку — во втором.

Большой ошибкой короля было медленное движение на защиту гетманской столицы, города Батурина. Там были сосредоточены большие запасы и 70 пушек. Уничтожение города имело огромные последствия для дальнейшего шведско-российского противостояния. Если бы совместные действия гетмана и короля начались с побед, даже самых символических, то поведение казаков могло быть иным. Но страшная месть, практически мгновенная, отрезвила многие и многие головы. Прошла всего неделя с момента объявления Мазепой о своем решении отложиться от России, а на месте его резиденции уже было пепелище.

Непосредственную охрану короля составляли 150 драбантов-телохранителей, в которые отбирались самые храбрые офицеры. Капрал драбантов равнялся майору армии, а прапорщик — подполковнику.

Как уже говорилось, из-за скрытности Карла XII трудно определять мотивы тех или иных его решений. В этой связи объяснение того, почему шведы не поторопились занять Батурин, может исходить из явного нежелания Мазепы сделать Малороссию театром военных действий. Гетман понимал, что русские войска, мстя за измену, разо-

рят все и вся, а то, что уцелеет, будет разграблено шведами. Поэтому он убеждал короля двинуться на Новгород-Северский и далее на восток. Но этот пункт оказался сильно укреплен, и в этих бесцельных передвижениях было не только потеряно несколько дней, но и, как оказалось впоследствии, потерян был и Батулин. Не помогло даже то, что королю удалось с боем прорваться через Десну всего в двадцати верстах от гетманской столицы. Карл установил в месте предполагаемой переправы 28 орудий и буквально смел с другого берега русский отряд, который пытался преградить ему дорогу. В этом бою недостаточно активно действовали войска под командованием А. Гордона.

Имеется объяснение того, почему Карл XII не двинулся навстречу Левенгаупту, находившемуся всего в пяти переходах от него. Дело в том, что 29 августа и 8 сентября генерал получал от королевских гонцов приказы во что бы то ни стало ускорить движение, но не выполнил их. Монарх же был уверен, что конвой уже в безопасности, тем более что у него было донесение об этом от своих конных разъездов.

По свидетельству придворных, после поражения Левенгаупта Карл «был так беспокоен, что Юлленкрук [генерал-квартирмейстер. — В. Л.] и полковник Хорд должны были много ночей просиживать у короля, стараясь рассеять его мрачные мысли разговорами о разных пустяках». В начале октября 1708 г. Карл XII понял, что не сможет воспользоваться продовольственными ресурсами Северской Украины, что для наступления через Брянск и Калугу придется ввязываться в сражение для форсирования р. Судость.

10 сентября 1708 г. судьба послала Карлу XII суровое предостережение. Возле деревни Раевки недалеко от колонны, с которой шел сам король, в очередной раз появились казаки, которые «тревожили» своего противника. Послали отряд, чтобы отогнать докучливых бородатых всадников, но вскоре получили известие, что тех поддерживает русская регулярная конница. Тогда король решил подать пример того, как надо поступать с неуступчивыми врагами. Он бросил в атаку свой лучший Острогодский полк, и сам поехал посмотреть, как его всадники расправляются с русскими драгунами. Но в отличие от былых стычек, когда его конница сметала все на своем пути, он увидел страшную рубку, в которой русские явно брали верх. Король оказался в центре схватки и уцелел только благодаря облакам пыли, которой обычно сопровождается кавалерийская атака. На выручку своему монарху, которому довелось лично скрестить шпаги с неизвестным русским всадником, примчался еще один эскадрон того же полка. Его судьба тоже оказалась незавидной: русские палаши выби-

вали из седла одного шведа за другим. Под Карлом убили лошадь, рядом с королем пуля наповал поразила генерал-адъютанта Т. Хорда. Генерал Розенштерна, прибывший на подмогу, был смертельно ранен. От смерти или плена главу шведского государства спасли новые подкрепления, сумевшие оттеснить русскую кавалерию. В этом бою погибли два эскадрона лучшего шведского полка. Но даже не это было главное. Наиболее до того слабый род русских войск — регулярная кавалерия, продемонстрировала не просто воинский азарт и неуступчивость, но и способность на равных сражаться с лучшей конницей Европы и даже побеждать ее.

Кавалерийский бой у Раевки имел важные политические последствия. Если сам король остался слеп и глух к этим знакам судьбы, то политики в Стокгольме оказались более зрячими и чуткими. Они видели, что Карл XII принадлежал к тому типу людей, которые «среди ежедневных своих походов и приключений привыкли самонадеянно играть жизнью и безнаказанно издеваться над смертью». Из того роя пуль, которые свистели вокруг короля, рано или поздно одна должна была без промаха поразить цель. Поэтому в шведской столице началось обсуждение вопроса о регентстве на тот самый случай.

Под Полтавой король был ранен как знаменитый античный герой Ахиллес — в пятку, только не стрелой, а пулей. Источники, сообщающие об этом событии, по-разному передают детали, но сходятся в двух моментах. Первое — то, что Карл XII по своему обыкновению играл со смертью и объезжал караулы, расположенные вдоль реки, не особенно заботясь о личной безопасности. Второе — он стоически переносил боль и довольно долго скрывал от соратников сам факт ранения. Один из информированных современников, немец Зильтман, написал в Берлин: «Пуля вошла в ступню на расстоянии ладони от мизинца и была вырезана сверху у большого пальца; четыре наилучших в армии фельдшера и два врача взялись за лечение раны. Не хватает, однако, нужных медикаментов... После беспокойной ночи и сильного жара врачи вскрыли артерию, после чего состояние несколько улучшилось, жар спал и опухоль уменьшилась». Чтобы избежать смертельно опасного воспаления, медики провели операцию по извлечению осколков и удалению омертвевших тканей. В те времена обезболивающих средств не существовало, и королю пришлось вытерпеть страшные муки, которые на несколько дней лишили его сил.

Через две недели после Полтавы Карл XII писал из Очакова в Стокгольм своей сестре Элеоноре: «Протекло уже довольно времени, как мы не получали никаких известий из Швеции, и сами не имели

случая писать отсюда. Между тем, положение дел здесь было хорошо, и все шло благополучно, так что можно было надеяться достигнуть в скором времени такого успеха над неприятелем, который заставил бы его принять желательные для него условия. Однако случилось, что 28 числа минувшего месяца [шведский календарь опережал русский на 1 день. — В. Л.] по воле судьбы и несчастной случайности, шведские войска потерпели неудачу в сражении, каковая неудача произошла вовсе не по причине боевой способности неприятеля или его многочисленности, ибо в начале он повсюду был потеснен нами, но самая местность была весьма выгодна для неприятеля и им сильно укреплена, так что шведы понесли урон, несмотря на который и на все выгоды противника, они, однако, его сильно атаковали и преследовали; но затем оказалось, что большая часть нашей пехоты погибла, а также и конница потерпела большую потерю.

Урон наш весьма велик. Тем не менее, мы помышляем и о средствах к тому, чтобы неприятель через сие не только не приобрел превосходства над нами, но и не получил бы ни малейших выгод. Для сего необходимо, однако, восстановление наших военных сил и приведение оных в такое состояние, чтобы можно было встретить дальнейшие враждебные и вредные попытки неприятеля. Ради сего, передаем Вам нашу милостивую волю и приказание, чтобы вы приложили все старания и в наискорейшем времени приняли все надлежащие меры к укомплектованию вновь тех полков, кои ныне принимали участие в походе, и к снабжению их обмундированием, оружием, знаменами, музыкою, шатрами и прочими принадлежностями. Конница тоже довольно потерпела, но как доселе урон ее с точностью неизвестен, то следует почесть необходимым изготавиться к полному ее укомплектованию, особенно же остголландской кавалерии, которую требуется пополнить совершенно заново. Надлежит вам тоже озаботиться, что все остающиеся еще в самом государстве нашем полки, как конные, так и пешие, были в готовности выступить в поход по первому требованию. Крайне ныне необходимо не падать духом и не опускать рук, но в полном напряжении сил приступить к делу, дабы все восстановить и все привести к желаемому окончанию. И можно надеяться, что, несмотря на случившийся урон, можно будет в непродолжительном времени так стеснить неприятеля, чтобы побудить его исполнить все нами желаемое. Необходимо также по возможности принять меры по набору гвардии и изыскать средства к отправлению ее, на что потребуется значительное число людей и даже кажется, можно на это получить часть селитроваров [изготовители селитры —

важнейшего компонента пороха — пользовались льготой по призыву на военную службу. — В. Л.]. Некоторое число офицеров с немногими рядовыми гвардии уцелели вместе с некоторой частью пехоты, а попавших в плен к неприятелю мы надеемся выменять. Между тем русские пленные должны быть содержимы в Швеции строго и не пользоваться никакой свободой, пока не окажется возможным обменять их. Особенно знатным русским, находящимся в плену, не следует давать ни малейшей воли, не допускать к ним никого, будь то швед или кто-либо другой; не позволять им вести какую бы ни было переписку, а, напротив, содержать их в строжайшем заключении до тех пор, пока можно будет отсюда войти с неприятелем в какое-либо соглашение о размене». Это послание зачитали в Государственном Совете 7 сентября, после чего разослали губернаторам по всей Швеции. До этого времени все подданные питались слухами, которые казались совершенно фантастическими: армия частично перебита — частично пленена; в руках у русских — все генералы и первый министр К. Пипер; сам король — где-то в Турции. Даже после поражений в Ингерманландии этому страшному бреду никто не верил до получения королевского письма, разом сделавшего этот бред явью.

Огромные потери обескровили армию, и король, несмотря на бодрый тон своего письма, понимал, что для ее восстановления требуется продолжительное время. В отличие от России Швеция не располагала практически неисчерпаемыми людскими ресурсами. Несмотря на то, что Стокгольм контролировал всю восточную и южную Прибалтику, он мог рассчитывать только на население собственно Швеции и Финляндии. Кроме того, быстрому набору новых полков препятствовала существовавшая с середины XVII в. форма воинской повинности — «индельта». Два–четыре крестьянских хозяйства содержали солдата, который в мирное время проживал и хозяйствовал в своем доме, получая при этом небольшое жалование и наградные деньги. Существовала и система подготовки резервов, но ее возможности были также ограничены. И солдатами, и резервистами становились в результате договора крестьянских обществ с коронной властью, а не волевым решением монарха о сборе нужного числа рекрутов. Для чрезвычайных мер пополнения армии король должен был заручиться согласием представителей сословий. Были в шведской армии и наемные войска, но они требовали огромных средств и не отличались надежностью. Вербовка носила полудобровольный характер. В армию обязывали записываться бродяг, преступников, подмастерьев, злостных неплательщиков податей, отставных солдат, не нашедших себе постоянной работы в течение 6 не-

дель. Система подготовки и материального обеспечения командного состава также создавала ряд трудностей для быстрого восстановления поредевших полков.

Оказавшись в Бендерах, Карл XII пытался осуществить идею вернуть все вспять с помощью турецко-татарской армии, которая должна была нанести России сокрушительный удар. Немецкий историк Ф. Оттов считал, что шведский король «был натурой депрессивной, иногда способной на удивительные манифестации воли и энергии, но их появления ни в коей мере не выдавали стабильную силу души, способную переносить все перипетии высоконапряженного существования. Поэтому его деятельность часто сменялась более или менее длительными периодами неожиданного погружения в состояние упадка духа и потерянности, которые выражались то в апатичной бездеятельности, то почти в лихорадочной активности, которыми он, очевидно, пытался заглушить собственную неуверенность».

Добиваться своего Карлу XII было трудно и в связи с реалиями политического быта Турции. Сам султан по мере возможности устранился от административных хлопот, высшие чиновники заботились прежде всего о собственном благосостоянии и личной безопасности, так как за ошибочное решение можно было легко заплатить головой. Король стал картой в политической игре Стамбула и Москвы: шведская угроза усиливала позиции турок в переговорах с русскими. Карл собрал отряд численностью в 500 человек и направил его в Польшу для установления контактов с корпусом генерала Крассова, не зная того, что тот уже отошел в Померанию. Но еще в августе царь узнал о планах короля пробраться в Польшу через «волошские земли» [современная Румыния. — В. Л.]. Он отправил отряд под командованием Г. И. Кропотова в район г. Каменец-Подольский: «Ежели, бог даст, да пойман будет король шведский, и с оным поступать учтиво, и иметь его за честным арестом и идти с ним к нам наскоро». Шведы были перехвачены русской конницей еще на турецкой территории, частично уничтожены, частично взяты в плен. Нарушение границы вызвало дипломатический скандал, который русскому послу удалось замять. Король коротал время составлением иллюстрированного наставления по обучению войск, организовал экспедиции на Ближний Восток для изучения средневековой фортификации, играл в шахматы и по переписке руководил реконструкцией королевского дворца в Стокгольме.

В 1711 г. во время Прутского сражения шведский король со дня на день ждал известий о разгроме русской армии и пленении царя Петра. Но его ждало жестокое разочарование. Карл XII, узнав о за-

ключении мира, примчался в Бендеры и стал говорить великому визирю, что «он бы мог все войско российское в руки получить, и чтоб ему дал и теперь войско, то он их атакует и разобьет, но визирь сказал, что ты де их уже отдал, а и мы их видели, и буде хочешь, то атакуй их своими людьми, а от мира с ним постановленного не нарушит».

К исходу 1712 г. пребывание Карла XII стало тяготить турецкие власти, и в феврале 1713 г. его вежливо попросили покинуть страну. Король всячески оттягивал отъезд, имея все основания полагать, что его собираются каким-либо способом выдать царю. Кончилось все тем, что турки пошли на штурм его резиденции, убили нескольких шведов, а когда те проявили упорство в обороне, подожгли дом. Чтобы не сгореть заживо, Карл XII был вынужден сдаться. В свалке боя ему нанесли несколько легких ран и сломали ногу. Лечение заняло несколько месяцев, которые он провел в отведенном ему доме под Адрианополем. В 1714 г. армия М. Стенбока капитулировала в Тененгине, что сразу вычеркнуло Швецию из числа турецких союзников. Война за испанское наследство явно шла к концу, австрийская армия освобождалась, и потому Блистательной Порте надо было срочно улучшать отношения с Россией, дабы не получить войну на два фронта. Кроме того, содержание короля стало тяготить турок и в финансовом отношении. 12 октября 1714 г. Карл XII пересек турецкую границу, после 62-месячного пребывания в этой стране, а 22 ноября был у ворот шведской крепости Штральзунд. К началу 1715 г. военно-стратегическое положение его державы было незавидным. Датчане взяли Верден и Бремен, их флот господствовал на Балтике, русские овладели всей Финляндией и Аландскими островами, войска антишведской коалиции осадили Штеттин и Висмар, к войне со Стокгольмом готовились Пруссия и Ганновер. В начале 1716 г. Карл предпринял поход в Норвегию, составлявшую тогда часть Датского королевства, сумел взять Христианию (Осло), но не разгромил армию противника. Поскольку, как уже говорилось, Карл XII не был любителем делиться своими планами, современникам и потомкам остается только гадать о целях похода в Норвегию. В те времена это была бедная и малонаселенная земля, присоединение которой экономически не оправдывало затрат на ее завоевание. Политический пасьянс начала XVIII в. не позволял надеяться на то, чтобы Норвегия могла стать предметом торга по поводу возвращения утраченных земель на берегах Балтийского моря. Это трудно рассматривать как попытку принудить Данию выйти из союза с Россией. Создается впечатление, что король просто хотел воевать и не представлял себе, чем

он будет заниматься, когда умолкнут пушки. Из Норвегии пришлось уйти из-за проблем со снабжением. В 1718 г. он попытался повторить поход. К тому времени ему удалось буквально возродить армию, в которой насчитывалось уже 60000 человек. 11 декабря при осаде крепости Фредрикстен Карл XII был убит наповал пулей. Уже вскоре после похорон короля-солдата поползли слухи о том, что его сразил убийца. Слухи были столь упорными, что в 1746, 1799, 1859 и 1917 гг. проводились эксгумации, но криминалисты трех веков не смогли ни опровергнуть, ни подтвердить их.

Адольфу Гитлеру на его пятидесятилетие представители прогермански настроенных шведских организаций преподнесли статуэтку Карла XII. Ни юбиляр, ни его поклонники не догадывались, каким зловещим окажется этот подарок.

Об эпохальности Северной войны 1700–1721 гг. говорит удивительный альянс, немыслимый в других условиях: в военном союзе объединились швед-протестант Карл XII и православный украинский шляхтич Иван Мазепа!

Участие малороссийских казаков в Северной войне являлось одной из острых проблем отечественной истории. Украинские историки националистического направления делали акцент на массовой поддержке гетмана Мазепы со стороны войскового сословия. Дореволюционные ученые, занимавшие т. н. имперские позиции, старались не фокусировать внимание читателя на этом сюжете. В советской науке непоколебимый тезис о нерушимом единстве двух братских народов исключал взвешенный академический подход к событиям тех лет. Мазепа и его сторонники именовались изменниками, шведскими пособниками, причем обязательно указывалось на их немногочисленность, а также на активное участие подавляющего большинства казаков в боях под знаменами царя Петра. Нынешняя чрезмерная актуализация событий вокруг Полтавы и перехода гетмана Мазепы на сторону шведов также мешает их спокойной оценке.

Какова же была обстановка в Малороссии в начале XVIII в.? К началу Северной войны «под рукой Москвы» находилась Левобережная Украина, которая совпадала с территорией т. н. гетманщины. Украинское казачье войско состояло из городовых полков и полков охотничьих. Первые представляли собой типичные поселенные войска. Казаки выделялись в особое сословие, наделенное богатыми земельными угодьями, освобожденное от государственных повинностей и налогов, имевшее право на торговлю медом, спиртными напитками, на беспошлинное владение мельницами, пасаками, рыб-

ными ловлями. За эти привилегии казаки обязаны были служить пожизненно, являясь на сборные пункты в полном боевом снаряжении и с запасом провианта. Строго оговоренных возрастных рамок не существовало. В строй мог встать достаточно окрепший юноша, а уйти на покой позволяли раны и старость. Казачьи права и обязанности передавались по наследству. Различные жизненные случайности, эпидемии, неурожаи, система распределения военной добычи и другие факторы социальной дифференциации стали причиной имущественного неравенства в формально равноправной казацкой среде. Сохранившиеся полковые списки начала XVIII в. показывают, что в некоторых частях из 931 «сабли» только 560 могли самостоятельно обзавестись оружием, боевым конем и обмундированием. Еще 116 человек могли выступить в поход только при условии, что полковник предоставлял им лошадь, сбрую, саблю и ружье. Остальные 255 казаков по бедности своей и другим причинам служить не могли, причем 37 человек лишались привилегированного казачьего статуса и «разжаловались» в простые крестьяне. В это же время заметным стало разделение сословия на «казаков выборных» и «подпомощников». Первые несли службу, а вторые занимались их материальным обеспечением. Но подавляющее большинство казаков по-прежнему представляло типичных «пахарей-воинов», в мирное время занимавшихся сельским хозяйством или ремеслами, а в военное — садившихся на боевых коней. Естественный прирост казачьего населения не покрывал убыли из-за значительных людских потерь. Поэтому в XVII в. обычной была практика записи в полки крестьян и мещан, которые охотно меняли свой социальный статус из-за престижности казачьего звания и значительных материальных выгод. Открытости казачьего сословия способствовало и стремление правительства к усилению войска, что достигалось прежде всего за счет увеличения его численности. Однако свободный приток новых членов этого военного сообщества противоречил интересам как рядовых казаков (им приходилось делиться земельным паем с новичками), так и «старшины» — начальства, вышедшего из самой казачьей среды, но приобретавшего все более и более черты наследственного дворянства.

Войско делилось на полки, являвшиеся одновременно военными и административно-территориальными единицами, во главе которых стояли полковники, сосредотачивавшие в своих руках всю полноту местной исполнительной власти. Всего полков было 10: Гадячский, Киевский, Лубенский, Миргородский, Нежинский, Переяславский, Полтавский, Прилуцкий, Стародубский, Черниговский. Как это

обычно было в иррегулярных войсках, в системе учета личного состава были значительные изъяны. Полные списки полков систематически не составлялись, и потому даже в 1723 г. старшина на запрос Малороссийской коллегии отвечала: «Рядовых казаков, сколько их в полках есть, не ведомо, яким образом зреестровать». В подобной «неопределенности» проявлялся и собственный интерес украинской знати: в те времена точность учета населения была напрямую связана с вмешательством правительства в жизнь народа. В начале XVIII в. под ружье можно было поставить 40000–50000 человек. Полки делились на несколько сотен (от 8 до 19), также с неравным численным составом (от 230 до 930 сабель), а сотни — на несколько куреней по 30–40 казаков. В каждой сотне были конники и пехотинцы. Первые обычно выступали в походы, а вторые несли гарнизонную службу, присоединяясь к армии во время больших военных предприятий. В каждом полку была собственная артиллерийская часть под командой своего «арматного атамана». Содержались пушкари, или, как их называли, «армаши», за счет особых сборов с населения. Кроме того, существовала общевойсковая артиллерия, находившаяся в ведении центральной администрации. Пушки были как «московские», так и собственного производства.

В начале XVIII в. на Левобережной Украине существовало также 7 наемных полков (охотничьих) общей численностью около 3800 человек. В них вербовались добровольцы, называвшиеся в те времена охотниками (отсюда и название). Запрещалось нанимать казаков из городских (реестровых) полков и беглых крепостных. Хотя набором занимались полковники, которые и раздавали жалование своим подчиненным, в этих частях существовал «клубный принцип» — новичок должен был получить «одобрение» своих товарищей. Лица, признанные пригодными к службе, но не имевшие боевого опыта, до приобретения такового назывались «молодиками» и не получали жалования. Такая практика объяснялась высокой корпоративной требовательностью: охотничьи полки дорожили своей репутацией храбрых и умелых воинов. Особенности маневренной войны с татарской конницей (а именно против крымчаков была нацелена вся казачья военная организация) требовали, чтобы каждый казак «знал свой маневр». В этих условиях неинициативный человек, постоянно ожидающий команды от командира, подвергал опасности свою жизнь и жизнь своих товарищей. В основном там служили разного рода деклассированные элементы, а также выходцы из Правобережной (польской) Украины. Охотничьи полки делились на сотни и курени, получали небольшое

фиксированное жалование, которого, впрочем, не всегда хватало на всех. Тогда гетман в своем приказе-«универсале» объявлял, что недоплата будет возмещена иным способом: «...ему у Бога будет великая прислуга за тое». Главным способом обеспечения охотников в мирное время была постоянная повинность: их размещали в домах мирных обывателей, которые кормили и поили своих постояльцев. Эти же крестьяне и мещане собирали запас провианта и фуража при выступлении охотничьего полка в поход. Примечательно, что набор продуктов, полагавшихся в походе наемникам, выглядел гораздо солиднее того, что получали городовые. Важным стимулом для вербовки была надежда на военную добычу. Грабеж даже в мирное время не считался для наемных солдат чем-то особо предосудительным. Командование смотрело на такие преступления сквозь пальцы, поскольку при строгом следовании законам значительную часть полков пришлось бы перевешать. Кроме того, разного рода эксцессы способствовали (в представлении той эпохи) поддержанию воинственного духа. Главным же было то, что военное ремесло автоматически означало претензию на более высокий социальный статус по сравнению с людьми, занимавшимися мирными ремеслами. При повсеместной «грубости нравов» демонстрация такого превосходства часто принимала характер насилия. Система обеспечения войск, основанная на сборе продуктов натурой и на постоянной повинности, необходимость совмещать службу и производительный труд, обязанность рядовых воинов и старшины являться со своей экипировкой с грехом пополам позволяли снабжать полки провиантом и фуражом, пока они несли пограничную службу сравнительно недалеко от родных плетеней. В дальних же походах отсутствие правильно организованной интендантской системы приводило к тому, что казаки терпели большие лишения, а многие хозяйства разорялись.

Наемные отряды были особенно «эффективны», когда их посылали разорять неприятельские земли. В XVII–XVIII вв. это был очень распространенный метод войны: так вынуждали противника согласиться на заключение выгодного мира, склоняли колеблющихся на свою сторону и, самое главное, решали проблему обеспечения своих войск провиантом и деньгами. Награбившим можно было даже отказать в жаловании, что позволяло перед войной вербовать гораздо большее войско, чем то, на которое хватало денег в казне. «Эти люди не встречали неприятеля, а зато всякого мирного жителя обдирали, не разбирая звания и состояния, и мало в воеводстве оставалось домов, где бы они не грабили и не били стекол в окнах. Они забирали пивные и горельчанные котлы, выдирали пчел в пасеках и обваривали

их кипятком, зажигали хаты без всякого повода, истребляли скот поголовно; бывало, загонят целое стадо в лес, вырежут из живого вола кусок мяса себе на жареное или полосу кожи со спины и кинут несчастное животное. Везде, где эти казаки стояли обозом, там невозможно было стоять от нестерпимого смрада. Они умышленно, без всякой нужды, истребляли копны хлеба на полях, сжигали скирды в гумнах, обдирали костелы, ругались над католической святыней; невозможно было от них ни отпроситься, ни откупиться, и, многих селян обобравши, они уродовали ударами плетей по голому телу, а тех, которые показывали намерение сопротивляться или убежать от них, забивали до смерти; если бы при этих казаках не находилось 600 великороссиян, то, кажется, в краковском воеводстве не осталось бы живых ни человека, ни скотины», — писал о действиях кампанейского полка Танского польский историк.

Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами Украины был царь, который утверждал в должности гетмана и полковников, выбиравшихся по особым процедурам самими казаками. Непосредственным начальником для казаков был гетман, который избирался казачьим кругом. Представители полков несколько раз выкрикивали имя самого, по их мнению, достойного кандидата в присутствии представителей царской власти. После этого гетман подтверждал свою приверженность России и казачьим вольностям. Гетману подчинялись полковники и сотники. Кроме них в управлении войском принимала участие «генеральная старшина» — генеральный обозный (ведал артиллерией и снабжением), асаулы, хорунжие, бунчужные. Гетман издавал специальные приказы (универсалы), которые регламентировали службу, решали вопросы внутренней жизни казачества. В XVII в. обычной практикой было «общее» указание Москвы о службе казаков с предоставлением гетману и его окружению самому принимать конкретные решения. В свою очередь гетман сообщал царю о своих действиях. Русским комендантам крепостей на Украине предписывалось «быть в совете» с местной старшиной.

Гетман был административным и политическим лидером казачества, но в тех случаях, когда на первый план выходила потребность в полководческих способностях, назначались наказные гетманы, получавшие право командовать войском во время похода. Обычно таковыми становились наиболее опытные и авторитетные полковники. Казачья старшина присваивала лучшую часть военной добычи.

Боевая подготовка и моральных дух казаков находились на высоте. Этому способствовали прочные воинские традиции, наличие

опытных рядовых воинов и военачальников. Особое ратное умение и стойкость казаки проявляли в сражении в пешем строю. В XVII–XVIII вв. использование полевых оборонительных сооружений из обозных повозок было широко распространено, но казаки проявляли в защите «таборов» особое искусство. Они стремительно возводили настоящую крепость из телег, а при наличии времени засыпали их землей. Под защитой таких, на первый взгляд символических, укреплений казаки подолгу отбивались от многократно превосходящего по силам противника. Умело действуя пикой и саблей, украинцы славились своей меткой и хладнокровной стрельбой. Эти навыки и военные приемы они перенесли на Кавказ при организации Кубанского (Черноморского) казачьего войска. Горцы говорили, что они предпочитали иметь дело с целым батальоном русской пехоты, чем с сотней черноморских стрелков. Казаки познакомили местных жителей с легендарной стойкостью запорожской пехоты, способной выдержать натиск во много раз превосходящего по силе противника. Этим можно объяснить существование на Кубани т. н. «бикетов», устроенных в виде плетеной двухрядной ограды, с невысоким земляным бруствером и небольшим рвом. Внутри этого сооружения находится сторожевая вышка и хата, где разъезд мог обсушить одежду, обогреться. Гарнизон «бикета» обычно составляет 3–10 человек, которые нередко подолгу держались до прихода подкреплений против отряда горцев в 50–100 человек.

Иван Степанович Мазепа родился 20 марта 1639 г. (в исторической литературе встречаются указания на 1629 и на 1644 г.). В любом случае, к дню Полтавской битвы это был человек почтенных годов. Место рождения — село Мазепинцы недалеко от Белой Церкви в Правобережной Украине. Это имение в 1572 г. шляхтич Николай Мазепа-Колединский получил от польского короля Сигизмунда-Августа. Поучившись какое-то время в Киево-Могилянской академии, молодой дворянин за королевский счет был отправлен на три года для обучения за границу. Он бегло говорил по-польски, по-итальянски, знал латынь, писал стихи и проявлял другие признаки образованности. В 1659 г. он уже заметный человек при королевском дворе: его посылают с важными поручениями к гетману И. Выговскому. Однако блестящая придворная карьера в 1663 г. обрывается. Более того, Мазепа вынужден покинуть польские пределы. По одним данным, причиной того стала непримиримая вражда с дворянином Паском, в ходе которой наш герой даже стал участником рукопашной схватки прямо перед дверями королевских покоев. По другим данным, буду-

щий гетман пал жертвой своей страсти к замужней дворянке, причем сведения о ходе этого дела также сильно разнятся. Вариант первый: обманутый пан привязал обидчика к лошадиному хвосту и прогнал в степь, где его в бесчувственном состоянии подобрали казаки. Вариант второй: в степь Мазепу отправили привязанным к седлу необъезженной лошади, предварительно измазав дегтем и обваляв в перьях. Вариант третий: ревнивый муж привязал любвеобильного соседа к его собственной лошади и выстрелил ей над ухом. Напуганное животное понеслось домой не разбирая дороги через заросли шиповника. Невольный жокей был так изорван колючками, что его не сразу узнали домашние. Женильба на дочери одного из влиятельных старшин помогла ему сделать карьеру в администрации гетманщины.

25 июля 1687 г. он получил из рук боярина В. В. Голицына знаки гетманской власти — бунчук, булаву и царское знамя. Его предшественник Самойлович накопил достаточно богатства, чтобы Мазепа, присвоившему большую их часть, хватило не только на пиры для полковников и старшин, на которых щедрое угощение сопровождалось не менее щедрыми подарками. Огромную по тем временам сумму в 10000 рублей получил и В. Голицын в благодарность за «покровительство» при избрании гетманом. Во втором Крымском походе 1689 г. Мазепа командовал отрядами запорожцев. В 1688 г. он начал доказывать свою ревностность на царской службе устройством укрепленного городка Новобогородска (ныне — Новомосковск) всего в сотне верст к северу от Запорожской Сечи. Запорожцы не без оснований расценили появление крепости как угрозу своей вольности, но их успокоили подарками и уверениями, что Новобогородск — не форпост царского влияния, а только место для складирования припасов на случай новой войны с Крымским ханством. Чтобы иметь постоянно под рукой надежную военную силу, Мазепа увеличил стрелецкий гарнизон в Батурине до 1000 человек, выплатой высокого жалования и расстановкой своих людей на командные должности «привязал» к себе наемные казачьи полки. Другим средством укрепления своих позиций Мазепа избрал интриги против родственников казенного Самойловича и вообще влиятельных людей, на верность которых он не рассчитывал. Самым обычным был следующий прием: человек получал награды и продвижение по службе, но одновременно в Москву шли письма об изменнических действиях или о чрезвычайных злоупотреблениях служебным положением. Желавшим отплатить гетману той же монетой не повезло: автора, доносившего о тайных переговорах Мазепы с поляками, прислали в оковах в Батурин. Веру

Москвы в преданность Мазепы не поколебало и мнение князя Шакловитого, приезжавшего на Украину осенью 1688 г., о том, что большинство казаков подозревают гетмана в полонофильстве. Вероятно, царевна Софья и ее окружение расценили эти настроения как проявление недовольства жесткими мерами по наведению порядка.

В начале августа 1689 г. Мазепа в сопровождении многочисленной свиты приехал в Москву, когда там происходила кульминация борьбы за трон между Софьей и Петром. Иван Степанович твердо придерживался правила: «К сильному прислонись, а слабого — подтолкни». Но такие принципы требуют четкого представления, на кого следует клеветать, а кому безудержно льстить. Приехав в столицу, гетман не разобрался в ситуации и продолжал нахваливать полководческие достоинства В. В. Голицына, не последовал примеру многих придворных и не явился «вовремя» к Петру в Троице-Сергиеву Лавру. Когда же пришли известия о суровой опале его бывшего благодетеля Голицына, о казни Шакловитого и о переходе всей власти к молодому царю, сопровождавшие Мазепу старшины не стесняясь обсуждали кандидатуру нового гетмана, так как о сохранении булавы в руках человека, являвшегося ставленником боярина, сосланного в Каргополь, казалось, не могло быть и речи. Начало первой царской аудиенции не предвещало ничего хорошего: его кортеж был остановлен на полпути к Троице, что по церемониальным нормам тех времен в большинстве случаев являлось выражением высочайшего недовольствия. Однако 10 сентября Мазепа услышал, что царь не видит его вины в неудачах Крымского похода. Обрадованный гетман тут же подал челобитную на уже лишившихся всякого влияния Голицына и Неплюева, в которой взятка за уже упоминавшееся «покровительство» была представлена как грабеж «пожитков» Самойловича, причем для убедительности сумма была заметно завышена. Трудно говорить с уверенностью о том, что стало причиной «ласкового» отношения Петра I к Мазепе: действительная придворная ловкость гетмана или стремление царя укреплять свои позиции на Украине. Все члены украинской делегации были щедро награждены ценными подарками и землями. При этом царь обещал впредь не выдавать грамоты на владение поместьями на Украине в обход гетманской канцелярии. Это значительно усиливало власть Мазепы, поскольку впредь получение земельного пожалования становилось возможным только с его согласия.

В 1695 г. казаки под командованием Мазепы сыграли главную роль во взятии сильной турецкой крепости Кизекермен на Днепре,

после падения которой турки без выстрела очистили три других мелких укрепления. Во время второго похода (1696) именно казаки бросились на штурм крепости, желая покончить наконец с томительной для них осадой. Они сумели прорвать первую линию обороны, после чего азовский паша решил выбросить белый флаг. За ратный подвиг Петр I наградил казаков деньгами и устроил пир в их честь, отправил похвальную грамоту Мазепе. Во время свидания с царем гетман получил дорогие подарки и еще более укрепил доверие главы государства. Он сделал еще один ловкий ход: видя страсть царя к морскому делу, вызвался за свой счет построить 50 гребных судов. Петр так растрогался, что повелел принять все расходы на счет казны и сердечно поблагодарил соратника. Неудачи военачальников, как мы уже знаем, часто становились причиной царского гнева. Даже ближайшие помощники попадали под суд и лишались чинов (почти всегда временно). В 1697 г. Мазепа потерпел несколько поражений, но Петр простил ему оплошности. Более того, в 1700 г. гетман стал вторым кавалером ордена Св. Андрея Первозванного (первым был Головин).

Чтобы развеять упорные слухи о своей «польской натуре», Мазепа не жалел сил и средств на строительство, ремонт и украшение православных храмов. При нем Киево-Печерская Лавра была обнесена стеной высотой в два и длиной в тысячу метров, сделаны пристройки к Киево-Софийскому собору, построена величественная Вознесенская церковь в Переяславле.

Агитаторы против «Москвы» находили сочувствие среди широких масс населения Малороссии конца XVII – начала XVIII в. Брожение здесь было обусловлено прежде всего важными социально-экономическими причинами: стремительно шел процесс закрепощения крестьян, превращения казачьей старшины в дворянство. Дворяне Подольского воеводства приняли постановление, согласно которому селяне, прожившие на их землях три года, становились их наследственной собственностью. На это счел необходимым обратить внимание киевский губернатор Д. Голицын: «Многократно ко мне приходят и докучают из разных мест казаки, и доносят жалобу, что старшина малороссийская сильно их в подданство себе берут, и я многих отсылал к вашему превосходительству, дабы о том вас просили, а они, не быв у вашего превосходительства, паки ко мне приходят с великим воплем...» Жестко себя вели и монастыри, превращавшиеся тогда в крупных землевладельцев. Распространившаяся практика пожалования «маетностями» — поместьями, способствовала тому, чтобы их владельцы правдами и неправдами стремились обеспечить их ра-

бочей силой. Казаки были недовольны тем, что их буквально на положении каторжников заставляли вести фортификационные работы в Киеве и в других городах.

Во время походов на Крым в 1687–1688 гг. немало крестьян самовольно «вбились» в казачье сословие и не желали возвращаться в прежнее податное состояние. Именно они охотнее других откликались на призывы запорожцев к мятежу, они проявляли наибольшую «строптивость» при попытках старшины злоупотреблять своей властью. Особенно напряженной была обстановка в Лубенском и Миргородском полку. В 1689 г. дополнительным фактором напряженности стало стремление крестьян переселиться на «польскую» сторону Днепра, спасаясь от притеснений старшины. Запорожцы, обеспокоенные усилением позиций Москвы на Украине, вступили в сношения с польским королем, который не решился принять их прошение о переходе под его власть, но был готов в отношениях с Петром I разыгрывать малороссийскую карту. В Москву раз за разом приходили разного рода доносы на Мазепу, но всем им не верили и сообщали о них гетману, который ловко использовал ситуацию для того, чтобы сводить счеты с людьми, которых считал для себя опасными или просто недолгоблудлив. При этом лица действительно опасные доводились до смертной черты, и публично «миловались» люди незначительные, арестованные, например, за поносные слова в адрес власти, сказанные в пьяном угаре. Гетман сумел заручиться поддержкой влиятельных церковников, причем многие из них сами своим возвышением были обязаны его протекции. Тем не менее, еще в 1691 г. генеральному писарю Кочубею был отдан секретный приказ «присматривать» за главой украинского казачества. В этот период о действительной измене Мазепы говорить еще не приходится, поскольку у него тогда еще не было веских оснований для перехода на польскую сторону. Все многочисленные наветы 1690-х и начала 1700-х гг. парадоксальным образом укрепляли позиции гетмана, поскольку правительство раз за разом убеждалось в лживости их авторов. И когда «волк действительно прибежал», никто не поверил тревожным крикам.

Недовольство малороссиян росло и потому, что ряд районов оказывался на пути войск. В письме главе Малороссийского приказа гетман писал: «Вот уже одиннадцать лет варится война с Крымом, и все военные силы идут через Полтавский полк. Люди терпят убытки через топтанье и вытравление хлебов и трав, через опустошение рощ в их старинных займищах. Гонцы беспрестанно ездят не только по царским грамотам, но и по воеводским памятям, требуют от жите-

лей корма себе и питья, а иные осмеливаются бить и бесчестить городовых старшин. Хотя и есть царский указ начальным людям без царских грамот и без гетманских проезжих листов никому ничего не брать, но многие на то не смотрят и знать этого не хотят». В другом письме говорится: «...Не так страшны запорожцы и татары, страшнее нам малороссийский посполитый народ: весь он своевольным воздухом дышит: никто не хочет быть под той властью, под которой пребывает, а полтавский полковник пишет мне, что все его полочане при случае начнут запорожцам помогать в их злом намерении».

Взаимоотношения солдат и домовладельцев нередко напоминали взаимоотношения оккупантов и побежденных: «Солдат, помещенный... у крестьянина, мог бы сделаться его другом, мог бы помогать ему в его работах и взамен этого пользоваться от него хорошей пищей..., и это иногда случается в особенности в Великороссии, где крестьяне горды и смелы как солдаты, которые, не смея слишком дурно обращаться с ними, находят для себя более выгодным жить с ними в ладу. Но в Малороссии, в завоеванных областях [Литва, Белоруссия, Польша. — В. Л.] ...русский солдат является бичом своего хозяина: он распутствует с его женой, бесчестит его дочь, выгоняет хозяина из его постели и иногда даже дома, ест его цыплят, его скотину, отнимает у него деньги и бьет его непрестанно... Солдат должен кормиться тем, что отпускает ему казна, но обычай удержал верх, и крестьянин кормит солдата вместе с собой и позволяет ему его муку продавать или получать деньгами. Если ему отказывают в этом, и если это случается в Великороссии, где солдат не смеет употреблять насилие, то последний придумывает тысячи ухищрений, чтобы склонить его на это: он производит по ночам учение, днем командует, беспрестанно кричит, и в конце концов крестьянин, утомленный докучливостью солдата, кормит его даром при условии, что он не будет с таким усердием относиться к службе... Каждый месяц перед выходом из мест квартирования должны собирать крестьян, опрашивать их о претензиях и отбирать у них подписи. Если они довольны, что бывает редко, то они выдают их вполне охотно..., и солдатские провиантские деньги частью поступают в артель, а частью в карманы полкового и ротного командиров. Если же крестьяне недовольны, то их поят вином, напивают их, ласкают, и они подписывают. Если же, несмотря и на все это, они отказываются подписывать, то им угрожают, и они кончают тем, что умолкают и подписывают.

Если же жалобы таковы, что их невозможно затушить, то входят в соглашение с помещиком или капитан-исправником: этот послед-

ний должен быть защитником крестьян, но он всегда держит сторону полковых командиров, которые или платят ему, или делают подарки...» Эти слова из записок Ланжерона «Русская армия в год смерти Екатерины» находят подтверждение в других мемуарах и документах официального характера.

Следует особо заметить, что «национальной» составляющей в этих конфликтах не было. Военные одинаково бесцеремонно вели себя в Пскове, в Казани, в Варшаве, в Чернигове, в Кутаисе и Ташкенте. Ограничивать их могли только энергичные действия местных властей вкупе со строгим надзором со стороны командования. В 1818 г. жители села Креницы Санкт-Петербургской губернии направили властям прошение об освобождении от постоя, причем сообщали, что в 15-ти домах, где проживает 49 душ мирного населения, поселились 5 офицеров и 100 нижних чинов. Из двух домов хозяев просто выгнали, а в остальных заняли под склады все амбары и рыбные сараи, парализовав всякую хозяйственную деятельность.

В 1721 г. в Военную коллегию поступила очередная жалоба на военных: «Стоящие на форпостах обер- и унтер-офицеры и при них драгуны и солдаты ...чинят разорения и обиды: старшинам и казакам — великое воровство и всякое озорничество и беспокойство, и казачьих жен ловят силой по городкам для блуда, отчего тому войску от тех разорений уже терпеть невозможно». Письмо это пришло в столицу не с Украины, а с Терека, но солдаты везде были из одного теста. Главнокомандующий на Кавказе П. Д. Цицианов требовал от коменданта Тифлиса в 1803 г. прекратить бесчинства нижних чинов. Издевательства над местным населением стало одной из главных причин восстания 1812 г. в Кахетии. В 1797 г. из г. Григориополя к туркам бежало 15 армянских семейств, замученных постоем егерского полка.

Особые неудобства испытывали жители тех мест, где размещались полковые штабы, для которых требовались: квартиры для 4-х штаб-офицера и 21-го обер-офицера, казармы для 620 солдат, лазарет на 84 места, аптека, 2 кухни, 2 пекарни, прачечная, 2 бани, цейхгауз, пороховой погреб, квартира для 32-х человек т. н. «слабосильной» команды, 5 комнат для канцелярии, 2 комнаты для гауптвахты, помещения для 4-х школ (полковая, горнистов, музыкантов, барабанщиков), для 5-ти мастерских (сапожная, ложечная, оружейная, швальня, плотничья), для кузницы, конюшня на 75 лошадей, сарай на 60 обозных повозок, сенной сарай, склады для сбруи, манеж, ледник. По существовавшему обычаю вместе со штабом полка размещался 1-й батальон, что увеличивало число постояльцев на 1000 человек и

требовало 30–40 дополнительных помещений. Для всех этих целей у местных жителей отбирались жилые и хозяйственные постройки.

Важнейшей чертой постоянной повинности был ее всесловный характер. Уже в одном из первых законодательных актов, касавшихся квартирования войск, «Пунктах, данных Санкт-Петербургскому полицмейстеру», от 26 мая 1718 г. рукой самого Петра Великого было приписано: «Солдат ставить всем по пропорциям, какого рангу кто бы ни был». В царствование Анны Иоанновны неоднократно издавались указы, подтверждавшие, что от постоя освобождаются только лица, получившие на то специальное разрешение. Это считалось очень важной льготой и нередко упоминалось в перечне наград вместе с прочими личными привилегиями. В 1756 г. действительный статский советник В. И. Демидов был наказан двойным постом за «выталкивание в шею постояльцев» со своего петербургского двора, при этом предписывалось занять жилые покои, если не хватит свободных помещений.

До начала Северной войны украинские казаки воевали только на своей земле и приказ отправиться в Ингерманландию восприняли как неслыханное нарушение их обычая. Казаки отличились при сражении со шведскими войсками возле мызы Эрсферд, но отношение к ним командования оказалось до такой степени пренебрежительным, что они вынуждены были голодать. Более того, немалое число служилых малороссиян перешло на шведскую сторону, о чем говорит царская грамота: «...Нам великому государю, слышать о том прискорбно, однако ж мы вас, атаманов и казаков, и все попольство увещеваем, дабы вы, припоминая Бога и крестное наше целование и службы ваших предков и отчество свое, возвратились в дома свои без всякого сомнения, а наша великого государя милость никогда от вас отъемлема не будет. Кто же сию милость презрит и по-прежнему в дом свой не возвратится, и те лишены будут нашей царской милости и воспримут смертную казнь, и отчество их и наследие в вечном проклятии да пребудет». Отношения с москалями обострялись из-за бесчинств русских служилых людей, которые вели себя в Малороссии как на вражеской земле: грабили, избивали, обращали в холопов, издевались (чаще всего остригали волосы, что считалось большим позором). В 1703 г. запорожцы, вернувшиеся из Ингерманландии, рассказывали всякие ужасы про свою бытность в этой далекой, холодной и угрюмой земле. Антироссийские настроения в Сечи поддерживал кошевой атаман К. Гордеенко.

В 1702 г. казаки под предводительством Мазепы успешно действовали под г. Быховом против поляков — приверженцев шведов.

В 1703 г. по приказу Петра I казачье войско двинулось в Польшу с приказом нещадно разорять владения тех панов, которые выступили против короля Августа II. Изменение военно-стратегической ситуации зимой 1705–1706 гг. в пользу Карла XII стало искушением для тех, кто тяготился опекой Москвы. Кроме того, казаки несли ощутимые потери: в г. Несвиже были перебиты и пленены сразу две сотни Стародубского полка, взят в плен полковник Переяславский Минович, а его казаки частью убиты, частью рассеялись. Мазепу обе стороны считали очень ценным союзником. Он мог вывести в поле около 40000 казаков, которые в открытом бою уступали регулярным войскам, но в маневренной или, как ее часто называли, «малой» войне, несомненно, их превосходили. На поведение гетмана смотрели крымские татары, буджакская орда, донские казаки и даже Турция.

Петр I и его сторонники были заинтересованы в лояльности Мазепы не менее, чем он в их благоволении. Гетман был влиятельной фигурой, и от его позиции зависело очень многое не только в Малороссии. Сменивший Б. Хмельницкого Выговской переметнулся на сторону поляков и в 1659 г. вместе с ними и шведами истребил в битве под Конотопом русское войско. Юрий Хмельницкий, в отличие от отца, принял не российскую, а турецкую сторону и помог Стамбулу захватить южную Украину. Гетман Дорошенко в 1666 г. отдал Правобережную Украину Турции. Самойловича во время походов В. Голицына в Крым (1687–1688) не без оснований подозревали в поджоге степной травы, чтобы лишить русские войска подножного корма.

Сильным ударом по статусу Мазепы стала смерть в 1706 г. руководителя Посольского приказа Федора Алексеевича Головина, пользовавшегося непререкаемым авторитетом в глазах царя. Глава российского дипломатического ведомства полностью доверял гетману, сообщал ему секретные данные об обстановке в Крыму и Турции, поручал вести переговоры с господарями Молдавии и Валахии, с иерархами греческой церкви и т. д. Одной из причин, заставивших Мазепу изменить своему государю, стала его вражда с Меншиковым. Все началось с того, что Петр I, видимо без всякого умысла, подчинил гетмана своему любимцу. Такого бесчестья тот потерпеть не мог и говорил своим близким: «Вот! Вот какое награждение мне при старости за многолетнюю верную службу! Велят быть под командой Меншикова! Не жалостно было бы, если бы меня отдали под команду Шереметева или иного какого-нибудь великоименитого и от предков заслуженного человека!» Вскоре появились слухи о том, что Меншиков сам метит в гетманы и с этой целью «копает» под Мазепу, также

о том, что вскоре не только все малороссийские вольности будут ликвидированы, а сами казаки высланы в чужие края, а их земли займут пришлые москали. На военном совете Мазепа узнал о намерении царя изменить порядок казачьей службы: вместо поголовного выступления в поход реестровых казаков устанавливалось правило, по которому действительную службу нес только один человек из пяти, тогда как остальные оставались в своих домах и обеспечивали служащих провиантом, фуражом и деньгами. Эта система комплектования, напоминавшая шведскую «индельту», была расценена как шаг на превращение казаков в драгун. Тем не менее, Мазепа продолжал выполнять распоряжения Петра I о посылке казачьих отрядов в Польшу.

Мазепе неоднократно приходили распоряжения двинуться с полками в Польшу и Литву, но он постоянно ссылаясь на необходимость присутствия в Малороссии под предлогом возможных волнений. Гетман мог своими силами покончить с Кондратием Булавиным, но смута на южных рубежах России была в его интересах. Он позволил мятежному атаману уйти на Дон, где тот, убив атамана Л. Максимова, возглавил донское казачество. До октября 1708 г. Мазепе приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы избежать явки к главным силам русской армии со своими полками и одновременно устранять опасность присылки русских войск на Украину. Он объяснял задержку с выступлением тем, что в пределах его владений неспокойно, что уход казаков может спровоцировать восстание. Но здесь было важно не переусердствовать, поскольку логичным ходом Москвы могло стать размещение сильных гарнизонов в ключевых точках Малороссии, что сделало бы практически невозможным переход гетмана на сторону Карла XII. Генералу Головкину эти заявления показались подозрительными, и он посчитал необходимым сообщить о своих сомнениях царю. В одном из рапортов мы читаем: «По письмам гетмана господина Мазепы, в которых он писал, представляя многие опасности, есть ли он от Украины отдалится, и что будто по полкам малороссийского народу уже начинаютцы немалы возмущения... А о шатостях малороссийского народа он, гетман, ему объявил, что только оные происходят от гультайства, и то малые, а старшины все при нем верны, в том он не опасетца... И понеже он, гетман, писал к нам чрез письмо, желая дабы ради сущей его болезни от походу свободна учинить, того ради за благо рассудили мы послать к нему указ, чтоб ради слабости здоровья своего был при обозах, оставя при себе несколько войск по своему рассмотрению за Десною, а легкое войско компанейцев и сердюков и протчих по-

слать с наказным, и велел им стать между Стародубы и Черниговы и чинить под неприятеля партии».

Вобъяснение того, почему он медлит с выступлением к Стародубу, Мазепа в одном из писем тому же Головкину в октябре 1708 г. указывал на опасения старшины покинуть территорию полков (являвшихся одновременно военными и территориально-административными единицами) и оставить свои дома и семьи без защиты от «гульетяев».

Простой народ оставляет историкам ничтожное число письменных источников, которые являются основным поставщиком информации о прошлом. Поэтому нет прямых свидетельств о том, как оценивало многомиллионное население Малороссии шведское нашествие. Только по некоторым косвенным признакам можно говорить, что и казаки, и крестьяне, и жители городов не без оснований предвидели установление панской власти и унижение православия.

Мазепа был в непростом положении: надо было, не возбуждая подозрений со стороны Москвы, уклоняться от посылки войск против шведов и союзных им поляков. Здесь на помощь пришла «ненадежность» панов и угроза со стороны запорожцев, татар и турок. Гетман указывал на риск отправлять 10-тысячный казачий корпус на подмогу Сенявскому, поскольку, по его данным, тот подумывает об измене. В те времена паны действительно легко переходили из-под одного знамени под другие. Станислав Лещинский однажды неосторожно заявил о том, что гетман встанет на его сторону, как только в войну вступит Крымское ханство. Однако все эти события не поколебали уверенности царя в верности Мазепы, поскольку доносы на него, как уже говорилось, стали рутиной малороссийского политического быта.

Не сумел убедить правительство в изменнических мыслях гетмана и Кочубей, о котором речь идет в поэме А. С. Пушкина «Полтава». Кочубей и Мазепа вместе служили еще при гетмане Дорошенко, они вместе интриговали против Самойловича, даже состояли в родстве — дочь Кочубея Анна вышла замуж за племянника гетмана. Мазепа выхлопотал у Петра I земельные пожалования своему давнему приятелю. В 1704–1705 гг. их отношения испортились из-за истории с дочерью Кочубея Мотрей (Матреной), имевшей более приземленный характер, чем описанный в поэме Пушкина «Полтава». При этом будущие смертные враги продолжали вместе пировать, а Мазепа, отлучаясь по делам, оставлял за себя генерального судью наказным гетманом. В 1707 г. Кочубей послал с монахом Никанором первый свой донос на гетмана, но дело вместе с курьером застряло в Преображенском приказе, где расследовали важнейшие государственные

преступления. Бывший полтавский полковник Искра в Москву никакого пакета не возил, но способствовал доставке доноса в Бешенковичи, где тогда находился царь. Петр I в очередной раз не поверил доносчикам, арестовал их и подверг пыткам. После довольно долгого разбирательства Кочубей, не вынеся мучений, признался в клевете на гетмана и был ему выдан.

Одной из причин того, что Петр I и его окружение не были встревожены доносами на Мазепу, было то, что такого рода послания потоком шли из Малороссии всю 2-ую половину XVII столетия и стали элементом политического быта этой части империи. На Украине шла постоянная борьба враждующих группировок, которые использовали наветы и достоверную информацию в своих целях. Генеральный писарь И. Выговской еще при жизни Б. Хмельницкого мечтал стать его наследником. Он уговорил шестнадцатилетнего Юрия Хмельницкого отказаться от гетманства под предлогом юного возраста и стал управлять Малороссией вместе с генеральным обозным Носачем и судьей Лесническим. Постепенно прибирая реальную власть к рукам, Выговской в сентябре 1657 г. от своего имени самовольно отправил посла в Бахчисарай для заключения договора с Крымским ханством. Он подкупил старшину, был утвержден царем в правах гетмана и тут же стал вести переговоры с поляками об «отложении» от Москвы. Полтавский полковник Пушкарь, не добившись смещения Выговского отправкой доноса в Москву, поднял мятеж во главе 12-тысячного войска, но по требованию царя Алексея Михайловича прекратил междоусобицу. Расправиться с непокорным полковником гетман не мог: два сильнейших полка — Нежинский и Стародубский казачий — сочувствовали Пушкарю и отказались вести с ним борьбу. Выговской попытался решить вопрос силами наемных полков, но потерпел поражение в районе Полтавы. В 1658 г. он заключил союз с поляками и татарами, которые помогли ему взять Полтаву, убить Пушкаря и уничтожить его войско. Этот успех гетмана во многом объяснялся тем, что ему удалось склонить на свою сторону значительное число украинских казаков, поверивших в намерения Москвы лишить их былых вольностей и переписать в драгуны. При этом Выговской уверял царя в своей преданности, и некоторое время сумел удержать правительство от введения войск в Малороссию. В конце 1658 г. воеводы В. Б. Шереметев и Г. Г. Ромодановский при поддержке казаков, настроенных «пророссийски», в нескольких сражениях разбили войска Выговского вместе с поддерживавшими его польскими и татарскими отрядами. В начале 1659 г. царь был готов прекратить

войну на условиях амнистии гетмана и его сторонников, утверждения его в должности и даже выведения русского гарнизона из Киева. В обмен Выговской должен был дать присягу на верность России и отказаться от призыва татар. Но гетман сделал ставку на полный разрыв с Москвой и в апреле 1659 г. уничтожил под Конотопом русское войско под командованием князя А. Н. Трубецкого. Однако его торжество продолжалось недолго: противники сближения с Польшей избрали гетманом Юрия Хмельницкого, на сторону которого перешло подавляющее большинство казаков. Выговской бежал в Польшу. Молодой гетман выдвинул такие условия своего возвращения в российское подданство, которые фактически делали Малороссию независимым государством. После нелегких переговоров договор о подданстве был заключен на тех условиях, которые были провозглашены в 1654 г. Богданом Хмельницким. Более того, появились дополнения, означавшие усиление позиций Москвы в Малороссии. Гетман обязывался выставлять казачьи полки по требованию царя, не имел права самостоятельно посылать войска на помощь другим государям, русские гарнизоны размещались в Киеве, Переяславле, Нежине, Чернигове, Брацлаве и Умани, но командовавшие ими воеводы не имели права вмешиваться в дела казаков. Однако верность молодого гетмана оказалась непрочной: в 1660 г., под впечатлением от тяжелого поражения, которое потерпели русско-украинские войска в районе Слободища, Ю. Хмельницкий подписал союзный договор с поляками и отдал им на растерзание отряд под командованием Шереметева. К концу 1660 г. практически вся Украина была захвачена поляками и их сторонниками, сопротивление оказывали только Переяславский, Нежинский и Черниговский полк. Эти части выбрали наказным гетманом Я. Самку и летом 1661 г. сумели выгнать поляков со своей земли. Но, поверив доносам, которые в обилии строчили противники этого предводителя, царь не утвердил его гетманом. 18 июня 1663 г. в обстановке насилий и погромов гетманом был избран И. Брюховецкий. Он жестокими расправами с неугодными вызывал к себе ненависть большинства малороссиян, но твердо придерживался московской ориентации. Андрусовское перемирие 1667 г., заключенное на 13 лет, но действовавшее до времен императрицы Анны Иоанновны, по которому Польше отдавалась вся Заднепровская Украина, произвело на малороссиян тяжелое впечатление. В 1668 г. Брюховецкий решил, что у него достаточно сил для того, чтобы избавиться от руки Москвы. Среди причин, толкнувших его на измену, была справедливая обида: несмотря на то, что он не щадя себя сражался с татарами,

поляками и их малороссийскими сторонниками, царь ему не доверял, и, как оказалось, с полным основанием. Гетман отправил просьбы о помощи к полякам и крымским татарам, предложил турецкому султану стать его подданным, но в первом же столкновении с русскими войсками был предан и зверски забит ненавидевшей его «чернью». Следующим гетманом стал Д. И. Многогрешный, присягнувший на верность царю. Первая статья договора с ним гласила: «Его величество не только прощает все измены Малороссийского народа, но предает их вечному забвению, обещает содержать впредь малороссию в царском своем призрении и милости». Далее следовало подтверждение «пожалованных им при гетмане Богдане Хмельницком прав и вольностей». Русские воеводы и ратные люди находились в Киеве, Переяславле, Нежине, Чернигове и Остре «с тем, чтобы они не мешались в малороссийские дела». В это же время другой видный представитель казачьей старшины П. Дорошенко, утратив надежду стать гетманом, предложил турецкому султану стать его подданным. Получив поддержку со стороны татар, Дорошенко попытался установить свою власть над всей Украиной, разорил много сел и городков. Генеральная старшина, взбешенная nepотизмом гетмана, составила заговор против Многогрешного, и в оковах отправила в Москву, обвиняя в тайном сговоре с Дорошенко. Хотя измена его доказана не была, его увезли в Сибирь, в Селенгинск, где он служил наряду с другими детьми боярскими на защите границ России. В 1674 г. гетманом избрали Самойловича, который сумел нанести противникам России несколько чувствительных ударов, но татары при поддержке турецких отрядов опустошали Правобережную Украину. В 1679 г. погиб Ю. Хмельницкий. По одним данным его убили запорожцы, по другим — зверски замучили поляки. После смерти царя Федора Алексеевича в 1682 г. корона досталась малолетнему Петру, с неизбежной при этом борьбой боярских группировок. Поляки и татары, решив воспользоваться «смутными обстоятельствами», предпринимали попытки склонить гетмана Самойловича на свою сторону, но тот твердо придерживался российской ориентации. Во время похода князя В. Голицына на Крым (1687) татары подожгли степь, лишив русское войско подножного корма. Воеводе надо было найти виновного в неудаче, и здесь лучший ход подсказал Мазепа: послать донос на Самойловича с обвинением в измене и множестве других грехов — всего 23 пункта. Бумагу подписали 10 казачьих старшин, в числе которых был и сам Мазепа, и еще не догадывавшийся о своей будущей судьбе Василий Кочубей. Завершался донос просьбой

«...избрать вольными голосами другого бодрственнаго, вернейшего и исправнейшего человека». Царевна Софья, желая выгородить своего фаворита Голицына, повелела отрешить Самойловича от власти. Верного гетмана арестовали и отправили навечно в Сибирь, гетманскую булаву получил Мазепа.

Отговорки Мазепы возымели свое действие: 9 октября 1708 г. появился следующий документ — «Письма Гетмана Господина Мазепы октября от 6 дня слушаны в конзилиуме, в которых он пишет опасности ради начинающагося возмущения в Малороссийском крае и для того отговаривается идти по указу на соединение с Великороссийским войском, и потому в конзилии приговорено: послать указ великого Государя в Киев к воеводе Дмитрию Михайловичу Голицыну, чтоб он, взяв с собою из Киева из пехотных полков сколько возможно по своему усмотрению, оставив добро в гарнизоне Киево-Печерской крепости, и те полки, которые при думном дворянине господине Неплюеве, также, взяв из Белгородского и Севского разрядов ратных людей знатное число по своему рассмотрению, шел немедленно в Малороссийский край и стал в Нежине, или в котором городе прилично к середине Украины с совету гетманского, взяв с собою пристойное число артиллерии. Да к нему ж велено гетману и кавалеру господине Мазепе послать наказного гетмана с малороссийскими войсками, и быть им в тех местах для надежды Малороссийскому народу и смотреть, дабы в оном не произошли какие шатости и от неприятеля не произошли какие флиции, и ежели что явится, то соглашаясь с наказным гетманом, оныя пристойным образом умирять; а о всяких ведомостях давать знать в главную армию; а к Гетману Господину Мазепе о сем писать и дабы он определил немедленно знатную и верную особу в наказные и нарядил с ним несколько регименту со своего полков и велел быть в соединении и послушании у него господина воеводы Киевского; а сам бы господин Гетман всеми регименту своего прочими полками шел немедленно к Новгороду Северскому; а особою своею для лучших советов прибыл к главной армии на время с господином фельдмаршалом и министры и о сем во всем великому государю для известия писать». Пространства для маневров гетмана больше не осталось. Надо было или открыто переходить на сторону Карла XII, или безоговорочно выполнять приказы и находиться при этом под строгим надзором царских генералов.

Хотя конспирация, которую был вынужден соблюдать гетман, и затрудняет в деталях восстановление хода событий, непосредственно связанных с переходом Мазепы на сторону Станислава Лещинского,

можно считать доказанным, что переговоры между ними начались осенью 1707 г. Мазепа обещал Карлу XII не только привести несколько десятков тысяч малороссийских казаков, но поднять казаков донских, а также склонить к измене калмыцкого хана Аюку, располагавшего многочисленной боеспособной конницей.

Полтавский полковник Левенец и почти вся старшина этого полка примкнули к Мазепе, но, видя, что основная масса казаков не собирается вставать под шведские знамена, бежали из города. Уже известный нам Нордберг писал, что Карл XII понимал ценность войска, которое мог привести с собой Мазепа: «Шведский король понял очень хорошо, что большие количества этих людей могли бы оказать большие услуги, когда дело будет идти о преследовании бегущего врага, но он знал также, что в правильном бою совсем нельзя на них рассчитывать, как шведы не раз уже это испытывали». Он рассчитывал на приход 16000–20000 казаков, что при поголовном вооружении было вполне реальной цифрой. Но реальность оказалось другой. Мазепа собирал войско и вел его против шведов и панов, которые, по его словам, грабили страну. Памятуя о прохладном отношении украинцев к русской власти, не следует удивляться, что тотальная мобилизация изначально не удалась. Для многих жителей края эта война была «чужой свадьбой». Когда же на берегу Десны гетман объявил о своем переходе на сторону противника, многие просто были растеряны и потребовали времени на обдумывание ситуации. Все его войско разделилось на три части: самые верные ушли за ним и оставались до конца. Некоторые сначала присоединились к нему, но потом одумались и вернулись под российские знамена. Основная масса же сразу отказалась воевать вместе со шведами.

На поведении основной массы казачества сказалась решительность и быстрота мер, которые приняло правительство для минимизации последствий измены Мазепы. В считанные дни организовали раду для избрания нового гетмана, опубликовали манифесты с обращением к религиозным чувствам украинцев, отменили поборы, гарантировали гуманное отношение к населению, наградили старшину, оставшуюся верной России, даровали амнистию всем покаявшимся и показательно жестоко расправились с упорствующими. Мазепа лишился значительной части своих финансовых средств: часть была захвачена в Батурине, часть — в Киево-Печерском монастыре, часть — в Белой Церкви. Кроме того, согласно специальному царскому манифесту, тот, кто указывал правительственным войскам «пожитки» Мазепы, получал половину конфиската.

Составитель Малороссийской хроники так описал последние часы Батурина: «Много народа, собравшегося из окрестных сел, погибло от меча русских; много потонуло людей в Сейме, уходя через лед, еще не совсем крепкий; много погорело в домах, где они прятались; много подушилось в лехах, погребях, в ямах, куда прятались, кто только мог. Рассвирепевшие солдаты, напившиеся водки, кололи людей и рубили, несмотря на призыв трубачей остановить кровопролитие; вследствие этого уstraшенные жители оставались в скрытых местах, пока их не истребил огонь. От огня мало что уцелело. Только одна хата под самою стеною вала, принадлежащая какому-то старику; церковь деревянная сгорела в замке; в городе каменная обгорела внутри и верх. От 1708 до 1742 года город и церкви и замок пустовали». Вид Батурина, представлявшего собой груды обгорелых обломков, человеческих тел и туш животных, потряс Мазепу, который надеялся принимать в своей резиденции иностранных послов. Он заявил, что «теперь все пойдет иначе: Украина, уstraшенная судьбой Батурина, будет бояться держаться с нами заодно».

Даже отсутствие симпатий к «москалям» не было для украинцев основанием для того, чтобы с распростертыми объятьями встречать шведов. Они слышали о бесчинствах иноземной солдатни, знали о том, что за сотрудничество с мазепинцами правительственные войска никого не пощадят. Вызывало подозрение и то, что вместе со шведами явились и «паны». Этим объясняется прием, который оказали отряду, пришедшему к стенам городка Недригайлова. Шведы «под городом спешили и шли в строю к городу под ружьем, и прежде стрельбы говорили они шведы недригайловским жителям, когда они от них ушли в замок, чтобы их пустили в тот замок, а сами б вышли, и обещали им, что ничего им чинить не будут. И они из города с ними не говорили, что их в город не пустят, хотя смерть примут. И те слова они шведы выслушав, стали ворота рубить, потом по ним в город залп дали, а по ним шведов из города також де стреляли и убили шведов 10 человек. И они шведы, подняв тела их, от замка отступили, и стали на подворках и церкви и дворы все сожгли». Столь же «радушный» прием ждал шведов и у ворот городка Мглин, где им пришлось отступить после неудачной попытки приступа. И здесь не было ни одного русского солдата — только казаки во главе со своим сотником и мушкетеры из окрестных деревень.

Обжегшись на молоке, власти стали старательно дуть на воду. Новому гетману Скоропадскому царь тоже до конца не доверял. Ближний стольник А. П. Измайлов 27 июня 1709 г. получил «секретные пунк-

ты» от царя, в которых предписывалось «смотреть накрепко, чтобы как в нем, гетмане, так и в старшине и в полковниках никакой шатости к измене и к возмущению народа, также и подсылки к ним с турецкой, с татарской, с польской, с шведской сторон и от изменника Мазепы и от единомышленников его и от изменников же донских казаков и тем подобных для склонения их к такой же измене не было. И разведывать того накрепко всякими способами. И буде о том подлинно уведает, и то предостерегать, и до того не допускать, для чего под командой его веле-но быть пехотным полкам, которые преж сего при прежнем гетмане до измены его были. И о том всем писать к великому государю в Посоль-скую походную канцелярию». Если же ситуация станет угрожающей, то Измайлов получал право действовать самостоятельно, не вступая в переписку. Кроме того предписывалось «тайно» узнать, какие доходы имеет новый гетман и казачья старшина, и «...кто из старшины и из казаков к стороне великого государя доброжелательны и какого уряда достойны». О том, что у Мазепы на Украине практически не было шансов на успех, косвенно свидетельствует и тот факт, что хорошо укрепленная Белая Церковь, хорошо снабженная припасами, сдалась без всякой попытки сопротивления войскам под командованием Д. М. Голицына. Ставленник гетмана полковник Бурляй охотно поддался на уговоры русского генерала, которые были подкреплены денежными премиями (самому коменданту — 100 рублей, сотникам — по 40, а рядовым сердюкам — по 2 рубля).

После того как значительная часть казачьей старшины перебежала обратно к царю, шведы начали подозрительно относиться к Мазепе и его окружению. Они приставили к гетману и к каждому полковнику «почетную стражу», которая присматривала за ненадежными союзниками.

Когда удалось перехватить письмо Мазепы к С. Лещинскому, московские власти стали его распространять по Украине, поскольку лучшего средства подорвать всякое доверие к мятежному гетману найти было невозможно. В письме Малороссия называлась «дедизной» польских королей (их древним наследственным владением), а Лещинский — «заступником», с которым следовало одолеть «неприятельскую московскую силу». Надеясь переломить настроение населения, Карл XII 16 декабря 1708 г. подписал воззвание к населению Украины на четырех листах, общий смысл которого заключался в том, что шведская армия пришла защищать край от «московского тыранства», чтобы восстановить прежние вольности. При этом отрицается возможность передачи Украины Польше, Петр I обвинялся

в намерении обратить всех казаков и селян в католичество. В военных «пунктах» основное внимание обращалось на длительное отступление русской армии, всячески выпячивалась победа под Головчиным. О катастрофе шведов у Лесной сказано, что Левенгаупт выявил «слабость и плохость московскую».

Мазепа в своих универсалах пугал украинцев тем, что Петр I намерен ввести католическую веру и лишить их всех былых вольностей. Царь со своей стороны сообщал в специальных посланиях о своих милостях ко всем верным подданным, указывал на жестокости шведов и призывал истреблять врагов. Призывы подкреплялись обещанием щедрых наград: за плененного генерала можно было получить 3000 рублей, за полковника — 1000 рублей, за остальных офицеров — в зависимости от его ранга. Пленный солдат стоил 5 рублей, а убитый — 3 рубля.

Как всегда в дни потрясений, простой народ ополчался против богатеев, давали волю себе лица с уголовными наклонностями. Начались погромы поместий, нападения на купцов и на еврейские местечки.

Не было у Мазепы ни малейших шансов и на поддержку со стороны населения Правобережной Украины. В этом регионе казак Палий собрал вокруг себя довольно многочисленные отряды, вел борьбу против «панов». Он нередко нападал и на приграничные польские земли, чем вызывал жалобы со стороны Августа II. Из-за происков Мазепы, боявшегося популярного народного вождя, Палий был схвачен и сослан в Енисейск. После того как измена старого гетмана стала явью, Палий был возвращен из ссылки и «обласкан».

В начале 1709 г. казачьи полки были, согласно приказам русского командования, расположены таким образом, чтобы постоянно держать шведов в напряжении, пресекать их попытки установить прочную связь с войсками, располагавшимися в Польше. По свидетельству графа Пипера, находившегося при Карле XII, весной 1709 г. 3 курьера, отправленных в Стокгольм, были вынуждены вернуться обратно. В конце мая — начале июня Миргородский полк под руководством популярного полковника Даниила Апостола напал на группы шведских солдат, занимавшихся сбором провианта и фуража в деревеньках, расположенные неподалеку от Полтавы.

Даниил Апостол объявил о своем полном раскаянии и о том, что у него есть очень важная новость, которую он может сообщить только самому Петру I. В беседе с царем полковник сказал, что гетман не только знал о готовящемся побеге своего соратника, но и поручил

ему сыграть роль посредника в переговорах о возможном помиловании. Мазепа заявил, что готов искупить свою вину новой изменой, на этот раз уже Карлу XII. Поскольку король не соблюдал должных мер предосторожности, передвигался с небольшим конвоем, часто принимал участие в боевых столкновениях, существовала реальная возможность захватить его и привести к царю. Кроме того, гетман предлагал захватить еще и нескольких шведских генералов. Для проведения такой операции он имел все возможности: находился в ставке короля в окружении преданных ему казаков. Опасаясь плахи или другого сурового наказания, Мазепа потребовал международных гарантий своей безопасности. Петр I поручил разбираться в этой детективной истории графу Головкину, который ранее занимался делами Малороссии, а главное, вел дело несчастного Кочубея. Головкин, уже однажды обманутый, теперь тщательно разбирался в ситуации, и на этот раз фокус Мазепе не удался. Справедливости ради следует сказать, что просьба о международных гарантиях была дважды абсурдной. Сохранение в тайне бесчестного намерения гетмана при международной переписке не представлялось возможным, а нарушение тайны автоматически лишало его возможности неожиданно схватить шведского короля. Кроме того, найти гарантов такого сомнительного дела было в Европе нелегко, по крайней мере, среди солидных и влиятельных государей, а именно к таким и прислушивалась Москва. Может быть, Петр I и считал забавной сцену, в которой перед ним вытряхивают из мешка связанного соперника, но подобный способ обращения с коронованными особами мог подорвать имидж державы. Можно предположить, что Головкин дал согласие на «гарантии» только для того, чтобы получить письменные доказательства коварства Мазепы, чтобы дискредитировать мятежного гетмана в глазах шведов и, возможно, даже расправиться с ним их руками. Можно также рассматривать всю эту историю как мистификацию, затеянную неизвестно кем с неизвестной целью, но более вероятной выглядит версия, по которой Мазепа действительно искал путей примирения с царем, но был в полной панике и совершал странные и противоречивые действия.

Во время Полтавской битвы Мазепа находился в обозе. В отличие от своего молодого и воинственного союзника гетман вел себя согласно возрасту, статусу и личным качествам. Действовать с риском для жизни он никогда не любил. Когда он убедился в полном поражении шведской армии, его отчаянию не было предела. Он хорошо знал, что, попадись он в руки Петра I, плаха окажется лучшим исходом, по-

скольку скорее всего царь предаст его какой-нибудь более мучительной казни. Короля в худшем случае ждал позор плена, Мазепу ждали мучительные пытки перед неминуемой и близкой смертью. Карл XII никак не хотел признать, что все кончено, что надо бежать, пока не показалась погоня.

Во время бегства по заднепровской степи Мазепа оказал Карлу последнюю услугу — он хорошо знал этот край, бывший тогда безлюдным, и стал прекрасным проводником по равнине, лишенной видимых ориентиров. За ними гнался сильный кавалерийский отряд под командой Волконского и Кропотова, но случай спас шведов: погоня пошла по следу повозки, в которой ехал раненый шведский офицер, отбившийся от своих. Когда ошибка выяснилась, потерянное время наверстать русским конникам уже не удалось. Кроме того, предусмотрительный Мазепа посоветовал послать вперед группу всадников к турецкому паше — коменданту Очакова, чтобы тот прислал суда к месту возможной переправы через Буг. Турки использовали панические настроения шведов и казаков, чтобы содрать с каждого по 2 золотых червонца за место в лодке. Тем не менее проволочки с переправой (существует версия, что турки хотели выдать беглецов русским, надеясь на щедрое вознаграждение) привели к тому, что к моменту прибытия драгун Кропотова на опасном берегу оставалось еще человек 800. 300 из них бросились в воду с разным успехом (часть утонула, часть переплыла реку, часть спряталась в камышах). 500 человек попали в плен. Только 23 июля король сумел провести ночь и затем отправиться в путь как подобает королю: сераскир из Бендер прислал ему шатер, а крымский хан — удобную коляску. Мазепа продолжал тревожиться, даже находясь на турецкой земле. С одной стороны, он знал о том, что мусульмане считали богопротивным делом выдачу беглецов, просящих покровительства. С другой стороны, он знал, что турецкие чиновники за мзду могут пойти не только против обычая, но и нарушить прямое распоряжение султана. Это была обычная практика на востоке. Например, персидские чиновники ничем тут не отличались от своих турецких собратьев. В 1730-е гг. именно благодаря их сребролюбию спасли свою жизнь многие армяне и грузины, перешедшие на русскую службу и выданные по требованию шаха. Царь предлагал великому муфтию 300 000 талеров за Мазепу, дважды обращался по этому поводу к самому султану, требовал выдать гетмана и в послании Карлу XII, когда объявлял тому условия, на которых Россия готова заключить мир. Гетман знал также, что голова таких людей, как он, становится разменной монетой во время

мирных переговоров. Прошло всего 3 года с того момента, как Август II при заключении мира со шведами выдал им Иоганна Паткуля — лифляндского дворянина, прилагавшего усилия для изгнания шведов из Прибалтики. Потрясение от крушения всей карьеры, страх за свою жизнь окончательно подорвали здоровье этого уже немолодого человека. По прибытии в Бендеры Мазепа слег и 22 августа скончался. По одним данным похоронили его в Галаце, по другим — в Яссах с воинскими почестями. Ходили слухи, что он отравился, опасаясь выдачи, что он имитировал смерть, а сам под чужим именем постригся в монахи Киево-Печерской Лавры, где и окончил свои дни, замаливая свои и чужие грехи.

Иногда в литературе ставится знак равенства между запорожцами и «мазепинцами», что не совсем верно. Действительно, большая часть сечевиков поддержала мятежного гетмана, но сделала это не по его приказу (приказывать «чубатым рыцарям» вообще никто не решался), а в силу причин объективного и субъективного характера. Недовольство усилением позиций Москвы на Украине, прямая угроза вольности из-за устройства крепостей на Днестре, агитация булавинцев, активизация антимосковски настроенных вожаков — все это вкуче привело запорожцев в лагерь Карла XII. Обострение отношения с запорожцами нарастало как снежный ком, поскольку обе стороны не доверяли друг другу. Активность сторонников Мазепы заставляла царя беспокоиться о судьбе крепостей на юге Украины, где под защитой слабых укреплений и малочисленных гарнизонов хранились значительные припасы. Петр I приказал передвинуть в их направлении несколько полков, что, разумеется, было истолковано запорожцами как явная угроза со стороны «москалей».

На раде 13 марта 1709 г. запорожцы окончательно приняли решение о переходе на сторону шведов. Несмотря на явную угрозу с их стороны, полковник Кемпель, командовавший 3-тысячным отрядом драгун в районе Переволочны, не принял должных мер охранения. В результате внезапного нападения 5-тысячного запорожского войска, руководимого самим кошевым К. Гордеенко, Кемпель был разбит наголову, а 115 солдат попали в плен. Это воодушевило казаков, на их сторону перешел Полтавский полк, а общая численность «мятежников» достигла 15000 человек, которые стали хозяевами обширной территории в низовьях рек Ворсклы и Орель.

На рубеже XVII–XVIII вв. на «гетманщине» было очень сильное брожение, связанное с тем, что большое число людей было недовольно своим положением, причем многие винили в этом «москалей». За-

прещение ввозить в Великороссию водку и табак (оба товара были государственной монополией), запрет на свободную продажу селитры заделали многих. В 1701 г. запорожцы разграбили турецкий караван; за такое «ослушание» их посланники в Москве были арестованы и сосланы в отдаленные города. Больше всего волновало сечевиков строительство русских крепостей, первой из которых стал Никополь. На царское имя было отправлено письмо, представлявшее по этикету того времени верх наглости: «Объявляем вашему царскому величеству все мы единогласно, что совершенно не хотим одного города близ нас на Днепре иметь и камня на строение брать не дозволим. Еще и города не выстроили, а мы уже терпим убытки и неправды в вольностях наших, чего наперед сего ни от кого не видали по данным нам монархами грамотам, теперь же дознались напустного утеснения товариществу нашему, ходящему для своих добыч и промыслов. Мы на бой против бусурман по вашему царскому указу идти всегда готовы, а города строить не позволяем». В 1702 г. они наотрез отказались принести присягу царю до получения уверений, что русских крепостей на Днепре никогда не будет.

Согласно 30-летнему русско-турецкому перемирию, заключенному 3 июля 1700 г. в Константинополе, в обмен на присоединение Азова Москва соглашалась на разорение всех крепостей от устья Днепра до Сечи. Это явно ослабляло позиции России в этом регионе: царь лишился опорных пунктов, местное население расценивало уничтожение укреплений, взятых ценой больших усилий, как проявление слабости.

Запорожцы далеко не в первый раз занимали откровенно враждебную позицию относительно Москвы. В Запорожской Сечи главным аргументом представителей промосковской партии было получение царского жалования и возможность получать военную помощь от могущественного северного соседа. Их противники выступали за союз с Бахчисараем, поскольку в этом случае запорожцы получали доступ к соляным озерам и рыбным ловлям. Осенью 1690 г. верх взяли сторонники дружбы с Россией, но уже летом 1691 г. среди «лыцарей» доминировало намерение «пристать» к татарам.

14 апреля 1709 г. возле деревни Соколка шведы и запорожцы в первый раз сражались плечом к плечу. Опыт оказался печальным: обе стороны понесли значительные потери. Отряд Ренне двинулся в район между Ворсклой и Орелью, где рассылку универсалов, призывавших к покорности, сопровождал жестокими расправами над «упорствующими» и разорением сел. На помощь запорожцам ко-

роль прислал 4000 драгун под командованием генерал-майора Круза. 12 апреля у деревни Соколока произошел бой, в котором русские одержали решительную победу. Были захвачены 4 шведских пушки и всего несколько пленных «...понеже мало в живых брали наши».

Когда кошевой уехал на встречу с Карлом XII, на Сечь приехали посланцы авторитетного полковника Д. Апостола «с увещанием», но были прикованы к пушкам. Пленникам удалось бежать, и они сообщили, что в самой Сечи не более 1000 человек, среди которых много сторонников царя. Это была чистая правда, поскольку навстречу Гордеенко, ехавшему от короля, попались гонцы, известившие его о том, что казаки не одобряют его действий и выбирают себе другого атамана. Действительно, был выбран П. Сорочинский, занявший откровенно промосковскую позицию. Однако уже вскоре после нескольких рад, сопровождавшихся потасовками, власть Гордеенко была восстановлена, а Сорочинский для искупления вины отправился в Бахчисарай просить помощи.

18 апреля русские войска под командованием Волконского и Яковлева атаковали укрепления Переволочны, где заперлись 3500 запорожцев, казаков и вооруженных жителей. После двухчасового боя крепость пала, победители устроили избиение оставшихся в живых защитников. Главным результатом боя было уничтожение лодок и паромов, способных в совокупности за один рейс перевезти 3000 человек.

В Сечи в зависимости постоянно менялись местами сторонники и противники Мазепы, причем во многих случаях политическая ориентация служила только средством маркировки группировок, преследовавших свои цели.

Бригадир Яковлев, подойдя к Сечи, направил казакам «увещательное письмо» князя Меншикова. Парламентера не дождались, поскольку буйные сечевики вместо ответа бросили его в Днепр. Атаковать укрепления было очень трудно из-за разлива.

По другим данным, к Яковлеву прибыло подкрепление в лице кампанейского (вербованного) казачьего полка под командой Галагана. Этот человек был известен в Сечи, будучи участником их рискованных походов за добычей, и даже избирался кошевым атаманом. Его полк смело двинулся на город, где его сначала приняли за татарский отряд, о подходе которого было много толков. Когда же ошибка разъяснилась, было уже поздно — началась резня.

Петр I понимал значение запорожцев как военной силы и не терял надежды на то, что они сохраняют верность ему, и потому приказывал: «...смотреть и учинить запорожцов добром до самой крайней возмож-

ности; буде оные явно покажут себя противными и добром сладить будет невозможно, то делать с оными яко с изменниками». 1 марта 1709 г. царь писал Меншикову, чтобы он послал к запорожцам офицера, «кто поумнее, ибо там не все шпагою, но и ртом действовать надлежит...» В апреле 1709 г. Б. П. Шереметев получил важные сведения от своего разведчика казака Г. Лукьянова, который выяснял обстановку на юге Малороссии: «Всех запорожцев с кошовым ныне слышал он [Лукьянов. — В. Л.] с четыре тысячи человек, и из тех половина с ружьем, а другая половина ружья не имеет, и жалования они от короля шведского по сие число не бирали ничего, только на станциях у жителей берут хлеб и всякий харч силою, и хозяевам ни в чем силы нет... А с которыми казаками он Герасим был и вместе пил, то между ними слышал, также и ему сказывали про свою братью, что их в такую погибель ввел кошевой и привел к шведу, а король де им ничего не дает; также и в Сечи быть им нельзя, для того что по сей и по той стороне Днепра московские войска, и где им с тем кошовым быть, не знают. А некоторые казаки вышеписанных мест жители давние, и те говорят, что они к шведу приставать не будут и за христианство свое помрут...»

Даже когда стало ясно, что кошевой атаман Гордеенко ведет сечевиков к Карлу XII, царь верил, что значительная их часть не хочет воевать с русскими, и для поддержки своих сторонников посылал в Сечь своих эмиссаров. 17 мая Петр I предпринял последнюю попытку обойтись без кровопролития при решении запорожской проблемы. Он направил наказному кошевому атаману К. Конеловскому специальную грамоту, в которой обещал помилование и указывал на безнадежность сопротивления: «А оборонить вас от гнева нашего некому, ибо швед ныне и сам от войска нашего окружен и под Опошнею побит и, потеряв пушки и знамена и немалое число людей, ушел от войск наших. А из-под Полтавы и из всего Малороссийского краю уповаем его, с помощью вышнего, прогнать вскоре. А Лещинский разбит и загнан от войск наших на Вислу. А с салтановым величеством и со всеми его подданными и Крымскими и Буджакскими ордами у нас, великого государя, мир и тишина содержится».

Принимая во внимание хронические изъяны военной статистики вообще и проблемы с определением численности иррегулярных формирований, точные данные в количестве запорожцев, вставших под шведские знамена, установить практически невозможно. В разное время их было от 4000 до 9000.

Корпус под командованием бригадира Яковлева атаковал Сечь — столицу запорожцев. Первый приступ был отбит, причем с большими

потерями. Но далее казаков сгубила запальчивость и недоразумение: к Яковлеву подошло сильное укрепление, но защитники города приняли его за своих, напавших на противника с тыла. Запорожцы сами бросились в атаку, но были наголову разбиты в чистом поле. Уничтожение Сечи имело далеко идущие последствия. Во-первых, это был еще один сигнал для всех колебавшихся в выборе того, за кем идти. Во-вторых, после этого уничтожению подверглась вся флотилия, подготовленная для переправы через Днепр. В те дни такое происшествие воспринималось как досадная, но локальная неудача. Еще никто не предполагал, что именно нехватка плавсредств привела к капитуляции у Переволочны.

Разгром Сечи действительно был одним из самых кровавых актов Северной войны. В донесении истребление 2000 обывателей и 1000 казаков представлено с беспристрастностью военного рапорта: «...воровских запорожцев и жителей вырубили, а иные, убоясь, разбежались и потонули в Ворскле и Переволочну так и Кереберду выжгли». Обе стороны действовали с предельной жестокостью, поскольку это был тот самый случай «приватизации войны», когда воюющие действовали не по приказу, а считали бой с противником своим личным делом. У солдат к сечевикам были претензии прежде всего в связи с их «изменническим» уничтожением драгунского полка Кемпеля. После того как запорожцы отбили первую атаку, они на виду отступивших войск генерала Яковлева с демонстративной жестокостью убили всех пленных.

В Переволочне, как и в Сечи, запорожцы переоценили свои силы, не имея опыта боевых действий с регулярными войсками. Решительный штыковой удар опытных солдат, воодушевленных перспективой богатой добычи, был для запорожцев полной неожиданностью. Все, кто пытался защищаться, были либо заколоты, либо сожжены вместе с домами, в которых искали убежища.

Петр I очень обрадовался известию об уничтожении Запорожской Сечи и разослал письма своим приближенным. 23 мая он написал сыну Алексею Петровичу: «Полковник Яковлев с помощью божьей изменичье гнездо, Запорожскую Сечь, штурмом взял и оных проклятых воров всех покосил и так весь корень отца их, Мазепы, искоренен. И сим поздравь, кому надлежит, и прочим дай знать торжественно».

Из всех категорий «неприятелей» одни запорожцы не могли рассчитывать на пощаду. 8 октября 1709 г. драгуны под командой полковника Кропотова недалеко от г. Черновцы разгромили шведско-украинский отряд. 546 скандинавов сложили оружие, а сечевики

ударились в бег, и те, кто не сумел скрыться, были «в труп положены». Это отношение к запорожцам тем более рельефно выглядит на фоне того, что 14 октября 1709 г. Петр I пообещал амнистию бобруйскому воеводе Я. К. Сапеге, если тот перейдет под русские знамена. А к тому времени «сапежинцы» воевали с царскими войсками уже более 7 лет. У попавших в плен запорожцев и годы спустя после Полтавы почти не было шансов остаться в живых. В походном дневнике Б. П. Шереметева есть запись от 4 июня 1711 г.: «Поутру, прежде похода войска, запорожца три человека, которые приведены вчерашнего числа, при помянутом урочище Куле расстреляны».

Атаман Орлик в марте 1711 г. выпустил «универсал народу мало-российскому». Именуя себя «Обеих сторон Днепра войск запорожских гетманом», он называл своего предшественника И. Мазепу «истинных отчизны прав и вольностей войсковых ревнитель». Он пугал украинцев тем, что царь большинство казаков запишет в солдаты и драгуны, а остальных вместе с крестьянами отправит за Волгу, а Украину заселит русскими. 26 марта 1711 г. Орлик попытался захватить Белую Церковь. В реляции об этом событии говорится: «...наши, не уповая на множество сил неприятельских и не мало не сомневаясь, били по ним неприятелях из пушек, и из прочего огненного оружия, и приближаться им к верхнему городу и к замку не допустили... В 4 часа той же ночи выслали наши из верхней крепости на вылазку с ротою солдат и с гренадерами майора и двух офицеров, а при том было и Белоцерковского полку несколько казаков. И те наши посланные вошли в самые их неприятельские шанцы и, как гранатами, так и оружием побили их неприятелей множество и живьем взято немало, и несколько знамен побрано, и гнали наши оных неприятелей из шанцев через весь острог со мною стрельбою и бросанием по ним гранат... А после того неприятели, собравшись, вошли было в те шанцы в другой ряд и в иных пестях расположились, и ввезли пушки свои в тот же нижний город, и была от них из пушек и из мелкого ружья в верхний замок стрельба. И как оные неприятели к крепости верхней сближались, и наши выслали того ж майора и офицеров и солдат и казаков с таким же числом, как и сперва, и подойдя к шанцам их неприятельским дали залп с флинтов и гранатами на них стали метать, и те неприятели стрельбою своей не выдержали и побежали все наутек... И как наши... отошли к замку, и татары и поляки многолюдством конницей по прежнему выезжали в то же место, однако ж от наших, которые были на вылазке, отпор им учинили, и тех поляков и татар из пушек и из другого ружья прогнали и выбили их вон. А побитых неприятелей всех больше 1000 человек,

а из наших солдат токмо 8 человек ранено, а том числе один от раны умер, а в полон ни одного человека из наших к неприятелю не взято. И те неприятели, видя над собой несчастье, со многим упадком и стыдом от Белой Церкви отступили...»

Другой отряд запорожцев в марте 1711 г. вместе с крымскими татарами попытался взять приступом крепость Новобогородицкую, но был отбит с большими потерями. В апреле 1711 г. много запорожцев погибло при обороне крепости Новосергиевская на р. Самаре. Гарнизон этого укрепления отверг предложение о капитуляции, надеясь на помощь со стороны атаманов Пляки и Нетулея, а также на скорый подход крымских татар. Но помощь не пришла, а устоять против регулярных войск казаки не смогли. В боях против сечевиков активное участие принимали слободские казаки Изюмского, Ахтырского и Харьковского полка. Слободская Украина с центром в Харькове образовалась на российских землях, которые заселялись украинцами, бежавшими за пределы Речи Посполитой. По слободам, которые строили иммигранты, эта область и получила свое название. Поскольку правительство России было заинтересовано в использовании военного потенциала переселенцев (большинство которых были бывшими реестровыми казаками), им придали привычную для Малороссии казачью организацию. В ночь на 12 апреля 1711 г. была взята приступом крепость Новосергиевская.

«...Атакован тот город с трех сторон: с одной — солдатами, с другой — бригадир Осипов с Ахтырскими и Харьковскими казаками, а с третьей — Воронежского шквадрона подполковник Новиков с драгунским шквადроном и с Чугуевскими и Изюмскими казаками. И учиня с одной стороны из пушек стрельбу, а с другой обив их от стен гранатами и подрубивши палисады, вошли в большой город и многих тут изменников в труп положили, и пушку и одно знамя взяли, а другие изменники с женами и детьми заперлись в земляной замок; а вор Пляка и с ним пущие изменники и крымцы, которых было человек с 600, побежали вниз того града через реку Самр, и которых многих на той переправе побили, а иные и сами потонули. А по прогнании тех воров в большом городе зажгли поселение, в замок послали письмо, чтоб сдались. Они, видя свою гибель (что воду от них отняли и от дыму духота великая) и жестокий штурм, в пятом часу дня сдались, в котором взято: одна пушка, 1305 казацких пищалей, 3 знамя, 1 литавры, волнянских жителей 700, в том числе запорожцев 46 человек, да 3240 жен и детей оставшихся, у которых во время штурму мужья и отцы побиты.

На том штурме наших драгун, и солдат, и казаков было 4112 чел. Из которых побито драгун и солдат 14, казаков 8; ранено 1 капитан, 2 поручика, 1 прапорщик, 35 драгун и солдат, 1 сотник казацкий, 29 казаков...»

Жесткие меры по отношению к мятежникам царь Петр совмещал с гарантиями привилегий казаков, и особенно тех, которые касались старшины. В 1-й статье указа гетману И. И. Скоропадскому от 31 июля 1709 г. говорилось, что Петр I подтверждает нерушимо «...права и вольности и порядки войсковые... на которых приступил гетман Богдан Хмельницкий с малороссийским народом под высокодержавнейшую руку блаженные памяти великого государя Алексея Михайловича...» Здесь, правда, имелась оговорка о том, что детализация отношений будет проведена позднее «...понеже ныне за краткостью времени и за походом его величества в Польшу того учинить невозможно». Во 2-й статье утверждалось право российских генералов командовать малороссийскими войсками. При этом генералам «...накрепко указано будет, дабы казаков, кроме воинского дела, ни в какие свои приватные услуги отнюдь не употребляли и воинские дела управляли с совету и согласия с наказными [атаманами. — В. Л.]». В 3-й статье объяснялось, почему гетману передали только часть пушек, взятых в Батурине: «...достальные пушки имеют на память измены батуринской, яко против его царского величества войск от изменников употребленные, отвезены быть в московский цейхгауз по обычаю всего света, что все, в неприятельских руках хотя 24 часа бывшее, за добычу признается». В статье 4-й говорилось, что пушки, взятые из Гадяча вернуть в места их прежнего расположения кроме тех, «...которые в измене против его величества явились». Статья 5-я подтверждала, что российским воеводам строго запрещается вмешивать во внутренние дела гетманщины, кроме случаев государственных преступлений. Русский гарнизон оставался только в Полтаве, «...ибо большая часть городов того полка были в бунте обще с запорожцами. Того ради опасно оный, как крайний город, оставлять без гарнизона, дабы те же бунтовщики-запорожцы с единомышленниками своими не учинили паки какого возмущения». Статья 6-я гарантировала малороссию от «обид» со стороны регулярных войск во время их стоянок и маршей. Статья 7-я звучит как властный окрик: «Чтоб постоя на казачьих дворах без крайней нужды не было, о том подтверждено будет великого государя указом. А что при том в той статье к лицу великого государя выражено, что за одну казацкую вольность, которая тем нарушается, они служат, и того было так выписывать не надлежало, ибо

весь малороссийский народ довольно милостей царского величества имел и ныне имеет в содержании привилегий и вольностей и свобод их паче всех иных народов. И сверх того всякая оборона ныне чрез персональный привод и мужественное оружие его царского величества с поражением неприятеля и разорения Малороссийского края короля шведского и изменника Мазепу учинена, и они от крайней гибели и руины и порабощения освобождены, также и в прошедших временах от наступления польского, турецкого и татарского от войск великороссийских всегда охранены, и за то довольно причины имеет весь народ малороссийский его царскому величеству служить верно паче прежнего». 8-я и 9-я статьи освобождали украинцев от «воинского похода», с оговоркой, что они могут быть призваны в случае возобновления восстания запорожцев. 10-я статья «амнистировала» малороссию: «...От его царского величества запрещение было, дабы верных его царского величества подданных малороссийского народу никто изменниками называть не дерзал, ибо кто тому преступлению не виновен, тому не стоит за другого такую укоризну терпеть». 11-я глава по существу ставила под контроль финансовую систему гетманщины, поскольку в ней говорилось о предоставлении царю полной информации о приходе и расходе малороссийской казны. Интерес этот объяснялся в документе необходимостью определить источники и размер обеспечения наемных казачьих полков. 12-я статья предписывала восстанавливать посад в Чернигове таким образом, чтобы постройки не мешали обороне тамошней крепости. 13-я и 14-я главы определяли порядок движения бумаг и выдачу подорожных.

Гетман И. Скоропадский пытался отстоять самостоятельность казачьего войска и просил Петра I не ставить его под начальство армейских генералов. Но царь остался неумолим: с того времени русские военачальники командовали казаками как остальными другими частями армии во время совместных походов.

Для судеб Украины и России Полтавское сражение имело огромное, поистине судьбоносное значение. По нашему мнению, наиболее сбалансированным выглядит суждение об этом известного историка Николая Ивановича Костомарова, высказанное в 1882 г.: «Честь русской державы вырвана была из бездны почти неминуемой. Опасность была чрезмерно велика. Если бы, как того надеялся Карл, малороссийский народ прельстился обольщениями своего гетмана и славою северного победителя, Петру ни за что бы не сладить со своим соперником. И если кто был истинным виновником спасения Русской державы, то это — малороссийский народ, хотя эта сторона дела не

выставлялась до сих пор историей в настоящем свете... Нельзя сказать, чтобы в те времена народ малороссийский питал какую-то привязанность к Русской державе и к соединению с „москалями“; напротив, мы на каждом шагу натываемся, так сказать, на факты взаимного недружелюбия и даже вражды между двумя народностями. Нельзя сказать также, чтобы народ малороссийский не сознавал своей национальной личности и не желал национальной независимости. Много было условий, делавших отпадение малороссов от верности к русскому царю. И однако вышло не то. Народ инстинктивно почуял ложь в тех призраках свободы, которые ему выставляли. Он уже и прежде лучше самого Петра и его министров раскусил своего гетмана, считал его ляхом, готовым изменить царю с тем, чтобы отдать Украину в рабство Польше... Народ остался верен царю даже не из-за какой-либо привязанности, не из благоговейного чувства к монарху, а просто оттого, что из двух зол надобно было выбирать меньшее... Под русской властью, по крайней мере, оставалось для него всегда духовное утешение — вера его отцов, которую никак уже не могли бы попирать „москали“, как бы ни относились они ко всем остальным народным правам...

Между тем последующая история показала, что русская власть еще менее, чем русские историки, оценила в этом деле здравый смысл малороссийского народа и заслугу, оказанную им Русскому государству. Измена Мазепы ни в каком случае не могла падать на малороссийский народ, который в продолжение двадцати лет так не любил своего гетмана, что последний должен был охранять свою особу великороссийскими стрельцами и солдатами, присылаемыми ему по царской милости... Память о Мазепе не испарилась совершенно в народе, но осталась никак не в привлекательном виде. В народных песнях и преданиях это какое-то злое и враждебное существо, это даже не человек, а какая-то лихая, проклятая сила: „Проклята Мазепа!“ ...Однако измена Мазепы оставила надолго, если не навеки, подозрение русских властей на малороссийскую народность. Во все остальное царствование Петра в отношении к Малороссии замечалась осторожность, переходившая неоднократно в насилие. Преемник Мазепы, Скоропадский, был до такой степени стеснен недоверчивостью верховной власти, что должен был терпеть нарушение своих прав, предоставленных ему законом... Со вступлением на престол Екатерины II русская государственная политика нашла окончательно несообразным со своими выводами удерживать отдельное гетманское устройство... Малороссия наравне с всею остальной Россией подверглась

надолго всей мерзости крепостничества... В великорусском народе измена Мазепы, несмотря даже на царские указы, объяснявшие непричастность малороссийского народа к поступку бывшего когда-то гетмана, не забывалась, и память о ней набрасывала всячески тень на все грядущие поколения... если в те времена, когда действительно поступки московских властей возбуждали в народе возможность стать враждебно к Русской державе, народ этот из инстинктивного чувства остался верен этой державе, то невозможно подозревать что-нибудь подобное теперь, когда эти два народа настолько сблизились и соединились, что их расторжение уже немыслимо в силу освященного опытом сознания обоюдной пользы их соединения».

ЭПИЛОГ

После Полтавы Карл XII сам выступил с инициативой заключения мирного договора на тех условиях, которые за несколько месяцев до того предлагали русские. Но теперь Петр I чувствовал себя по-иному. Он требовал Карельский перешеек с Выборгом и Ревель с прилегающими к нему землями. Впрочем, как свидетельствуют документы, претензии на главный город Эстляндии были приемом дипломатического торга. От этого требования царь собирался отказаться в ходе переговоров. Карл XII, еще не осознавший масштабов постигшей его катастрофы, отверг русские условия, не догадываясь, что спустя десятилетие его преемникам придется отдать всю Лифляндию и Эстляндию.

Пока Карл XII находился в Бендерах, внешняя политика Швеции «раздвоилась», поскольку у короля и у Государственного Совета было разное видение событий. Первый считал, что войну можно выиграть и продиктовать свои условия Москве, Копенгагену и Дрездену. Второй более трезво смотрел на итог десяти лет войны и стремился закончить ее, не дожидаясь новых катастроф. Сенаторы, не менее патриотично настроенные, чем монарх, понимали, что для победы нет ни людских, ни финансовых ресурсов. Тем не менее король упрямо цеплялся за идею союза Турции, Франции и Швеции. В 1711 г. ему показалось, что наступил момент реванша. Усилия английских и французских дипломатов вкупе с настойчивостью Карла XII и опасениями султана по поводу усиления России привели к новой войне.

Петр I решился на поход к Дунаю прежде всего потому, что надеялся на мощную поддержку со стороны балканских христиан. В 1711 г. он писал Шереметеву: «Господари пишут, что как скоро наши войска вступят в их земли, то они сейчас же с ними соединятся и весь свой многочисленный народ побудят к восстанию против турок: на это глядя и сербы (от которых мы такое же прошение и обе-

щение имеем), также болгары и другие христианские народы встанут против турка, и одни присоединятся к нашим войскам, другие поднимут восстание внутри турецких областей; в таких обстоятельствах визирь не посмеет перейти за Дунай, большая часть войска его разбежится, а, может быть, и бунт поднимут».

Русское командование явно недооценило силы противника. В июне 1711 г. русская армия во главе с самим царем оказалась в окружении. Ценой больших уступок (уничтожение Азовского флота и самого Азова) удалось заключить мир. Осенью 1711 г. и в 1712 г. военные действия возобновлялись, но в 1713 г. Петру I удалось добиться окончательного подтверждения мира с Турцией. По Прутскому миру Россия лишилась приобретений Азовских походов 1695–1696 гг., но одержала значительную дипломатическую победу, поскольку получила возможность сконцентрировать свои силы для победоносного завершения войны со Швецией.

Разгром шведской армии под Полтавой предопределил судьбу двух важнейших центров восточной Прибалтики — Риги и Ревеля. Об осаде столицы Лифляндии было сказано в очерке, освещающем деятельность Б. П. Шереметева. Ревель также избежал ужасов штурма, но подвергся еще более страшному испытанию чумой. Эта неизлечимая болезнь в 1709–1711 гг. оказывала большое влияние на планирование и ведение боевых операций, на передвижение войск. Приходилось рассредоточивать полки, принимать особые меры при организации курьерской службы. По свидетельству одного из защитников Ревеля, в 1710 г. «трупы лежали на улицах без погребения, так как их не успевали хоронить, несмотря на устранение всех погребальных обрядов. Колокольный звон был приостановлен консисторией еще 10 сентября, и трупы отправляли не в церкви, а на форштадские кладбища, расширенные прикупленными к ним новыми землями... Из городской милиции 26 сентября состояло лишь 26 человек здоровых. Наиболее многочисленный полк Паткуля состоял из 90, остальные — из 60–70 человек». На момент сдачи крепости (30 сентября 1710 г.) из 4-тысячного гарнизона осталось в живых только 400 человек.

После Полтавской победы инициатива перешла в руки русских военачальников и на других фронтах. До 1710 г. шведы раз за разом проводили рейды из района Выборга. Контрвыпады русских осложнялись не столько силой противника, сколько трудностями снабжения из-за враждебности населения. Шведское командование также стало применять метод выжженной земли, чтобы задерживать наступление русских войск: уничтожались строения, запасы хлеба и

фуража, жители под страхом смертной казни должны были покинуть места, куда мог придти неприятель. В армию стали сгонять всех финских жителей, кого могли найти специально для того посылаемые отряды. Удалось собрать около 4000 новобранцев, но боеспособность этих батальонов была на самом низком уровне.

Все попытки убедить финнов Выборгского уезда в миролюбии русских солдат не увенчались успехом. Апраксин доносил царю: «Жители финские все разбежались вглубь Финляндии; как шел, отпускал мужиков и давал письма, чтобы жили без опасения; ничто не помогает, и жилищ, Государь, их единого как и пришел нигде не сожжено — сами, проклятые, где успеют сена жгут и бегут в непроходимые пустыни... истинно не можем ни в какой деревне соломы сыскать, а хлеба, мужики, которые были в руках наших, клятвенно клянутся, многие сей зимы не видали, не только что едали». Получить сведения о противнике можно было только через «шпигов», а заставить финнов сотрудничать оказалось делом непростым. Чтобы переломить знаменитое финское упорство, Петр I приказал Ф. М. Апраксину при отправлении в разведку ингерманландцев брать в заложники их жен. В 1710 г. решилась судьба Карелии — русские взяли Выборг. После этого на северо-западе война была перенесена на территорию Финляндии, хотя в 1711 г. шведский отряд пробрался к северным окраинам Санкт-Петербурга и сумел увести трех пленных, захваченных в слободе на Выборгской стороне.

В 1712 г. войска Апраксина начали медленное продвижение в Финляндию сразу по нескольким направлениям. Шведы отступили до р. Кюмени, не принимая боя. Русские войска довольствовались тотальным разорением местности. В 1713 г. руководство боевыми операциями в Финляндии взял на себя сам царь. В районе Гельсингфорса был высажен крупный десант, из района зимнего квартирования подошли четыре драгунских полка. 22 августа произошло сражение на р. Сало. Следующий крупный бой был 5 октября. Корпус генерала Армфельда занял удобную позицию между двумя озерами, которые соединяла порожистая р. Пелкина. Часть войск была посажена на плоты, которые позволили переправить через озеро десант. Одновременно кавалерийский отряд сумел переправиться вброд в ледяной воде и нанести удар по другому шведскому флангу. Противник отступил. Чтобы воспользоваться достигнутым психологическим преимуществом, а также использовать замерзшие болота, озера и реки как пути передвижения, армия под командованием князя Голицына начала новое наступление в конце января 1714 г. 19 февраля у деревни Лаппола произошло сра-

жение, закончившееся полным разгромом 10-тысячного корпуса Армфельда. Более 5000 солдат и офицеров противника было убито, в плену оказалось 535 человек. Потери российской стороны оставили около 1500 человек. После того как был razорен город Якобштадт и местность вокруг него на десять миль в окружности, армия Голицына отошла на юг, где можно было найти провиант и фураж. Далее в 1715–1718 гг. боевые действия в Финляндии представляли собой стычки небольших русских отрядов с местными партизанами, причем обе стороны проявляли крайнюю жестокость.

Международное значение Полтавской победы определялось не только тем, что была сокрушена военная мощь Швеции, а Россия стала рассматриваться в европейских столицах как желанный союзник или опасный противник. Осенью 1709 г. в войне за испанское наследство установилось неустойчивое равновесие, в котором каждая сторона стала искать новых членов коалиции. Поскольку все известные игроки уже участвовали в споре за испанскую корону, взор западных дипломатов был обращен на север и на восток. Внешнеполитическая доктрина Англии основывалась на представлении о «балансе сил», наиболее отвечающем интересам негоциантов и дипломатов, которые всегда вели «свою игру», далеко не всегда отвечающую реальным интересам страны, ими представляемой. У самого Петра I при всей победной эйфории не было намерений доконать Швецию, поскольку он видел, что ее чрезмерное ослабление приведет к чрезмерному усилению Дании. Для такого масштабно мыслящего человека, стремящегося к выводу российского флага на океанские просторы, вовсе не радужной выглядела перспектива смены «шведского забора» на «датский засов». Не для того было потрачено столько сил, чтобы зависеть от Копенгагена в проходе судов из Балтийского моря через пролив Бельт, в случае полного контроля над ним датской короны. Царь был сторонником установления «баланса» сил, но в Лондоне придерживались иного мнения по поводу его намерений. Поэтому генеральной линией британской политики в отношении России стала установка на ее «сдерживание». Поскольку Англия определяла общий курс держав «Высокого союза», за ней в кильватер двинулась Голландия. В мае 1719 г. английский посол Д. Джефферис писал государственному лорду Стенгопу: «Позволю себе еще раз обратить внимание Ваше на сделанные мною предложения касательно английских корабельных мастеров, состоящих на царской службе. Со времени моего приезда они спустили один корабль в 90 пушек, другой — в 60 пушек, будет готов на днях, затем 10 кораблей стоят на верфях, все они линейные,

и большинство их должно быть готово в течение года. Кроме царя (у которого есть своя верфь, как и у прочих мастеров) и пяти англичан здесь еще есть один мастер-француз, голландцев же ни одного, так как царь не любит их систему постройки; следовательно, если мы своих мастеров отзовем домой и будем наблюдать за тем, чтобы другие не являлись им на смену, постройка будет приостановлена; если же не принять этой или другой соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаться, хотя быть может уже и поздно. Еще недавно царь открыто в обществе высказал, что его флот и флот Великобритании — два лучшие флота в мире. Если он теперь уже ставит свой флот выше флотов Франции и Голландии, отчего не предположить, что лет через десять он не признает свой флот равным нашему или даже лучшим, чем наш? Короче — корабли строятся здесь не хуже, чем где бы то ни было в Европе, и царь принимает всевозможные меры к тому, чтобы приучить своих подданных к морю, чтобы создать из них моряков».

Ближайшим результатом военного триумфа России стало заключение 23 июня 1710 г. союза с Ганновером. Правитель этого германского государства пошел на такой шаг из-за трений со Швецией и желания воспрепятствовать сближению России и Пруссии — злейшего ганноверского недруга. Этот дипломатический успех позволил выиграть время для восстановления Северного союза и смягчил отношения с Англией (король Ганновера являлся наследником британского престола). После Полтавской победы воспрял духом Август II, который чуть ли не на другой день после получения достоверных известий о ней, перешел с 11-тысячным войском польскую границу в надежде вернуть себе польскую корону. Царь ему на копейку не верил, но подписал в Торунь 10 октября 1709 г. русско-саксонский договор, поскольку это вело к усилению антишведской коалиции. Чтобы прочнее привязать к себе Августа, Петр I обещал передать ему завоеванную Лифляндию.

В Копенгагене с восторгом встретили известие об уничтожении армии Карла XII. Даже давление со стороны Англии и Голландии не остановило Фредерика IV от вступления в войну со Швецией и заключения нового договора с Россией 11 октября 1709 г.

Петр I предпринимал все возможное для дипломатического закрепления результатов победы. Можно сказать, что столы переговоров стали не менее важным местом битвы за интересы державы, чем поля сражений. В 1710 г. была подписана т. н. конвенция о нейтралитете, согласно которой от вторжения извне гарантировались «импер-

ские территории», Шлезвиг-Гольштейн, Ютландия и Польша. Для России этот документ означал очень важное отсутствие опасности удара с западного направления тогда, когда возникла явная угроза нападения Турции. О возрастающем значении России на европейской арене говорит тот факт, что союзники уже не выдвигали жестких требований помощи войсками и деньгами, как это было ранее, а терпеливо ожидали, когда после окончания войны (!) они получат вознаграждение — территориальные приращения. Полтава стала богатым «приданым» представителей царствующей династии. Одна племянница Петра I Анна Иоанновна выходит замуж за герцога Курляндского, другая — Екатерина Ивановна — за герцога Мекленбургского. Царевич Алексей женится на Шарлотте Вольфенбюттельской. Россия использовала все возможности для закрепления своих позиций в т. н. «европейском концерте». Сближение с северогерманскими герцогствами имело две цели. Во-первых, это позволяло стать членом Священной Римской империи. Во-вторых, появлялся еще один рычаг воздействия на Данию в том случае, если она станет вести враждебную или слишком независимую политику.

Самую высокую чуткость проявило правительство герцогства Гольштейн-Готторбского, бывшего шведского сателлита. Оно стало настойчиво добиваться сближения с Россией.

После Полтавы выросла роль военного флота. Действия на сухопутном театре не могли привести к быстрому окончанию войны, а это стало едва ли не первоочередной задачей для России, экономика которой пребывала в плачевном состоянии. В 1710 г. под давлением европейских держав Петру I пришлось подписать договор, который фактически исключал активные операции против шведских владений в южной Прибалтике. Поход на Стокгольм через лесистоболотистую Финляндию был еще более авантюристичен, чем поход шведов на Москву через Белоруссию. Оставался морской фронт. Но шведские эскадры были многочисленными, а, главное, королевские моряки значительно превосходили царских в боевом опыте. В 1711 г. Сенат принимает решение о строительстве 20 линейных кораблей, 6 фрегатов и 6 шняв. Значительные потери русские эскадры несли не от противника, а от непогоды. В осеннем походе 1713 г. галерного флота к берегам Финляндии от штормов погибло 16 галер и утонуло 285 матросов и солдат.

23 июля 1714 г. у мыса Гангут русская гребная флотилия одержала первую в истории отечественного флота крупную морскую победу, захватив эскадру адмирала Эреншельда. В Стокгольме была страш-

ная тревога в связи со слухами о приближении российских кораблей, многие состоятельные люди предпочли перебраться «в немецкие города, а другие — пожитки свои отправили, а сами остались».

В мае 1718 г. на Аландских островах начались переговоры между Швецией и Россией. Англия, крайне обеспокоенная усилением России, заняла откровенно угрожающую позицию. Летом 1719, 1720 и 1721 гг. в Балтийское море приходила британская эскадра адмирала Д. Норриса, который имел приказ при удобном случае уничтожить российский флот. В 1720 г. антишведский союз распался, и Россия опять оказалась один на один со своим противником, которого теперь можно было называть «некогда грозный». 27 июня опять стало славной датой для русского оружия. В этот день 1720 г. галеры под командованием М. М. Голицына разгромили шведскую эскадру возле острова Гренгам и взяли на бордаж четыре фрегата. Господство на море позволило начать боевые действия на территории самой Швеции. В мае 1721 г. отряды под командованием генерал-лейтенанта П. П. Ласси напали на западное побережье Ботнического залива, разорили несколько населенных пунктов и уничтожили один из главных оружейных заводов. Стокгольм заявил о готовности заключить мир, но стал тянуть с подписанием договора. Тогда царь приказал перебросить на Аландские острова целый корпус Голицына, который мог бы в любой момент появиться в окрестностях неприятельской столицы. Кроме того, в это время свои претензии на шведский престол заявил герцог Голштинии, и Россия недвусмысленно дала понять, что в случае дальнейших проволок окажет ему всемерную поддержку. Наконец 20 августа 1721 г. мир был подписан. Стороны обменивались пленными, объявлялась амнистия всем, перешедшим на сторону противника, за исключением мазепинцев. Россия получала Эстляндию, Лифляндию, Карелию и Ингерманландию. Финляндия, оккупированная русскими войсками, возвращалась королю, который к тому же получал компенсацию в размере 2000000 ефимков. Шведы могли беспопытно вывозить из Прибалтики ежегодно зерно на сумму в 50000 рублей. Россия отказывалась от вмешательства во внутренние дела королевства. По Ништадскому договору сохранялись права и привилегии населения завоеванных провинций.

Французский посол Кампредон писал Людовику XV в марте 1723 г.: «Россия, недавно еще едва известная по имени, теперь стала предметом внимания большей части европейских держав, которые все ищут ее дружбы, одни из-за боязни ее враждебности их интересам, другие из-за выгод, кои надеются получить от союза с нею».

ХРОНОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ 1700–1721 гг. (по старому стилю)

1700 г.

7 августа — подписание мирного договора между Швецией и Данией в Травендале

19 августа — объявление Россией войны Швеции

19 ноября — поражение русской армии под Нарвой

1701 г.

25–26 июня — бой со шведской эскадрой у Новодвинской крепости в устье Северной Двины

9 июля — поражение саксонской армии под Ригой

4 сентября — поражение шведов под Ряпиной мызой, поражение русских войск у мызы Ревке

29 декабря — поражение шведов под мызой Эресферд

1702 г.

18 июля — поражение шведов у мызы Гуммельсгоф

13 августа — поражение шведов на р. Ижоре

27 июля — поражение шведской эскадры на Ладожском озере

11 октября — взятие крепости Нотебург (Шлиссельбург)

1703 г.

24 марта — начало работы верфи в Лодейном поле по строительству Балтийского флота

1 мая — взятие крепости Ниеншанц

7 мая — захват двух шведских судов в устье Невы

16 мая — основание крепости Санкт-Петербург

2 июля — бой с корпусом генерала Майделя в окрестностях Петербурга

1704 г.

13 июля — взятие крепости Дерпт (Юрьев)

9 августа — взятие крепости Нарва

19 августа — подписание союзного договора с Речью Посполитой

6 сентября — взятие шведами Львова

1705 г.

4–6 июня — отражение шведской эскадры, напавшей на Котлин

15 июля — поражение корпуса Б. П. Шереметева у Гемауэртгофа (Мур-мызы)

1706 г.

13 сентября — подписание договора между Швецией и Саксонией в Альтштранде

18 октября — поражение шведов под Калишем

1707 г.

1–6 июня — рейд отряда русских кораблей к острову Гогланд

1708 г.

26 января — взятие шведами Гродно

30 августа — форсирование Невы корпусом шведского генерала Любекера

28 сентября — разгром корпуса Левенгаупта у Лесной

1709 г.

27 июня — разгром шведской армии под Полтавой

8 августа — вступление в войну со Швецией Речи Посполитой и Саксонии

1710 г.

13 июня — взятие Выборга

4 июля — взятие Риги

14 августа — взятие Пернова (Пярну)

8 сентября — взятие Кексгольма (Приозерск)

29 сентября — взятие Ревеля (Таллин)

1711 г.

9 июля — окружение русской армии турецкими войсками на р. Прут

12 июля — подписание Прутского мирного договора

1712 г.

10–20 августа — боевые действия гребного флота России в финских шхерах

9 декабря — разгром датских войск шведами у Гадебуша

1713 г.

11 июля — сражение русского флота со шведским у Ревеля

15 июля — взятие Гельсингфорса (Хельсинки)

6 октября — разгром шведских войск при Пялкине (Финляндия)

1714 г.

25–27 июля — победа русского флота под Гангутом

11 сентября — 15 октября — десантные операции русского флота на шведском побережье

1717 г.

4 июня — 16 июля — десантная операция русского флота на острове Готланд

1718 г.

Апрель–ноябрь — крейсерские операции русского флота в Балтийском море, захват 34 шведских торговых и военных кораблей

1719 г.

24 мая — победа русского флота у острова Эзель

25 июля — высадка десанта на шведское побережье

1720 г.

24 апреля — высадка русского десанта на шведский берег в районе Умео

27 июля — победа русского галерного флота в Гренгамском сражении

1721 г.

3 мая — 17 июня — десантная операция отряда генерал-лейтенанта Ласси на шведском побережье

30 августа — подписание Ништадского мирного договора

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Акманов И. Г.* Башкирские восстания XVII – начала XVIII в. Уфа, 1993.
- Андреева Е. А.* Судьба шведских гарнизонов Ингерманландии и Карелии в 1702–1710 гг. // Международная научная конференция: Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. СПб., 2007. С. 276–283.
- Артамонов В. А.* Победная кампания в Белоруссии в 1708 г. // Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы: К 300-летию со дня битвы при д. Лесная. Международная научно-практическая конференция 4 октября 2008. Могилев, 2008.
- Базарова Т. А.* Русские войска и местное население Ингерманландии в 1702–1710 гг.: проблема взаимоотношений // Международная научная конференция: Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. СПб., 2007. С. 246–255.
- Базарова Т. А.* Военные действия в Приневье и оборона Санкт-Петербурга в 1708 г. // Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы: К 300-летию со дня битвы при д. Лесная. Международная научно-практическая конференция 4 октября 2008. Могилев, 2008.
- Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. Киев, 1993.
- Беспалов А. В.* Северная война: Карл XII и шведская армия. М., 2000.
- Беспалов А. В.* Сподвижники Карла XII. М., 2003.
- Болезте П.* Полтавский бой, описанный современником-очевидцем, Петром Болезте, служащим в канцелярии гетмана Сенявского, бывшего тогда воеводой бельским, а впоследствии кастеляном

- краковским // Чтения Общества истории и древностей российских. 1871. Кн. 3. Отд. 5. С. 1–9.
- Вольинский Н. П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия в Великой Северной войне. СПб., 1912.
- Борисенко Н. С.* Проблема локализации места и интенсивности сражения при Лесной (по материалам поисковой экспедиции) // Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы: К 300-летию со дня битвы при д. Лесная. Международная научно-практическая конференция 4 октября 2008. Могилев, 2008.
- Гельмс И. А.* Достоверное описание замечательных событий при осаде города Риги и того, что случилось со дня ее блокады, а также во время жестокой бомбардировки и обстреливания ее в 1709 г. до сдачи ее в 1710 г. изо дня в день замечено и описано Иоакимом Андреем Гельмсом, который лично выдержал эту тяжелую осаду и из одиннадцати лиц своего дома один остался в живых // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2.
- Гетман Иван Мазепа. Документы из архивных собраний Санкт-Петербурга. СПб., 2007. Вып. 1: 1687–1705 гг.
- Гилленкрок А.* Сказание о выступлении его величества короля Карла XII из Саксонии и о том, что во время похода к Полтаве, при осаде ее и после случилось // Военный журнал. 1844. № 6. С. 1–105.
- Гилленкрок А.* Реляция о сражении при Полтаве // Военный журнал. 1845. № 3.
- Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. 2-е изд. М., 1839. Т. 1–12.
- Голикова Н. Б.* Астраханское восстание 1705–1706 гг. М., 1975.
- Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа. М., 1957.
- Грот Я. К.* О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. 1853. Февраль.
- Есипов Г. В.* Жизнеописание князя А. Д. Меншикова по новооткрытым бумагам // Русский архив. 1875. Т. 1.
- Заозерский Б. П.* Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989.

- Зезюлинский М.* Иноземцы в русской армии при царях Михаиле Федоровиче, Алексее Михайловиче и Петре I Алексеевиче // Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1913. № 2.
- Катин-Ярцев М. Ю.* Балтийско-немецкое дворянство на Российской службе // Вестник МГУ. Серия 8: История. М., 2000. № 2.
- Клячин В. П.* Полтавская битва в связи с Северной войной. Киев, 1909.
- Коновальчук П. В.* Известные документы о Лесной: Находка в королевском архиве Швеции // Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы: К 300-летию со дня битвы при д. Лесная. Международная научно-практическая конференция 4 октября 2008. Могилев, 2008.
- Кротов П. А.* Полтавская баталия: некоторые дискуссионные и неисследованные вопросы // XV конференция по изучению истории экономики языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 2004. Ч. 1. С. 106–108.
- Кротов П. А. П. Н. Крекшин и сотворение мифов о Полтавской битве 1709 г.* // Меншиковские чтения 2006: Материалы чтений. СПб., 2006.
- Кротов П. А.* Полководческое искусство Петра I и А. Д. Меншикова в Полтавской битве: (К 300-летию Полтавской победы) // Меншиковские чтения 2007: Материалы чтений. Вып. 5. СПб., 2007.
- Куракин Б. И.* Русско-шведская война: Записки: 1700–1710 // Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 291–328.
- Леер Г.* Петр Великий как полководец: Военный сборник. 1865. № 3–4.
- Ляскоронский В.* Поход Карла XII в 1708–1709 гг. в пределы России. Киев, 1909.
- Маркевич А. П.* Великий подвиг: К 250-летию Полтавской битвы. Киев, 1959.
- Масловский Д. Ф.* Северная война: Документы 1705–1708 гг. СПб., 1892.
- Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1986.
- Мышлаевский А. З.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг.: (Документы Государственного архива). СПб., 1893.

- Мышлаевский А. З.* Северная война 1708 г. от р. Уллы и Березины за р. Днепр. СПб., 1901.
- Неплюев С. П.* Бой со шведами у местечка Клецка, журнал С. П. Неплюева 19 апреля 1706 г. // Русская старина. 1891. Т. 72. № 10. С. 25–32.
- Некрасов Г. А.* Международное признание российского великодержавия в XVIII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.
- Орешикова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.
- П-к П-в.* О войсковых частях, принимавших участие в «Генеральной баталии» под гор. Полтавой 27-го июня 1709 года // Военный сборник. 1909. № 4–9.
- Павленко Н. И.* Полудержавный властелин: Историческая хроника о жизни сподвижника Петра Первого А. Д. Меншикова. М., 1991.
- Павловский И. Ф.* Битва под Полтавой 27 июня 1709 года и ее памятники. Полтава, 1908.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. IX (январь–декабрь 1709 года). Вып. I.
- Письма несчастного графа Ивана Рейнольда Паткуля, полководца и посланника российского императора Петра Великого. М., 1806. Ч. 1–2.
- Погоский А. Ф.* Нарва и Полтава. СПб., 1872.
- Поленов Д. В.* О присяге иноземцев, принятых на русскую службу при Петре Великом // Русский архив. М., 1869. Т. 1.
- Понятовский С.* Записка, или Рассказ Мазовецкого воеводы о событиях его жизни со времени его выходы из родительского дома, написанные им по требованию его семьи 22 января 1734 г. // Журнал русского военно-исторического общества. 1910. Кн. 2. С. 1–28 (паг. 3); Кн. 4. С. 29–56 (паг. 5).
- Пузыревский А. К.* Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889.
- Рабинович М. Д.* Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М., 1956. Кн. 58.
- Рабинович М. Д.* Полки петровской армии: 1682–1725 гг. М., 1977.
- Савельева Е. А. А. Д. Меншиков на страницах «ведомостей» петровского времени // Меншиковские чтения 2006: Материалы чтений. СПб., 2006.*

- Стилле А.* Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг. СПб., 1912.
- Таирова-Яковлева Т. Г.* А. Д. Меншиков и гетман И. С. Мазепа: (из истории взаимоотношений) // Меншиковские чтения 2006: Материалы чтений. СПб., 2006.
- Тарле Е. В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.
- Тимченко-Рубан Г. И.* Первые годы Петербурга: военно-исторический очерк. СПб., 1901.
- Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев. Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. / Под ред. А. З. Мышлаевского. СПб., 1898.
- Филимон А. Н.* Яков Брюс. М., 2003.
- Шарыткин Д. М.* Русские дневники шведов — полтавских пленников // Восприятие русской культуры на Западе: Очерки. М., 1975.
- Шебалдина Г. В.* Шведские военнопленные в Сибири: первая четверть XVIII века. М., 2005.
- Широкоград А. Б.* Северные войны России. М., 2001.
- Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. М., 1995.
- Яковлева Т. Г.* Иван Мазепа. М., 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава I. ОТ НАРВЫ ДО ПОЛТАВЫ	10
Глава II. ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ЕГО АРМИЯ	41
Глава III. ПОХОД КАРЛА XII В РОССИЮ	66
Глава IV. БИТВА, В КОТОРОЙ РОДИЛАСЬ ИМПЕРИЯ.....	91
Глава V. СПОДВИЖНИКИ КАРЛА XII.....	130
Глава VI. РОССИЙСКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ – КУЗНЕЦЫ ПОЛТАВСКОЙ ПОБЕДЫ.....	146
Глава VII. ПОЛТАВСКОЕ СРАЖЕНИЕ В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ РОССИЯН.....	198
Глава VIII. ПЕТР I И ПОЛТАВСКАЯ БИТВА.....	224
Глава IX. ВНУТРЕННИЙ ФРОНТ ЦАРЯ ПЕТРА.....	238
Глава X. ГЕТМАН И. С. МАЗЕПА И КОРОЛЬ КАРЛ XII	265
ЭПИЛОГ.....	316
ХРОНОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ 1700–1721 гг. (по старому стилю).....	323
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	326

Владимир Викентьевич Лапин

Полтава – российская слава
Россия в Северной войне 1700–1721 гг.

Корректор *О. Потанина*
Компьютерная верстка *Л. Филосовой*
Оформление обложки *В. Дюкорева*

Подписано в печать 18.06.09. Формат 60х90 $\frac{1}{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 20,75. Тираж 1000 экз. Заказ № .

Издательство «Нестор-История»
197110, СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел.: (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
СПб., ул. Розенштейна, д. 21
тел.: (812)622-01-23